

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1979 ГОД

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Редакционная коллегия:

*М. П. Алексеев, В. Г. Базанов, В. Н. Баскаков,
Н. В. Измайлов, К. Д. Муратова*

Ответственный редактор

К. Д. Муратова

Е $\frac{70202-550}{042(02)-81}$ 474.81.4603010101.

© Издательство «Наука», 1981 г.

І. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

И. М. Юдина, Л. Н. Иванова

АРХИВ АЛЬМЕДИНГЕНОВ

(ИЗ ИСТОРИИ ДЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ)

1

В 1880 г. детская писательница Екатерина Алексеевна Сысоева (урожд. Альмединген, 1829—1893) получила предложение от писательницы, общественной деятельницы и публицистки Марии Константиновны Цебриковой (1835—1917),¹ состоящей под надзором полиции, взять в свои руки журнал «Воспитание и обучение» (СПб., 1877—1880). В создании этого журнала Цебрикова принимала самое близкое участие.² Сысоева с радостью сообщила об этом предложении своему племяннику Алексею Николаевичу Альмедингену (1855—1908), который стал ее соредактором.³

Для конца XIX столетия был характерен повышенный интерес к педагогическим вопросам. Возникали специальные журналы, посвященные вопросам воспитания и обучения подрастающего поколения.⁴ Советы по воспитанию содержались в особых приложениях к ряду периодических органов.⁵

¹ См. о ней: Могилянский А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой. — Русская литература, 1971, № 1, с. 102—111; Ильин В. В. М. К. Цебрикова на Смоленщине. — Там же, 1978, № 4, с. 140—144.

² Ранее, в 1866—1876 гг., журнал носил заглавие «Детский сад». В 1877—1880 гг. издателем журнала «Воспитание и обучение» являлся близкий знакомый Цебриковой — А. Н. Попов, редактором — Н. А. Белозерская.

³ См. о нем: Родник, 1906, № 23—24 (юбилейная книжка), с. 3.

⁴ Например, «Семья и школа» (СПб., 1871—1888), «Женское образование» (СПб., 1876—1891), «Педагогический музей» (СПб., 1875/1876—1880), «Земская школа» (СПб., 1881), «Записки учителя» (М., 1881—1885) и др. Работа в области педагогической периодики завершилась созданием пользующихся большой популярностью журналов — «Вестник воспитания» (М., 1890—1918) и «Русская школа» (СПб., 1890—1918).

⁵ См., например, издаваемые в качестве приложения «Педагогический листок „Задушевного слова“» (с 1887 г.), «На помощь матерям» (с 1894 г. к журналу «Игрушечка»).

В неразрывной связи с вопросами педагогики возник вопрос о детском чтении, о необходимости создания новых журналов, специально предназначенных для детей. Это была по существу новая область в деле художественного и общеобразовательного воспитания. Детская периодика 80-х годов насчитывала лишь несколько журналов, выходивших длительное время: «Детское чтение» (М., с 1869 г.), «Задушевное слово» (СПб., с 1877 г.), «Игрушечка» (СПб., с 1880 г.). Создаваемые новые детские издания оказывались недолговечными. Всего несколько лет просуществовали «Мой журнал» (СПб., 1885—1890), «Журнал для детей» (СПб., 1886—1890), «Юная Россия» (СПб., 1884—1887), «Друг детей» (М., 1887—1888).

Не был достаточно определен сам тип журнала. Издатели порою объединяли и детский, и педагогический отделы. Существующая печать была рассчитана на детей из обеспеченных семей. Предстояло создание нового типа периодического издания, ориентированного на более широкую социальную среду. Е. А. Сысоева и А. Н. Альмединген внесли немалый вклад в становление детской демократической периодики.

Сысоева была не только довольно известной детской писательницей,⁶ но и пользующимся авторитетом переводчиком. Переводила она, по словам писателя В. П. Авенариуса, «с редкой легкостью».⁷ О Сысоевой как хорошем переводчике отзывался редактор журнала «Дело» Г. Е. Благодетель. «Иногда Вы своевольничаете относительно оригинала, — писал он ей 28 марта 1875 г., — но Ваше своеволие поправляет его. Вы напомнили мне моего старого, давно умершего друга, Введенского,⁸ который, переводя „Домби и сын“ Диккенса, ужасно волновался. Раз я застал его плачущим над сценой смерти Домби и упрекнул его в сентиментальности. „Не могу не плакать, — говорил Введенский, — вот в третий раз принимаюсь за перевод и слезы душат меня“. И он перевел эту сцену лучше оригинала. Теперь такие переводчики только в воспоминании существуют. В нашей литературной палате все спешат писать и писать, не различая зерна от мякины. Вот почему Вы и доставили мне часа два хорошего расположения духа <...> Кроме Вас я никого не желал бы иметь в „Деле“ переводчиком».⁹

Сысоева переводила с английского, французского и немецкого языков. В ее личном архиве хранятся рукописи переводов про-

⁶ Наиболее известны книги Сысоевой: Очерки и рассказы. Книга для юношества. СПб., 1877; История маленькой девочки. СПб., 1879; Жизнь Гарриет Бичер-Стоу. СПб., 1892.

⁷ А вен а ри ус В. П. Как я стал детским писателем. — Родник, 1906, № 23—24 (юбилейная книжка), с. 16.

⁸ Речь идет об известном переводчике и историке литературы И. И. Введенском (1813—1855).

⁹ ИРЛИ, ф. 260 (фонд Альмедингенов), № 13. (Далее номер этого фонда и единица хранения даются в тексте статьи).

изведений: «Бедный Джози. История умного скворца», «Кто украл банковые билеты?» и «История маленького оборвыша» (начало) Дж. Гринвуда, «Долг» С. Смайльса, «Философ на чердаке» Э. Сувестра (обработка Сысоевой для юношества), «Спидетская императрица» П. Гейзе и др. В созданном ею журнале «Родник» она выступала как писательница и переводчица.

Племянник Сысоевой А. Н. Альмединген окончил в 1875 г. военное училище и после недолгой службы в Кронштадте был переведен в Петербург, где служил в Главном артиллерийском управлении. Но это его не удовлетворяло. В течение двух лет он посещал в качестве вольнослушателя лекции в университете по гуманитарным наукам и высшей математике и лекции по медицине в С.-Петербургской медико-хирургической академии. Скромное офицерское жалование вынуждало Альмедингена давать уроки, это раскрыло его талант педагога. У него возникает мечта о создании детского журнала демократического направления.

Реорганизация журнала «Воспитание и обучение» совпала с другим важным событием в жизни Альмедингена: в августе 1882 г. он поступил в Военно-юридическую академию. В 1891 г. он вновь вернулся в Главное артиллерийское управление, где и прослужил заведующим судным отделением до конца своих дней. По свидетельству его дочери Натальи, он беспрестанно работал здесь «над проектами различных реформ, большую часть совсем не касающихся его прямого дела».¹⁰ Служба сочеталась у Альмедингена с увлеченной работой по созданию детских журналов.

Осенью 1882 г. Альмединген женился на своей троюродной сестре Екатерине Николаевне Сысоевой (род. 1853), которая стала также принимать горячее участие в издании журналов. После смерти Е. А. Сысоевой Альмединген возглавил журналы. С начала 1900-х годов его деятельной помощницей, а затем редактором стала дочь Наталья (в замужестве Тумим, 1883—1943). С 1912 г. в качестве соредактора выступила ее сестра Татьяна (1885—1942).

Таким образом, три поколения семьи Альмедингенов трудились над созданием детской периодики конца XIX—начала XX в.

¹⁰ См.: Альмединген Н. А. А. Н. Альмединген. Биографический очерк. — Родник, 1909, № 3, с. 424. В архиве Альмедингена сохранились составленный им проект реорганизации Главного артиллерийского управления (1905) и связанные с этим материалы (ф. 260, № 274). В январе 1906 г. Альмединген был принят в число членов-учредителей газеты «Военный голос». Среди сохранившихся материалов письмо к нему редактора-издателя газеты В. К. Шнеура, расписки, векселя и сообщение о прекращении издания в том же 1906 г. по распоряжению петербургского градоначальника (ф. 260, № 278).

Журнал «Воспитание и обучение» состоял из двух отделов — для педагогов и детского чтения. Первый включал педагогические статьи, обзоры, отзывы о последних педагогических изданиях, педагогическую хронику. Второй отдел скорее напоминал приложение; он выходил двумя томами в год,¹¹ которые рассылались подписчикам по частям при отдельных номерах педагогического отдела. В каждой части публиковалось либо одно большое произведение, либо несколько мелких. Круг авторов был узок. В 1880 г. отдел для детского чтения стал выходить в виде ежемесячных выпусков. Внешний вид выпусков был непривлекателен; серая обложка и почти полное отсутствие иллюстраций вряд ли могли привлечь юных читателей. С приходом в журнал в 1881 г. Сысоевой и Альмедингена отдел для детского чтения резко преобразился: в нем возникает несколько разделов, появляются художественно оформленная обложка и значительное количество иллюстраций. Через год отдел становится самостоятельным журналом и получает заглавие «Родник», а «Воспитание и обучение» (педагогический отдел) превращается в его приложение.

При разработке программы «Родника», рассчитанного на детей старшего возраста, Сысоева и Альмединген опирались на опыт журнала «Детское чтение», редактором которого в 1877—1884 гг. был известный педагог В. П. Острогорский. Вместе с тем «Родник» не стал повторением своего предшественника, обнаружив с самого начала свое лицо.

Редакторы хотели сделать новый журнал маленькой энциклопедией для детей,¹² и это выразилось в специфическом подборе материалов. В его первый номер помимо художественных произведений вошли «Очерки из истории России. (Как жили наши предки)» Н. А. Белозерской, «Богатырство Киевское» В. П. Авенариуса, «Наше житье. (Деревня, волость, стан, уезд)» В. М. Сорокина, редакционная заметка «Русский человек — художник» и др.

Главное достоинство молодого журнала состояло в стремлении возбудить интерес к жизни народа, его славному прошлому и его настоящему. При этом редакция не замалчивала существующего неравенства, наличия «богатых» и «бедных».

Журнал систематически знакомил юных читателей с произведениями как русских, так и зарубежных авторов в переводах Н. А. Жаринцевой, С. А. Свириденко, самой Сысоевой. Переводились произведения Ж. Верна, А. Доде, Ж. Санд, Р. Киплинга, М. Твена и многих других. Здесь печатались также статьи и очерки, посвященные историческим легендам и сказаниям «всех

¹¹ Один том для старшего возраста, второй — для младшего.

¹² См. редакционную заметку «Для родителей и воспитателей»: Родник, 1886, № 3 (вклейка).

стран и народов» («Из истории и сказаний древних народов. (По Геродоту и Титу Ливию)» И. И. Феокистова (1886), «Сказания об исчезнувших городах» П. В. Засодимского (1888), «Первые походы в Хиву» К. К. Абазы (1888—1889), «Финские руны» (1887) и др.).

Географические и этнографические очерки «Родника» знакомили детей не только с «заморскими странами», но и с их необъятной родиной, в том числе с жизнью ее национальных меньшинств (таковы, например, очерки «По Волге» А. П. Мунт и Е. Н. Альмединген (1883), «Ташкентский уличный мальчик» А. Каменского (1886), «Киргизы» К. В. Ельницкого (1887), «На Русском Севере» Н. Крыловой (1888) и т. д.).

Желая внушить детям и подросткам уважение к «людям труда и упорной воли», редакторы ввели в журнал раздел «Биографий».

Стараясь придать своему журналу облик, напоминающий «взрослую» периодику, что было нехарактерно для других детских журналов (см., например, «Задушевное слово»), редакторы ввели в «Родник», помимо перечисленных отделов, также отдел «Из современной жизни», в котором освещались интересные события данного года, помещались некрологи или юбилейные статьи, посвященные писателям, и т. д.

Широта поставленных задач и демократическая направленность журнала сразу же привлекли к себе внимание. Делясь своими впечатлениями о первой книжке «Родника», общественная деятельница, руководительница харьковской воскресной школы Х. Д. Алчевская (урожд. Журавлева) писала 19 марта 1882 г. Сысоевой: «Думаю, что найдутся люди, которые упрекнут Вас в тенденциозности, которые скажут, что цель Ваша воспитать „народолюбцев“, а я думаю, что именно эта тенденциозность, если можно так выразиться, и дорога в Вашем журнале, он не безличен, как многие другие, он имеет свою собственную физиономию, он честно и откровенно с 1-го № выясняет свое честное направление, представляя собою именно тот чистый и живительный „Родник“, воды которого не отравят своей тлетворной влагой незлобивой души ребенка». Алчевскую радует не только содержание, но и оформление журнала. «Прежде всего, — пишет она, — „Родник“ поражает своей художественной внешностью. Подобного издания не было до сих пор в России (за исключением книги «Родные отголоски» <...> и еще нескольк<их> книг).¹³ Как-то делается весело на душе при мысли, что и у нас появляются издания, не уступающие заграничным, что и у нас признано воспитательное значение художественных рисунков для

¹³ Имеется в виду книга: Родные отголоски. Сборник стихотворений русских поэтов с рисунками И. Панова, гравированными Паннемакером. (Для юношества). Париж—СПб., изд. П. Полевого, 1876.

детей вместо прежних чуть не лубочных картинок» (ф. 260, № 11).¹⁴

Алчевская и в дальнейшем следила за деятельностью журнала и отзывами о нем. Так, в письме от 18 апреля 1884 г., сообщая Сысоевой о своей встрече и беседе с Л. Н. Толстым о детской литературе,¹⁵ Алчевская приводит слова писателя: «... дети мои читают „Родник“, и я сам считаю его лучшим детским журналом, несравненно выше „Детского отдыха“¹⁶ и других» (ф. 260, № 11).

За журналом следили не только педагоги, писатели и общественные деятели, но и ученые. Так, академик Я. К. Грот в первом письме к Сысоевой (1882) давал совет, что следует перевести для «Родника», а во втором (1883) говорил: «Вы ищите идеалов в русской истории: позвольте назвать несколько имен и сочинений, которые могут послужить Вам указаниями, намеками или материалами в Ваших поисках»; здесь же он перечислил ряд имен русских деятелей начиная с XVII столетия (ф. 260, № 24).¹⁷

Работа по созданию нового типа детского журнала, преследующего широкие социально-образовательные цели, сопровождалась в конце XIX—начале XX в. горячими спорами о том, какой должна быть сама детская литература. Одни авторы считали, что для детей следует избирать особый круг тем и что следует выработать особый, близкий к «детскому» язык. Другие считали, что для детей следует писать так же, как и для взрослых, но с учетом возрастных особенностей читателей. На споры эти в какой-то мере откликнулись А. П. Чехов и В. Г. Короленко, но особенно важны они были для писателей, специально пишущих для детей.

Сысоева и Альмединген считали, что «та детская литература хороша, которая интересна и взрослому», и что детская литература не должна снижать требований художественности.

А. В. Круглов писал Альмедингену в 1906 г.: «„Специально“ детских рассказов и я не признаю. И я пишу для детей так, как и для взрослых. Вы, вероятно, знаете мои книги „Литература маленького народа“.¹⁸ Я достаточно ясно выразил мои взгляды на

¹⁴ Письма (31) Х. Д. Алчевской к Е. А. Сысоевой (1882—1889) содержат ценный материал о культурной жизни провинции, о самоотверженной работе в сумрачные восьмидесятые годы сельской интеллигенции, верящей в будущее русского народа.

¹⁵ Более подробно беседа с Толстым изложена в кн.: Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912, с. 103—117.

¹⁶ «Детский отдых» (М., 1881—1907) — ежемесячный иллюстрированный журнал для детей, издававшийся в 1881—1887 гг. Н. А. Истоминой.

¹⁷ Среди корреспондентов Е. А. Сысоевой были также: М. Н. Богданов 5 (1886—1887), А. П. Валуева (урожд. Мунт) 2 (1890, 1891), А. С. Вирениус (б. д.), В. И. Водозовов 2 (б. д.), А. Г. Достоевская (1886), Н. Н. Каразин (б. д.), А. В. Круглов 21 (1881—1884), Г. А. Мачтет (1880-е гг.), В. П. Острогорский 2 (1890, 1891), Г. Спенсер (1878) и др. Всего 32 корреспондента.

¹⁸ Имеется в виду книга А. В. Круглова «Литература маленького народа» (вып. 1—2. М., 1892—1893), посвященная проблемам детской литературы.

детскую» литературу, и эти взгляды одобрены многими «... Моя 28-летняя деятельность на поприще детской» литературы» тоже самоговорящий факт «...» Книжки расходятся во многих изданиях. Книжки любимы детьми. Поэтому я считаю себя также авторитетным в деле решения, что надо детям» (ф. 260, № 157).

Автор статьи о «Роднике» справедливо пишет, что на страницах детских журналов «развернулась борьба за реалистическую детскую литературу как большое искусство для детей».¹⁹

Некоторые писатели полагали, что детям следует показывать преимущественно светлые стороны жизни и идеализировать героев, другие призывали к правдивому знакомству детей с окружающей их действительностью. В этом плане весьма характерно письмо М. К. Цебриковой, посланной в начале 1895 г. Альмедингену рассказ «Свистулька». Он был отдан ею ранее в «Детское чтение», но новый редактор журнала Д. И. Тихомиров потребовал от автора переделки рассказа. «Надо было, — говорится в письме Цебриковой, — старших сделать пайныками «...» Я же держусь всегда образцов английской детской литературы, которые не боятся детям показывать — конечно, в известной мере — настоящих людей. И это не подорвет основы в детях. Английские дети — я хорошо знала, были и товарищи детства, — более самостоятельны и в то же время более дисциплинированы и дельнее наших в лучшем смысле слова. Отец мой, человек старого века, не боялся подрыва почтения в детях, когда давал читать Митрофанушку и «*И нрзб.*» Простаковых. Было возражение из „Детского» «чтения»“ против вмешательства предводителя, но я нахожу, что недурно дать детям понятие об общественных отношениях. В школах Австрии, я слышала своими ушами, толкуют 12-летним» девочкам о конституции, а у нас нельзя упомянуть о дворянском выборном «...» При нынешнем оскудении мысли и идеобоязни я нахожу, что надо учить детей думать. Кроме того, дети всегда интересуются и в действительной жизни теми сторонами, которыми жизнь взрослых соприкасается с детской, конечно, не в смысле поучений, наград и наказаний, до смерти надоевших им» (ф. 260, № 257).²⁰ Этому же вопросу посвящено письмо Цебриковой от 11 марта 1895 г.

В первые годы в «Роднике» сотрудничали В. П. Авенариус, Н. А. Белозерская, М. Н. Богданов, Н. Н. Каразин, М. К. Цебрикова и др. Редакторы стремились привлечь в журнал и крупных писателей. На страницах «Родника» публиковал свои стихотворения Я. П. Полонский. В 1887 г. (№ 7) в нем была напечатана сказка В. М. Гаршина «Лягушка-путешественница».

¹⁹ Свиридова З. И. О журнале «Родник». (К пятидесятилетию со дня смерти его редактора — А. Н. Альмедингена). — Труды Ленингр. библиотечного ин-та, 1959, т. V, с. 371.

²⁰ Рассказ «Свистулька» был опубликован в «Роднике» (1897, № 3, 4; под псевдонимом: М. К. Николаева), по-видимому, в первоначальной редакции.

В 1886 г. в «Роднике» (№ 2) появился в сокращенном виде рассказ В. Г. Короленко «В дурном обществе» под названием «Дети подземелья». В примечании сообщалось, что сокращение это сделано с разрешения автора и под его редакцией. 8 марта 1886 г. Х. Д. Алчевская писала Сысоевой: «Несколько учительниц воскресной школы читали переделку в „Роднике“ „В дурном обществе“ и в восторге от этой переделки» (ф. 260, № 11). В конце 1886 г. Сысоева обратилась к Короленко с просьбой специально написать или же пересказать что-нибудь для читателей «Родника», на что тот ответил 29 декабря: «...меня <...> берет робость перед самой задачей писать для Вашей юной публики. Тут нужно особое умение: нужно, мне кажется, не просто приспособлять слог и изложение (это, быть может, достаточно было бы для пересказа), но самому проникнуться этой детски-чистой простотой, безыскусственностью и прямодушием <...> Мне очень приятно видеть, что Вы находите меня способным к такой работе <...> Мысль об опыте пересказа мне очень понравилась, и, отделившись от ближайших тем, я постараюсь ею заняться» (ф. 260, № 33).²¹ Однако это намерение не было осуществлено.

На приглашение работать в «Роднике» ответил согласием и А. П. Чехов, уделявший в своем творчестве большое внимание психологии ребенка. Сохранились два его письма к Сысоевой (1887, 1888).²² «Я рад поработать для детей, — писал он 7 ноября 1887 г., — в свободный час попробую себя на новой специальности». Чехов не стал сотрудником «Родника», но благодаря его «протекции» в нем стала печататься М. В. Киселева (урожд. Бегичева). Начало этому сотрудничеству положила публикация ее рассказа «Ларька-Геркулес» (Родник, 1888, № 3).

С «Родником» под редакцией Сысоевой был связан Д. Н. Мамин-Сибиряк, опубликовавший в нем сказку «Елка» (1887, № 12).

3

После смерти Е. А. Сысоевой А. Н. Альмединген продолжал издание «Родника» по старой программе, не углубляя, однако, того, что Алчевская называла ранее «народолюбием».

В 1900-е годы журнал состоял из следующих отделов: Беллетристика; Биографические очерки; История, география, этнография, путешествия, естествознание; Современная жизнь; Смесь.

²¹ Письмо опубликовано В. П. Вильчинским в кн.: О литературе для детей, вып. 3. Л., 1958, с. 277—278.

²² См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 2. М., 1975, с. 145; т. 3. М., 1976, с. 51. Три письма Сысоевой к Чехову (1887—1888) хранятся в Гос. Библиотеке им. В. И. Ленина. Письмо от 20 октября 1888 г. опубликовано в «Полном собрании сочинений и писем» Чехова (Письма, т. 3, с. 339).

Из крупных писателей в конце века в «Роднике» сотрудничали Д. В. Григорович, К. М. Станюкович, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др.

Большой интерес представляют 23 письма К. М. Станюковича (1894—1896), посвященные в основном работе над повестью «Вокруг света на „Коршуне“» (Родник, 1895, № 1—11; 1896, № 7—12). В первом письме, от 12 июля 1894 г., Станюкович сообщает, что после знакомства с Альмедингеном «решил привести в исполнение давно задуманное намерение — дать картинки или очерки морской жизни специально для детей» и что с удовольствием поместит их в «Роднике», который привык уважать как лучший из детских журналов.²³

После начала публикации повести Станюкович писал (2 декабря 1895 г.), как накануне его чествовали у Д. И. Тихомирова: «Много народа. Литераторы, профессора. Москва любит есть и говорить речи, а потому мне, вероятно, и Тихомиров,²⁴ и Гольцев²⁵ говорили приветствия уж чересчур лестные, к которым я, как петербуржец, отнесся не без скептицизма. Между прочим, и „Коршун“ фигурировал в речи Дмитрия Ивановича. Просто совестно. Но москвичи слишком впечатлительны и снисходительны» (ф. 260, № 236).

Иллюстрирование повести Станюковича было поручено известному иллюстратору того времени — Е. П. Самокиш-Судковской. Она не была знакома с морской жизнью и просила Альмедингена прислать материалы, которые помогли бы ей изобразить незнакомую среду. «Без матерьялов, спеша, — писала художница, — не могу сделать верное воспроизведение той эпохи» (ф. 260, № 221). Станюкович откликнулся на просьбу Самокиш-Судковской присылкой ряда фотографий, но они мало помогли ей. Писатель был недоволен ее рисунками. В письме 1895 г. художница просит Альмедингена не пересылать ей далее писем Станюковича: «Неприятно читать „авторские резкости“, как Вы назвали, тем более зная, что автор не предполагал их адресовать мне. Тем более неприятно, что автор повести видел все, что он описывает, и удивляется некоторым неточностям, которые появляются в моих рисунках, я же должна их рисовать, тоже сочинять, — не выдав ничего и имея самые неточные материалы, т<ак> к<ак> фотографии, которые я получила, современные, а повесть относится к 64-му году; притом строение „Коршуна“ и „Памяти Азова“ на палубе и в подробностях иное и придумать,

²³ Письмо частично опубликовано в кн.: Станюкович К. М. Собр. соч. в 6-ти т., т. 2. М., 1958, с. 703; здесь же (с. 704) приведены выдержки из недатированного письма (предположительно июль—август 1895 г.) и из письма от 7 октября 1895 г.

²⁴ Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915) — известный педагог и деятель в области народного образования.

²⁵ Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — литературный критик, один из руководителей журнала «Русская мысль».

даже по описанию, устройство техническое очень трудно. Мундиры, фуражки — все теперь другое» (ф. 260, № 221).

Письма Станюковича свидетельствуют о дружеском, теплом отношении писателя к Альмедингену и его семье. В письме от 2 декабря 1895 г. Станюкович сообщает, что, вернувшись в Москву, написал рассказ «Пожар на корабле» для «Всходов»²⁶ и посвятил его Тане Альмединген. А в недатированном письме, относящемся к концу того же года, он просит на свободной странице после шмуцтитула отдельного издания «Коршуна» набрать следующее посвящение автора: «Первую свою детскую книгу посвящаю глубокоуважаемому Алексею Николаевичу Альмедингену». О теплых чувствах к Альмедингену свидетельствует и письмо от 29 февраля 1896 г. Посылая свою только что вышедшую книгу «История одной жизни», Станюкович писал: «Дорогой Алексей Николаевич. Знаю и чувствую, что нас связывает взаимная симпатия. Не раз испытал Ваше участливое отношение к моим делам. Вижу, что Вы честный и добросовестный редактор и необычайно сердечный и деликатный человек, — так что же Вы удивляетесь, что я приезжал в Петербург исключительно для того, чтобы позвать Вам руку и поздравить Вас»²⁷ (ф. 260, № 237).

Дружеские и творческие контакты осуществлялись и в последующие годы. В 1898—1901 гг. Станюкович опубликовал на страницах «Родника» сказку «Мальчик и желтогрудка», повесть «Похождения одного матроса», рассказ «Певец».

Любопытно письмо цензора А. А. Елагина от 22 декабря 1898 г. Речь в нем идет об одном из не пропущенных цензурой «Морских рассказов» Станюковича, отданных в «Родник». «Рассказ Станюковича, рисующий нравы „доброе старое время“ в нашей военно-морской среде, — писал цензор Альмедингену, — представляется, по моему мнению, совершенно непригодным для подцензурного журнала, а тем более детского (хотя бы и для старшего возраста). При всем желании не могу его пропустить, несмотря на всю симпатию к Вашему изданию» (ф. 260, № 120).

Активным сотрудником «Родника» являлся сын Л. Н. Толстого — Лев Львович (псевдоним — Л. Львов), дебютировавший в журнале рассказом «Монте-Кристо» (1891, № 4). В архиве хранятся его письма (1891—1906) в редакцию журнала (49) и к Альмедингену (40).²⁸ Письма к последнему представляют интерес главным образом благодаря упоминаниям об отце.

19 сентября 1897 г., в период работы над воспоминаниями из детства «Яша Полянов», Л. Л. Толстой писал: «... спешить я не могу, так как не одно дело, а для писания нужно, кроме того, на-

²⁶ «Пожар на корабле» напечатан в № 1 журнала «Всходы» за 1896 г.

²⁷ 23 февраля у Альмедингена был день рождения.

²⁸ В архиве Л. Л. Толстого хранятся ответные письма А. Н. Альмедингена (ф. 303, № 119).

строение. Много занят хозяйством и постоянно отрывают. Детство, конечно, будет не автобиография точная и в то же время не выдуманное. Иначе и не может быть. С „мамá“ и „папá“ делайте как хотите, хотя я оставляю по-моему. Об отце не будет больше, чем о других, т. е. сколько выйдет. Спасибо еще раз за внимательное отношение и добрые советы к моей рукописи» (ф. 260, № 243).

22 ноября 1897 г. Лев Львович сообщал: «Нынешнюю осень живет с нами в Ясн<ой> Полк<яне> отец и, мож<ет> быть, проведет здесь всю зиму. Он ходит к нам обедать, а живет отдельно в большом доме в двух комнатках. Когда-нибудь проездом заезжайте в Ясную, буду очень рад принять Вас и показать наши места».

В письме от 4 декабря 1897 г. снова идет речь о «Яше Полянове»: «Мне до боли жаль выпусков цензуры. Хотя я не думаю, чтобы она была мной недовольна. Без реализма в наши дни и открытого названия вещей своими именами, особенно же детям, которые не терпят притворства, — нельзя. Пожалуйста, похлопочите за возможное сохранение общего смысла <...> Относительно фотографий. Я подумал было прислать Вам, но раздумал. Кого же присылать? Не мою же фотографию и отца? А дом и двор не стоит».

В недатированном письме (после 28 августа 1898 г.) Л. Л. Толстой говорил, что в Туле отмечался юбилей Льва Николаевича. В ноябре того же года он писал: «Отец на днях читал Ваш „Родник“, сидя у себя в кабинете. Я указал ему на описание Явы Зандера,²⁹ он же от себя прочел еще переведенный рассказ Джакобса³⁰ и получил от „Родника“ настолько хорошее впечатление, что, соглашаясь с моим мнением, сказал: „в самом деле журнал премило составлен“. Вот Вам и приятность, может быть, да и наверное даже».³¹

В письме Л. Л. Толстого от 4 июля 1901 г. читаем: «Мы жили прекрасно весь май с моими стариками и даже жаль расставаться с ними». 17 июля того же года Лев Львович сообщал о своем отъезде из Ясной Поляны: «С отцом прощался страшно трогательно, точно навсегда. Мы оба плакали и объяснялись в любви. Как мне это дорого было, что, когда вспомню, горло сжимается. Бедный старик сильно заболел, была телеграмма, что плохо, но

²⁹ Речь идет об очерке А. Л. Зандера «Два дня среди факиров» (Родник, 1898, № 1).

³⁰ Имеется в виду рассказ Вильяма Уаймарка Джэкобса «Розина и Голлис», опубликованный без указания автора (Родник, 1898, № 1).

³¹ Кроме названного в отдел беллетристики этого номера вошли «Яша Полянов. (Из воспоминаний детства)» Л. Л. Толстого и «Дорогой камень» Д. Н. Мамина-Сибиряка. В архиве Альмедингенов сохранились 4 письма Мамина-Сибиряка (ф. 260, № 176), одно из них, от 10 марта 1893 г., опубликовано (Русская литература, 1966, № 3, с. 186).

последняя, что опять нет опасности. Слава богу. Пусть живет, сколько можно еще».

Зная о добром расположении Л. Н. Толстого к «Роднику», Альмединген, готовя в 1906 г. юбилейный номер, обратился к нему через свою дочь Наталью³² с просьбой написать для журнала по случаю его 25-летия хотя бы «несколько слов к русскому юношеству».³³ 17 августа Толстой ответил Н. А. Альмединген, что «очень бы желал» исполнить ее просьбу, но обещать не может: «... работы становится все больше и больше, а сил все меньше и меньше. А хотелось бы сказать несколько слов нашим читателям, юношам вообще. Если удастся сделать, то пришлю вам».³⁴ 21 ноября 1906 г. в его дневнике появилась запись: «Вчера написал для „Родника“ „К юношам“». Порядочно».³⁵ 3 декабря Толстой приложил к статье сопроводительное письмо с выражением сожаления, что не успел послать ее раньше: «Очень рад буду, если она Вам пригодится».³⁶ Однако статья не была отправлена и через год появилась в газете «Русское слово» (1907, № 297, 28 декабря) под названием «Верьте себе».

В «Роднике» активно сотрудничали С. Д. Дрожжин, И. А. Белоусов и многие другие авторы, пишущие для взрослых. В нем были опубликованы рассказы А. И. Куприна «Цветы» (1905, № 19) и «На хуторе» (1906, № 2). Его письма к Альмедингену (3 письма, 1905—1906 гг.) связаны с публикацией этих произведений. Переписке предшествовала записка Куприна к П. Д. Маньчу,³⁷ относящаяся, очевидно, к концу марта—началу апреля (до 9-го) 1905 г.:

«Милый, дорогой Петр Дмитриевич!

Брешко-Брешковский³⁸ говорил мне о „Роднике“. Конечно, в этот журнал я рад дать, и тем более, у меня есть 2 вещицы. Простите, что еще раз злоупотребляю Вашей ангельской добротой: устройте их. Думаю, что 150 <руб.> с листа — немного. Поговорите с г. Альмедингенком; не согласится ли он рассчитать

³² Н. А. Альмединген является автором воспоминаний «Два дня в Ясной Поляне» (Родник, 1911, № 2). А. Доброхотов писал в своей заметке «Бесхитrostные воспоминания о Л. Н. Толстом»: «Воспоминания Н. А. Альмединген представляют еще особое значение в том, что автор их был в Ясной Поляне за два дня до мирового в историческом смысле ухода Толстого из Ясной Поляны» (Оренбургский край, 1914, 3 марта). Об этом посещении см. также: Толстая С. А. Дневники. 1901—1910. Т. 2. М., 1978, с. 224—225.

³³ О письме П. А. Альмединген от 9 августа 1906 г. см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 55. М., 1937, с. 575.

³⁴ Там же, т. 76, с. 186.

³⁵ Там же, т. 55, с. 276.

³⁶ Там же, т. 76, с. 253.

³⁷ Маньч П. Д. (ум. 1918) — литератор и журналист, близкий товарищ Куприна.

³⁸ Имеется в виду Н. Н. Брешко-Брешковский (р. 1874) — писатель и критик, сотрудничавший в «Роднике».

приблизительно вперед и выдать деньги. Эту сторону тоже возьмите на себя. Тут неск^олько> более 1/2 листа. Все-таки зайдите и нынче вечером. У меня обычная ангина и 48 градусов жару.

Ваш А. Куприн.

Р. С. Рассказы прилагаю при сем» (ф. 260, № 528).

Судя по второму письму Куприна к Альмедингену (после апреля 1905 г.), предполагалось напечатать в «Роднике» и повесть «Кадеты». Однако публикация не состоялась.³⁹

«Родник» сыграл роль и в литературной судьбе М. М. Пришвина. В 1906 г. (№ 11—12) здесь был опубликован его первый рассказ «Сашок».

Не снижая заботу о литературном отделе «Родника», Альмединген обратил особое внимание на научно-популярные разделы журнала. Подчас они в целом оказывались содержательнее отдела беллетристического. Многие видные ученые откликнулись на призыв редактора принять участие в пропаганде научных знаний среди детей. Так, профессор Д. Н. Кайгородов писал 16 октября 1898 г.: «Нынче, кажется, первый год, что ничего моего не было в „Роднике“ <...> Я мог бы дать статейку „Пятна на солнце“ — не компиляцию, а собственные наблюдения и впечатления (ведь я с прошлого лета стал и «астрономом»!)» (ф. 260, № 139). Ботаник П. Р. Фрейберг (псевдоним — П. Вольногорский) писал Альмедингену 8 декабря 1906 г. в связи с 25-летием журнала: «Большую, выдающуюся заслугу „Родника“ вижу я в том, что он первый указал на важное место, которое должны занимать естественные науки в деле образования нашего юношества, а следовательно, и в детском журнале статьям по естествознанию должно быть отведено видное место». Статьи эти, по его мнению, должны «внести струю свежего воздуха в тот обманчивый мир иллюзий и отвлеченностей, какими окружают ребенка и жизнь и школа». И «Родник», как он отмечает, «с честью выполнил эту задачу: <...> он призвал к себе на помощь солидные научные силы, справедливо полагая, что только с солидным научным багажом можно успешно работать в области популярного естествоведения» (ф. 260, № 507).

Свое сотрудничество в «Роднике» предложил политический деятель, этнограф Сибири Н. А. Виташевский (7 писем, 1900—1907 гг.). «Основательно познакомившись (1883—1896) с бытом и языком якутов, — писал он 12 сентября 1900 г., — я после участия в трудах *Сибиряковской* экспедиции (1894—1896) пробыл в течение года (1896—1897) в разведочной (золотопромышленной) экспедиции Российск^ого> золот^опромышленного> о<бще-

³⁹ Повесть Куприна «На переломе» («Кадеты») впервые была опубликована в газете «Жизнь и искусство» (1900, № 55, 56, 62—64, 67, 68, 70, 71, 74, февраль—март) под заглавием «На первых порах. (Очерки военного-гимназического быта)». Под названием «Кадеты» (с незначительными изменениями) она появилась в журнале «Нива» (1906, № 49—52).

ства, откуда вывез массу заметок этнографического характера и описание своего путешествия. Оно происходило при исключительных условиях, частью в местностях, куда не ступала человеческая нога. Мне приходилось спускаться и подыматься по порогам реки Олекмы на лодках и на пароходах, — производить маршрутные съемки, частью идя на лыжах, бросивши транспорт, почевать в самое холодное время года в палатках, кочевать с тонгусами, собирать коллекции, охотиться, описывать скалы с изображениями доисторических народов(?) и т. д.» (ф. 260, № 97).

В «Роднике» был помещен рассказ Виташевского «По тайге за золотом» (1904, № 18—23), написанный в соавторстве с Н. Я. Мануиловой. «Вы, мож(ет) б(ыть), помните меня как автора помещенного у Вас рассказа „По тайге за золотом“, — писал Виташевский Альмедингену 8 декабря 1906 г. — При разгроме редакции газ(еты) „Мысль“ я был арестован, как секретарь редакции, высидел 3 мес(яца) в „Крестах“ и теперь с разрешения Деп(артамента) полиции проживаю за границей (вместо ссылки в Тобольск(ую) губ(ернию)» (ф. 260, № 97).

Как мы уже отмечали, в первые же годы существования «Родника» редакция проявила большую заботу об эстетическом воспитании юного читателя, обратив особое внимание на изменение внешнего вида издания и появление в нем иллюстраций. Альмединген продолжал привлекать к сотрудничеству в журнале современных художников — Е. М. Бем, Е. С. Зарудную-Кавос, Е. П. Самокиш-Судковскую и др. В журнале воспроизводились картины известных русских и западноевропейских художников — А. И. Куинджи, И. И. Левитана, Рубенса, Мурильо и др. В 1900-е годы этот раздел получил наименование «Картинная галерея „Родника“».

Известный натуралист Н. Ф. Золотницкий писал Альмедингену 17 мая 1900 г. по поводу только что полученного им номера «Родника»: «За нынешний год я его еще не видал и был просто поражен его изящностью. Теперь это не только прекрасный детский журнал, но прямо художественное издание. Честь и слава Вам, многоуважаемый Алексей Николаевич. Вы обратили внимание на эстетическое развитие наших детей, на ту именно сторону детского воспитания, которою у нас как-то все пренебрегают, забывая, что она отражается не только во всех наших поступках, но даже и во всем складе нашей души. Кто с детства полюбил изящное, кто, так сказать, сроднился с ним, тому претит сделать что-нибудь грубое, грязное, у того и душа будет мягче и сердце благороднее» (ф. 260, № 136).

В 1900-х годах «Родник» начинает печатать очерки по истории искусств, рассказы о художниках («Рембрандт» Н. Казмина, «Живопись XIX века» П. Филатова и др.). Ведущим автором этого раздела стала писательница С. Н. Шиль, ей принадлежат «Одиннадцать очерков по истории русского искусства», «Итальянская живопись» (9 очерков) и др.

В первый год у «Родника» было всего 418 подписчиков. К 1886 г. число их достигло уже 3000. Д. И. Тихомиров писал Альмедингену 30 января 1895 г.: «Принимая на себя редактирование „Детского чтения“, я ставил всегда за образец Ваш „Родник“, как по направлению и подбору материала, так и по неутомимой энергии его руководителей. От всей души желаю полного процветания как Вашему журналу, так вообще и всей детской литературе и крепко жму Вашу руку, чтоб вместе, заодно, работать дорожному всем нам делу» (ф. 260, № 241).

Высокую оценку журналу давала современная печать. «После Новиковского „Детского чтения“ и Чистяковского „Журнала для детей“, — писали «С.-Петербургские ведомости» 12 мая 1897 г., — „Родник“ является самым видным представителем нашей детской журналистики и, несомненно, оставит в ней заметный след».

Репутация прогрессивного детского журнала сохранилась за «Родником» и в дальнейшем. Его плодотворная деятельность была отмечена наградами на всероссийских и международных выставках в 1904 и 1905 гг. (ф. 260, № 495).

Несомненный успех, однако, не принес «Роднику» материального процветания. Подписка не всегда покрывала расходы. Переписка редакторов отражает постоянную тревогу за судьбу созданного ими журнала.

Но несмотря на то что журнал сразу же стал бездоходным, его редакторы — Сысоева и Альмединген — не хотели ограничиться изданием одного журнала, стремясь к обслуживанию детей различного возраста.

В 1887 г. Сысоева приобрела право на издание журнала «Юная Россия» (СПб., 1884—1888), издававшегося В. В. Брей. Сысоева хотела превратить его в журнал «для маленьких детей» (ф. 260, № 585). Проект этот остался нереализованным, да и само заглавие совсем не подходило к изданию такого типа.

В 1902 г. деятель народного просвещения Г. Г. Тумим, впоследствии муж Н. А. Альмединген, предложил сделать «Юную Россию» журналом для учащихся старших классов, издаваемым в виде приложения к «Роднику». Предполагалось, что новый журнал будет в какой-то мере руководить распространяемыми в те годы рукописными журналами средних учебных заведений. Тумим хотел печатать в «Юной России» художественные произведения юных авторов и давать им оценку (ф. 260, № 585).

Тогда же, видимо, сам Альмединген разработал программу издания ежедневной газеты «для учащегося юношества» под тем же названием — «Юная Россия» (ф. 260, № 585). Однако оба проекта не осуществились. Удачное заглавие было использовано Д. И. Тихомировым, который переименовал в 1906 г. журнал «Детское чтение» в «Юную Россию».

Материальные затруднения вынудили Альмедингена искать на некоторое время соиздателя «Родника». В 1894—1902 гг. им стал Н. Н. Морев. Особенно тяжелым было положение журнала в 1905—1906 гг. 12 апреля 1906 г. Альмединген подал прошение министру народного просвещения о материальной помощи изданию. «„Родник“ не был моим только личным делом, — писал Альмединген. — За 25 лет своего существования он верой и правдой служил делу русского просвещения <...> И горькой иронией судьбы была бы гибель его теперь, в его юбилейный год, когда мы стоим на пороге всеобщего образования, на пороге общего обновления России» (ф. 260, № 643). Просьба о ссуде в 6000 рублей была удовлетворена только наполовину. С подобными просьбами Альмединген обращался и в другие инстанции.

В архиве Альмедингенов широко представлены редакционные материалы издававшихся ими журналов. Здесь хранятся: алфавитная книга адресов и телефонов сотрудников журнала «Родник»; тетрадь с редакторскими заметками о рукописях, поступивших в «Родник» в 1884—1886 гг.; тетрадь с перечнем рукописей (1582 номера), присланных в редакцию журналов «Родник» и «Воспитание и обучение» в 1892—1905 гг., с указанием даты поступления каждой из них и даты возврата или публикации; журнал регистрации исходящих из редакции «Родника» писем и отношений за 1894—1908 гг.; редакционные книги с данными о количестве подписчиков и с их адресами; заявления и жалобы подписчиков на несвоевременную присылку выписанных ими журналов.

Представлены в архиве и финансовые документы. В их числе приходо-расходные книги (20) по всем журналам Альмедингенов за 1881—1912 гг., книга регистрации авансов и гонораров сотрудников журнала «Родник» (1905—1917), гонорарные ведомости, типографские счета и т. д.

Сохранилось 42 фото сотрудников журнала «Родник», среди них портреты А. А. Бахтиярова, Н. А. Жаринцевой, Н. Ф. Золотницкого, Н. В. Казмина, К. Д. Носилова, М. К. Цебриковой, С. Н. Шиль и др.

Редакция собирала печатные отзывы о своих изданиях (ф. 260, № 492, 493).⁴⁰

В 1896 и 1906 гг. широко отмечались 15- и 25-летний юбилей «Родника». Редакцией были получены многочисленные поздравления от ряда периодических изданий и отдельных лиц: А. А. Бахтиярова, В. А. Гольцева, И. Я. Гинцбурга, Г. А. Мачтета, Вас. И. Немировича-Данченко, М. А. Пожаровой, Н. Д. Телешова, Н. А. Рубакина и многих других.

Письма в редакции журналов адресовали: Л. В. Аксенова 4 (1893—1895), А. Н. Будищев (1891), П. И. Вейнберг 3 (1895),

⁴⁰ В рекламной брошюре (О подписке на три журнала: I. «Родник». II. «Воспитание и обучение». III. «Солнышко». СПб., 1907, 32 с.) приведена часть отзывов о «Роднике» за 1906 г.

Г. И. Кулжинский (1893), Ф. Ф. Петрушевский 5 (1889—1890), В. А. Радич 5 (1890—1899), гр. В. С. Толстой (1894), А. Д. Торопов 2 (1889), А. А. Федоров-Давыдов 4 (1895—1906) и др. Среди них более 100 писем начинающих авторов, часто с приложением своих произведений, а также письма от читателей — учителей, родителей, учеников (1889—1915).

Следует указать также официальные отношения в редакции альмедингеновских журналов различных учреждений и должностных лиц на русском и французском языках (1890—1916), приветственные адреса редакции «Родника» Педагогическому музею военно-учебных заведений в день его 25-летнего юбилея (1889), В. П. Острогорскому, «писателю, педагогу и собрату по детской литературе», в день его 25-летнего юбилея (1889), и др. (ф. 260, № 497).

Наряду с подготовкой очередных номеров журнала редакция «Родника» осуществляла издание «Библиотеки „Родника“». Так, в 1887 г. вышла в свет книга «Для детей», составленная из произведений А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского и других авторов, в том числе зарубежных. В 1904—1905 гг. был издан «Сборник „Родника“ в пользу сирот воинов, павших в русско-японской войне». В архиве хранятся письма (23) к А. Н. Альмедингену авторов, желающих принять участие в этом сборнике, отзывы одного из редакторов сборника, В. П. Авенариуса, на присланные произведения, а также книги регистрации подписчиков.

5

В 1889 г. при журнале «Игрушечка» под редакцией писательницы А. Н. Пешковой-Толиверовой начал выходить журнал «Для малюток» (СПб., 1889—1912), адресованный детям от 4 до 8 лет.

К обслуживанию детей младшего возраста стремились и Е. А. Сысоева с А. Н. Альмедингеном. В 1880 г. под их руководством возникает «Читальня народной школы». «Родник» предназначался детям 10—14 лет, новый журнал был рассчитан на учеников первых классов начальных училищ. Однако недостаточность материальных средств ограничивала размах издательской деятельности Альмедингена. В 1892 г. журнал был продан Н. Н. Мореву.

Расставшись с «Читальней», Альмединген тем не менее не расстался с мыслью об издании журнала для начальных, преимущественно сельских школ. В 1904 г. он разрабатывает программу дешевого (рубль в год) ежемесячного журнала для маленьких детей — «Солнышко» и привлекает к его созданию учителя Николая Васильевича Казмина, который хотел принять участие в работе детского периодического органа. Чтобы покрыть расходы по изданию, необходимо было, по подсчетам Альмедингена, иметь не

менее 8000 подписчиков. «Едва ли столько прибудет в первом году, особенно при настоящих обстоятельствах, — писал он Казмину 28 января 1905 г. — Но все-таки попробуем!». ⁴¹ Казмин принял предложенные ему условия — составлять на первых порах номера журнала почти единолично («согласен давать ежемесячно номер в 54 000 букв за 50 рублей вознаграждения» — ф. 260, № 138). Таким образом, основным сотрудником нового издания стал опытный педагог, стремившийся знакомить детей не только с художественной литературой, но и с географией, зоологией и другими отраслями знания.

Каждый номер «Солнышка» представлял собой небольшого формата книжечку следующего состава: стихи, рассказы, сценки, сказки, былины (кроме оригинальных помещались иногда переводные стихотворения); биографии великих людей, в том числе биографии писателей с их портретами, с приведением отрывков из их сочинений; ⁴² научно-популярные статьи («Как помогают друг другу цветы и насекомые», «Как движется Земля», «О Японии и японцах», «Природа Амура-Уссурийского края», «Отчего стихи складны», «Зачем бьется сердце», «Как все тела от теплоты расширяются», «Головной мозг и его работа» и т. п.); загадки и пословицы (о труде, зле и добре); тексты песен и ноты для хорового пения (на слова А. Н. Плещеева, А. С. Пушкина, С. М. Городецкого). С середины 1906 г. был заведен отдел «Обо всем понемногу», в котором говорилось о новинках в технике, естествознании, о чествованиях писателей и т. д.

В качестве приложения к каждой книжке журнала давались (на листах большего формата) три-четыре картинки с кратким пояснительным текстом. Из них можно было составлять альбомы по отечественной истории, географии, зоологии и использовать их в качестве пособий для школьных занятий. ⁴³

Будучи основным сотрудником журнала, Казмин прибегал к псевдонимам. Собственные стихи и рассказы он публиковал от лица С. Вьюгова, под очерками о писателях стояла подпись «Н. К.», под научно-популярными очерками — подпись «М.» (см. письмо Казмина от 25 февраля 1905 г.).

Кроме Казмина, постоянными сотрудниками «Солнышка» были: Т. А. Альмединген, И. А. Белоусов, А. В. Кузнецов, Н. Н. Нович, К. Д. Носилов, М. А. Пожарова, А. Ф. Радченко, С. А. Свириденко и др.

⁴¹ См. статью Н. В. Казмина «Как родилось „Солнышко“». (Из воспоминаний об А. Н. Альмедингене) (Родник, 1909, № 3, с. 451). Об истории журнала свидетельствуют также письма Казмина к издателю (11 писем, 1904—1906 гг. и б. д. — ф. 260, № 138).

⁴² «Многого не скажешь, но лучше мало, чем ничего, тем более что о писателях не проходит даже во втором классе, и следовательно, все будет ново», — писал Казмин Альмедингену 10 марта 1905 г. (ф. 260, № 138).

⁴³ Характерно, что и журнал «Игрушечка» давал приложения, но они носили развлекательный характер.

Учитывая обстоятельства жизни и психологию читателей — сельских школьников, редакция старалась знакомить их с суровой правдой жизни. В публикуемых рассказах, биографических и научно-популярных очерках говорилось о социальном неравенстве, о горькой участи обездоленных детей. Вместе с тем постоянно подчеркивались высокие моральные качества человека из народа, его любовь к труду и талантливость. В очерках о литераторах отмечались их любовь к русской природе, озабоченность народной участью, желание видоизменить существующие порядки. Так, в биографическом очерке о Достоевском сообщалось, что, живя в Петербурге, писатель «близко сошелся с одним обществом молодых людей, которые толковали об улучшении порядков в России, читали запрещенные книги, хотели устроить типографию, чтобы печатать недозволенные сочинения о переустройстве государства <...> Все эти молодые люди были арестованы, и вместе с другими и Достоевский. Их судили и приговорили к смертной казни. Приговор этот потом был изменен: вместо смертной казни Достоевского сослали в каторжные работы».⁴⁴ Вслед за биографией был напечатан рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке». В очерке о Некрасове говорилось: «Его сердце болело за всех страдающих от несправия и бедности».⁴⁵

Как и в «Роднике», большое внимание было обращено на внешний вид журнала. Получив первый номер «Солнышка», Казмин писал 20 апреля 1905 г.: «Издание прелестно. Мне понравились все: заглавный рисунок, картинки, виньетки, шрифт, формат, бумага. Словом, милая книжечка... Между прочим, на мой взгляд, очень удачно распределение материала: рассказы и статьи расположены вперемешку, что делает книжечку живою до конца <...> Словом, лучшего издания трудно желать. И я почти глазам не верю, что мои писания удостоились такого тщательного, красивого, внушающего уважение издания» (ф. 260, № 138).

5 мая 1905 г. Казмин сообщает Альмедингену, что первый номер нравится всем: «Учителя и инспектор удивляются, что за такую дешевую цену можно давать такой изящный по изданию журнал. Приложения очень нравятся. Мысль — дать школе наглядные пособия в виде картинок — все считают очень удачной» (ф. 260, № 138).

Печать положительно встретила «Солнышко». Одобрительно отзывался о журнале и рекомендовал его учителью яснополянской церковноприходской школы Л. Н. Толстой.⁴⁶

В архиве хранятся письма учителей сельских школ, они высоко оценивали журнал и давали советы по его улучшению.

⁴⁴ Солнышко, 1907, № 7, с. 263.

⁴⁵ Там же, 1908, № 11, с. 413 (пагинация в журнале была сплошной).

⁴⁶ См.: Альмединген Н. А. Два дня в Ясной Поляне. — Родник, 1911, № 2, с. 141—162.

Распространение «Солнышка» было вначале недостаточным. В 1907—1908 г. возникла даже угроза его закрытия, но в дальнейшем положение несколько улучшилось и журнал дожил до 1918 г.

6

Из рукописей А. Н. Альмедингена в его личном архиве сохранились: черновик диссертации «О деятельности Пошехонского уездного земства по народному образованию (с 1865 по 1888 г.). По земским источникам», написанной при окончании Военно-юридической академии по курсу профессора Ф. Н. Панова (ф. 260, № 44); пьеса из военной жизни «Вопросы чести» (1905)⁴⁷ (№ 45), созданная в соавторстве с Л. Г. Ждановым (псевдоним Л. Г. Гельмана) и удостоенная одобрения на конкурсе имени А. Н. Островского;⁴⁸ черновики недатированной статьи «В память Н. И. Пирогова»; статья «Открытое письмо к русским публицистам» (1904), критикующая освещение столичными и провинциальными газетами событий русско-японской войны.

Сохранились также черновики и отпуски писем Альмедингена к Н. П. Вагнеру (б. д.), А. Н. Зеленскому (1905), Н. Н. Колубовскому (1908), В. А. Латышеву (1905), Н. Н. Мореву 2 (1892, 1895), Г. С. Петрову (1901), А. С. Суворину (1904), М. В. Ямпциковой (1905) и др. Всего 12 адресатов.

Архив содержит значительное число личных документов, позволяющих проследить биографию Альмедингена. Многие из них отражают большую общественную работу Алексея Николаевича. Редактирование детского журнала требовало не только любви к детям, но и разносторонних знаний в области педагогики и детской литературы. Альмединген изучает педагогические сочинения, наблюдает за своими собственными детьми, становится в 1884 г. учредителем, а затем деятельным членом (почти до конца своей жизни) Родительского кружка при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Сохранились протоколы заседаний, списки членов, тезисы докладов (1888—1889) (ф. 260, № 275). Вместе с некоторыми членами Родительского кружка Альмединген предпринял издание «Энциклопедии семейного воспитания и обучения»⁴⁹ под общей редакцией П. Ф. Каптерева.

⁴⁷ В архиве хранятся материалы о постановках пьесы в 1906 г., письма зрителей к Альмедингену и газетные вырезки с отзывами о постановке в театре «Неметти» (театр носил имя его основательницы — Веры Александровны Неметти) (ф. 260, № 45). Альмединген был действительным членом Союза драматических и музыкальных писателей и членом Ревизионной комиссии этого Союза (№ 279).

⁴⁸ См.: Слово, 1905, № 300, 14 ноября.

⁴⁹ Издание выходило в форме серии брошюр (СПб., 1898—1910), в основе которых лежали доклады, прочитанные в Родительском кружке.

При Педагогическом музее в 1896 г. был создан Отдел критики и библиографии детской литературы, в задачу которого входило рецензирование выходящих книг и составление библиографических указателей по различным разделам для детского чтения. Часть рецензий Альмединген печатал в своем журнале «Воспитание и обучение». В 1898 г. Отделом был подготовлен указатель «Что читать детям?» (СПб., 1898). Членами Отдела кроме Альмедингена были В. П. Острогорский, Н. А. Рубакин, М. В. Ямщикова и др. В архиве Альмедингена хранятся протоколы заседаний, списки членов, отчетный доклад о работе Отдела с 1896 по 1898 г. и другие материалы (ф. 260, № 275).

Проявляя постоянный интерес к педагогической и общественной деятельности, Альмединген в середине 90-х годов предпринял шаги по организации юношеского общества естествоиспытателей — «Маленький натуралист» («Родная природа»). Сохранились связанные с этим материалы: проект устава, подготовленный Альмедингеном, и протокол организационного собрания, состоявшегося в феврале 1895 г. в помещении редакции «Родника». В этом собрании приняли участие Н. П. Вагнер, А. С. Виренус, Д. Н. Кайгородов, Я. И. Ковальский, А. М. Никольский, Л. Я. Острогорский, Н. А. Рубакин и др. Предполагалось издание журнала «Юный натуралист».

В 1898 г. Альмединген принял самое близкое участие в организации первого в России детского общества по охране птиц, животных и природы — «Майский союз». В «Роднике» постоянно освещалась деятельность «Майских союзов», которые стали появляться во многих городах и сельских местностях. В архиве хранится ряд документов, связанных с их возникновением в Керчи и Одессе: устав союза, протоколы заседаний, объявления и т. д. (ф. 260, № 499). Детскому обществу посвящены адресованные Альмедингену письма устроительницы «Майского союза» в Елисаветине Е. Е. Вагановой (1906—1907).⁵⁰

В архиве хранятся также деловые бумаги Л. Н. Альмедингена: счета, квитанции, расписки (1899—1906 гг. — ф. 260, № 273); адресованные ему официальные уведомления Министерства народного просвещения, касающиеся изданий «Родника» (1904—1905 гг. — ф. 260, № 641); книга регистрации петербургских изданий, платящих сбор в пенсионный фонд Кассы взаимопомощи литераторов и ученых⁵¹ за материал, перепечатанный из других изданий (1899—1903 гг. — № 272). Здесь же находятся фотографии его (11), одиночные и групповые (1879—1906 гг. — № 280).

Среди корреспондентов Альмедингена (их более 250) были писатели, переводчики, критики, ученые, педагоги, библиографы,

⁵⁰ См. также ее статью «Как устроился в Елисаветине „Майский союз“» (Родник, 1899, № 1).

⁵¹ Альмединген был избран в члены Литературного фонда в декабре 1895 г.

художники и читатели журналов, издаваемых им. Укажем некоторых из них: К. К. Абаза 13 (1890—1902), В. П. Авенариус 49 (1890—1905), Е. И. Ардов (псевд. Е. И. Апрелевой) 2 (1904), К. С. Баранцевич 4 (1895—1906), К. А. Барсов 11 (1890—1895), П. И. Барышников 10 (1891—1895), И. А. Белоусов 6 (1891—1907), Е. Н. Бем (1906), М. Н. Богданов 2 (1888), В. В. Брусянин (1907), Н. П. Вагнер 12 (1887—1897), А. П. Валуева (урожд. Мунт) 26 (1890—1901), П. И. Вейнберг 4 (<1906>—1907), А. В. Ганзен (1906), К. А. Горбунов 3 (1904—1906), В. В. Гориневский 2 (1891), А. Т. Гречанинов (1903), А. Ф. Девриен 3 (1895), С. Д. Дрожжин (1908), К. В. Ельницкий 2 (1894, <1903>), Н. А. Жаринцева 12 (1906—1907), Л. Г. Жданов 2 (1906, 1907), П. В. Засодимский 8 (1892—1906), Н. Ф. Золотницкий 19 (1899—1908), Д. Н. Кайгородов 20 (1890—1917), П. Ф. Каптерев 11 (1893—1906), Н. Н. Каразин (1906), Е. П. Ковалевский 4 (1905—1906), М. Г. Колоколова 7 (1893—1895), Н. А. Котляревский (1899), Н. А. Крашенинников (б. д.), А. В. Круглов 5 (1906), Т. А. Кузминская (урожд. Берс, 1906), К. В. Лукашевич (псевд. К. В. Хмызниковой, урожд. Милец-Импенецкая) 7 (1896—1907), Н. А. Лухманова 2 (1906 и б. д.), Г. А. Мачтет (1896), Н. Н. Морев 11 (1892—1902), А. А. Осипов 2 (1899), А. Н. Острогорский 3 (1907 и б. д.), О. М. Петерсон 7 (1891—1894), Н. А. Пешкова-Толиверова 2 (1905), Н. И. Позняков 37 (1890—1905), И. Л. Поливанов 5 (1904—1906), М. М. Пришвин (1907), А. М. Ребиндер (урожд. Сергеева) 7 (1895—1896), Н. А. Рубакин 2 (1895), А. М. Сливицкий 12 (1890—1901), Д. И. Тихомиров 5 (1888—1895), В. А. Тихонов 2 (1897, 1904), И. И. Феоктистов 11 (1887—1906 и б. д.), П. Р. Фрейберг 18 (1894—1907), В. Н. Харузина 4 (1894—1904), Н. Б. Хвостов 3 (1904—1907), А. М. Хирьяков 2 (1894), М. К. Цебрикова 10 (1895—1906), С. М. Шиль 40 (1894—1905), Т. Л. Щепкина-Куперник 2 (1905 и б. д.) и др.

Эта переписка в основном связана с изданиями детских журналов. Она содержит ценные сведения о работе писателей над своими произведениями, их суждения о детской литературе и данные об условиях сотрудничества в «Роднике». Выявляет переписка и незаурядную личность редактора «Родника», посвятившего всю жизнь служению детской журналистике.

Некоторые литераторы признавались, что стали детскими писателями в связи с работой в «Роднике». Письма эти в то же время содержат не только благодарность Альмедингену, но и полемику с ним. Так, Л. Е. Оболенский (сохранились 4 письма 1895—1899 гг.) писал: «Мне кажется, что наши разногласия вытекают из коренного различия наших взглядов на общественные явления вообще и на литературу в частности. Так, например, я особенно дорожил возможностью беседовать изредка с детьми потому, что их чувствования доступнее для воздействия на них именно путем чувства, а не одного холодного убеждения <...>

Таков мой взгляд. У Вас, очевидно, другой, и вот откуда наши разногласия и Ваши слова, что я „не так пишу для детей, как нужно для них писать“» (ф. 260, № 191).

В то же время письма к Альмедингену отражают и отклики его корреспондентов на общественные явления конца XIX—начала XX в. В этом плане весьма характерны письма 1905 г. М. В. Ямщиковой, выступавшей в «Роднике» под псевдонимом «Алгаев» (сохранилось 6 ее писем, 1895—1907 гг.). Будучи свидетельницей кровавых событий 9 января, Ямщикова решила составить для печати хронику жестоких деяний «русского воинства». Хроника эта, переданная писательницей Альмедингену, как человеку, связанному с военными кругами, произвела на него тяжелое впечатление. Он предложил ей изложить собранный материал в виде доклада, который взялся бы представить военному министру. 23 января Ямщикова писала по этому поводу: «Обдумав Ваше предложение, я решила хроники своей для упомянутой выше цели не посылать и вот почему: какое применение сделал бы военный министр рассказам об ужасах, творимых доблестным русским воинством с благословения начальства? <...> Смешно искать правды у правительства, попирающего основные законы страны, и думать, будто оно не ведает, что творится кругом, в то время как газеты несут нам ежедневно новые и новые ужасы, говорят нам о нашем бесправии, о полном произволе тупого, невежественного, дикого, упившегося кровью воинства, творящего все, что ему захочется». «Дегенеративное правительство, — замечает она далее в письме, — вероятно, даст Георгия и без моей аттестации доблестным воинам за полную победу над безоружными жителями Петербурга и других городов России, где они так усердно работали» (ф. 260, № 267).

Ямщикова хотела добиться гласного обвинения военных «У меня, — продолжала она, — была цель иная. Перенеся себя на Ваше место, я искренно думала, что Вы отнесетесь иначе к происходящей бойне, что Вы будете активны. Мне казалось, что немислимо принадлежать к известной корпорации⁵² и не стараться выяснить себе нравственной физиономии членов этой корпорации. Я считала, что Вы *обязаны* это сделать, и не путем доклада министру (это прием чисто чиновничий), а путем другим, что Вы будете искать *товарищеского суда чести, и только для этого суда* имело смысл давать Вам факты».

Альмединген решил, что Ямщикова побоялась составить доклад для министра. В связи с этим 2 февраля она вновь разъясняет ему свою позицию: «Я трусости за собой не знаю и этим пороком *никогда* не страдала. Тот, кто знает меня ближе, мог бы засвидетельствовать, что вся моя жизнь до сих пор была сплошным риском, сплошной борьбой. А теперь, когда все мы

⁵² Имется в виду корпорация военных

видим, что кругом творится нечто более серьезное, чем личное единичное счастье или благополучие, смешно было бы мне бояться за свою персону».

Дело было, по словам Ямщиковой, не в трусости, а в осознании бесполезности составления доклада. «Кровь не дает мне покоя, — пишет она в том же письме. — У меня получился ужасный материал, кровавый материал, которого Вы знаете только ничтожную часть. Сомневаться в его достоверности было бы дико. Все факты у меня снабжены свидетельскими показаниями» (ф. 260, № 267).

Стремясь добиться гласного осуждения, Ямщикова послала перечень этих фактов в зарубежные газеты за свою подписью, хотя это могло навлечь на нее гнев властей. «Где же тут трусость <...>, — спрашивала она у Альмедингена. — Очевидно, я не струсил, а только избрала другой путь». Рукопись хроники Ямщиковой хранится в архиве (ф. 260, № 267).

Значительное число писем принадлежит учителям. Они содержат в целом высокую оценку руководимых Альмедингеном журналов и затрагивают разнообразные педагогические темы, в том числе вопрос об организации «новой школы» (см., например, 3 письма 1905—1906 гг. учителя математики и физики Первой Московской гимназии Д. Д. Галаннина).

В архиве Альмедингена сохранились рукописи: «Поэтические мотивы в прозе» Я. П. Полонского, «Письма из Америки. Школьное дело в Америке» А. М. Ребиндера, очерк «Христофор Томсон» М. К. Цебриковой, стихотворения И. А. Белоусова, А. М. Федорова, И. И. Феоктистова. В журнал было прислано оставшееся неопубликованным юношеское стихотворение А. А. Блока «Впечатление Рейна» с рисунками (ф. 260, № 518).⁵³ Здесь же хранятся неизданный сборник стихотворений Я. П. Полонского (рукой Ж. А. Полонской), который предполагалось включить в «Читальню народной школы», и автограф стихотворения Полонского «Родник» (1891) (ф. 260, № 533).

7

После смерти Альмедингена в 1908 г. ни в программе журнала «Родник», ни в составе его постоянных сотрудников не произошло значительных изменений.⁵⁴ Как и раньше, в журнал привлекались молодые писатели. Так, охотно откликнулся на приглашение работать в «Роднике» И. С. Шмелев. В журнале были опублико-

⁵³ Опубликовано В. П. Вильчинским, см.: Нева, 1957, № 8, с. 216.

⁵⁴ В 1910 г. журнал пополнился отделом «Клуб Родника», в котором сообщалось о жизни детей в России и за границей и публиковались письма юных читателей.

ваны его рассказы «На морском берегу» (1910, № 3) и «Рваный барин» (1911, № 5, 6). Данное сотрудничество нашло отражение в письмах Шмелева (8 писем, 1909—1911 гг.)⁵⁵ к Н. А. Альмединген (ф. 260, № 364), содержащих, в частности, размышления писателя о назначении детской литературы и журналов для детей.

Согласием на предложение сотрудничать в «Роднике» ответил Е. Н. Чириков, который писал 31 января 1912 г. Н. А. Альмединген: «Книги получил. Спасибо. Прочитаю Шмелева⁵⁶ и подумаю, а затем, если почувствую себя в силах, — попытаюсь что-нибудь сотворить» (ф. 260, № 361). Но это сотрудничество не состоялось.

В архиве отражена история альмедингеновских «сред». Среда была приемным днем в редакции «Родника». Сохранились две тетради за 1904—1909 гг. с записями о посетителях и целях их прихода (ф. 260, № 510, 511). Вели их А. Н. и Н. А. Альмедингены. Частым посетителем «сред» был, например, М. М. Пришвин, сотрудничавший в то время в «Роднике».

Для более близких сотрудников журнала и друзей устраивались вечерние «среды» дома у редактора, которые нередко завершались импровизированными литературно-музыкальными вечерами (ф. 260, № 510). Л. Л. Толстой писал: «Среды Алексея Николаевича, когда он принимал по вечерам своих друзей и сотрудников, были одними из самых прелестных интеллигентных вечеров, какие мне удавалось посещать, и отличались простотой и задушевностью».⁵⁷

Письма к Н. А. Альмединген, так же как и письма к ее отцу, касаются в основном журналов «Родник», «Солнышко», «Воспитание и обучение», в которых она выступала как редактор, писательница и переводчик. Кроме вышеназванных корреспондентами ее были: В. П. Авенариус 5 (1910—1915), К. С. Баранцевич 2 (1910—1911), И. Я. Гинцбург 41 (1906—1914),⁵⁸ Н. Ф. Золотницкий 64 (1908—1917), А. Е. Зорин 7 (1906—1910), Н. В. Казмин 4 (1914), П. Ф. Каптерев 5 (1909—1913), А. Ф. Кони (1915), К. В. Лукашевич 5 (1906—1915), А. В. Мезиер 3 (1914—1917), М. В. Новорусский 2 (1915, 1917), К. Д. Носилов 5 (1904—1916), М. А. Пожарова 3 (1907—1915), С. А. Поспелов 7 (1909—1911), А. С. Рославлев 4 (1907—1910), П. Р. Фрейберг 15 (1906—1908), Н. П. Черепнин 3 (1914 и б. д.), П. Н. Шатилов 11 (1909—1916),

⁵⁵ См. публикацию: Вильчинский В. П. И. С. Шмелев в журнале «Родник». — Русская литература, 1966, № 3, с. 185—190 (опубликовано 6 писем, одно из них в отрывках).

⁵⁶ Возможно, речь идет о рассказе «Рваный барин».

⁵⁷ Толстой Л. Л. Памяти друга и человека. — Родник, 1909, № 3, с. 479.

⁵⁸ Скульптор И. Я. Гинцбург (1859—1939) состоял в дружеских отношениях с Н. А. Альмединген и нередко помещал в «Роднике» свои рассказы и очерки («Случай», «Концерт», «У маяка», «О скульптуре», «Мои приключения в Испании», «Ошибка» и др.).

С. Н. Шиль 17 (1906—1917), Т. Л. Щепкина-Куперник 5 (1904—1914 и б. д.), М. В. Ямщикова (псевд. — А. Алтаев) 7 (1906—1910) и др. Всего 94 корреспондента.

После революции Н. А. Альмединген занялась научно-педагогической деятельностью (см. ф. 260, № 373). С сентября 1918 г. она работала в Институте дошкольного образования, в 1924 г. стала его ректором. В последующие годы Н. А. Альмединген служила в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, а затем в Коммунистическом политико-просветительном институте им. Н. К. Крупской.

В фонде Альмедингенов хранится и небольшое количество писем, адресованных Т. А. Альмединген (1885—1942). Среди них письма: Х. Д. Алчевской 22 (1908—1917), Е. П. Анохиной-Лебедевой 3 (1908—1910), Н. В. Казмина 15 (1908—1915), И. Ф. Наживина 2 (1915), К. Д. Носилова (1915), Д. С. Стеллецкого 3 (1913) и др. Всего 17 корреспондентов.

С письмами к жене Альмедингена — Е. Н. Альмединген обращались В. П. Авенариус (1910), Д. Н. Кайгородов (1895), А. С. Обольянинов (1909), Н. И. Позняков (1891) и М. Х. Свенцицкая (б. д.).

А. В. Лавров

МАТЕРИАЛЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Большинство рукописей Андрея Белого, хранящихся в Пушкинском Доме, сосредоточено в архиве Р. В. Иванова-Разумника; они были охарактеризованы в предыдущем выпуске «Ежегодника».¹ Однако в других фондах и среди отдельных поступлений также имеются материалы Белого. Некоторые из них уже были опубликованы,² однако большей частью они еще не введены в ис-

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980, с. 23—63. Недавно в Рукописном отделе были обнаружены относящиеся к этому архиву книги Андрея Белого со следующими дарительными надписями Иванову-Разумнику и его сыну Льву Разумниковичу Иванову (1904—1938): «Глубокоуважаемому Разумнику Васильевичу Иванову с горячей любовью автор. Москва, 12 (25) апреля <19>18 г.» (Собрание эпических поэм. Кн. 1-я. М., изд. В. В. Пашуканиса, 1917); «Глубокоуважаемому Разумнику Васильевичу Иванову в знак любви и преданности. А. Белый. 12 (25) апреля <19>18 г.» («Восток или Запад» — оттиск из альманаха «Эпоха» (кн. 1. М., 1918, с. 161—210)); «Дорогому, близкому другу в знак неизменной любви и с надеждой на много предстоящих свиданий — Разумнику Васильевичу Иванову. Андрей Белый. 10 октября 19>21 года» (Первое свидание. Пб., «Алконост», 1921); «Глубокоуважаемому другу и едва ли не единственному читателю — Разумнику Васильевичу Иванову — этот краткий итог многих дум — с волнением и с глубоким уважением: от автора. Борис Бугаев. Кучино. 12 сентября. <19>29 года» (Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., «Федерация», 1929); «Дорогому и милому Леве в знак любви и дружбы. Андрей Белый. 7-го июля <19>20» (Христос воскрес. Пб., «Алконост», 1918); «Соколлекционеру и другу, Леве, от Андрея Белого. 7 июля <19>20 г.» (Королевна и рыцари. Сказки. Пб., «Алконост», 1919).

² См. письма Белого к Ф. Сологубу (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974, с. 131—137), письма Белого к Е. А. Ляцкому (Ежегодник... на 1978 год, с. 218—230). Существует также большой корпус писем Белого к А. А. Кублицкой-Пиоттх, сохранившихся в коллекции В. А. Десницкого (ИРЛИ, ф. 411, № 14); эти документы готовятся к отдельной публикации. (Далее шифры рукописей Белого, воспроизводимых в обзоре, приводятся в самом тексте).

следовательский оборот. Материалы, являющиеся предметом рассмотрения в настоящем обзоре, позволяют осветить отдельные немаловажные эпизоды биографии и творчества Белого. При этом наше внимание будет сосредоточено исключительно на рукописях самого писателя: материалы, косвенным образом с ним связанные, воспоминания и статьи о Белом, документальные источники и переписка знавших его лиц привлекаются лишь попутно.

1

Среди русских писателей Андрею Белому, безусловно, принадлежит одно из первых мест по количеству оставленных им автобиографических материалов, по тому значению, которое они имеют в его творческом наследии, по многообразию их жанров — от кратких автобиографических справок до многотомных мемуарных серий. Рукописи такого рода имеются и в Пушкинском Доме.

Первая краткая автобиография Белого была опубликована в 1909 г.³ Ей, однако, предшествовали более ранние опыты в этом жанре. Один из них относится к 1905 г. — краткая автобиография, написанная по просьбе С. А. Венгерова. Посредником между начинающим писателем и маститым литературоведом и библиографом был В. Я. Брюсов, писавший Белому 17 мая 1905 г.: «Семен Афанасьевич Венгеров (СПб., Разъезжая 39) просит у Вас кратких автобиографических сведений для Малого Энциклопедического словаря».⁴ Не дожидаясь ответа от Белого (жившего в те дни в подмосковном имении Дедово у своего друга С. М. Соловьева), Брюсов сам в письме к Венгерovu от 17 мая 1905 г. сообщил известные ему данные, отметив: «Уверен, что Белый ничего не будет иметь против оглашения его настоящей фамилии. Единственная причина, почему он избрал псевдоним, была воля отца. Отец теперь умер. Некоторые свои статьи Белый подписывал и настоящим своим именем „Борис Бугаев“».⁵

Говоря, что псевдоним Белый избрал по «воле отца», Брюсов неточен: в основе этого решения была попытка скрыть от отца факт своего выступления в печати. Николай Васильевич Бугаев (1837—1903), видный ученый-математик, декан физико-математического факультета Московского университета,⁶ вращался в ос-

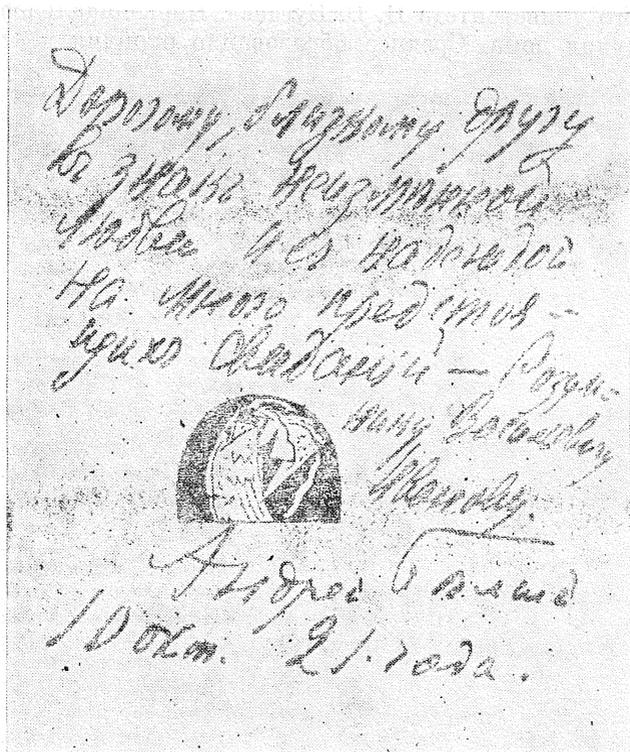
³ Белый Андрей. Биография. — В кн.: Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Под ред. М. Гофмана. СПб.—М., [1909], с. 137 (факсимиле рукописи Белого).

⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 25, карт. 10, № 9а.

⁵ ИРЛИ, ф. 377, 1-е собрание автобиографий С. А. Венгерова, № 504.

⁶ См.: Краткое обозрение ученых трудов профессора Н. В. Бугаева (сост. им самим). Публикация Ф. Я. Шевелева. — В кн.: Историко-математические исследования, вып. XII. М., 1959; Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года. М., 1968, с. 484.

новном в профессорской среде, враждебно настроенной к «повому» искусству, и сам был решительным противником «декадентских» произведений. На самых первых порах после литера-

Дарительная надпись Андрея Белого Р. В. Иванову-Разумнику на книге «Первое свидание». 1921 г.

турного дебюта Белого — выхода в свет «Симфонии (2-й, драматической)» (1902) — его «инкогнито» оставалось неразгаданным, что порождало всевозможные домыслы об авторе этого произведения, ошеломившего своей необычностью читательские круги.⁷

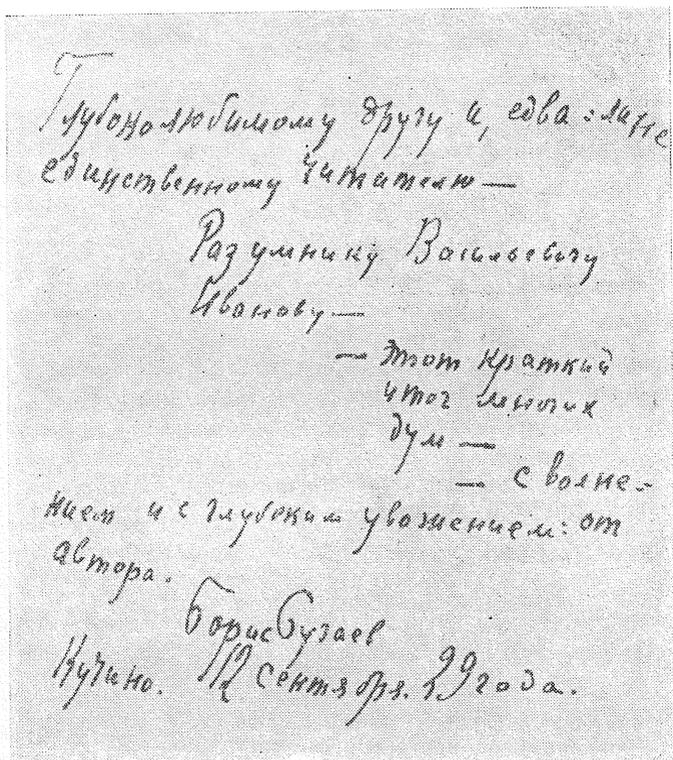
Несколько дней спустя после извещения о просьбе Венгерова Белый отослал ему следующее автобиографическое письмо:

⁷ Так, С. М. Соловьев сообщал Белому 26 мая 1902 г., вскоре после выхода «Симфонии»: «Бельский, купив Симфонию случайно в магазине, по первой же странице решил, что автор Симфонии — я. Я разрушил эту ересь, заметив, впрочем, что в Симфонии *не без меня* <...> Оказалось, что и Венкстери одно время был уверен, что автор Симфонии — я. Что же это такое! Теперь подозрение падает на... Брюсова» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, № 2; упоминаются педагог частной гимназии Л. И. Поливанова Л. П. Бельский и цензор и пушкинист А. А. Венкстери). Ср.: Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М.—Л., 1930, с. 383.

«Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

В. Я. Брюсов мне писал о том, что Вы желали иметь краткие биографические сведения обо мне для Словаря. Вот они:

Я родился в Москве в 1880 году 14 октября. Сын профессора Московского университета Н. В. Бугаева. Первоначальное образование получил дома. Среднее образование окончил в 1899 году

Дарительная надпись Андрея Белого Р. В. Иванову-Разумнику на книге «Ритм как диалектика и „Медный всадник“». 1929 г.

в московской частной гимназии Л. И. Поливанова. Поступил на естественное отделение физико-математического факультета, который и окончил в 1903 году. С 1904 года вновь поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Первая моя книга „Драматическая Симфония“ выпущена в 1902 году под псевдонимом Андрея Белого, который и ныне сохраняю. В 1903 году вышла моя другая книга — „Северная Симфония“. В 1904 году вышли две моих книги: „Золото в лазури“ (первый сборник стихов) и симфония „Возврат“.

Состоял и состою сотрудником нижеследующих периодических

изданий: „Новый Путь“, „Мир Искусства“, „Весы“, „Вопросы Жизни“, „Новый мир“.⁸ Участвовал в альманахах „Северные цветы“, „Гриф“. Вот краткие биографические сведения; я думаю, что их Вам достаточно; если же для Словаря нужны еще какие-нибудь сведения, я готов их дать.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и готовый к услугам

Борис Бугаев.

«19»05 года 24-ое мая» (ф. 377, 1-е собрание автобиографий С. А. Венгерова, № 504).

Представленные Белым сведения были использованы в статье о нем в «Малом энциклопедическом словаре».⁹

Более подробные данные о себе Белый сообщил в автобиогра-

⁸ Сведения о публикациях Белого в указываемых им изданиях см. в его библиографии, составленной Н. Г. Захаренко и В. В. Серебряковой (Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель, т. 3, ч. 1. М., 1979, с. 134, 139, 140—141). В иллюстрированном журнале «Новый мир», издававшемся в Петербурге в 1899—1905 гг. товариществом М. О. Вольф, произведения Белого не были напечатаны. 6 марта 1905 г. редакция «Нового мира» послала Белому письмо, в котором предлагала ему участвовать в журнале: «Для этого издания нам очень было бы приятно получать от Вас как беллетристические, так и другие произведения — в объеме, по возможности, от 100 до 150 печатных строк (...) журнал рассчитан на интеллигентных читателей, а потому в выборе тем сотрудничи не стеснены» (ГБЛ, ф. 25, карт. 28, № 11). Это был первый случай приглашения Белого в популярное издание несимволистского профиля. В ответном письме Белый поблагодарил редакцию и выслал для напечатания стихотворение «Злая страсть» (ЦГАЛИ, ф. 100, оп. 1, № 3; текст письма сообщен нам С. В. Беловым). Редакция «Нового мира» известила Белого письмом от 12 апреля 1905 г. о принятии стихотворения к печати (ГБЛ, ф. 25, карт. 28, № 11), однако он отказался от сотрудничества в журнале после знакомства с помещенной в «Вестнике литературы» (также издававшемся товариществом М. О. Вольф) статьей Пл. Краснова «Перед судом критики. — Новая русская поэзия», в которой резко критическому разбору были подвергнуты «Зеленый сборник стихов и прозы» (стихи Ю. Н. Верховского и М. А. Кузмина) и «Книга вступлений» В. В. Гофмана (см.: Вестник литературы, 1905, № 2, 23 января, стб. 40—45). 17 июня редакция «Нового мира» писала Белому в ответ на его заявление: «...мы Вас ценим и очень желали бы видеть Ваши произведения на столбцах наших изданий. Что же касается отзыва Пл. Краснова о символистах, то мы не считаем себя вправе вычеркнуть из его статьи личное мнение критика (...) Можем при этом уверить, что „Вестник литературы“ горячо сочувствует всем истинным талантам символизма (в том числе и Вам), и на столбцах „Вестника“ появятся еще много статей, посвященных этому все еще новому направлению в литературе» (ГБЛ, ф. 25, карт. 28, № 11). Белый, видимо, остался при своем решении. Стихотворение «Злая страсть» было опубликовано в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (кн. 2, М., 1906, с. 150—151). Кроме того, после помещения в «Вестнике литературы» статьи Пл. Краснова «Новые формы русского стихосложения» Белый направил в редакцию письмо со своими возражениями, которое было опубликовано (Белый Андрей. По поводу новых форм стихосложения. (Письмо в редакцию). — Вестник литературы, 1905, № 18, 23 сентября, стб. 422).

⁹ Малый энциклопедический словарь, т. 1. вып. 1. Изд. 2-е. СПб. изд. Брокгауза и Ефрона. 1907, с. 652. На титульном листе издания и во вступительных заметках нет упоминаний об участии в нем С. А. Венгерова.

фической справке, написанной в начале 1908 г. по просьбе Анастасии Чеботаревской для подготавливавшейся ею книги автобиографий современных русских писателей. Довести эту книгу до печати Чеботаревской не удалось, и рукопись Белого в составе других 25 писательских автобиографий сохранилась в ее архиве:

«А. Белый (Борис Николаевич Бугаев) родился в 1880-м году. Кончил гимназию Поливанова в Москве в 1899-м году. В 1903-м году окончил императорский Московский университет, естественное отделение физико-математического факультета. В 1904-м году поступил на филологический факультет Московского университета, но оно не окончил. Сын профессора Московского университета.

Начал писать 15-ти лет. В детстве на развитие его влияла немецкая поэзия (главным образом Уланд). Впоследствии Гейне и бретонские легенды. В 16—17 лет писал стихи, окрашенные влиянием Гейне, а также символистов: Верлена и Метерлинка. В умственном отношении на развитие оказал влияние Шопенгауэр, а также те отрывки из восточной мудрости, которые он мог читать.¹⁰ Впоследствии находился под влиянием Соловьева, Ницше и наконец перешел к Канту. В настоящее время А. Белый видит будущее развитие мысли в преодолении фрейбургской школы философии, дающем возможность обосновать как теорию символизма, так и некоторые стороны ницшеанства.

Из литературных памятников А. Белый более всего чтит Гете, Пушкина, Баратынского, Тютчева, Гоголя. Из позднейших: Ибсена, Ницше, Гамсуна, Стефана Георге, Мережковского и Брюсова. В музыке видит начало, наиболее способствующее развитию человечества. Более всего ему дорог Бетховен, Бах, Шуман и композиторы XVII века. Предпочитает формально излагать свои взгляды, не раскрывая их сокровенно-мистического смысла. Написал следующие книги: „Северная Симфония“, „Симфония (драматическая)“, „Возврат“, „Кубок метелей“, „Золото в лазури“ (1-й сборник стихов), „Закатные прахи“ (второй сборник стихов: выйдет осенью). В настоящее время работает над повестью „Серебряный голубь“ и над книгой „Теория символизма“. Готовит сборник своих статей.

А. Белый» (ф. 289, оп. 4, № 72, л. 3—4 об.).^{10а}

¹⁰ Подразумеваются прежде всего отрывки из упанিশад в изложении В. В. Джонстон, опубликованные в «Вопросах философии и психологии» (1896, № 1), и помещенная там же (1894, № 5) работа Д. П. Конисси «„Тао-те-кин“ Лао си» — изложение философского трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин». Ср. запись Белого, характеризующую его интересы в 1896 г.: «... производят потрясающее впечатление „Отрывки из Упанিশад“ и „Тао“ Лао-цзы» (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный)... — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 5 об.).

^{10а} Опубликовано Л. К. Долгополовым, см.: Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1980, т. 39, № 6, с. 502. Упомянутый в тексте письма Д. С. Мережковский в 1920 г. эмигрировал, проживал в Париже и занимал по отношению к Советской России резко враждебную позицию

Автобиография была оглавлена из Москвы 5 февраля 1908 г. и по содержащимся в ней признаниям о художественных и идейных тяготениях очень характерна для духовного развития Белого этой поры. Упомянув Канта и «фрейбургскую школу философии», т. е. прежде всего неокантианское учение Генриха Риккерта, Белый говорит о тех «властителях дум», с помощью которых он стремился выйти из длительного духовного кризиса и обосновать собственную философско-эстетическую концепцию.¹¹ В связи с этим находится и его установка на «формальное» изложение своих взглядов: борьба с мистическими увлечениями и «широковещательными апокалиптическими экстазами»¹² во имя теоретического, «научного» подхода к философским проблемам предполагала отказ от неопределенно-субъективных, эмфатических средств самовыражения и стремление к строгому, суховатому стилю, логичности и доказательности доводов. В перечне любимых «литературных памятников» показательно отсутствие былого кумира — Достоевского, имя которого для Белого в эти годы связывалось с отвергаемой им «кабацкой мистикой», исчезновение Фета и Лермонтова, бывших наряду с Вл. Соловьевым любимыми поэтами Белого в юности, и появление имен Пушкина и Баратынского, влиянием которых, в особенности последнего, отмечены стихотворения Белого, вошедшие в его книгу «Урна» (1909).¹³

Как видно из автобиографии, в начале 1908 г. Белый еще не предполагал разделить свои стихотворения, написанные после выхода «Золота в лазури» (1904), на два сборника: неосуществленная книга «Закатные прахи» должна была включать стихотворения, распределенные затем по книгам «Пепел» и «Урна».¹⁴

¹¹ Важнейшие неокантианские труды — «Теорию познания Канта» Германа Когена и «Границы естественнонаучного образования понятия» Г. Риккерта — Белый изучал осенью 1907 г. (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный)..., л. 55 об.). О воздействии Канта и неокантианства на теорию символизма Белого см. статьи А. Л. Казина «Гносеологическое обоснование символа Андреем Белым» (Вопросы философии и социологии, вып. 3. Л., 1971, с. 71—75) и «Соотношение искусства и действительности в эстетической теории Андрея Белого» (там же, вып. 4. Л., 1972, с. 202—205), а также работу Л. И. Филиппова «Неокантианство в России» (в кн.: Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978, с. 310—316).

¹² Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., «Мусагет», 1914, с. 100 (статья «Ибсен и Достоевский», 1905).

¹³ Ср.: «... мое мнение о Фете сложилось мне еще в 1898 году; о Лермонтове — в 1902; о Тютчеве — в 1904 г.; о Баратынском — в 1908; о Пушкине — лишь в 1910 году» (Белый Андрей. Гоголь и Мейерхольд. — В кн.: Гоголь и Мейерхольд. М., 1927, с. 31).

¹⁴ Первоначально второй сборник стихотворений Белого «Закатные прахи» назывался «Тоска по воле» (см. письма Белого Брюсову за октябрь—ноябрь 1906 г.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 392, 396). Заглавие «Закатные прахи» впервые появилось в объявлениях майского номера «Весов» за 1907 г. На решение Белого выпустить две книги стихотворений вместо одной могли повлиять советы С. М. Соловьева; в его недатированном письме к Белому (относящемся,

Чрезвычайно существенно упоминание о «Серебряном голубе»: это одно из первых по времени из известных нам прямых авторских свидетельств о работе над романом.¹⁵ Другое называемое в автобиографии произведение, над которым Белый работал в начале 1908 г., — «Теория символизма» — в полном объеме не сохранилось. В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» Белый указывает: «Материалы черновые ряда глав сочинения „Система символизма“ (недописанного); переработанный отрывок из этих материалов являет собой „Эмблематику смысла“; другой отрывок являет собой статью „Смысл искусства“; обе статьи — куски написанного; эти материалы писались в 1904—1905 годах; автор все искал случая переработать материалы в философскую систему; вместо системы в 1909 году спешно пришлось выкроить из материалов две статьи для книги „Символизм“. Эти материалы затерялись в заторе старых рукописей; в 1918—1919 годах автор сжег рукописи; и вместе с ними нечаянно сжег „Материалы“». ¹⁶ Упомянутая в автобиографии как намеченная к изданию книга статей Белого ¹⁷ разрослась в три книги — «Сим-

видимо, к лету 1908 г.) доказывается, между прочим, важность появления сразу двух книг Белого для перспективы продолжавшейся полемики с петербургскими символистами (в ту пору для Белого немаловажный довод): «Ты непременно должен разделить сборник стихов на два сборника. Пусть первый будет, большой, издан „Шиповником“. Второй, стихотворений в 30, издай хоть у Паффф. Нельзя совать в одну книгу и Тоску по воле и Державинский стих «?». Тут резкая межа. Если б ты знал, как важно в опасности войны с Петербургом появление в будущем сезоне *двух* твоих книг. Ведь количество книг (если это не книги Городецкого) много, много значит» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, № 7; «Паффф» — пренебрежительная кличка владельца издательства «Гриф» С. А. Соколова). Белый поступил именно так, как советовал Соловьев: одну книгу представил в издательство «Шиповник» («Пепел» вышел в свет в конце 1908 г.), а другую — в «Гриф» («Урна» вышла в 1909 г.).

¹⁵ Ср. газетное сообщение: «А. Белый приезжает в Петербург, где намерен работать над новой повестью „Серебряный голубь“» (Час, 1907, № 37, 3 ноября). «Пишу повесть», — сообщал Белый Блоку 20 марта 1908 г. (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 228). Как предварительный набросок темы, позднее развитой в «Серебряном голубе», можно рассматривать рассказ Белого «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» (Весы, 1908, № 4, с. 15—30). Вынашивая замысел будущего «Серебряного голубя», Белый в 1907—1908 гг. пытался также работать над другим крупным прозаическим произведением (в печати называлось его заглавие — «Адмиралтейская игла»; см.: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого. — Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 599), однако рукописей, относящихся к нему, не обнаружено. Видимо, планы, связанные с этим произведением, модифицировались впоследствии в идею романа «Петербург».

¹⁶ ГПБ, ф. 60, № 31. Статьи «Эмблематика смысла» и «Смысл искусства» вошли в книгу Андрея Белого «Символизм» (М., «Мусагет», 1910).

¹⁷ Впервые Белый предлагал издать сборник из 28 своих статей владельцу издательства «Скорпион» С. А. Полякову в первой половине 1906 г. (Литературное наследство, т. 27—28, с. 617).

волизм», «Луг зеленый» и «Арабески», выпедшие в свет в 1910—1911 гг. и включившие 89 статей.

В 1-м собрании автобиографий С. А. Венгерова хранятся беловая рукопись подробной автобиографии Белого, написанной в 1912 г., и две формы ее гранок (№ 504).¹⁸ Работа над этой автобиографией (заказанной Венгеровым, видимо, во время пребывания Белого в Петербурге в январе—феврале 1912 г.) совпала у Белого с подготовкой к отъезду за границу и улаживанием в связи с этим многочисленных дел. За десять дней до отъезда из Москвы, 6 марта 1912 г., Белый писал Венгеру:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Извиняюсь перед невольной задержкой. Вы просили меня прислать мою автобиографию. Но действительно упорная и срочная работа, а также ряд непредвиденных домашних дел и вся прочая „*житейская*“ суета задержали меня.

Еще раз прошу извинить меня за опоздание; смягчающим обстоятельством является чрезмерность и несоизмеримость дел, не позволяющих сколько-нибудь сосредоточиться на одном предмете.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении к Вам и преданности.

Борис Бугаев» (ф. 377).

Выслав автобиографию, Белый, однако, забыл исполнить другую просьбу Венгерова — о присылке портретов, своего и отца.¹⁹ В связи с этим он отправил следующее письмо к Венгеру (Брюссель, 10 апреля 1912 г.):

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Бесконечно извиняюсь перед Вами 1) за слишком запоздалый ответ, 2) за то, что не прислал карточек.

Мое молчание извинительно: я — в Брюсселе, и далеко не с той точностью получаю я известия и письма из Москвы. Относительно портрета отца: наш секретарь „*Мусагета*“ в прошлом году попросил у мамы портрет, но забыл Вам отправить (я же

¹⁸ См.: Белый Андрей. Автобиографическая справка. (Из архива «Критико-биографического словаря»). — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. III (кн. VII). М., «Мир», 1916, с. 9—12.

¹⁹ 19 марта 1912 г. С. А. Венгеров писал Белому: «Большое спасибо Вам за очень интересную автобиографию, но еще одна просьба моя осталась неудовлетворенной: о портрете. Очень прошу Вас в самом непродолжительном времени прислать мне карточку Вашу и отца Вашего. Та и другая нужны для „Энциклопедического словаря“, где печатаются портреты русских деятелей; Ваша же, кроме того, для редактируемой мною „Литературы XX века“ (изд. товарищества «Мир»)» (ГБЛ, ф. 25, карт. 13, № 3). В письме от 28 марта ту же просьбу Венгерова повторил Белому сын исследователя В. С. Венгеров (ГБЛ, ф. 25, карт. 35, № 24). Оба письма, видимо, были отправлены по московскому адресу Белого и пересланы в Брюссель.

был в Африке²⁰), и портрет 6 месяцев пролежал в редакции „Мусагета“.

Вернувшись из Петербурга, я хотел тотчас же Вам прислать оба портрета: мой и отцовский. Но нахлынули дела и пришлось неожиданно уехать в Бельгию. Одновременно пишу моей матери, чтобы она выслала Вам портрет отца,²¹ и сам снимаюсь в Брюсселе. Еще раз, Семен Афанасьевич, прошу извинить меня за задержку.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и искренно преданный

Борис Бугаев.

Р. S. На всякий случай оставляю свой брюссельский адрес: Bruxelles. Place S-te Gudule. 25. Буду здесь два месяца»²² (ф. 377).

Отношения Белого с С. А. Венгеровым, завязавшиеся в связи с составлением автобиографий, получили развитие впоследствии, в 1917—1918 гг.

2

К самой ранней поре литературной деятельности Андрея Белого относится его неопубликованная статья «О религиозных переживаниях», предназначенная для журнала «Новый путь».

«Новый путь» — журнал, основанный Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и П. П. Перцовым и вышедший с января 1903 г. при участии многих писателей символистского направления, — ставил своей основной задачей свободное толкование религиозно-философских вопросов; проблематика его в значительной степени предопределялась темами религиозно-философских собраний, на которых в бурной полемике между ортодоксальным духовенством и представителями интеллигенции обсуждались идеи христианской религии и церкви в связи с насущными задачами современности. С целью расширения диапазона этих прений в журнале был учрежден отдел «Из частной переписки», предназначенный «для писем и сообщений, идущих из среды читателей».²³ В первом же номере журнала в этом отделе были напе-

²⁰ Белый с женой, А. А. Тургеневою, путешествовал по Тунису и Египту в конце 1910—начале 1911 г.

²¹ В письме, отправленном матери, А. Д. Бугаевой, из Брюсселя 12/25 апреля 1912 г., Белый просил выслать Венгерову портрет отца: «Кожебаткин в прошлом году *не отправил* портрета, забыл <...> Венгеров *год ждет* моего и папиного портрета. И мне известно, что я перед очень почтенным человеком так некорректен» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 359). Упоминаемый в письме Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942) — секретарь «Мусагета» и владелец издательства «Альциона».

²² Белый жил в Брюсселе с 2 апреля (20 марта ст. ст.) (см. его письмо к матери, А. Д. Бугаевой, от 21 марта 1912 г.: ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 359) до конца мая 1912 г.

²³ Новый путь, 1903, № 1, с. 154.

чатаны (за подписью «Студент-естественник») отрывки из личного письма Белого к Мережковскому под заглавием «По поводу книги Д. С. Мережковского „Л. Толстой и Достоевский“». ²⁴ Санкции на это Белый не давал и поэтому был раздосадован фактом обнародования письма, ²⁵ однако вскоре после этого, в марте 1903 г., отослал для отдела «Из частной переписки» статью «О религиозных переживаниях. (К письму художника А. Б. и ответу Д. С. Мережковского. «Новый путь», февраль)».

Статья была написана в продолжение полемики А. Н. Бенуа и Д. С. Мережковского, напечатанной в том же отделе «Нового пути» под заглавиями «Письмо художника А. Б. к Д. С. Мережковскому» и «Ответ Д. С. Мережковского г. А. Б.». ²⁶ Суть письма Бенуа, выступавшего с открыто декларированной «западнической» точки зрения, заключалась в возвеличении искусства, как ценности безусловной, перед мистическими устремлениями к «новому искусству», вырастающему из «новой религии», и в протесте против того, что у искателей «новой религии» «Венера превращается в Мадонну». ²⁷ Мережковский в своем ответе отстаивал апокалиптичность, чувство конца как «величайшее утверждение мира», как «полноту, исполнение событий» и, следовательно, как последнее, величайшее торжество красоты. «Западническому», «предельному» взгляду Бенуа он противопоставил максималистские ми-

²⁴ Там же, с. 155—159. Мережковский и З. Н. Гиппиус чрезвычайно высоко оценили духовный пафос этого письма и пропагандировали его еще до публикации отрывков. В частности, Гиппиус дала письмо Белого на прочтение Блоку в первый день их знакомства (26 марта 1902 г.). Блок занес в дневник пространные выписки и конспект отдельных фрагментов из него, в некоторых частях не совпадающие с текстом, опубликованным Мережковским (Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 325—327).

²⁵ См. его письмо к Блоку от февраля—марта 1903 г.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 20—21.

²⁶ Новый путь, 1903, № 2, с. 156—160.

²⁷ За этими доводами Бенуа и его отстаиванием внутреннего, «интуитивного» христианства перед широковещательными исканиями Мережковского скрывалось глубоко неприязненное отношение к проблематике религиозно-философских собраний в целом. См. его письмо к П. П. Перцову от 25 марта 1902 г.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976, с. 38—39. В ответном письме от 10 апреля 1902 г. Перцов писал: «А Вы безжалостны к религиозно-философским. Я думаю, их не тем аршином мерять нужно: я и сам, когда смотрю на них как на нечто абсолютное (законодательное), сокращаюсь в интересе; а когда принимаю их как нечто относительное (симптом, комментарий), то начинаю глядеть вперед без боязни. Ведь всего год назад только несколько мистических эстетов меряли à pers perduz кабинет Зинаиды Николаевны под аккомпанемент неумолимых воззваний к действию, — а теперь все белое и черное духовенство переполошилось <...> я думаю, эти собрания (и вообще вся эта новейшая «протекция мистицизму») вызывают духа, с которым не им справиться. Радуются, что вода подошла под колесо и оно закрипело, — а пойдет на прибыль — всю плотину разнесет» (Сектор рукописей Гос. Русского музея (ГРМ), ф. 137, № 1389).

стические созерцания, присущие, с его точки зрения, «восточному» мироощущению. В конечном счете спор затрагивал основную проблему символистской эстетики, в последующие годы постоянно обсуждавшуюся, — проблему того, каким должно быть искусство — самоценным или подчиненным высшим задачам, исполняющим «теургическую» миссию.

Не опровергая взглядов ни того, ни другого оппонента, Белый выступил с собственной трактовкой поднятых ими вопросов, определенно заявляя при этом о своей «теургической» точке зрения. Разделяя в целом мистический пафос Мережковского, Белый, однако, перевел поднятые в споре Бенуа и Мережковского вопросы в область собственных духовных медитаций. В пору работы над статьей он был поглощен поисками обоснования цветовой семантики, разгадки ее потаенного мистического смысла и модуляцией цветовых представлений стремился воссоздать универсальный образ мироздания. Первую попытку отвлеченно истолковать значение отдельных цветов Белый предпринял в письме к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г.;²⁸ из него можно заключить, что к этой задаче он пришел в ходе своих постоянных наблюдений зорь и закатов и связанных с этим мистических созерцаний.²⁹ С оговоркой: «...тут я весьма субъективен: буду говорить прямо, надеясь на гений вашей понятливости», — Белый подробно развил свои мифологизированные представления о цветовой семантике в письме к Блоку, написанном 24 или 25 февраля 1903 г.³⁰

К своим цветовым трактовкам Белый относился с чувством большой ответственности. «Все это я не только внешне вывожу, но и „знаю“, „вижу“, — подчеркивал он в письме к Э. К. Метнеру от 14 февраля 1903 г.³¹ О важности цветовой символики для своего творчества Белый говорит и в неотправленном письме к Блоку от 25 марта 1903 г.³² Этим прежде всего для нас и значима сегодня статья «О религиозных переживаниях»: цветовые характеристики Белого дают своего рода ключ к пониманию символики цвета, притом не только в его ранних произведениях («симфониях» и стихотворениях из «Золота в лазури»), но и в последующем творчестве, в значительной степени предопределенном этими юношескими мифотворческими построениями. Преобладающая в статье религиозная терминология при этом — не

²⁸ ГБЛ, ф. 167, карт. 1, № 1.

²⁹ См. об этом в нашей статье «Мифотворчество „аргонавтов“» в кн.: Миф—фольклор—литература. Л., 1978, с. 160—161.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 148, л. 15—20. При публикации письма (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 21) «цветовые» рассуждения Белого были опущены.

³¹ ГБЛ, ф. 167, карт. 1, № 9.

³² В частности, Белый утверждал в нем: «...от цветов никогда не откажусь, ибо в цвете для меня заключено все то, что создает эзотеризм и цену религиозных образов. Тут для меня нечто до такой степени важное, необъятное, что может идти лишь речь о моем неумении говорить а не о том, о чем я хочу намекнуть цветом» (ГБЛ, ф. 25, карт. 30, № 1).

более чем удобный и понятный язык символов, на который возмущенный созерцатель пытается перевести свои эзотерические прозрения. В целом статья чрезвычайно характерна для раннего Белого с его теургическими порывами, «жизнетворческой» проповедью и дерзновенными поэтическими фантазиями. По своей стилистической системе она примыкает к таким ранним лирико-философским этюдам Белого, как «Певица», «Символизм как миропонимание», «О теургии», и в целом позволяет отчетливее представить духовный облик Белого-«аргонавта».

Продолжая в своей статье разговор о проблеме «взаимного соприкосновения искусства и религии», Белый отмечает: «Схем, конечно, можно придумать сколько угодно и за, и против. И не в логической обоснованности, не в красоте архитектоники суть. Важно, чтобы формально обоснованное светилось изнутри чем-то *ясным как день*. У каждого это *ясное как день* свое. При передаче каждый старается одеть это психологически понятное ему в ту философскую броню, которая наиболее впору. Мы, стоящие по ту сторону пессимизма, мы, пытающиеся одолеть Ницше, — мы знаем, что такое *схоластика* и что такое *несхоластика*, что относится к области догматизма или критицизма. Для удобства изложения, однако, мы с полным правом пользуемся всякой схоластикой и несхоластикой как внешним средством передачи этого *ясного как день* нашей души.

В том наше преимущество перед всеми поколениями, что мы это делаем и сознательно, и откровенно.

Конечно: существуют разные точки зрения на искусство. Разные ступени его рассмотрения. Судя по тому, из каких глубин нашего духа мы глядим на искусство, оно перед нами то в одном, то в другом освещении. Это не значит, что все эти освещения о разном: одна линия глубины — разнообразны языки глубин».

Далее Белый говорит о различных «зонах», в которых можно рассматривать искусство. Иерархия «зон» предполагает все большее приближение к «теургической» сущности искусства, к «несказанной, последней и окончательной тайне».

«Не умею нарисовать схему внутреннего пути так, как он мне представляется, — признается при этом Белый. — Фиксирую эту схему к цветам. В цвете есть *нечто*, действующее непосредственно. В последовательном изменении цветов — тень последовательной смены духовных видений.

Существуют, однако, несколько, так сказать, психологических констант, без которых нижеизложенное не покажется *ясным*. И о них два слова. Символ полного синтеза всех душевных способностей — белый цвет. Божественное, по мере того как оно передается нашей душе, окрашивает душу мягким белым сиянием. Отсутствие этого божественного рождает *черную* пустоту.

Опытное богопознание существует. Существует и символ его — белый цвет. Чертопознания нет. Мы не знаем методов познания черта — подальше от этих ужасов! Не к черту обращены мы! Нет

поэтому и цвета, символизирующего Сатану. Остается *черный* цвет, как полное отсутствие божественности. Так понимает неофит (более углубленное знание скажет сердцу иное). Небытие (черное), *воплощенное* в бытие (белое), придает такому бытию призрачно-серый характер. Серая жизнь призрачна. Черт, воплощаясь, являясь нам, — сер: тут прозрения Д. С. Мережковского глубоко-бездонны.³³

В беспринципном скептицизме впервые обнаруживается на событиях *серый* налет, налет призрачности — пыли. Открывается: ужас — бездна пошлости. Носится *серая* стая, осаждающаяся повсюду. Душит и гасит светоч жизни, слабо мерцающий в руках. Какая странная картина!..

„Серость“ как „*нуменьный*“ ужас и грех — вот одно из величайших открытий конца XIX века. Наряду с этим важно и то, что *белый*, сверкающий луч солнца, затененный *серым*, кажется *огненно-красным*. Интересно, что солнечные лучи, проходя сквозь непрозрачную среду, нам кажутся *красными*. И это важнее, чем кажется сперва. *Огненно-красного* нет. Это — отношение: белый светоч сквозь серую стаю ужаса, серая стая, затмевающая сиянье, — все, что угодно, только не само по себе».

Наметив эти «психологические константы», Белый дает далее в цветовых символах «схему стадий внутреннего пути» — в градациях от «огненно-красного» к «красному как кровь», к розовому и воздушно-белому и, наконец, к «внецветному» (безусловному), символизирующему мысль о конце мира и «исполнении сроков»: «... чувство конца — быть может, вообще чувство *новозаветности*, естественное чувство первых христиан (впоследствии утраченное) — необходимый коэффициент, преломляющий, высветивающий действительность; он придает этой действительности христианский оттенок — радостно-ожидательный. Быть может, вся-то жизненность христианства зависит от этого чувства. И ощущение конца не может быть понимаемо как ощущение собственного конца — ведь мыслью о конце в наше время занято скорее *молодое* поколение.

Но когда конец? Как известно, об этом никто не знает, даже Сын. Но мы постоянно должны быть готовы. И нет в этом ничего удручающего, утомляющего, страшного, идущего *вопреки чему бы то ни было*. Наоборот: высочайшая радостная легкость, вечное утверждение себя в Боге — вечная песнь пред Господом...» (ф. 654, оп. 3, № 70).

Попытка Белого изобразить своеобразную эволюцию цветов как символ внутреннего духовного пути к совершенству встретила в редакции «Нового пути» недоумение. Такой отклик нетрудно было предвидеть, поскольку медитации Белого и его образная символика были предельно эзотеричны, развивались по безгра-

³³ См.: Мережковский Д. С. Судьба Гоголя. — Новый путь, 1903, № 1, с. 43, 47.

лично индивидуальным, «самопорождающим» творческим законам и совершенно не вписывались в систему отчетливых объективно-идеалистических представлений и понятий, за пределы которых основные авторы журнала старались не выходить. Из читавших статью высоко оценил ее один только Блок, сочтя ее «очень важной» и стимулирующей к дальнейшим исканиям.³⁴ В то же время он сообщал Белому (20 марта 1903 г.): «Перцов нашел статью „О религиозных переживаниях“ непонятной и не хочет ее печатать. Отдал мне, чтобы я переслал Вам. Если Вам нужно, я немедленно пришлю, но пока оставляю у себя. Приятно бы ее иметь, как необходимое дополнение к Вашему письму о „цветах“».³⁵ В ответном письме Белый заметил: «Мне совсем не нужно моей рукописи в „Новый Путь“»,³⁶ — и статья так и осталась у Блока. Тем же 1903 годом датирована статья Белого «Священные цвета», в которой его «теософия цветов» получила дальнейшее развитие и обоснование на материале русской поэзии и библейских текстов.³⁷ О своей же другой статье сходной тематики Белый прочно забыл. Подтверждением этого служит ошибка, допущенная им в «Комментарии Бориса Бугаева к первым письмам (переписки) Блока к Бугаеву и Бугаева к Блоку» (1926): поясняя слова Блока о статье «О религиозных переживаниях», Белый пишет, что «речь идет о статье, напечатанной после под заглавием „Священные цвета“; она лишь в 1904 году была напечатана в „Мире искусства“».³⁸

Стремясь завоевать по возможности более широкую аудиторию, руководители «Нового пути» опасались публиковать подчеркнуто «декадентские» или лирически-субъективные произведения, к каковым они, безусловно, должны были причислить и статью Белого. Характерно, что в журнале в изобилии печаталась малохудожественная традиционная проза третьестепенных авторов, в то время как представителям «нового искусства» отводилось (при учете того, что «Новый путь» в своей художественной части все же ориентировался на символистов) сравнительно скромное место. Вполне допустимо, что статья Белого действительно оказалась в редакции «Нового пути» недоступной для

³⁴ См. письмо Блока к Белому от 20 марта 1903 г.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 28.

³⁵ Там же, с. 27. Отметим, что первоначально Перцов, видимо, все же намеревался статью опубликовать: на рукописи Белого в ряде мест имеются его редакторские поправки.

³⁶ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 30. В неотправленном письме к Блоку от 25 марта 1903 г. Белый заметил по поводу своего этюда о «цветах»: «Вполне допускаю субъективизм его и невозможность напечатания в „Новом пути“» (ГБЛ, ф. 25, карт. 30, № 1).

³⁷ См.: Белый Андрей. Арабески, с. 115—129.

³⁸ Cahiers du Monde russe et soviétique, 1974, vol. XV, N 1—2, p. 88. В «Мире искусства» в 1904 г. (№ 5) была помещена статья Белого «Символизм как миропонимание», в которой также говорится о «теософии цветов» (с. 187).

восприятия, как это не раз бывало ранее с другими его текстами: ³⁹ между отчетливыми программными установками Мережковского и эзотерическими пророчаниями Белого не всегда легко было найти общий язык. Примечательно, что непонятной статью нашел даже Перцов, обычно защищавший «субъективные» произведения от суда своих коллег по редакции.⁴⁰ Белый был решением редакции глубоко уязвлен. «Перцов не захотел поместить одно мое письмо, ссылаясь на непонятность его для публики, — писал он 9 апреля 1903 г. Э. К. Метнеру. — И хотя он меня просил присылать каждый месяц что-нибудь даже по несколько строк, хотя мы с ними в прекрасных отношениях, но я решил твердо не давать им ничего по крайней мере несколько месяцев».⁴¹ Эпизод со статьей «О религиозных переживаниях» — первый случай разногласия Белого с редакцией «Нового пути»; в последующие месяцы его недовольство деятельностью журнала будет все нарастать. 25 июля 1903 г. Белый сообщал Э. К. Метнеру: «... у нас с „Новым Путем“ глухие и продолжительные неладья и даже „старые счеты“... Вот почему уже месяцев „5“ я принципиально не печатаюсь в „Новом Пути“, несмотря на просьбы Мережковского и Перцова, которые, выказав много пристрастности и тенденциозности, оттолкнули меня от себя (не как люди, а как деятели)».⁴²

Обиды и осложнения отношений способствовали тому, что в 1904 г. Белый оказывается гораздо более близок к «эстету» Брюсову и основанному им журналу «Весы», чем к родственным ему «мистикам» Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус.

3

В Пушкинском Доме хранятся и другие материалы Белого дореволюционного времени, в частности небольшое число творческих рукописей. Среди них — автограф стихотворения «Жизнь» (1908), почти не отличающийся от его печатной редакции (р. I,

³⁹ Так, 9 июля 1902 г. З. Н. Гиппиус писала П. П. Перцову: «От Бугаева громадное письмо, но ничего не понимаю. И Д. С. «Мережковский» ничего не понимает. Отчаяние!» (ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1234). О другом письме Белого она же писала Блоку (15 ноября 1902 г.): «Дам вам прочесть письмо Бугаева *résumé reçue* (недавно полученное, — А. Л.), которое мы напрасно старались понять с Сологубом» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, № 26).

⁴⁰ Ср., например, его письмо к Блоку от 8 декабря 1903 г.: «Вы знаете мои симпатии к Вашей музе и поэтому поверите, что, если бы это завесило только от меня, — стихи Ваши непременно были бы напечатаны в „Новом пути“. Но, к сожалению, против них существует такая упорная и обширная оппозиция, что, в настоящее по крайней мере время, я лишен возможности это сделать» (Литературное наследство, т. 92, кн. 1. М., 1980, с. 461). См. также: Перцов П. Ранний Блок М. «Костры», 1922, с. 35—36.

⁴¹ ГБЛ, ф. 167, карт. 1, № 13.

⁴² Там же, № 19

оп. 2, № 52),⁴³ беловая рукопись (без окончания) статьи «Синематограф» (р. I, оп. 1, № 377), относящейся к «весовскому» циклу статей Белого «На перевале»,⁴⁴ и др. Наиболее любопытна беловая рукопись статьи Белого «Realiora» из того же цикла (р. I, оп. 2, № 19), полемически направленная против прочитанной в Москве лекции Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме».⁴⁵ Белый усмотрел в концепции Иванова попытку попутно дискредитировать отдельные философско-эстетические положения, высказанные ранее им, Белым, воспользовавшись в то же время основными его идеями, и тем самым внести дополнительную лепту в продолжавшуюся полемику между «московскими» и «петербургскими» символистами. В ответной статье Иванов разъяснял неосновательность упреков Белого, подчеркивая кардинальные отличия своих идей от взглядов своего критика.⁴⁶

В печатном тексте статьи Белого наиболее резкие места опущены; можно предположить, что это сделал Брюсов, фактический руководитель «Весов» и единственный из ближайших сотрудников журнала, который находился тогда с Ивановым в корректных отношениях и выслушивал от него постоянные упреки в потворстве полемическим перегибам «весовских» идеологов.⁴⁷ Приводим две большие купюры в статье. Первая после абзаца, заканчивающегося словами «...почитал бы Исаака Сириянина»: ⁴⁸ «Для чего понадобилось г. Иванову создавать своего „буку“ — символический идеализм; очевидно, чтобы заклеймить им кого-то: кого, г. Иванов? Выскажите открыто: в открытой полемике больше благодетства.

Или г. Иванов вовсе не влагал в свой доклад полемический смысл? В таком случае извиняюсь: но меня неоднократно смущали третьи лица из публики, принявшие доклад г. Иванова за полемику против Москвы.

И вот для этих третьих лиц я должен сделать заявление, что реальность символизма и провиденциальное значение художника принимается не одним г. Ивановым, и что все мы в прежние годы еще до выступления г. Иванова в роли пророка неоднократно высказывались на эту тему» (р. I, оп. 2, № 19, л. 5).

⁴³ См.: Белый Андрей. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, с. 107—108. В рукописи пыле варианты первой («Пропосится над тайной жизни») и четвертой строки («Возносятся под облаками») и отсутствует посвящение стихотворения памяти Ю. А. Спидорова.

⁴⁴ Бугаев Борис. На перевале. VIII. Синематограф. — Весы, 1907, № 7, с. 50—53.

⁴⁵ Бугаев Борис. На перевале. XII. Realiora. — Весы, 1908, № 5, с. 59—62.

⁴⁶ Иванов Вяч. Б. Н. Бугаев и «Realiora». — Весы, 1908, № 7, с. 73—77.

⁴⁷ См. отражение этой темы в переписке Брюсова и Иванова: Литературное наследство, т. 85, с. 499—506, 513—516.

⁴⁸ Весы, 1908, № 5, с. 61.

Вторая купюра относится к заключительной части статьи (после абзаца, заканчивающегося словами «...риторических утверждений религиозного творчества»):⁴⁹ «Я никогда не уделю бы реферату г. Иванова столько места, если бы этот заурядный реферат не был столь претенциозен и не метил бы (совершенно неосновательно) на некоторое идейное течение современного искусства.

„Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь“ (Валерий Брюсов).

Вот истинный лозунг поэта» (там же, л. 7).

К 1910-м годам относятся письма Белого, характеризующие его общение с Ф. Сологубом и А. М. Ремизовым. Два наиболее значительных его письма к Сологубу (1908 и 1909 гг.) уже были опубликованы ранее вместе с краткой характеристикой взаимоотношений писателей.⁵⁰ Письма к Сологубу 1910-х годов представляют большой интерес для характеристики Белого в период пребывания за границей. Первое из них отправлено из Брюсселя 20 апреля 1912 г.⁵¹ в связи с предложением Сологуба (видимо, в несохранившемся письме) послать рукопись еще не законченного тогда романа «Петербург» для перевода на немецкий язык:

«Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузмич!

Очень Вам благодарен за память обо мне. Непременно воспользовался бы Вашим любезным приглашением послать рукопись моего романа переводчице; но у меня уже есть соглашение с переводчицей первой части „Голубя“;⁵² соглашение это мне тем более удобно, что переводчица моя⁵³ пристроена при одном немецком издательстве. Федор Кузмич, получили ли Вы первый № нашего маленького журнала, который вышел в Москве в мое отсутствие.⁵⁴ Если нет, извиняюсь за медлительность нашего секретаря. Вы, конечно, будете его получать.

Извиняюсь также и за долгое мое молчание. Оно объясняется тем, что я уехал в Брюссель, где и живу уже 2 недели, а письма

⁴⁹ Там же, с. 62.

⁵⁰ Белый Андрей Письма к Ф. Сологубу. Публикация С. С. Гречинкина и А. В. Лаврова. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974, с. 131—137.

⁵¹ Датируется по почтовому штемпелю (у Белого помечено: «Брюссель. Апрель 12 года»).

⁵² Под «первой частью „Голубя“» подразумевается «Серебряный голубь»; первоначально Белый называл «Петербург» второй частью этого романа. Первый немецкий перевод «Серебряного голубя» см.: Belyj Andrej. Die silberne Taube Roman. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt am Main, 1912.

⁵³ Лулли Вибек. Сохранились ее письма к Белому (1910—1914), содержащие вопросы по тексту «Серебряного голубя» (РБЛ, ф. 25, карт. 13, № 6).

⁵⁴ Первый номер журнала «Труды и дни», выпущенного издательством «Мусагет» под редакцией Белого и Э. К. Метнера, включил статьи Белого «О символизме», «Об изданиях Мусагета в серии «Орфей»», «О журавлях и синицах» (последняя — под псевдонимом Suncinator).

из России неуклонно опаздывают. Здесь очень тихо и хорошо. Мы с женой работаем: я — над романом; она — над гравюрой.⁵⁵ В часы досуга идем смотреть старых немцев и фламандцев или сидим в кафе.

Жизнь течет монотонно и с приятным забвением; иногда голько набегут известия из Москвы; и всегда это — темное облако с душными сплетнями.

Желаю Вам и Вашей супруге приятного лета. Анастасии Николаевле⁵⁶ мой привет и уважение. Остаюсь глубокоуважающий Вас и искренне преданный

Борис Бугаев» (ф. 289, оп. 3, № 98).

Второе заграничное письмо Белого к Сологубу относится ко времени его пребывания в Дорнахе (Швейцария), где Белый и А. Тургенева участвовали в строительстве антропософского центра Гетеанума, оказавшись после начала мировой войны фактически отрезанными от России и лишенными материальных средств. Письмо не датировано, написано оно, видимо, в ноябре 1915 г. (20 ноября 1915 г. Белый отправил Иванову-Разумнику письмо с той же просьбой, что и к Сологубу).⁵⁷

«Многоуважаемый Федор Кузмич,

извиняюсь за это письмо: оно — так неожиданно. Я сижу, молчу вот уже скоро 3 года за границей; ни с кем не в переписке; и — пишу Вам. Вас должно удивить это. Но и *сизжу*, и *молчу* я давно уже с определенною целью; *сизжу* и *молчу* от сложных и очень деликатных мотивов; когда и в Тебе, и вокруг Тебя так сложно, то от сложности... не говоришь; далее: все эти мотивы, вынуждающие меня молчать и сидеть, с момента войны усложнились; не объяснишь, почему именно Ты, будучи *русским*, не вернулся в Россию, а остался там, где был прежде, хотя, конечно, душою рвался в Россию. Оттого-то я никому, ничего о себе не писал. А если рискнул обратиться к Вам с этим письмом, то это потому, что я вспомнил Ваше любезное отношение ко мне и Ваши хорошие слова, сказанные мне однажды Вами, как писателю.⁵⁸

⁵⁵ В мае 1912 г. в Брюсселе Белый закончил 4-ю главу «Петербурга» (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный)..., л. 60). Жена Белого, художница Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890—1966), проходила там курс обучения у гравера Данса.

⁵⁶ А. Н. Чеботаревская (1876—1921) — писательница и переводчица, жена Ф. Сологуба (с осени 1908 г.) и соавтор ряда его произведений.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 6.

⁵⁸ Видимо, Белый подразумевает произнесенный Сологубом в феврале 1912 г. «неожиданный панегирик» первым главам его романа «Петербург» (см.: Белый Андрей. Начало века. М.—Л., 1933, с. 446—447). Высокого мнения Сологуб был и о третьей «симфонии» Белого «Возврат»: «Мне помнится, что о книге моей, только вышедшей, — книге „Возврат“ — выражался Ф. К.: — Вот — хорошая книга» (Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. — В кн.: Эпопея, № 2. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 188).

Я обращаюсь к Вам сейчас за помощью: за советом, а может быть, даже и за содействием. Я пишу 3-ю часть моей трилогии («Восток или Запад» — только еще принялся);⁵⁹ и скоро, месяца через 1½—2, мог бы уже предложить издательствам мою рукопись. Роман называется „Моя жизнь“; первая часть „Годы младенчества“ будет готова через 2 месяца;⁶⁰ но я не знаю, кому я могу теперь просто предложить ее: я отрезан от России; ничего, кроме газеты, не доходит до меня (живу я в деревне); 4 года уже скоро, как я ни <с> кем, кроме „Сирин“,⁶¹ не был в сношении; и я растерял: адреса, издательства, словом, все, что меня связывает с литературой; не знаю просто, куда обратиться; между тем у нас с женой всего несколько сот франков (500), на которые ни уедешь в Россию, ни проживешь здесь; и вот это-то критическое положение вместе с полной отрезанностью заставляет переживать очень тяжелые минуты и вспомнить, что мой роман „Петербург“ отдельной книгой не издан, что не издана вовсе книга моя „Путевые заметки“,⁶² что „Серебряный Голубь“

⁵⁹ Первоначально Белый предполагал завершить трилогию, начатую «Серебряным голубем» и «Петербургом», романом под названием «Невидимый Град» (см.: Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX—начала XX века. Л., 1977, с. 248—251). Написанный же вместо этого в 1915—1916 гг. роман «Котик Летаев» не завершал трилогию, а открывал новый цикл автобиографических произведений.

⁶⁰ В письме к Иванову-Разумнику, отправленном 20 ноября 1915 г., Белый в связи с этим писал: «Теперь же сижу над 3-ей частью „Трилогии“, которая разрастается ужасно и грозит быть трехтомием. Называется она „Моя жизнь“: первый том — „Детство, отрочество и юность“. Первая часть тома, как и две другие части в сущности самостоятельны; ее кончу через 2—2½ месяца; она называется „Котик Летаев“ (годы младенчества); и мне бы хотелось ее пристроить в какой-нибудь журнал, в какой — не знаю; в ней 200 страниц, 5 глав» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 6). Полгода спустя, высылая Иванову-Разумнику рукопись «Котика Летаева», Белый писал (23 июня 1916 г.): «„Котик Летаев“ есть первая часть огромного романа „Моя жизнь“, в нем 7 частей: „Котик Летаев“ (годы младенчества), „Коля Летаев“ (годы отрочества), „Николай Летаев“ (юность), „Леонид Ледяной“ (мужество), „Свет с востока“ (восток), „Сфинкс“ (запад), „У преддверия Храма“ (мировая война)... Каждая часть — самостоятельное целое. Предоставляю Вам право что угодно делать с рукописью» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 7). «Котик Летаев» был опубликован (с подзаголовком «Первая часть романа „Моя жизнь“») в альманахе «Скифы» (сб. 1—2. [Пг.], 1917—1918). Из замысла «Моей жизни» (другое название — «Эпопея») были реализованы только «Котик Летаев», «Крепченый китаец» («Преступление Николая Летаева») и примыкающие к ним «Записки чудака».

⁶¹ В трех сборниках «Сирин» (СПб., 1913—1914) был опубликован роман Белого «Петербург».

⁶² Издание «Путевых заметок» Белого предполагалось в «Мусагете» в 1912 г., но не было осуществлено (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год, с. 224). Первый том книги был издан дважды: 1) Офейра. Путевые заметки, ч. 1. «Книгоизд-во писателей в Москве», 1924; 2) Путевые заметки, т. I. Сицилия и Тунис. М.—Берлин, «Геликон», 1922. Второй том отдельным изданием не вышел; главы из него печатались в журналах и альманахах.

уже 3 года (больше) исчерпан, что „Пепел“ (книга стихов) и некоторые симфонии тоже давно распроданы; я не знаю, насколько я,⁶³ как писатель, заслуживаю внимания, но я мог бы предложить и собрание своих сочинений; только я не знаю — кому, куда и когда; я мог бы продать 1) мою трилогию («Серебряный Голубь», «Петербург», «Моя жизнь»). Мог бы предложить собрание стихов, „Путевые заметки“, что угодно, но... — опять-таки... не знаю кому и куда; между тем материально я могу прожить лишь 1½ месяца; и далее оказаться без гроша в чужой стране и в очень трудных и сложных жизненных условиях. За себя я не боюсь, но боюсь за жепу, которая очень слаба, переутомлена работой и почти больна. Вот я и обращаюсь к Вам, Федор Кузмич, с просьбой: или посоветовать мне письмом, а если будет случай (Вам легко, Вы живете в Петербурге), то, может быть, Вы замолвите слово обо мне кому-нибудь. Извиняюсь за беспокойство, но — что же мне делать? Зная, что письмо идет 3 недели (минимум в Россию и три недели назад) и зная, что через шесть недель Ты без гроша, приходится поневоле просить о помощи тех из знакомых писателей, кто о Тебе, как писателе, неплохого мнения.

Я просил друга в Москве похлопотать с моими книгами, он — обещал: и вот пишет, что устроить ничего нельзя.⁶⁴ Это было для меня... почти ударом, потому что я так надеялся, что что-нибудь устроится. Вот я и обращаюсь к Вам. Помогите мне, Федор Кузмич: и за совет мне сюда, и за слово, замолвленное обо мне в Петербурге, буду глубоко благодарен Вам. Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анастасии Николаевне.

P. P. S. Мой адрес: *Suisse*. Dornach (près de Bâle). Maison Emil Thomann. Boris Bougaïeff. Рукопись двухтомного собрания стихов, приготовленного к печати,⁶⁵ и рукопись „Путевых заметок“ находится у Разумника Васильевича Иванова (Васильевский Остров, 5 линия, д. 28, контора типографии Стасюлевича) (ф. 289, оп. 3, № 98).

Видимо, Сологуб ознакомил с содержанием этого письма Блока. «Получили ли Вы уже письмо от Бориса Николаевича

⁶³ У Белого описка: «поскольку».

⁶⁴ Видимо, имеются в виду либо Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958), переводчик и музеевед, либо Михаил Иванович Сизов (1884—1956), писатель, переводчик, публицист, либо Владимир Оттонович Нилендер (1883—1965), переводчик и филолог-классик.

⁶⁵ Двухтомное собрание стихотворений, построенное по хронологическому принципу, было подготовлено Белым для издательства «Сириус» летом 1914 г. Издание не было осуществлено, см.: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого, с. 583, 596.

Бугаева? — спрашивал Блок Иванова-Разумника в письме от 6 декабря 1915 г. — Я узнал, что он находится в исключительно тяжелом положении, доживает последние деньги». ⁶⁶ Блок с Ивановым-Разумником взяли на себя хлопоты по оказанию Белому материальной помощи. Они добились для него денежной ссуды от Литературного фонда, а также организовали отдельное издание романа «Петербург», которое увидело свет в апреле 1916 г.

Заграничное пребывание Белого (апрель 1912 — август 1916 г.) было нарушено лишь однажды приездом в Россию (март—август 1913 г.). Почти все эти месяцы Белый провел в Боголюбах под Луцком — имени отчима А. Тургеневой, где усиленно дописывал «Петербург». В апреле 1913 г. А. М. Ремизов прислал ему только что вышедшую в издательстве «Сирин» свою книгу «Подорожие», включавшую повесть «Пятая язва» — одно из вершинных произведений писателя, вызвавшее большой общественный резонанс. ⁶⁷ Белый, и ранее с большим вниманием, а нередко и с восхищением относившийся к произведениям Ремизова, ⁶⁸ писал ему по прочтении книги:

«Глубокоуважаемый и милый, милый
Алексей Михайлович!

Громадное спасибо за книгу, за подарок к Светлому Дню. Воистину воскрес! ⁶⁹

Книгу Вашу прочел, не прочел, а проглотил. „Пятую Казнь“ ⁷⁰ еще никогда не читал. Она меня глубоко потрясла. Как открыл, так и не мог оторваться.

Это — что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы.

„Вехи“ русской литературы, которые потом будут критикою превращены в шоссейные дороги среди пустырей; среди пустырей обозначаются для меня редко, редко подобные произведения. Так для меня было с „Куликовым полем“ Блока, ⁷¹ с „Толстой и Достоевский“ Мережковского когда-то, с Вашей повестью, читанной Вами в Академии поэтов в 1910 году; ⁷²

⁶⁶ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 233.

⁶⁷ «Пятая язва» впервые была опубликована в октябре 1912 г. в «Литературно-художественном альманахе издательства „Шиповник“» (кн. 18).

⁶⁸ Белый рецензировал книги Ремизова «Посолозь» (Критическое обозрение, 1907, вып. 1, с. 34—36), «Пруд» (Весы, 1907, № 12, с. 54—56), «Чертов лог и Полуночное солнце» (там же, 1908, № 2, с. 79—80), «Часы» (там же, № 6, с. 67—68; подпись: Яновский). См. также: Белый Андрей. Арабески, с. 475—480.

⁶⁹ Пасхальная неделя в 1913 г. приходилась на середину апреля.

⁷⁰ Так Белый ошибочно называет «Пятую язву».

⁷¹ Цикл Блока «На поле Куликовом» Белый прочел летом 1910 г. и отнесся к нему восторженно (Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. — Эпопея, № 3. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 172—173).

⁷² Имеется в виду повесть Ремизова «Неуемный бубен», которую он прочел на заседании «Общества ревнителей художественного слова» в Пе-

можно сказать, что „*Пягая Казнь*“ есть то, чем будет гордиться период 1910—1913 года. За этот период времени ничто меня не потрясло так, как „*Пятая Казнь*“, разве только когда-то „*Куликово поле*“. „*Куликово поле*“ и „*Пятая Казнь*“ произведения вещи. Спасибо, спасибо не только за память и за книжку, но спасибо еще за „*Пятую Казнь*“. Если только управлюсь скоро с романом,⁷³ непременно напишу о ней статью в „*Трудах и днях*“, ибо она — *событие*.

Милый Алексей Михайлович, надеюсь увидеться с Вами и с Серафимой Павловной⁷⁴ скоро, в Петербурге, если еще там будете (мы будем мая 11—12-го).⁷⁵ Если нет, то... увидимся же где-нибудь!..

Милый, дай Бог Вам тишины, труда. И Бог дай Вам еще „*Пятых казней*“.

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

От нас с Асей привет Вам и Серафиме Павловне.

Р. С. Никому не говорите, что мы будем в Петербурге: мы стали дикарями, и никого видеть не хотим» (ф. 256, оп. 1, № 40).

Намерения своего написать статью о «Пятой язве» Белый не осуществил, и письмо так и осталось единственным документом, характеризующим его отношение к этому произведению.

30 января 1917 г. Белый приехал из Москвы в Петроград, а 31 января поселился у Иванова-Разумника в Царском Селе,⁷⁶ где провел весь следующий месяц, работая над статьей «Жезл Аарона» и исследованием «О ритмическом жесте» и лишь по мере необходимости выезжая в столицу. 17 февраля он писал Ремизову:

тербурге в феврале 1910 г. Белый после этого обещал организовать ее издание в «Муссагете». Редакция издательства, однако, решила не печатать повесть (в силу того что в планы «Муссагета» не входило издание беллетристических произведений, а также из-за бюджетных и иных сложностей). 24 мая 1910 г. Ремизов писал в связи с этим Белому: «Если я обратился к Муссагету, то единственно памятуя Ваши слова после „Неумного бубна“, что Муссагет мою книгу новую издаст обязательно» (ГБЛ, ф. 25, карт. 22, № 5). Белый в ответном письме изложил существо дела, прибавив: «Мне было больно и трудно с этим согласиться, и я все откладывал Вам ответ, думая, что мне удастся склонить к изданию, но получил в деревню письмо, извещающее меня о принятом уже решении» (ГПБ, ф. 634, № 42). «Неумный бубен» был впервые опубликован в «Альманахе для всех» (СПб., изд. «Нового журнала для всех», 1910).

⁷³ В апреле 1913 г. Белый закончил работу над 6-й главой «Петербург», полностью роман был завершён в ноябре 1913 г. (Белый Андрей. Материал к биографии (пятилетний)..., л. 64 об., 68 об.—69).

⁷⁴ С. П. Ремизова-Довгелло (1876—1943) — жена А. М. Ремизова.

⁷⁵ Белый приехал в Петербург 11 мая 1913 г. (см. дневниковую запись Блока: Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 7. М.—Л., 1963, с. 250) проездом в Гельсингфорс, куда он направлялся слушать цикл лекций Р. Штейнера.

⁷⁶ См.: Белый Андрей. Жизнь без Аси. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 1.

«Дорогой Алексей Михайлович,

что за несчастье! Опять вторично простудился: все недосиживаю дома; эти выезды в Петроград⁷⁷ по морозу с возвращением ночью домой, да еще в моей шубе, сиденье в ней в теплых вагонах и потом выход на холод простужают. После лекции как вернулся, почувствовал себя опять больным. Чтобы не схватить воспаления, должен основательно отсидеться: отрывочек мой не вполне годится: высылаю стих — какой есть.⁷⁸ Буду у Вас непременно, но тогда, когда простуда отпустит: очень уж трудно у Вас по Петрограду передвигаться: стояла бы мягкая погода, было бы легче. Серафиме Павловне привет. Скоро — надеюсь — свидимся.

Остаюсь искренне преданный и любящий Вас кавалер „Обезьяньего знака“⁷⁹

Борис Бугаев (ф. 256, оп. 1, № 40).

В тот же день Белый отправил письмо Ф. Сологубу, в котором также извещал о своей болезни: «Страшно хочется быть у Вас; и — противная простуда: привязалась и не отпускает» (ф. 289, оп. 3, № 98). Болезнь в совокупности с другими причинами воспрепятствовала выступлению Белого в Петроградском университете в пушкинском семинарии С. А. Венгерова с рефератом «О слове в поэзии» (по только что написанной им в январе—феврале статье «Жезл Аарона»)⁸⁰. Позднее, в октябре 1917 г., Белый выступил в семинарии Венгерова с обоснованием теории ритмического жеста — по материалам проводившихся им

⁷⁷ Накануне, 16 февраля, Белый выступал в Петрограде на заседании Религиозно-философского общества с лекцией «Творчество мира» (ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 1).

⁷⁸ Видимо, стихотворение «Искра» («Я засыпал... Стремительные мысли...», 1914), опубликованное в альманахе «Страда» (кн. 2. Пг., 1917, с. 84); под заглавием «Дух» вошло в книгу Белого «Звезда» (Пб., 1922, с. 41).

⁷⁹ В 1908 г. Ремизов основал шуточное фантастическое общество — «Обезьянья Великая и Вольная палата» («Обезвездволпала»), в котором сам выступал в роли «обезьяньего царя» Асыки Первого. Члены «Обезвездволпала» (к ним принадлежали многие литераторы) получали от Ремизова особые «грамоты» и «знаки» (см.: Греч и шкин С. С. Архив А. М. Ремизова. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 32—34). Для Белого Ремизов изготовил «обезьяний знак» с «грамотой»: «Борису Николаевичу Бугаеву Андрею Белому за претерпение ратное, за стихи, еще неполученные, обезьяний знак первой степени с хвостом. Дан для ношения. 24 I 1917. Алексей Ремизов» (ГБЛ, ф. 25, карт. 22, № 5).

⁸⁰ Статья опубликована в кн.: Скифы, сб. 1, с. 155—212. Приглашение «от имени Кружка прочитать реферат по какому-нибудь отделу методологии» Венгерова сделал Белому в записке на обороте приглашительного билета на его лекцию 16 февраля, который передал с двумя представителями пушкинского семинария (ГБЛ, ф. 25, карт. 35, № 25); с ними Белый и условился о теме и сроках своего выступления.

в это время стиховедческих исследований.⁸¹ 20 февраля 1917 г. Белый писал Венгеру из Царского Села:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

Мне бесконечно стыдно и больно, что приходится отказаться от чести присутствовать у Вас в „Пушкинском кружке“ и беседовать на тему „О слове в поэзии“, — тем более стыдно, что на любезное приглашение членов Кружка я согласился. Я бы, разумеется, не отказался бы, если бы был в других условиях, если бы, например, со мною был бы рабочий материал, который пришлось оставить мне за границей, если бы я был здоров, не связан срочной работой, и главное: если бы я был уверен, что до субботы останусь в Петрограде. Но, во-первых, — очень неважно себя чувствую (инфлуэнца); во-вторых, — мне обещан билет (на субботу-воскресенье); ввиду трудности проезда размышлять долго не приходится: мне застрять в Петрограде нельзя. Наконец: без фактического материала пришлось бы сказать нечто „общее“, что в моей теме не может составлять особого интереса для знатоков деталей поэзии. Словом, приходится извиниться за нарушенное обещание.

Ужасно жалею, что не имел чести видеть Вас. Я бы был у Вас с визитом, если бы не плохое здоровье: теперь не знаю, когда выеду из Царского: а в предотъездные дни — ряд досадных дел.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Борис Бугаев.

Р. М. Извиняюсь еще раз перед членами „Пушкинского кружка“» (ф. 377).

Выехать в Москву согласно своим планам Белому, однако, не удалось: началась февральская революция, и ее решающие дни он провел в Петрограде в самой гуще событий. О 28-м марта, в частности, Белый записал: «Революция на улицах. Пять раз был под пулеметами. Беседа с Масловским, в редакции» „Дня“ у Мережковских».⁸² Попастъ в Москву Белый сумел только 9 марта.

⁸¹ См.: Пушкинист. Историко-литературный сборник под ред. проф. С. А. Венгерова, III. Пг., 1918, с. VIII. В перечне своих выступлений «Себе на память» Белый ошибочно отнес этот доклад к февралю 1917 г. (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 7); ср. примеч. 85. На стиховедческих докладах Белого Венгер присутствовал еще в феврале 1910 г. и отнесся к результатам его работы «с большим вниманием» (Белый Андрей. Между двух революций. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934, с. 395).

⁸² Белый Андрей. Жизнь без Аси. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 1. Масловский — настоящая фамилия Сергея Дмитриевича Мстиславского (1876—1943), писателя и общественного деятеля. Мстиславский вспоминает о своих встречах с Белым в эти дни: «... хотя знакомство наше состоялось еще в 1916 году, но первый „большой“ разговор был накануне февральского переворота. Белый обедал в этот день у меня и, поскольку

Последующие письма Белого к С. А. Венгеру были связаны с его обещанием представить для издания «Русская литература XX века» статью о Вячеславе Иванове.⁸³ В ней давался анализ творчества Иванова в связи с его философско-эстетическими убеждениями; впервые в критике тех лет была освещена проблема поэтического слова у Иванова. Белый трудился над статьей в ноябре—декабре 1917 г.⁸⁴ и направил по этому поводу несколько писем Венгеру. Первое из них написано 6 (19) ноября 1917 г.:

«Глубокоуважаемый и дорогой Семен Афанасьевич,

Мне бесконечно больно и горько, что произошло недоразумение с заседанием. Я был введен в заблуждение слухами о железнодорожной забастовке и другими факторами, помешавшими приехать на прения по поводу моего доклада.⁸⁵

Статью о В. Иванове писал и упорно работал над нею до 27-го, когда у нас началась перестрелка; выстрелами разбита наша квартира: неделю мы жили в ванне; теперь в комнатах царит холод: жить почти нельзя в них, работать — подавно; постараюсь выехать за Москву и тотчас же приняться за порученную мне статью; опоздание не по моей вине; скорейшим образом вышлю ее при первой возможности. Еще раз извиняюсь в происшедшем недоразумении.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности.
Остаюсь готовый к услугам

Борис Бугаев» (ф. 377).

наша беседа закончилась поздней ночью, остался ночевать у меня (я жил в Военной Академии на Суворовском проспекте <...>). Он вышел утром, собираясь проехать в Царское Село, — в то самое время, когда по ту сторону нашего академического плаца уже разгоралась стрельба — Волынский полк выходил из казарм. Так как Белому не удалось уехать — он вернулся и провел на моей квартире и следующую ночь, вместе с Ивановым-Разумником и еще несколькими лицами: я находился в Таврическом дворце, в штабе восстания» (ЦГАЛИ, ф. 306, оп. 1, № 118, л. 1—1 об.).

⁸³ Белый Андрей. Вячеслав Иванов. — В кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. III (кн. VIII). М., 1916, с. 114—149 (8-я книга, вопреки обозначению на титульном листе, вышла в 1918 г.). Статья об Иванове вошла также в книгу Белого «Поэзия слова» (Пб., «Эпоха», 1922).

⁸⁴ Белый Андрей. Работа и чтение [1916—1917 гг.]. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 6. В декабре 1917 г. Белый дважды читал в Москве доклад о поэзии Вячеслава Иванова — у М. О. Гершензона и у Б. П. и Н. А. Григоровых (Белый Андрей. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 7 об.).

⁸⁵ Белый приезжал в Петроград в октябре 1917 г. (жил в Царском Селе у Иванова-Разумника). 14 октября состоялся его доклад «О ритмическом жесте» в Историко-литературном кружке им. Пушкина при Петроградском университете под руководством С. А. Венгерова; извещение о докладе было получено в Царском Селе 12 октября (ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 14, л. 18).

Следующее письмо было отправлено 3 января 1918 г. уже по написании статьи:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

я извиняюсь, что задерживаю статью о Вячеславе Иванове. Она — готова; но она оказалась длиннее, чем я предполагал: необыкновенно трудно ввиду сложности лирики, мировоззрения и вообще ввиду многосторонности В. И. Иванова четко и внятно охарактеризовать целое его мировоззрительных и лирических устремлений; поэтому мне необходимо, сокращая статью, слегка переделать некоторые ее части; и отдать ремингтонировать. В нынешней России послать по почте значит почти наверное — потерять; копии же у меня нет. Завтра утром еду в деревню; после 10-го января возвращаюсь в Москву и тотчас же высылаю статью; опоздал я вследствие многих причин: вследствие очень плохого здоровья (все побаливаю), вследствие почти невозможности работать в нынешней России, вследствие необходимости читать курс лекций; на подготовку к ним уходит много времени.⁸⁶ Все же: статья готова, изменения в ней — пустяжны; главным образом время займет ремингтон.

Остаюсь глубокоуважающий и готовый к услугам

Борис Бугаев» (ф. 377).

Статью Белый направил в Петроград с писателем Андреем Соболев, прося Венгерова в сопроводительном письме о перечислении гонорара. По получении ответных писем от Венгерова (в одном из них содержалось предложение вступить во Всероссийский Союз писателей)⁸⁷ Белый сообщал ему 31 января 1918 г.:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич, —

Я уже писал Вам: пишу еще раз (почта так плохо работает); мне было бы очень приятно вступить в Союз Писателей, организуемый Вами; в настоящих условиях жизни есть большая потребность в организации профессиональной жизни. Гонорар (300 рублей) за статью я получил, но со мной случилось несчастье: я потерял бумажку, которую должен был вернуть с распискою. И теперь не знаю, куда мне направить расписку в получении денег. Направляю ее Вам. Поступайте с моей статьей, как сочтете нужным. О недоумениях, возникающих у Вас,

⁸⁶ В декабре 1917—феврале 1918 г. Белый читал курс лекций «Мир духа» для членов московского Антропософического общества.

⁸⁷ 10 января 1918 г. Венгеров извещал Белого: «Задумана мною попытка сделать Союз Писателей настоящим литературным центром. Посему прошу Вас вступить в число его членов и о согласии Вашем уведомить меня». Получив статью о Вяч. Иванове, Венгеров сообщил Белому в письме от 19 января о предстоящей выплате ему гонорара (большего, чем другим авторам «Русской литературы XX века») (ГБЛ, ф. 25, карт. 13, № 3).

может быть, Вы мне сообщите письменно; вряд ли скоро сумею выбраться из Москвы. Может быть, буду в Петрограде в марте.⁸⁸

Остаюсь глубоко уважающий и искренно преданный

Борис Бугаев» (ф. 377).

Переписка Белого с Венгеровым, посвященная деловым вопросам, свидетельствует в то же время о симпатии и заинтересованности, какую проявляли в своих взаимоотношениях писатель-символист и крупный историк литературы, принадлежавший к старшему поколению и в то же время внесший весомый вклад в дело истолкования литературы рубежа веков и сбора материалов для ее последующего изучения.

4

Хорошо известно, какую активную культурно-общественную деятельность развернул Андрей Белый в первые послеоктябрьские годы. Работа в московском Пролеткульте, в Театральном отделе Наркомпроса, в Отделе охраны памятников старины, многочисленные выступления на литературных собраниях и вечерах, активная лекторская, преподавательская и организационная деятельность в московском «Дворце искусств» и в петроградской Вольной философской ассоциации («Вольфиле») — таков далеко не полный перечень занятий Белого вплоть до октября 1921 г., времени его отъезда за границу. Документальные материалы, хранящиеся в Пушкинском Доме, характеризуют отдельные стороны этого периода жизни писателя.

К концу 1918 г. относится недатированное письмо Белого к Вяч. Иванову на бланке московского Пролеткульта и редакции журнала «Горн». «Дорогой Вячеслав, — писал Белый, — умоляю Тебя, прошу серьезно и убедительно: начни курс в „Пролеткульте“ в субботу. 2 раза мы назначали свидание; 2 раза тщетно ждали Тебя; между тем: уже с 1-го января начинаются курсы. <...> Ты — согласие дал; и следовательно: на Тебя рассчитывает „Пролеткульт“. В *среду в 6 часов* в помещении Литературной студии (Воздвиженка, 16) состоится собрание лекторов и старост-студийцев для распределения занятий и планов. Ждем Тебя. Будь! Право же, надо быть. Среда — последняя возможность сговориться» (ф. 607, № 247). Это деловое письмо дает почувствовать, с какой серьезностью и с каким энтузиазмом относился Белый к своей преподавательской деятельности в Пролеткульте. Работал он там с осени 1918 г., выполняя несколько заданий: «... мои функции: а) консультант по проблемам формы; б) руководитель этих проблем в семинариях литературной студии;

⁸⁸ Это намерение не было реализовано.

с) лектор: читаю курс по ритмике; d) чтение поступающих рукописей; e) прием в *Пролеткульт* и беседа с начинающими авторами». ⁸⁹ С января до мая 1919 г. он читал в Пролеткульте курс лекций «Теория художественного слова».

В архиве К. Эрберга сохранились рукописи Белого, характеризующие его работу по организации Института театральных знаний в Петрограде в первой половине 1920 г. «Принимаю участие в выработке плана „Института театральных знаний“, куда меня выбрали председателем научно-теоретической секции (институт не открылся)», — писал Белый. ⁹⁰ В июне—июле 1920 г. он участвовал в шести организационных заседаниях, посвященных разработке направлений и форм деятельности этого учреждения. ⁹¹ Белым были составлены два подробных протокола заседаний Научно-теоретического отдела Института театральных знаний, проходивших под его председательством 24 июня и 1 июля 1920 г. (ф. 474, № 459, л. 1—16). На первом из этих заседаний (присутствовали Белый, С. Г. Елисеев, М. А. Жирмунский, Р. В. Иванов-Разумник, К. Эрберг) был рассмотрен план структуры Отдела и программы его работ, представленный М. А. Жирмунским. Второе заседание (присутствовали Белый, С. Г. Елисеев, М. А. Жирмунский, Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг) было посвящено обсуждению записки Белого, в которой были намечены рабочие группы Отдела, и распределению работ между членами Отдела. «Андрей Белый, — говорилось в протоколе, — читает записку, в которой указывает на то, как перейти от плана заданий Отдела, представленного М. А. Жирмунским, к разделению на рабочие группы. Он предлагает Теоретический отдел разбить на 3 подгруппы: историко-теоретическую, практико-теоретическую и теоретическую собственно; первая выделяет из себя комиссию исторических анкет; вторая распадается на комиссии анкетную, лекционную и педагогическую; наконец, третья группа (чистых теоретиков) собирает весь материал работ Отдела и перерабатывает его с точки зрения теории; этот материал кладется в основу труда, долженствующего завершить работы Отдела <...>; намечаются следующие должности: 1) заведующий Театральной энциклопедией, 2) заведующий картотекой, 3) заведующий историко-теоретической комиссией, 4) заведующий анкетной комиссией, 5) заведующий педагогической комиссией, 6) заведующий лекционной комиссией, 7) заведующий теоретической комиссией и редакционно-издательским подотделом, 8) ученый секретарь. Что касается последнего, то решено первое время обойтись без него и поручить ведение протоколов пока председателю Отдела» (ф. 474, № 459, л. 13—13 об.).

⁸⁹ Белый Андрей. Материалы к биографии. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 98.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Белый Андрей. Себе на память, л. 13.

К протоколу заседания приложена «Докладная записка Андрея Белого», в которой подробно охарактеризован круг обязанностей заведующих рабочими группами Отдела (ф. 474, № 459, л. 17—22). Заведование комиссиями было распределено следующим образом: заведующий Театральной энциклопедией — К. А. Эрберг, заведующий картотекой — С. Г. Елисеев, заведующий историко-теоретической комиссией — М. А. Жирмунский, заведующий анкетной комиссией — Белый,⁹² заведующий педагогической комиссией — С. К. Боянус, заведующий лекционной комиссией — В. Н. Всеволодский-Гернгросс, заведующий теоретической комиссией — А. З. Штейнберг; кроме того, в ходе заседания было решено также учредить социологическую комиссию (заведующий — Иванов-Разумник).

9 июля 1920 г. Белый уехал в Москву и после этого более не участвовал в работе по организации Института театральных знаний, да и самая идея этого учреждения, чрезвычайно показательная для повышенного внимания в первые пореволюционные годы к проблемам театра и вообще массовых зрелищ, вскоре отошла на задний план. Белый, впрочем, и ранее хотел ограничить свое участие в деятельности по созданию Института. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве Эрберга письмо Белого от 18 июня 1920 г. к одному из его учредителей, театроведу Всеволоду Николаевичу Всеволодскому-Гернгроссу (1882—1962), предшествовавшее описанным заседаниям:

«Глубокоуважаемый Всеволод Николаевич, —

я чувствую большую вину, что не бываю на заседаниях „Института> театр<альных> знаний“. Но я так переутомлен, что едва стою на ногах. При всем желании работать в „Институте“, я чувствую невозможность для себя быть „заведующим теорет<ической> секции“. Что касается до „Института> Жив<ого> Слова“, то я с осени, когда надеюсь поправиться, с большой охотой буду преподавателем.⁹³ Сейчас надо поправиться, отдохнуть, а заведо-

⁹² В «Докладной записке» Белый указал, что задачи заведующего этой комиссией заключаются в руководстве разработкой ряда анкет по вопросам театра («что такое театр, какие ответы даются на этот вопрос, какими средствами он располагает (актерское искусство, внешний вид, виды и формы театра), как относится история теорий к современной идеологии театра, как возможен новый театр, что делалось для театрального воспитания и образования»). Предполагалось разделить анкетной комиссией на две группы: первая разрабатывает систему вопросов каждой анкеты и систематизирует по рубрикам анкетный материал, вторая занимается распространением анкет среди зрителей, актеров, теоретиков, критиков, режиссеров, драматургов и т. д. и следит за техникой их заполнения (ф. 474, № 459, л. 17—18).

⁹³ Институт живого слова был открыт в Петрограде в ноябре 1918 г. (ректор — В. Н. Всеволодский-Гернгросс). О своем вкладе в работу Института в первой половине 1920 г. Белый писал: «Принимаю участие в разработке плана занятий на осеннем семестре „Института живого слова“, куда я приглашен в преподаватели (участие не состоялось, за отъездом

вание „Отделом“, конечно, не позволит этого. Извиняюсь перед товарищами за то, что не оправдал их выбора; но здоровье не позволяет мне остаться в Институте театральных знаний в этой должности.

Примите уверения в совершенном почтении.

Борис Бугаев (А. Белый)» (ф. 474, № 490).

О чрезвычайной перегруженности Белого разнообразными деловыми обязательствами можно судить и по другому документу того же времени — официальной записке в издательство «Всемирная литература»: «Уведомляю „Всемирную Литературу“, что у меня нет времени редактировать Дидро. Извиняюсь, что ввел в заблуждение. Возвращаю рукопись и книгу. Примите уверение в совершенном почтении. Андрей Белый. 11 июля <19>20 года» (р. I, оп. 27, № 197).⁹⁴ Сотрудничество Белого во «Всемирной литературе», таким образом, не состоялось. Нужно отметить, что выбор для редактирования переводов из Дидро был совершенно случайным: никогда ранее, насколько известно, Белый не проявлял к его творчеству специального интереса.

Огромная занятость литературно-организационными делами, лекциями и докладами (1920 год Белый определил как «год максимального лекционного напряжения»⁹⁵) не могла не отразиться на его внутреннем состоянии: накапливались усталость, раздражение, нарастало ощущение духовной истощенности. В письме к С. М. Алянскому (вторая половина 1920 г.) Белый говорит о «максимуме» своих «„человеческих“ недомоганий»: «... развинтил свой организм: и оттого бывают минуты, как сейчас, когда без санатория (импровизированного) стоишь под знаком полной прострации».⁹⁶ Крайне тяжелые условия жизни, голод только усугубляли это состояние. Не мог Белый в полной мере реализовать и свою потребность в непосредственной творческой деятельности: мешали бесконечные дела и службы, сказывалась бытовая неустроенность. Угасал и духовный энтузиазм, свойственный ему в первые годы революции. Все эти настроения,

в Москву)» (Белый Андрей. Материалы к биографии. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 98). Сохранились присланные Белому повестки на заседания совета Института живого слова и групп соруководителей его студий (там же, № 196).

⁹⁴ «Всемирная литература» намечала к изданию художественные произведения Дидро («Племянник Рамо», «Жак-фаталист», «Монахиня», «Отец семейства»), а также его эстетические и философские сочинения (Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Пб., 1919, с. 34). Ни одно из этих изданий не было осуществлено. Белый был в Петрограде с 18 февраля до 9 июля 1920 г. (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 319).

⁹⁵ Белый Андрей. Ракурс к Дневнику. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 100; цит. по рукописи: Бугаев А. К. Н. Летопись жизни и творчества Андрея Белого. — ГПБ, ф. 60, № 107.

⁹⁶ ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, № 14.

а также беспокойство о жене, оставшейся в 1916 г. в Швейцарии, отчетливо проявились в письме Белого к Конст. Эрбергу (бывшему наряду с ним активным деятелем «Вольфила»), отправленном из Москвы в середине декабря 1920 г.:⁹⁷

«Дорогой Константин Александрович,

спасибо Вам за хорошее письмо.⁹⁸ Я всей душой с Вами. Но — поймите меня: вся моя жизнь в Асе и в „Эпопее“. 3 года я был лишен возможности работать; теперь открылась эта возможность, и я, боясь спугнуть ее, живя под Москвой, спешу использовать время; тронуться куда-нибудь до окончания черновика 1-го тома не могу; когда кончу черновик, приеду.⁹⁹

Здесь в Москве живу почти на положении тунеядца, ибо нигде не служу, от этого плохо приходится, — но только этой ценой и могу держаться.

Моя миссия — „Эпопею“ написать: написать надо 10 томов, а как их напишешь, когда объявлено гонение на все духовное.

Кроме того: „Эпопея“ — шаг к отъезду; пока не будет написан первый том, я даже не могу думать об отъезде.

Всей душой с „Вольфилой“. По окончании „Эпопеи“ — приеду (думаю, в феврале); ранее — не сумею.

Милый, хороший Константин Александрович, не сердитесь Вы на меня: мне и так трудно и больно.

Душа тоскует по Асе. Готов хоть бежать! Глаза бы мои не глядели на то, что делается вокруг.

Всей душой с Вами. Остаюсь уважающий и любящий Вас сердечно

Борис Бугаев.

Р. С. Бакрылов¹⁰⁰ уговорил меня принять 20 тысяч за „Инсти-

⁹⁷ Другое письмо Белого к Эрбергу, от 26 апреля 1913 г., см. в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979, с. 116.

⁹⁸ Нам известно только одно письмо Эрберга к Белому — от 25 января 1918 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 23, № 18). Судя по контексту приводимого письма, Эрберг призывал Белого приехать в Петроград и возобновить работу в «Вольфиле».

⁹⁹ Ср. сходные объяснения в письме Белого к Иванову-Разумнику от 17—18 декабря 1920 г.: «...упорная, кабинетная работа привязывает меня к Москве, собственно не к Москве, а к подмосковному дому, где удобно устроился; пока не кончу черновика первого тома „Эпопеи“, мне думать печего о переезде в Петроград» (ЦГАЛП, ф. 1782, оп. 1, № 11). В ноябре—декабре 1920 г. Белый вплотную работал над «Преступлением Николая Летаева», рассматривавшимся как «первый том серии томов „Эпопеи“» (Записки мечтателей, № 4. Пб., «Алконост», 1921, с. 23).

¹⁰⁰ Владимир Васильевич Бакрылов (1893—1922) — писатель и журналист, член партии левых социалистов-революционеров; в 1918 г. секретарь Репертуарной секции Петроградского отделения ТГО Наркомпроса, позднее секретарь «Вольфила».

тут».¹⁰¹ Я взял, пбо думал с ним ехать. Я могу скоро вернуть — если надо вернуть, черкните или дайте телеграмму.

И еще простите, что пишу на плохой бумаге.

Всем вольфильцам сердечный привет. Аарону Захаровичу¹⁰² — особый (Р. В. Иванову пишу отдельно)» (ф. 474, № 87).

Несколько дней спустя после отправки этого письма Белый поехал в больницу, где находился до марта 1921 г.¹⁰³ В архиве Эрберга сохранилась записка Белого, посланная оттуда Иванову-Разумнику: «Дорогой Разумник Васильевич, — пишу из больницы; переезжаю в другую; еще дней 20 придется лежать в больнице. Обнимаю Вас. Думаю быть весной. Маргарита Васильевна Сабашникова переезжает в Петроград.¹⁰⁴ Надеюсь, она будет работать в „Вольфиле“; привет всем „вольфильцам“. Обнимаю Вас. Б. Бугаев» (ф. 474, № 491).

Работу в «Вольфиле» Белый возобновил по приезду в Петроград в апреле 1921 г. и фактически не прекращал ее до своего отъезда за границу в середине октября того же года. И как ни трудна была жизнь в России в первые послеоктябрьские годы, Белый в Германии вспоминал о ней, как о поре, исполнившей его «верою в человека» и «пронизавшей энтузиазмом и жизненным пафосом».¹⁰⁵

К 1920 г. относится рукописная книжка Белого «Танка» — автограф стихотворения с акварельными рисунками к тексту. Такого рода «автографические издания» были организованы при

¹⁰¹ Деньги, начисленные Белому в Институте живого слова, где он должен был преподавать с осени 1920 г.; Эрберг был одним из руководителей Института.

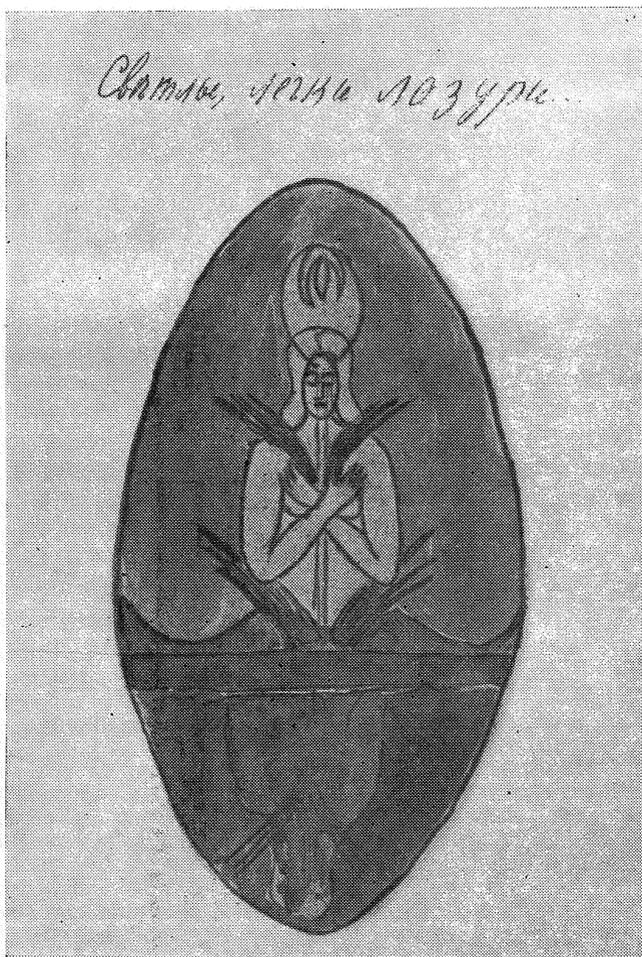
¹⁰² А. З. Штейнберг (1891—1975) — философ, публицист, активный участник «Вольфилы».

¹⁰³ Белый писал об этом А. А. Тургеневой (Ковно, 11 ноября 1921 г.): «В декабре я упал в ванне и 10 дней таскался в Москву из-под Москвы, пока не сделалось воспаление надкостницы крестца и не обнаружилось, что я раздробил крестец; меня сволокли в больницу <...>» (Воздушные пули. Альманах V. Нью-Йорк, 1967, с. 306).

¹⁰⁴ М. В. Сабашникова (1882—1973) — художница, поэтесса, первая жена М. А. Володина; деятельная участница Антропософического общества. О встречах Сабашниковой с Белым в годы революции см. в ее воспоминаниях: Woloschin Margarita. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. 4. Auflage. Stuttgart, 1968. S. 305—380.

¹⁰⁵ Белый Андрей. О «России» в России и о «России» в Берлине. — Беседа (Берлин), 1923, № 1, с. 220. Ко времени пребывания Белого в Берлине в 1922 г. относятся его рисунки — шаржи на знакомых литераторов: два шаржа на Брюсова, один (с надписью: «Борис Бугаев Брюсова рисовал») датирован 12 февраля 1922 г. (опубликованы: Литературная Россия, 1973, № 50, 14 декабря, с. 16), шарж на М. М. Волкова, А. С. Петровского и теософа П. Н. Батюшкова, шаржи на поэта В. В. Казина (ученик Белого по Пролеткульту), на Ремизова и на Вяч. Иванова (р. I, оп. 2, № 50). Попутно упомянем также дарительную надпись Белого поэту А. И. Тинякову на шмуцтитуле одной из своих книг, выпущенных в издательстве «Алконост»: «Дорогому Александру Ивановичу Тинякову на добрую память А. Белый. 9 октября 1921 года» (там же, № 51).

московской Книжной лавке писателей М. А. Осоргниным, который вспоминал об этом начинании: «В тяжкие 1919—1921 годы московской разрухи и голодания печатание книг было для писате-

Андрей Белый. «Танка». Рукописная книжка (лист рукописи). 1920 г.

лей почти недоступно <...> Но творческая жизнь не прекращалась, рукописи у писателей накапливались, и каждому хотелось издать если не книгу, то хоть несколько страничек <...> И вот мы надумали издавать и продавать рукописные книжки, причем каждый автор должен был сам свою книжечку написать и разукрасить <...> Сначала это издание носило характер шутки, как бы озорства, но потом оказалось, что такая книжка может под-

кармливать автора, и многие занялись этим делом серьезно. Книжек выпускали мало, но продавали их очень дорого, в расчете на

Андрей Белый. «Танка». Рукописная книжка (последний лист).
1920 г.

любителей автографов. „Издано“ было около 250 книжек (33 авторов), и все до одной были проданы».¹⁰⁶ Белым было изготов-

¹⁰⁶ Осоргин М. Рукописные книги московской лавки писателей. 1919—1921. — В кн.: Временник Общества друзей русской книги. III. Париж, 1932, с. 49—50.

лено в сентябре—октябре 1920 г. 9 таких книжек.¹⁰⁷ Имслющаяся в Пушкинском Доме «Танка» представляет собою книжечку из четырех рукописных листов; стихотворение воспроизводится дважды: сначала — полностью его рукописный текст (л. 1 об.), затем — 5 рисунков Белого (л. 2—4), каждый из которых иллюстрировал соответственно одну строку пятистрочного стихотворения:

Светлы, легки лазури:
Они — черны: без дна!..
Там — мировые бури...
Так жизни тишина:
Она, как ночь, темна.¹⁰⁸

Творческие рукописи Белого этого времени представлены в Пушкинском Доме фрагментами из «Записок чудака»: 7 отрывков белового текста, зачеркнутых автором и отразившихся в окончательном тексте произведения в модифицированном виде.

5

Идея собрания своих сочинений зародилась у Андрея Белого в первой половине 1910-х годов, когда он был одним из руководителей издательства «Мусагет». В письме к Э. К. Метнеру из Берлина от 8 января (н. ст.) 1913 г.¹⁰⁹ он излагает план издания в 15 томах: т. 1—4 — четыре «симфонии», т. 5 — «Серебряный голубь», т. 6 — «Петербург», т. 7 — «Невидимый Град» (этот несуществующий замысел Белый предполагал реализовать в ближайшие два года), т. 8 — «Пепел», т. 9 — «Золото в лазури» и «Урна», т. 10 — «Путевые заметки», т. 11—12 — «Арабески», «Луг зеленый», несобранные и еще не написанные статьи, т. 13 — «Символизм» (без стиховедческих статей), т. 14 — «Ритм» (статьи по стиховедению); 15-й том в плане не был обозначен, но в том же письме Белый говорил о намерении ввести отдельным томом в собрание сочинений книгу рассказов («Куст», «Адам», «Световая сказка» и др.) и драматических фрагментов к ненаписанной мистерии «Антихрист», надеясь даже вернуться к реализации этого юношеского замысла во всей его полноте. Это — первый из фиксированных Белым планов своего собрания сочинений, еще непродуманный во внутренних пропорциях: так, например, четыре «симфонии» составили бы не четыре тома, а один, не превышающий по объему том, отведенный «Петербургу».

¹⁰⁷ Там же, с. 53—54.

¹⁰⁸ Стихотворение (написано в Дорнахе в 1916 г.) впервые опубликовано в альманахе «Весенний салон поэтов» (М., 1918, с. 59). Под заглавием «Лазури» вошло в книгу Белого «Звезда» (с. 50). Последняя строка в печатном варианте: «Она, как ночь, черна».

¹⁰⁹ ГБЛ, ф. 167, карт. 3, № 1.

Ни в «Мусагете», ни в «Сирине», в котором также обсуждалась возможность издания собрания сочинений Белого, эти проекты не привели к реальному результату. За издание взялся В. В. Пашуканис, организовавший на базе закрывшегося «Мусагета» собственное издательство,¹¹⁰ однако из печати вышло только два тома в 1917 г. (т. IV включил первые две «симфонии», т. VII — первую часть «Серебряного голубя»), затем издание прекратилось в связи с печатным кризисом 1917—1918 гг. и смертью Пашуканиса.

28 января 1920 г. Белый заключил договор на издание собрания сочинений с издательством З. И. Гржебина. Издательство, это, организованное в Петрограде в 1919 г. по инициативе М. Горького, предполагало, в целях осуществления культурной политики Советской власти, широкий выпуск художественной, научной и научно-популярной литературы. В договоре, скрепленном подписями Белого и Гржебина, значатся пункты:

«1. Гржебин приобретает от Бугаева право на издание его, Бугаева, сочинений: I) бывших уже в печати: 1) Симфонии, 2) Котик Летаев, 3) Путевые заметки, 4) Серебряный голубь, 5) Петербург, 6) Арабески, 7) Луг зеленый, 8) Символизм, 9) Рудольф Штейнер и Гете в миросозерцании современности, 10) Кризис сознания, 11) Возвращение на родину, 12) О поэтическом смысле, 13) Стихи (Золото в лазури. Пепел. Урна. Рыцарь и Королевна. Звезда. Христос Воскресе), 14) Рассказы, 15) Статьи и II) не бывших еще в печати: Эпопея (3 тома) — всего около трехсот двадцати печатных листов¹¹¹ <...>

4. Время выпуска сочинений Бугаева в свет, внешняя сторона издания и цена за экземпляр книги определяются Гржебиным <...>

5. Гржебин имеет право издавать сочинения Бугаева как отдельными книгами, так и в виде Собрания сочинений Бугаева, причем план издания Собрания сочинений устанавливается по соглашению с Бугаевым.

¹¹⁰ План этого собрания сочинений см.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 576.

¹¹¹ План собрания сочинений, представленный Гржебину, см.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 576. В соответствии с этим планом Белый передал в издательство тома I—VII, XIII—XVII, XIX (ИРЛИ, р. I, оп. 2, № 448). Остальные тома, предполагавшиеся к изданию: т. VIII — «Путевые заметки»; т. IX — «Котик Летаев», «Возвращение на родину» («Записки чудака»); т. X—XII — «Эпопея»; т. XVIII — «О поэтическом смысле»; т. XX — Статьи по истории культуры. Характеризуя в развернутом плане собрание сочинений (1920) несданные тома, Белый писал в частности: «Том восемнадцатый: „О поэтическом смысле“. (Книга лежит в рукописи в книгоиздательстве «Полярная Звезда» у А. М. Эфроса: ее можно печатать с июля 1923 года)»; «Том двадцатый: „Антропософия как путь самопознания“ (этот том будет написан в ближайших годах)» (ЦГАЛИ. ф. 53, оп. 1. № 103, л. 7, 8); последний замысел Белый осуществил в исследовании «История становления самосознающей души»

6. В течение срока действия настоящего договора Бугаев отказывается от права издавать свои сочинения в каком бы то ни было виде, а также не имеет права издавать Полное собрание своих сочинений.

Примечание: До 1-го июля 1923 года Бугаеву предоставляется право издать сочинения: 1. Серебряный голубь, 2. Петербург и 3. Путевые заметки — через Книгоиздательство писателей в Москве, 4. О поэтическом смысле — через издательство „Полярная звезда“, в количестве не более десяти тысяч экземпляров каждое из перечисленных сочинений.

7. За приобретаемое право издания вышеперечисленных сочинений Бугаева Гржебин уплачивает Бугаеву шестьдесят процентов (60%) чистой прибыли, полученной от издания этих сочинений <...> (р. I, оп. 2, № 448).

Кроме этих условий, было оговорено также, что Гржебин выплачивает Белому ежемесячную денежную сумму при обязательстве последнего представить рукопись «Эпопеи» к 1 февраля 1921 г.

Договор, таким образом, практически предусматривал монополию Гржебина на книги Белого, издававшиеся ранее или подготавливаемые к изданию, и полную свободу издателя в установлении сроков выпуска книг при соблюдении условия о регулярной выплате Белому стабильной денежной суммы. Подписывая такой договор, Белый, конечно, надеялся на то, что за этим последует и регулярный выход в свет его сочинений. Однако, связав Белого договором, Гржебин ничего не предпринял для печатания его произведений, что было вызвано отчасти отсутствием бумаги.¹¹²

Получив разрешение на выезд за границу в сентябре 1921 г., Белый решил прежде всего уладить свои издательские дела. 6 октября 1921 г., находясь в Петрограде, он направил Гржебину письмо, в котором, напомнив обстоятельства заключения договора и его важнейшие пункты, заявлял: «В течение 20 месяцев со времени подписания договора Вы не напечатали ни одной строки моей, заплатив мне всего 200 000 рублей. Между тем мне со всех сторон предлагали печатать мои книги, платя мне по 500 000 рублей за художественную прозу (полистно). Сколько же миллионов Вы лишили меня? Весь этот год я вынужден был служить и зарабатывать средства к существованию себе и престарелой матери, отклоняясь от литературного труда. Между тем: я чувствую просто общественную свою миссию в том, чтобы писать „Эпопею“ (серию романов). Где Вы были, когда я бился об лед, стараясь совместить литературную деятельность со служ-

¹¹² См.: Хлебников Л. М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина». — Литературное наследство, т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971, с. 682, 695 и др.

бой? Я чувствовал Ваше присутствие лишь в том, что должен был отклонять ряд выручавших меня предложений, как связанный с договором.

Договор ужасен по существу. Но почему же я на него пошел? Да потому, что в этом закабалении всего себя и всего своего будущего, как писателя и человека, Вы выдвинули для меня „чечевичную похлебку“, пользуясь полной моей деловой беспомощностью: зная, что мне надо до зарезу ехать к жене за границу, что я хлопочу о выезде, что средств на жизнь за границей у меня нет, Вы предложили мне уплачивать в течение 3-х лет по 1000 франков (в счет гонорара), дабы дать мне возможность писать „Эпопею“ (много томный мой роман). Попадаясь получить тогда же разрешение на отъезд и чувствуя себя в ближайшем будущем обеспеченным за границей (в настоящее же время на 1000 франков в месяц, по наведенным справкам, нельзя прожить с женой), я, вынужденный необходимостью, припертый к стене, решил пойти на *ужасные для меня условия договора* <...> А когда в Петрограде был написан чистовик договора, то субсидирование тысячью франками в месяц понималось Вами с оговоркою: Вы согласились выплачивать мне по 1000 франков *по представлении* рукописи 1-го тома „Эпопеи“. Между тем: именно свою „Эпопею“ я и должен был писать, чувствуя себя обеспеченным.

То есть: *чечевичная похлебка* (выплата по 1000 франков) превратилась в фикцию.

В настоящее время меня обеспечивают: я год могу существовать в Берлине беспечно, работая над трудом всей своей жизни; разрешение на выезд я получил. Остается одно: порвать с Вами, ибо с Вашим договором вместо работы за границей (смысла моей поездки) я должен опять-таки там зарабатывать себе и жене на пропитание. Вы до сих пор не напечатали ни одной строчки. Вы не помогли мне ничем (двести тысяч аванса есть нуль). Неужели же мне, писателю с именем и будущим, положить перо и отказаться от литературы — только потому, что издатель „Гржебин“ заключил с ним драконов договор.

Я предлагаю Вам немедленно вступить в переговоры с моими доверителями Р. В. Ивановым и А. М. Шах-Назаровым о *немедленном* расторжении договора, ибо вопрос о расторжении его есть вопрос о возможности мне существовать и в России, и за границей. В случае Вашего отказа расторгнуть договор я подаю на Вас в Народный суд. Все соответствующие меры мною уже приняты» (р. I, оп. 2, № 444). Белый требовал также возвращения переданных Гржебину книг и рукописей и обещал вернуть полученный аванс.

В тот же день Белый отправил письмо юристу А. М. Шах-Назарову (р. I, оп. 2, № 446), в котором просил его составить доверенность на ведение дела на свое имя и на имя Иванова-Разумника; такая доверенность нужна была на тот случай, если

конфликт с Гржебиным не будет улажен до отъезда Белого за границу. Перед отъездом из Петрограда в Москву, откуда он собирался через несколько дней отправиться в Германию, Белый вновь писал Шах-Назарову (12 октября 1921 г.):¹¹³

«Глубокоуважаемый Александр Михайлович,

Простите, что пишу перед отъездом без конверта.

Горячее спасибо Вам за ласковое внимание, очень выручающее меня: болезнь и хлопоты не позволили лично мне Вас еще поблагодарить.

Прошу Вас очень, помогите мне ликвидировать этот грабительский договор; без этой ликвидации моя мать попадает в критическое положение; и я — тоже (и здесь, и за границей). Если бы Юридический отдел отказался утвердить Вас и Р. В. Иванова поверенными, то я просил бы Юридический отдел в случае отказа Гржебина или доверенными его расторгнуть контракт возбудить дело против Гржебина, как пользующегося критическим положением литераторов. Я готов на все, лишь бы договор был расторгнут. Можете это частное мое письмо показывать, кому сочтете нужным. Прошу Вас об одном: выручите меня, освободите меня от „гржебинской“ паутины.

Сердечное, горячее спасибо за Ваше хорошее сердце.

Остаюсь искренне благодарный и уважающий Вас

Борис Бугаев (Андрей Белый)» (р. I, оп. 2, № 446).

Из-за отсутствия Гржебина в Петрограде конфликт с собранием сочинений Белого рассмотрел его заместитель по редакционной части и заведующий редакцией А. П. Пинкевич.¹¹⁴ 18 октября 1921 г. Пинкевич, с одной стороны, и Иванов-Разумник и Шах-Назаров, с другой, расторгли договор «по обоюдному согласению сторон» и «без всяких последствий для обеих сторон» (р. I, оп. 2, № 448). После истории с Гржебиным новых возможностей издать собрание своих произведений Белому не представлялось, хотя он не оставлял этой мысли и в более поздние годы, составляя планы многотомных изданий и систематизируя свои сочинения.¹¹⁵ Разрыв с Гржебиным, однако, оказался для Белого временным: в 1923 г. в издательстве З. И. Гржебина,

¹¹³ В тот же день Белый написал пзвещение своим доверенным Р. В. Иванову и А. М. Шах-Назарову о том, что он оставил бумагу Кларе Гитмановне Иструм и Марии Гитмановне Белицкой на право издания своих сочинений (р. I, оп. 2, № 445; М. Г. Беллицкая — жена сотрудника Петросовета и издательского работника Е. Я. Беллицкого, К. Г. Иструм — ее сестра).

¹¹⁴ См. его письмо к Белому от 10 октября 1921 г. (ИРЛИ, р. I, оп. 2, № 447). Альберт Петрович Пинкевич (1883—1939) — профессор, доктор педагогических наук, издательский работник. См. о нем: Архив А. М. Горького, т. X. М. Горький и советская печать, кн. 2. М., 1965, с. 245.

¹¹⁵ См.: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого, с. 577—578, 596—598.

перенесенном в Берлин, вышел большой том «Стихотворный» Белого — единственный прижизненный свод его стихотворных произведений с 1899 по 1922 г., расположенных в иной композиционной последовательности и напечатанных в ряде случаев в иных редакциях, чем в издававшихся ранее сборниках.

6

Часть материалов Андрея Белого, сосредоточенных в Пушкинском Доме, относится к последним годам жизни писателя. В архиве «Нового мира» хранятся наборные беловые машинописные тексты напечатанных в журнале статей Белого «Поэма о хлопке» (о поэме Г. А. Санникова «В гостях у египтян»),¹¹⁶ «Культура краеведческого очерка» (доклад на собрании краеведов при Оргкомитете Союза советских писателей)¹¹⁷ и «Энергия» (об одноименном романе Ф. В. Гладкова),¹¹⁸ а также гранки «Культуры краеведческого очерка» и «Энергии» (последние имеют обильную авторскую правку, учтенную в печатном тексте статьи, и автографическую подпись Белого с датой 8 мая 1933 г.) (ф. 209, № 443).

Одно письмо Белого имеется в архиве А. С. Новикова-Прибоа:

«Глубокоуважаемый Алексей Силович,

позвольте Вас поблагодарить за книгу, которую Вы прислали мне. Но еще более позвольте Вас поблагодарить за то, что написали такие сильные, яркие, глубоко интересные книги, как „Ухабы“, „Море зовет“ и „Морские рассказы“. Все три книги читал с неотрывающимся интересом; давно не испытывал такого чисто непосредственного захвата, как во время чтения Ваших таких правдивых и сильно написанных книг. Еще раз сердечное спасибо.

Остаюсь глубокоуважающий Вас Ваш читатель

Андрей Белый (Борис Бугаев).

Кучино. 20 сент<ября 19>27 года» (ф. 500, оп. 2, № 34).

«Официальная» подпись Белого и автохарактеристика «Ваш читатель» говорят о том, что личное знакомство едва ли предшествовало этому письму; скорее всего Новикову-Прибою сообщили, что Белый высоко оценил его сочинения, и он послал ему одно

¹¹⁶ Новый мир, 1932, № 11, с. 229—248.

¹¹⁷ Там же, 1933, № 3, с. 257—273. Машинописный текст статьи завершался резюмирующими двенадцатью тезисами Белого (ф. 209, № 443, л. 80), опущенными при публикации. Судя по помете на машинописи (л. 41), эту статью предполагалось первоначально поместить в 1-м номере «Нового мира» за 1933 г.

¹¹⁸ Новый мир, 1933, № 4, с. 273—291.

из своих последних изданий. Трудно установить, какую именно книгу Новиков-Прибой подарил Белому: в 1926—1927 гг. в Харькове было выпущено его собрание сочинений в 5 томах; кроме того, в 1927 г. было начато печатанием (вышли тома 2—5) пятитомное собрание сочинений писателя в издательстве «Земля и

Вячеслав Иванов. Шарж Андрея Белого. 1922 г.

фабрика»; в 1920-е годы в большом количестве выходили издания отдельных произведений Новикова-Прибоя. Отметим, что в поле зрения Белого оказались не только такие книги Новикова-Прибоя, как «Морские рассказы» (1917) и повесть «Море зовет» (1919), уже имевшие прочную репутацию и выдержавшие несколько изданий, но и недавно напечатанная (в январском номере «Нового мира» за 1927 г.) повесть «Ухабы». В дальнейшем Белый встречался с Новиковым-Прибоем; об этом можно судить по его письму к Иванову-Разумнику от 26 января 1928 г., в котором, говоря о кооперативном издательстве «Никитинские суб-

ботники», Белый, между прочим, замечает: «... а к Вам в издательстве — сочувственное отношение; даже: один из влиятельнейших членов кооператива, Алексей Силыч Новиков-Прибой (кстати — милейший и честнейший), считает себя Вашим выучеником, ибо на Ваших книгах *уму-разуму* учился (он — бывший матрос, подводник)».¹¹⁹

К 1930 г. относятся два письма Белого к М. А. Волошину, предшествовавшие их последней встрече в Коктебеле (ф. 562, оп. 3, № 248).¹²⁰ 14 июня этого года Белый с К. Н. Бугаевой приехал в Судак (Крым), откуда писал Волошину 25 июня:

«Дорогой Макс,

сердечное спасибо за открытки и за добрый зов в Коктебель; извиняюсь, что только теперь отвечаю из Судака; у меня была бешеная работа (срочная): заканчивал 2 том „Москвы“,¹²¹ работал по 12 часов, тут же — простуды, суеты, приезд Р. В. Иванова в Кучино;¹²² не мог, как следует, отблагодарить. Пишу эти несколько строк — вот по какому поводу. Мы живем недалеко от Тебя: в Судаке; этим летом у меня опять-таки срочная работа „Зифу“ (заказанный том, 2-й, воспоминаний: первый том «На рубеже»; второй — «Начало века»)¹²³ Когда работаю, то живу отшельником-анахоретом. Поэтому мы с К. Н.¹²⁴ не воспользовались Твоим добрым приглашением в Коктебель, который так нам говорит. У Тебя народ; а я на народе умею лишь балагурить, а когда работаю, то избегаю людей; да и: после 8-месячной упорной работы мне отдых — молчанье у моря, что Судак дает: мы здесь прекрасно устроились: уединенно, отдельно, с аллеюкой

¹¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 19.

¹²⁰ В архиве Волошина сохранилась также недатированная записка Белого к нему начала 1910-х годов. Об истории их взаимоотношений см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. 1) Неизданный очерк Андрея Белого о Максимилване Волошине. — Звезда, 1977, № 5, с. 191—193; 2) Максимилиан Волошин и Андрей Белый. — *Studia slavica* (Budapest), 1978, vol. XXIV, fasc. 3—4, p. 391—400.

¹²¹ Роман «Маски», первоначально называвшийся «Маски Москвы».

¹²² В Кучино под Москвой Белый жил постоянно во второй половине 1920-х годов. 22 июня 1930 г. он писал Иванову-Разумнику из Судака: «... мне очень огорчительно, что Вы приехали к нам так ненадолго; и так неудачно: в холод, в мою болезнь и в днп, когда я, хоть тресни, а должен был окончить „Москву“, которую и кончил 1-го июня, в день Вашего отъезда из Кучина» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 21).

¹²³ Мемуары Белого «На рубеже двух столетий» вышли в издательстве «Земля и фабрика» в 1930 г. Во второй половине 1930 г. Белый приступил к кардинальной переработке первых частей «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века» (1923; из нее напечатаны лишь отдельные главы) в новую книгу того же названия. «Начало века» вышло в свет в ГИХЛе в конце 1933 г.

¹²⁴ Клавдия Николаевна Бугаева (в первом браке Васильева, 1886—1970) — вторая жена Белого

кипарисов к морю прямо со ступенек террасы под Генуэзским замком.¹²⁵

Сильно хотим увидеть Тебя. И собираемся приехать к Тебе: Тебя повидать; и заранее просьба у Тебя и у Марии Степановны:¹²⁶ разрешить нам у Тебя переночевать, ибо в обыденку не совершить этого путешествия.

Зная наплыв к Тебе людей и слишком хорошо понимая, что когда нет помещения, а люди едут с ночевкой, то такие гости хуже „татар“, которые вовсе не худы (и мне очень нравятся).

Может быть, Ты напишешь два слова: когда удобнее, чтобы мы приехали: в июле или в августе; и — можно ли у Тебя переночевать?

Очень хотелось бы повидаться: ведь прошло 6 лет со времени последней нашей встречи, верней, жизни вместе в Коктебеле.¹²⁷

Надеюсь, — до скорого свидания. Передай от меня и Клавдии Николаевны привет и уважение Марии Степановне. К. Н. Тебе кланяется.

Остаюсь искренне преданный и любящий

Борис Бугаев.

Р. С. Наш адрес: Крым. Судак. Берег моря. Дача Е. Э. Эггерт (дом № 8). Б. Н. Бугаеву».

Волошин ответил 3 июля настойчивым зовом в Коктебель: «Чем раньше ты соберешься, тем лучше. Место для ночлега всегда будет: мой кабинет в мастерской. Но чем ближе к августу, тем больше народу и усталости, мне бы хотелось с тобой поговорить не будучи утомленным людьми до полусмерти <...> Желаю тебе тишины и плодотворной работы. Чем надольше приедешь, тем будет радостнее».¹²⁸ Белый, однако, осуществить свои планы так, как первоначально надеялся, не сумел, о чем сообщал Волошину в следующем письме из Судака, от 4 сентября 1930 г.:

«Дорогой Макс,

уже целый месяц мечтаем попасть в Коктебель; одна незадача за другой: К. Н. себя нехорошо чувствовала; потом: в Судаке стояли такие жары, что ходили как угорелые, все выжидая дней посвежее, наконец собрались 25-го августа; и в этот же день — парадокс судьбы — я схватил грипп, который едва ликвидировал в неделю; а в июне не удалось приехать: я слишком влез в работу, стараясь использовать лето, чтобы к сроку приготовить том

¹²⁵ В Судаке сохранились остатки воздвигнутой на приморской скале Генуэзской крепости с консульским замком и другими сооружениями (XIV—XV вв.).

¹²⁶ М. С. Волошина (урожд. Заболоцкая, 1887—1976) — жена Волошина с 1922 г.

¹²⁷ Белый провел в Коктебеле в доме Волошина лето 1924 г.

¹²⁸ ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 166.

„Начало века“, продолжение „На рубеже“; я тем более озабочен скорей кончить, что эта работа — кусок хлеба, ибо 2-й том „Москвы“, который отнял здоровье и 9 месяцев воловьей работы, найден цензурным, но слишком „утонченным“ для того, чтобы мочь появиться в печати. Так пропала работа 9-ти месяцев, а я остался в очень неопределенном материальном положении.¹²⁹

Все вместе — работа, наши нездоровья, жары отсрочивали столь нам улыбающуюся поездку и желание с Тобой повидаться; теперь, если опять не случится какой-нибудь каверзы судьбы, наметили вторник 9 сентября (кажется) для поездки, если будут места в автомобиле; во всяком случае 9-го, 10-го, 11-го будем стараться быть у Тебя.

Так обо многом хочется говорить!

К. Н. шлет сердечный привет Тебе и Марии Степановне; от меня Марии Степановне привет и уважение.

Остаюсь искренне преданный и любящий

Борис Бугаев».

На этот раз Белому удалось исполнить свое намерение: он гостил у Волошина 9—11 сентября. Это была последняя встреча писателей. Очевидцем их общения оказался Вс. А. Рождественский, писавший Е. Я. Архипову 17 сентября 1930 г.: «Здесь несколько дней гостил Андрей Белый, поразивший меня огненной молодостью своего духа, необычайной внешней оживленностью, парадоксальностью суждений и голубым пламенем совершенно юношеских, немного раскосов поставленных глаз. Рассказывая о своем пребывании на Кавказе, спорил с Максимилианом» Александровичем» о своей книге „Ритм как диалектика“, делился отрывками воспоминаний <...>. Давно уж, со времен Блока, не встречал я человека с такой яркой, взвешенной костром, душой».¹³⁰

Вновь Белый с женой попали в Коктебель через год после смерти Волошина: летом 1933 г. они прожили там с 19 мая по

¹²⁹ Рукопись «Масок» была сдана Белым перед отъездом в Судак в издательство «Федерация». Заключение о «необыкновенной сложности и утонченности» романа были сделаны редакционным советом этого издательства (см. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 25 августа 1930 г.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 21). По возвращении в Москву Белый в ноябре 1930 г. переработал весь текст «Масок» (см.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 609). Книга была сдана в набор в ГИХЛе 5 мая 1931 г., вышла в свет в начале 1933 г. О печатании «Масок» см. письма Белого к А. М. Миссарян (публикация Н. Терян): Русская литература, 1973, № 1, с. 155—158.

¹³⁰ ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 74. Еще более подробно Рождественский делился своими впечатлениями от общения с Белым в письме к Д. С. Усову, относящемся к тем же дням (семейный архив Вс. А. Рождественского). Ср.: Рождественский Вс. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М., 1974, с. 387—388.

29 июля.¹³¹ Белый встречался со вдовой Волошина, знакомился с архивом умершего поэта. В середине июля он заболел и последние две недели пребывания в Коктебеле провел в так называемой «музыкальной комнате» волошинского дома. Этим летом им был написан мемуарный очерк «Дом-музей М. А. Волошина»; его рукописная редакция, сохранившаяся в архиве Волошина, существенно отличается в своей вводной части от окончательного текста, опубликованного по рукописи из архива Белого.¹³² Она представляет собой ранее записанную версию воспоминаний (датируется 27 июня 1933 г.; окончательный вариант — 12—14 июля 1933 г.). Приводим эту часть статьи по автографу Белого (ф. 562, оп. 4, № 125):

«Посетивши дом, где много лет жил, трудился, мыслил, творил М. А. Волошин, я был переполнен яркими и сквозь грусть радостными впечатлениями: грусть — оттого, что ушла полная значения жизнь очень крупного человека; но след этой жизни светит во всех мелочах созданного им быта. И оттого — радость.

Не дом, а — музей.

Есть в обычных музеях что-то противопоставленное живой жизни; жизнь в музеях разложена; предметы сгруппированы в них по отдельным признакам (музей живописи, книжный, этнографический, литературный, музей быта). Музей имени М. А. Волошина есть как бы слепок с жизни одного человека; книги, живопись, коллекция окаменелостей, камушки, принадлежности быта носят печать неповторимой личности.

Не музей, а — дыхание жизни; между тем: эта жизнь впервые открывает Коктебель, творчески преобразованный. Покойный поэт увидел как бы идею этого уголка Крыма, верней, тему Коктебеля; и отразил ее в вариациях: многообразием творческих достижений, где поэзия, живопись, думы писем, настоянные на воздухе Коктебеля, в сочетании с краеведческими и природоведческими интересами дают многочастное целое, приподымая завесу над древнею Киммерией, над отложением Греции в ней.

„Поэзия есть зрелая природа“, — сказал Вольфганг Гете; она — культура природы, выявление в последней нового качества; в природе качество это дано как зародыш, еще не рожденный в образе сознания. В поэзии М. А. Волошина, в его изумительной кисти, становящейся наукою видеть Коктебель, во всем быте жизни, начиная с очерка дома, творчески выношенного в годах, в расположении веранд, лестниц, в башне, в единственной по оригинальности его мастерской, в простой, но изысканно прекрасной обстановке, в градации портретов и картин, писанных поэтом, в коллекции камушков Коктебеля, в коллекции ока-

¹³¹ Белый Андрей. Передвижения. [Хронологическая канва с 1921 по 1933 г.]. — ГБЛ, ф. 25.

¹³² См.: Белый Андрей. Дом-музей М. А. Волошина. — Звезда, 1977, № 5, с. 188—190.

менелостей, в коллекции коряг, в своеобразии подбора книг, — отражена жизнь Волошина в его центральной оси, которая есть творческая дума о Коктебеле, воплощенная воистину в новый быт жизни.

Природа Коктебеля, проведенная сквозь жизнь поэта, здесь явлена нам как культура, подтверждающая лозунг Гете: „Поэзия есть зрелая природа“. Волошин — поэт, художник, нашедший стиль своей жизни в выявлении плеска моря, цветистых камушков, легких очерков коктебельских гор и краеведчески осознавший себя, — мне стоит в воспоминании и как мудрец; и могила его, взлетевшая над окрестностями Коктебеля, есть символ себя расширяющей и в космосе себя преображающей личности.

Есть невыразимо прекрасные ракушки, возведенные Геккелем в ранг перлов искусства. Линии орнамента их суть отложные живших в них организмов; бессмертием их и является ракушка. Дом Волошина мне стоит как одна из ракушек, возведенных гениальным биологом в перлы искусства; неповторимо в нем сочетание обычно не сочетаемых элементов; хороша в нем библиотека, прекрасны ландшафты Волошина, ценны здесь хранимые следы его мысли, ценны воспоминания о беседах и приемах ряда выдающихся личностей, здесь живших: художников, писателей, поэтов, ученых (здесь С. В. Лебедев¹³³ вынашивал свой искусственный каучук, здесь писали художницы Остроумова,¹³⁴ Сабашникова; я здесь вынашивал идею своей неоконченной тетралогии «Москва»,¹³⁵ и т. д.).

Но как бы ни интересны были отдельные черты культурной жизни, возглавляемые М. А. Волошиным, — его жизнь не в своеобразии его поэзии, живописи, публицистики, а в том, что поэзия, живопись, книжная мудрость и краеведческие устремления были окрашены новым качеством творчества самой живой жизни, воплощенной в неповторимый быт. Библиотека не вывозима из стен этого дома, увешанного этимп, а не иными картинами, в этих, а не иных стенах, из которых выходишь на эти, а не иные веранды; все от стен до стихов и до дум, вырастающих из стихов, — принадлежность этого дома; все вместе — та ракушка, которую воспел Геккель; выломать из нее ту или иную линию — значит: небрежной пятой раздавить ракушку.

¹³³ Сергей Васильевич Лебедев (1874—1934) — химик, академик, муж художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой.

¹³⁴ Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871—1955), живя в Коктебеле летом 1924 г., написала портрет Андрея Белого.

¹³⁵ 15 июня 1924 г. Белый писал из Коктебеля Д. К. Богомилскому (сотруднику издательства «Круг», с которым была заключена предварительная договоренность о представлении романа «Москва»): «Вот уже 2 недели, как я в Коктебеле; здесь — изумительно; и жизнь течет нормально <...> Эти две недели дал себе полный отдых; и теперь приступаю к роману» (ЦГАЛИ, ф. 1607, оп. 1, № 9). Первая глава романа «Москва» была закончена Белым 10 сентября 1924 г.; из Коктебеля он уехал 12 сентября.

Дом Волошина — целое единственной жизни, гипсовый слепок с неповторимого ликка, вечная память о нем».

Последующий текст, записанный под диктовку К. Н. Бугаевой, почти не отличается от опубликованного полного варианта очерка.

Во время работы в Коктебеле над очерком о Волошине Белый виделся с писателем и сотрудником «Издательства писателей в Ленинграде» Г. Э. Сорокиным.¹³⁶ До коктебельской встречи Белый был заочно знаком с ним в связи с передачей в это издательство рукописи исследования «Мастерство Гоголя», завершено в апреле 1932 г. Договор на «Мастерство Гоголя» был заключен у Белого с Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ), но там находились в процессе печатания уже две его книги — «Маски» и «Начало века», и он решил передать третью книгу в Ленинград. Однако планы ГИХЛа изменились, о чем Белый писал Сорокину 22 июня 1932 г.:

«Глубокоуважаемый Григорий Иммануилович,

„ГИХЛ“ дал мне в мае право отдать рукопись мою „Мастерство Гоголя“ в „Книгоиздательство Писателей“ в Ленинграде“ с оговоркой, что до заключения контракта с Вашим Издательством „ГИХЛ“ сохраняет право на эту рукопись за ним. После отправки этой рукописи Вашему издательству я никаких уведомлений о принятии издательством рукописи не получал, кроме сведений, что Алянский взял рукопись. Теперь „ГИХЛ“, с которым заключен контракт, берется печатать эту рукопись теперь. И потому прошу отослать мне имеющийся у Вас ремингтон книги „Мастерство Гоголя“, так как „ГИХЛ“ отменяет свое решение мне отдавать эту рукопись и имеет на это право.

Во всяком случае не предпринимайте ничего с присланной рукописью.

Жду немедленного возвращения мне рукописи ценной посылкой; тотчас по получении посылаю Вам сумму стоимости посылки. Примите уверения в совершенном уважении.

Борис Бугаев (А. Белый)» (ф. 519, № 54).

«Мастерство Гоголя» вышло в свет в ГИХЛе уже после смерти Белого, весной 1934 г. Однако этим эпизодом отношения его с «Издательством писателей в Ленинграде» не ограничивались. Еще в 1931 г. Белый подписал договор на роман «Германия», который обязался представить не позднее 1 сентября 1932 г.¹³⁷ Из-за перегруженности работой над воспоминаниями

¹³⁶ Подробнее о нем см. с. 199—227 настоящего издания.

¹³⁷ См.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Неосуществленный замысел Андрея Белого. («План романа „Германия“»). — Русская литература. 1974, № 1, с. 197—200.

и «Мастерством Гоголя» выполнить условие этого договора Белый не смог. Предлагая взамен для печатания «Мастерство Гоголя», он пытался этим отчасти исправить положение. 30 мая 1932 г. Белый писал о «Мастерстве Гоголя» С. М. Алянскому (своему старому знакомому, в прошлом — владельцу издательства «Алконост»), служившему тогда в «Издательстве писателей в Ленинграде»: «... мне хотелось бы рекомпенсировать этой книгой тот факт, что мне придется просить значительной отсрочки для романа „Германия“: „Гоголь“ и несосветимая <sic> суета, от которой ранее июля не освобожусь, не дадут возможности сесть за роман».¹³⁸ Но «Мастерство Гоголя» возвратилось в ГИХЛ, а приняться за работу над романом «Германия» Белый так и не сумел, в чем он признавался Алянскому в письме из Лебедяни от 15 сентября 1932 г.: «С прискорбием и не без стыда уведомляю Вас, что я в первый раз в жизни не по своей воле оказываюсь неисправным во взятом мной литературном обязательстве, — и тем более, что это неисполнение обязательства падает на „Издательство писателей в Ленинграде“, выручившее меня в трудную минуту авансом (1000 р.) за предложенный роман „Германия“, который меня очень волновал, но до которого не позволили мне дотянуться жизненные трудности. До мая я писал книгу „Мастерство Гоголя“: с мая до августа ряд хлопот, неприятностей и просто невозможные квартирные условия (отсутствие жилплощади и т. д.) <...> так ухлопали здоровье, что я вынужден был дать себе отдых (для поправленья здоровья); и надолго выбит из возможности работать над худ<ожественной> прозой, столь трудно дающейся мне».¹³⁹

В том же 1932 г. Алянский поступил на работу в издательство «Молодая гвардия»,¹⁴⁰ и его обязанности заведующего «Издательством писателей в Ленинграде» перешли к Г. Э. Сорокину. Белый связался с новым заведующим через своего близкого знакомого, поэта и прозаика С. Д. Спасского, бывшего в дружеских отношениях с Сорокиным. «Я передал Сорокину содержание Вашего письма, — сообщал Спасский Белому 5 октября 1932 г. — Издательство согласно на Ваши сроки и будет ждать роман, никак Вас не торопя. Договор, конечно, потом надо будет переписать в связи с новыми ставками».¹⁴¹ В Коктебеле Белый обсуждал с Сорокиным перспективы работы над романом, о чем можно судить по его письму, отправленному из Москвы 11 августа 1933 г.:¹⁴²

¹³⁸ ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, № 14.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ См.: Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 67.

¹⁴¹ ГПБ, ф. 60, № 67.

¹⁴² Написано рукой К. Н. Бугаевой; подпись — автограф. Письмо было послано в Коктебель, откуда переадресовано Сорокину по адресу «Издательства писателей в Ленинграде» (пл. Островского, 4). Получено 21 августа 1933 г.

«Многоуважаемый товарищ Сорокин!

Пересылаю Вам копию с полученного мною извещения секретаря „Издательства писателей в Ленинграде“, З. Никитиной:¹⁴³ „... позволяем себе напомнить Вам, что срок сдачи Вами рукописи «Гермапия» по договору от 14 X 31 г. за № 342/35 уже истек 1 IX 1932 г. Просим нас уведомить в течение 5 дней об окончательном сроке сдачи Вами Издательству указанной рукописи. Ответственный секретарь издательства З. Никитина“. После нашего разговора в Коктебеле 27 VII считаю это извещение недоразумением и жду Вашего разъяснения. Простите, что беспокою Вас, но, ввиду запрещения врача, я не мог бы приступить теперь к написанию романа. Еще раз сожалею, что болезнь помешала мне ближе познакомиться и побеседовать с Вами. Передайте Нине Николаевне¹⁴⁴ сердечный привет от меня и от жены.

Готовый к услугам

Борис Бугаев (А. Белый)» (ф. 519, № 54).

Когда Белый писал это письмо, он продолжал находиться во власти болезни, начавшейся в Коктебеле. Тем не менее он откликнулся на ответное письмо Сорокина, разъяснявшее случившееся недоразумение. 10 сентября 1933 г. он сообщал из Москвы:

«Многоуважаемый Григорий Эммануилович!

Простите, что отвечаю на Ваше любезное письмо с таким запозданием.¹⁴⁵ Дело в том, что мой коктебельский напёк отдал меня в руки московских докторов, промучивших меня несколько недель строжайшим режимом и всякими исследованиями. Пришлось и лежать в постели, и прибегать к пивкам, и т. д.

Спасибо за разъяснение. Очень жду Вас в Москве, где имею многое сообщить Вам о планах с романом.

Шлю это письмо в письме к С. Д. Спасскому, ибо не знаю Вашего адреса и не уверен в адресе издательства (мне сообщили, что оно адрес меняет).

Сердечный привет от нас с К. Н. Нине Николаевне и просьба нас посетить, если она будет с Вами в Москве.

Примите уверения в совершенном уважении

Борис Бугаев» (ф. 519, № 54).

¹⁴³ О З. Никитиной см. с. 217 настоящего издания. Текст официального письма Никитиной сохранился в архиве Белого (ГПБ, ф. 60, № 60).

¹⁴⁴ Н. Н. Сорокина — жена Г. Э. Сорокина.

¹⁴⁵ Запоздание объяснялось тем, что Белый забыл имя и отчество Сорокина и запрашивал его у С. Д. Спасского, который ответил 8 сентября 1933 г. (ГПБ, ф. 60, № 67).

Планам Белого, касавшимся романа «Германия», не суждено было осуществиться,¹⁴⁶ да и самое письмо к Сорокину от 10 сентября 1933 г. принадлежит к числу последних рукописей, вышедших из-под его пера. В результате все прогрессирующей болезни четыре месяца спустя, 8 января 1934 г., Андрей Белый скончался от артериосклероза.

¹⁴⁶ В письме от 22 ноября 1933 г. С. Д. Спасский предложил Белому представить в «Издательство писателей в Ленинграде» взамен романа очередной том воспоминаний: «*Это не значит*, что Издательство обеспокоено выданным Вам авансом <...> Просто правление заинтересовано в том, чтоб привлечь Вас к издательству ближе, и хочет получить Вашу рукопись для издания» (ГПБ, ф. 60, № 67). В ответ Белый согласился выслать рукопись воспоминаний «Омут» (первая часть задуманного третьего тома воспоминаний «Между двух революций»); под заглавием «Между двух революций» эта книга вышла в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1935 г. (с обозначением 1934 г.).

II. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Публикация Р. В. Иезуитовой

Переписка Василия Андреевича Жуковского — одно из примечательнейших явлений в общественно-литературной и культурной жизни его времени. Дошедшие до нас первые, детские письма Жуковского к родным и их ответы относятся еще к 1795 г., переписка последних лет обрывается в 1852 г., в год смерти поэта. Охватывая, таким образом, более полувека, эта переписка отличается необычайной интенсивностью, многообразием своих жанровых форм, исключительным тематическим богатством. По своему объему, по участию в ней выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX в. она является уникальной даже для пушкинской поры — времени подлинного расцвета русского эпистолярного творчества. Письма самого Жуковского составляют одну из ценнейших частей этой обширной эпистолярной.

По той роли, которую сыграли письма Жуковского в общественно-литературной жизни первой трети XIX в., они могут быть сопоставлены только с письмами Пушкина. Б. Л. Модзалевский писал о письмах Жуковского как об «единственном в своем роде и неисчерпаемом источнике наслаждения душевного», подчеркивая: «...если в письмах Пушкина преобладающей чертой является ум, то в письмах Жуковского на первое место придется поставить чувство».¹

Несмотря на постоянные жалобы на свою «эпистолярную лень» и даже «эпистолярную чахотку» (под которой Жуковский подразумевал отвращение к ведению регулярной переписки), за свою долгую жизнь он написал великое множество писем и не меньшее их количество получил от своих многочисленных корреспондентов. Не следует забывать, что Жуковский жил в такую историческую эпоху, когда письмо было не только приметой быта, но и важнейшим средством духовного и культурного общения образованных слоев общества. Отсюда и разнообразие тех форм,

¹ Модзалевский Б. Л. Из переписки Жуковского. — В кн.: *Serium bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малепна. Пг., 1922, с. 166.

в которые выливалась переписка этого времени, и множественность ее функций, что не могло не создавать устойчивой привычки к письменному общению. В переписке Жуковского и других его современников мы постоянно встречаемся с такими понятиями, как «почтовый день», т. е. день отправления почты, «тяжелая почта», т. е. предназначенная для посылок, почта утренняя и вечерняя. Письмо не просто прочитывают, оно становится предметом оживленного обсуждения в кругу семьи или в кругу друзей, его передают из рук в руки, переписывают в альбомы, пересылают знакомым и т. д. Не став, за немногими исключениями, достойным печати, письма бытуют как произведения литературные, оцениваются с эстетической точки зрения, бережно сохраняются как большая культурная ценность.

Подлинным культом дружеского и литературного письма отмечено окружение Жуковского в пору становления и расцвета его творческой деятельности, приходившихся на первую четверть XIX в. В рамках этого периода возникает несколько своеобразных эпистолярных «эпицентров», давших новые жанровые разновидности письма.

В самом начале 1800-х годов — это кружок братьев Андрея и Александра Тургеневых, ставший основой Дружеского литературного общества. Для писем участников этого общества характерны сентиментальная окрашенность, экзальтированность в проявлении чувств, исповедальность тона, постоянная устремленность к нравственному самоусовершенствованию.²

Вместо распавшегося к середине 1800-х годов этого дружеского союза образуется новый культурный очаг, центром и душой которого становится уже сам Жуковский, а его адресатами и корреспондентами — ближайшие родственники и друзья, владельцы нескольких родовых помещичьих гнезд в Тульской и Орловской губерниях.³ В тесном и постоянном общении Жуковского с этим кругом лиц вырабатывается новый тип шуточного камерного письма, приобретающего нередко стихотворную форму и широко использующего особый арсенал «домашней» лексики, полунамеков, приемов травестирования.

Почти одновременно в дружеской переписке и личном общении Жуковского с литераторами — сверстниками и единомышленниками (с большим из них поэт познакомился в Москве, где завязались его многолетние отношения с П. А. Вяземским, К. Н. Батюшковым, В. Л. Пушкиным, Д. Н. Блудовым и др.) закладывались основы нового литературного объединения — будущего Арзамаса, породившего такое яркое явление в истории русской эпистолярной культуры, как «арзамасское письмо».⁴ Жуковскому, несомненно, принадлежит ведущая роль в выработке его особой структуры и своеобразного юмористического стиля, оказавшихся настолько устойчивыми, что бывшие участники этого общества даже

² См., например: Архив братьев Тургеневых, вып. 2. СПб., 1911. Центральной фигурой этого объединения несомненно являлся умерший в 1803 г. Андрей Тургенев.

³ Назовем Муратово — имение Е. А. Протасовой, Долбино — имение А. П. и В. И. Киреевских, Чернь — имение А. А. Плещеева и усадьбу Володьково, принадлежавшую барону И. П. Черкасову.

⁴ См.: Todd W. M. *The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin*. Princeton, New Jersey, 1976.

в своих позднейших письмах друг к другу следуют арзамасскому капону.⁵

Самостоятельную группу составляют штимные письма Жуковского (1814—1823), близкие по своему жанру к дневникам; примером их могут служить его письма 1814—1815 гг., обращенные к Марии Андреевне Протасовой — дочери его сводной сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой.⁶ Пережитая поэтом личная трагедия в связи с невозможностью соединения с любимой девушкой вызвала к жизни обширнейшую семейную переписку, в которой приняли участие как М. А. Протасова, сам Жуковский и их сторонники (А. П. Киреевская, М. Н. Свечина, П. И. и М. Н. Протасовы и др.), так и те, кто поддерживал Е. А. Протасову, решительно противившуюся их браку (А. Ф. Воейков, А. Н. Арбенева и др.). Раскрывая сложное душевное состояние Жуковского в момент крушения его надежд на личное счастье (в начале 1817 г. М. А. Протасова вышла замуж за И. Ф. Мойера, а в 1823 г. умерла при родах), эта переписка отличается тонким психологизмом, накалом страстей и глубоким внутренним драматизмом. Впервые указал на нее как на ценный источник изучения личности и творчества поэта его биограф К. К. Зейдлиц, приведя в своей работе некоторые выдержки из этих писем.⁷ Состав этой переписки был значительно расширен А. Е. Грузинским, который опубликовал в «Уткинском сборнике» (М., 1904) письма Жуковского, М. А. Протасовой-Мойер и Е. А. Протасовой. Основанная на новых материалах работа Н. В. Соловьева «История одной жизни. А. А. Воейкова — „Светлана“» (т. I. Пг., 1915; т. II. Пг., 1916) ввела в научный оборот множество новых писем Жуковского, М. А. Мойер, А. А. Воейковой и др., как относящихся ко времени борьбы поэта с Е. А. Протасовой, так и более поздних. Однако до сих пор в этой обширной переписке имеются пробелы, и поиски новых данных и материалов, касающихся личной драмы поэта, представляются вполне оправданными.

Большой массив переписки Жуковского составляют его письма к членам царской семьи и дошедшие до нас не полностью их ответные письма.⁸

⁵ См., например, письма Жуковского к Д. П. Северину (1829—1850): Русская старина, 1896, № 7, с. 83—98; 1902, № 4, с. 137—166; № 6, с. 511—519 (многие из них написаны в шутовском тоне и обращены к «Резвому коту» — арзамасское прозвище Северина). Ярким образцом арзамасского стиля является письмо Жуковского к Д. В. Дашкову, относящееся к началу 1817 г. (см.: Русский архив, 1868, № 4—5, с. 838—843), в котором последний назван «Чуркой» (от его арзамасского прозвища — «Чу!»).

⁶ См. публикацию П. К. Симоны в кн.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, вып. 1. СПб., 1907, с. 143—213. См. также «Дерптский дневник» Жуковского в кн.: Гофман М. Л. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 110—143.

⁷ Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. Полные тексты этих писем опубликованы в «Русской старине» (1883, № 1—10).

⁸ Письма В. А. Жуковского к Николаю I и императрице Александре Федоровне (1821—1825) см. в кн.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, вып. 1, с. 1—107 (к публикации приложен библиографический указатель писем Жуковского к Николаю I и Александре Федоровне 1817—1852 гг. — см. с. 131—137). См. также ценные дополнения в кн.: История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962, с. 329, 331.

Они были связаны со служебными обязанностями Жуковского (с 1815 г. — придворного чтеца императрицы Марии Федоровны, с 1817 г. — учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, а с 1826 г. ставшего наставником наследника Александра Николаевича). Особая функция данных писем — предмет самостоятельного разговора, однако необходимо подчеркнуть, что содержание официальных писем Жуковского никак не ограничивается сферой его служебных обязанностей. Они ни в коей мере не являются и письмами царедворца. В них находит свое выражение общественная позиция Жуковского, стремившегося воздействовать на императорскую фамилию в просветительском духе, а также использовать свое положение при дворе для заступничества за лиц, подвергшихся политическим гонениям. Письма к Николаю I о Н. И. Тургеневе, А. И. Тургеневе, И. В. Киреевском, обращенные к царю и наследнику письма о помиловании декабристов свидетельствуют не только о гражданском мужестве поэта, но и являются программными документами передовой русской общественности. К ним примыкают и такие острые в политическом отношении документы, как письма к министру просвещения А. Н. Голицыну, связанные с ходатайством за подвергшегося гонениям Е. А. Баратынского, адресованные Голицыну же жалобы на притеснения Цензурного комитета и в особенности письмо Жуковского к Бенкендорфу об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина.⁹

Особое место занимает дружеская переписка Жуковского с некоторыми из его современников, продолжавшаяся десятилетиями. Она нашла отражение в письмах Жуковского к Александру Тургеневу, изданных отдельной книгой.¹⁰ Такие же сборники можно было бы составить из переписки Жуковского с П. А. Вяземским, А. Я. Булгаковым, А. М. Тургеневым, А. О. Смирновой-Россет и др. Мы ограничились напомним о некоторых значительных по объему и отличающихся известной самостоятельностью «блоках» переписки Жуковского, которые полностью или частично опубликованы. Можно утверждать, что ряд подобных «блоков» предстоит еще выявить.

Обширна и литературная переписка Жуковского, как с представителями старшего поколения русских писателей и поэтов (Державиным, Карамзиным, Дмитриевым), так и с младшими его современниками (Пушкиным, Гоголем, Далем, Одоевским, Козловым и др.).

Круг литературных адресатов и корреспондентов Жуковского необычайно широк — от единомышленников и соратников до открытых противников (А. С. Шишкова, А. А. Шаховского, С. Н. Глинки и др.). В эту переписку включаются издатели, журналисты, книгопродавцы, владельцы типографий (И. В. Слепин, В. Н. Олин, Е. И. Ольдекоп, Н. И. Греч и др.)

Человек широких и многогранных дарований, Жуковский переписывался не только с литераторами, но и с художниками, артистами и музыкантами (с К. П. Брюлловым, Н. И. Уткиным, И. П. Мартосом, М. И. Глинкой, братьями Михаилом и Матвеем Виейльгорскими). Список

⁹ Жуковский В. А. 1) Соч., т. VI. Изд. 7-е. СПб., 1878, с. 452—458;

2) Собр. соч., т. 4. М.—Л., 1964, с. 595, 617.

¹⁰ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895.

лиц, участвовавших в переписке Жуковского, насчитывает многие десятки и сотни фамилий: к нему обращаются с самыми разнообразными просьбами родственники и друзья, случайные знакомые, вовсе не знакомые поэту лица, пишут в надежде на помощь и поддержку. Жуковский охотно отвечает на подобные письма и в свою очередь просит содействия у влиятельных друзей, хлопочет, торопит. Особенно усилился поток подобных писем-ходатайств после декабрьских событий 1825 г., когда родственники и близкие друзья декабристов буквально осыпали поэта просьбами и мольбами о помощи. Участие Жуковского в судьбе осужденных декабристов нашло свое отражение в его переписке со многими из них, а также членами их семей.¹¹

Последнее десятилетие своей жизни поэт провел в Германии, что, естественно, привело к значительному сокращению числа адресатов. Это до известной степени компенсировалось интенсивностью его переписки с ближайшими друзьями и родными (А. П. Елагиной, А. П. Зонтаг, П. А. Вяземским, П. А. Плетневым), которую поэт рассматривал как единственный, доступный ему способ не потерять связей с родиной. Поздние заграничные письма поэта по своему историко-культурному значению уступают письмам 1800—1830-х годов, хотя и содержат в целом ряде случаев ценные сведения, касающиеся событий его прошлой жизни.

Сразу после смерти Жуковского П. А. Плетнев стал хлопотать о собирании и издании его писем, обратившись за помощью к ближайшим друзьям поэта. В письме к А. С. Стурдзе (май—октябрь 1852 г.) А. П. Зонтаг сообщала: «Петр Александрович Плетнев, бывши всегда сердечно предан Жуковскому, предпринял в помощь семейству покойного собрать сколько возможно его писем и издать их для пазидания многих». ¹² Она обратилась к Стурдзе с просьбой передать Плетневу имеющиеся у него письма Жуковского, известив о том, что выслала Плетневу адресованные ей письма поэта. На это начинание отозвался и Вяземский в письме к Плетневу от 19 ноября 1852 г.: «Слышу, что вы собираетесь издать письма его (Жуковского, — *Р. И.*). Это дело прекрасное. И у меня есть вкладчина в это собрание, но до возвращения моего в Россию не могу сообщить вам эти письма. Иные, кажется, хранятся в Остафьеве, другие перемешаны и уложены с другими бумагами моими, и я один могу найти нить в этом бумажном лабиринте. Перечитайте, без зазрения совести и неуместного целомудрия, и шуточные письма его, буффонские, чисто арзамасские, где веселость его разыгрывалась во всю ивановскую. Эта сторона не должна пропасть без вести и дополняет характер его. Как я писал Булгакову по этому поводу, тот не будет вполне знать Суворова, кто не будет иметь понятия о проказах и причудах его. К тому же вздорное речие Жуковского доходило до истинного красноречия, до высокой гениальности». ¹³

¹¹ Многие из этих писем уже опубликованы, см.: Дубровин Н. Ф. Жуковский и его отношение к декабристам. — Русская старина, 1902, кн. 4, с. 45—119.

¹² Русская старина, 1902, кн. 6, с. 584.

¹³ Там же, с. 386—387.

Осознание культурной ценности писем и их собрание вообще характерны для писателей пушкинского круга. С инициативой собрания и издания писем неоднократно выступал и сам Жуковский. После смерти А. И. Тургенева он предложил друзьям покойного (Вяземскому, А. Я. Булгакову) свою помощь по систематизации и приведению в порядок его огромного архива, из которого советовал выбрать наиболее интересные для публикации письма.¹⁴ Собственный личный архив Жуковского был систематизирован и разобран им еще при жизни, как об этом неоспоримо свидетельствуют сохранившиеся материалы: многие письма, дневники и записные книжки имеют проставленные поэтом порядковые номера.

Хотя задуманное Плетневым издание писем Жуковского не было осуществлено (и до настоящего времени мы не располагаем ни одним специальным изданием писем поэта),¹⁵ на протяжении второй половины XIX — начала XX в. был накоплен материал, необходимый для такого рода труда. Многие современники поэта, близко его знавшие и располагавшие подлинниками и авторитетными копиями его писем, еще при жизни охотно предоставляли их в распоряжение издателей журналов «Русская старина» и «Русский архив», а также ряда других специальных изданий («Русский библиофил», «Библиографические записки», «Исторический вестник» и др.).¹⁶ Параллельно осуществлялась, хотя и в меньшем масштабе, и публикация писем к Жуковскому. Так, П. И. Бартнев опубликовал в 1870 г. (№ 6, 7) и в 1872 г. (№ 12) в «Русском архиве» письма Пушкина к Жуковскому, а в 1899 г. в том же журнале (№ 9) и письма Жуковского к Пушкину. Однако такого рода примеров публикации двусторонней переписки не столь уж много. Письма к Жуковскому появля-

¹⁴ Библиографические записки, 1858, № 18, с. 551.

¹⁵ В собрания сочинений поэта письма стали включаться начиная с изданного уже посмертно XI тома 5-го издания «Сочинений Жуковского» (Берлин, 1857), куда вошло всего лишь несколько писем. В 7-е издание его сочинений под редакцией П. А. Ефремова (Жуковский В. А. Соч., т. VI. СПб., 1878) вошло уже более трехсот писем: некоторые из них публиковались впервые с подлинных рукописей поэта (см. комментарий к письмам на с. 683—685). В примечании Ефремов указал, что предполагает издать еще один, дополнительный том переписки Жуковского с родными. Однако это намерение не было осуществлено. В «Полное собрание сочинений Жуковского, изданное в качестве приложения к «Ниве» (т. 12. СПб., 1902, с. 3—117) вошло лишь 80 уже известных в печати писем. Уточненные по автографам тексты 126 писем Жуковского (опубликованных в свое время) были напечатаны в изданном уже в наше время четырехтомнике (Жуковский В. А. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1960, с. 458—675). Работу над полным собранием писем поэта в 1920-е годы начал Б. Л. Модзалевский, как об этом было заявлено в его статье «Из переписки Жуковского» (с. 166). Собранная им картотека неопубликованных и опубликованных писем Жуковского и к Жуковскому хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

¹⁶ Небольшая, выборочная библиография писем Жуковского была напечатана в «Русском архиве» (1864, № 5—6, с. 635—637). Основным же источником наших сведений о письмах Жуковского является названный выше библиографический указатель под редакцией К. Д. Муратовой «История русской литературы XIX века». См. также: Eichstädt H. Žukovskij als Übersetzer. — Forum slavicum. Hrsg. von D. Tschizewskij. Bd 29. München, 1970, S. 142--157.

лись в печати значительно реже, так как в своей подавляющей части оставались в личном архиве поэта. Его сын Павел Васильевич Жуковский в столетнюю годовщину со дня рождения поэта пожертвовал дневники, записные книжки, творческие рукописи и рабочие тетради поэта в имп. Публичную библиотеку, где они хранятся и поныне.¹⁷ Что же касается обширнейшей переписки Жуковского (главным образом писем к нему), то эти материалы оказались в той части архива, которая была подарена П. В. Жуковским его гимназическому приятелю, а впоследствии видному коллекционеру А. Ф. Онегину-Отто. В составе его собрания эта эпистолярная хранилась в Пушкинском музее Онегина в Париже до 1928 г., когда все собрание в целом поступило в Рукописный отдел Пушкинского Дома, где и находится в настоящее время. Публикуемые нами материалы взяты из Онегинского архива.

Хотя о существовании обширнейшей коллекции Пушкинского Дома было известно еще с середины 1920-х годов,¹⁸ факты обращения исследователей к огромному массиву этой переписки оставались единичными. Выборочной является и настоящая публикация, в которую включены две группы материалов, характеризующих участие Жуковского в литературной жизни 1810-х годов.

Первый раздел нашей публикации включает в себя переписку Жуковского с М. Т. Каченовским, о существовании которой сообщал в свое время В. В. Гиппиус, однако ни одно из писем еще не появлялось в печати.¹⁹ К сожалению, эта довольно обширная по своему объему переписка дошла до нас в далеко не полном виде, а лишь в той ее части, которая сохранилась в составе Онегинского архива. Это прежде всего 49 писем Каченовского к Жуковскому,²⁰ относящихся к 1809—1817 гг. Надо полагать, что это число включает почти все письма, полученные поэтом от данного корреспондента (во всяком случае их подавляющее большинство). Начало этой переписки относится к лету 1809 г., когда Жуковский, издававший в течение 1808—первой половины 1809 г. журнал «Вестник Европы», решил привлечь в соредакторы Каченовского, одного из прежних редакторов журнала и своего постоянного сотрудника. В ходе этих переговоров и возникла весьма оживленная переписка, представляющая весьма немалый историко-литературный интерес. Она не только раскрывает характер и сложные перипетии сотрудничества столь различных по своим взглядам, эстетическим позициям и темпераментам деятелей, какими являлись Жуковский и Каченовский, но и включает в себя мно-

¹⁷ См. их описание: Бычков И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публичную библиотеку в 1884 году. — В кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г. СПб., 1887.

¹⁸ См.: Гофман М. Л. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926.

¹⁹ См.: Гиппиус В. В. «Вестник Европы» 1802—1830 годов. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук, 1939, вып. 3, с. 211—212.

²⁰ ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, 91 л. Письма имеют нумерацию: общее число писем, хранящихся в этой папке, 50, однако 39-е письмо попало сюда случайно — в действительности оно является письмом Д. А. Кавелина к Жуковскому.

жество любопытных и ярких примеров для характеристики литературного быта и литературной мысли начала XIX в. Содержит она немало и весьма ценных сведений биографического характера, дополняя наши представления о жизни и литературной деятельности Жуковского 1809—1817 гг.

В процессе этой переписки Жуковский со своей стороны написал Каченовскому не меньшее количество писем, судьба которых до сих пор неизвестна: мы не располагаем никакими сведениями, сохранил ли Каченовский эти письма, и если сохранил, то где они находятся в настоящее время. Некоторое представление об их содержании дают ответные письма Каченовского, которые, разумеется, не могут заменить писем самого поэта. Тем больший интерес для исследователей представляют обнаруженные нами в Онегинском архиве два черновых письма Жуковского к Каченовскому, относящиеся к сентябрю 1810 г., т. е. к самому разгару их переписки.²¹

В августе — сентябре 1810 г. находившийся в Муратове Жуковский принял решение отказаться от обязанностей редактора журнала, ограничившись чисто авторским участием в нем. Однако прежде чем передать свои редакторские права Каченовскому, поэт испытывал сильные колебания, вызванные опасениями, что его соредактор не сможет (или не захочет) продолжать в журнале ту карамзинскую линию, которую стремился проводить Жуковский. Публикуемые письма поэта необходимо осмыслить в контексте его переписки с Каченовским. Поэтому нами были выбраны для публикации 8 писем Каченовского, относящихся к осени 1810 г., тесно связанных с письмами Жуковского общностью затрагиваемых в них вопросов и концентрирующих свое содержание вокруг общей темы: какими должны быть лицо журнала и его эстетическая платформа в целом.

Ценность публикуемых писем в том, что они раскрывают изнутри характер сложившихся в ходе совместной работы отношений, показывая, каким негладким, исполненным постоянных противоречий, приводящих порою к прямым конфликтам, было сотрудничество Жуковского и Каченовского. Письма наглядно свидетельствуют о глубоких разногласиях соредакторов во взглядах на цели и задачи журнала. Жуковский видел их в пропаганде идей просвещения, важнейших достижений европейской и русской эстетической мысли, в выдвижении на первый план романтических жанров (в частности, баллады). Каченовский же стремился использовать журнальную трибуну для ученых разысканий, весьма далеких от современной литературной жизни, для борьбы с новейшими литературными течениями (романтизмом и карамзинизмом). Известный узостью и консерватизмом своих литературных вкусов, Каченовский отрицательно относился и к направлению творческой деятельности Жуковского, хотя материальная выгода и заставляла его дорожить сотрудничеством с приобретающим широкую популярность поэтом. Несмотря на постоянные трения, годы 1809—1811 были временем наиболее тесного общения адресатов. Даже резкая размолвка, отразившаяся в этой переписке, свидетельствовала об известной короткости отношений Жуковского и Ка-

²¹ ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28062.

ченковского (поэт шутливо называл его «Каченочком»,²² последний в свою очередь охотно откликался на шутливый тон, именуя Жуковского «любезным кумом»). После войны 1812 г., прервавшей журнальную деятельность Жуковского, отношения бывших соредкторов резко идут на убыль, а вместе с ними постепенно иссякает и переписка. В 1820-е годы Каченовский уже открыто полемизирует с Жуковским на страницах «Вестника Европы».

Второй раздел нашей публикации содержит письма Д. А. Кавелина к Жуковскому, прежде не появлявшиеся в печати и относящиеся к 1815—1820 гг. Известный впоследствии реакционер, сподвижник Рунича, громивший вместе с ним Петербургский университет, Кавелин подобно многим из своих современников пережил пору либеральных увлечений, захваченный «духом времени» и теми ожиданиями общественных перемен, которыми было ознаменовано «дней Александровых прекрасное начало». Так же как Жуковский, А. И. Тургенев и Дашков, Кавелин был воспитанником Московского университетского Благородного пансиона. К ранним, московским годам жизни Кавелина относится его знакомство (перешедшее в тесную дружбу) с А. Ф. Воейковым. Дружеские же отношения с Жуковским завязались позднее, в Петербурге, куда поэт переехал в мае 1815 г. Во всяком случае первое из публикуемых нами писем Кавелина к Жуковскому, теплое и дружеское по тону, датировано 22 июля 1815 г. В Онегинском архиве сохранилось 5 писем Кавелина к поэту.²³ К ним, несомненно, должно быть присоединено и письмо, обращенное к Воейкову, но по существу адресованное и Жуковскому, которое по ошибке считается черновиком письма самого Жуковского к Воейкову.²⁴

Из этих писем, разных по своему содержанию и стилю, мы выбрали для публикации 4 письма, как нам представляется, наиболее характерные для «раннего», либерально настроенного Кавелина и особенно интересные в историко-литературном отношении. С данной точки зрения наибольший интерес представляют два «арзамасских» письма Кавелина, бывшего, как известно, участником этого литературного общества. Кавелин-арзамасец, которого впоследствии А. И. Тургенев предлагал «выключить» из Арзамаса за поддержку реакционных сил и участие в напумевших «акциях» пра-

²² См. неопубликованное письмо Протасовых к Жуковскому, относящееся к январю 1810 г. и содержащее шутливую пародию А. А. Протасовой (Воейковой) на Каченовского, которого она именует «злойбой» и «неверной супругой» издателя «Вестника Европы», «скушной грекнивей» (намек на лингвистические и исторические разыскания Каченовского), советует Жуковскому отправить эту «супругу» в Петербург, выражая надежду, что в ее отсутствие читатели журнала дождутся, наконец, «Людмил, Кассандров появления». Письмо юной Протасовой обнаруживает полную осведомленность в тех оценках, которые, видимо, давал своему собрату-журналисту поэт (ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 29426, л. 1).

²³ Состав этой переписки необходимо пополнить письмом Кавелина к Жуковскому, сохранившимся среди писем Каченовского к поэту, о котором уже упоминалось выше (ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, письмо 39).

²⁴ ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 27735, л. 1—1 об.

вительства против передовых деятелей, принадлежит к числу наименее известных членов этого общества.

Отсутствие подробных сведений об участии Кавелина в Арзамасе не позволило исследователям до сих пор высказать сколько-нибудь определенное суждение о характере его деятельности в обществе.²⁵ Письма Кавелина 1815—1820 гг. показывают, что важнейшей стороной этой деятельности была широкая благотворительность. Служебное положение Кавелина (в 1812—1816 гг. директора Медицинского департамента, располагавшего своей типографией и весьма влиятельными знакомствами) позволяло арзамасцам рассчитывать на его помощь: письма Кавелина к Жуковскому и письма последнего к А. И. Тургеневу, нередко обращенные к Кавелину, Блудову и другим арзамасским друзьям, показывают, что на первых порах от поручений такого рода он не уклонялся (помогал поэту при издании его сочинений, хлопотал о помощи А. Н. Мещевскому). Важный момент, выясняющийся именно из этих писем, — это практическая помощь арзамасцев Н. М. Карамзину при издании «Истории государства Российского», которая печаталась в типографии, подведомственной Кавелину.

Вместе с тем участие в Арзамасе требовало и литературного дарования, во всяком случае склонностей к литературе, о которых позволяет судить «арзамасское письмо» Кавелина, адресованное Жуковскому и содержащее отчет об одном из заседаний общества. И наконец письма Кавелина, одного из ближайших друзей А. Ф. Воейкова, имеют важное значение для выяснения характера сложившихся отношений между поэтом и Протасовыми—Воейковыми. Последнее из публикуемых писем относится к 1820 г. и свидетельствует о стремительном служебном восхождении бывшего арзамасца, которое стало началом его полного разрыва с прежними либеральными друзьями.

1. ПЕРЕПИСКА М. Т. КАЧЕНОВСКОГО с В. А. ЖУКОВСКИМ

1

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

24 сент<ября> 1810. Москва.

Отвечаю на оба последние письма ваши.¹ Надобно начать тем, что до получения первого (от 15 сент<ября>) письма за четыре дня условие между типографией и мною уже было подписано. Я совсем не предполагал, чтоб у нас дошло дело до объяснения — так и быть! Читайте:

Я от вас несколько раз слышал, что вы предоставляете мне издание Вестника на 1811 год. Сущев² и Мерзляков³ то же

²⁵ См. краткую характеристику Кавелина в кн.: Гиллельсон М. П. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 118—119.

от вас слышали. Я затвердил это, денно и ночью занимался планом своим, сделал свои распоряжения, и напоследок решительно отказался от издания газет, когда незадолго перед сим в другой раз мне их предлагали. Заметьте, что ход ваших дел мне был совсем неизвестен и что мне и на мысль не приходило, чтобы вы захотели продолжить работу, которая, по моему замечанию, на конец уже становилась для вас очень скучною. Удивился я, что Максим Иванович,⁴ не поверя словам моим, от вас самих требовал отзыва. Признаюсь, что мне было крайне неприятно, и я объявил почтеннейшей типографии, что или я один буду издавать, или откажусь от имени издателя, если насильно станут навязывать мне товарища. Я действительно на то решился, и при свидании с Ректором ему объявил то же. Ректор сказал мне, что Университет находит пользу свою в том, чтобы я был издателем, и Максиму Ивановичу велено немедленно подать рапорт и представить условие. Вот вам наша история.

— На предложение ваше, касательно плана, скажу, что он давно уже сделан и на сих же днях будет напечатан при газетах в объявлении о подписке,

1. *Изыщная словесность*; 2. *Изыщные искусства, науки и литература*; 3. *Критика*; 4. *Смесь*; 5. *Политика* — вы обещали меня снабжать вашими трудами; а я обещал платить вам деньги. Я и теперь не отпираюсь от своего слова и даже прошу вас покорнейше помогать мне. Честно буду расплачиваться с вами и с Мерзляковым, которого я давно уже договорил на свою сторону. Ваши пиесы будут занимать у меня почетнейшее место; желаю только, чтобы и публика знала, что они ваши.

Хотите ли знать, почему я при всей невыгодности положения скорее совсем отошел бы от журнала, нежели продолжал бы его на прежнем основании?

1. Мы неоднократно соглашались приняться за Вестник и поправить его, но сего не сделано.

2. Статьи условия в рассуждении критики и театра мною более исполнены, нежели вами.

3. Мы с вами не одного мнения о некоторых предметах, я рад бы <в> журнале попутить над стихами на всерадостнейшее получение ордена (Аглая, ч. XI, кн. 2, стр. 64):

В потомстве Карамзин близ Тацита, Плутарха
И Тита Ливия назначил тем себе
И место верное и должныя награды!⁵

А вам, знаю по опыту, шутка моя показалась бы святотатством. В последней, например, книжке Аглаи так (стр. 45) напечатано:

Клио, в истории зря нашей мрак один,
Рекла: да будет свет, родился Карамзин.⁶

Я готов назвать <?> это болтапшем, ослепленным, ребяческим энтузиазмом, но как же мне решиться на то, ежели я связан?

4. Писать критику и выбирать мелкие статьи гораздо труднее, нежели переводить из готовой книги. И проч.

На что нам условие? Вы будете получать деньги тотчас по напечатании каждой книжки. Чужие пиесы помещать буду очень редко, и то не иначе, как с величайшею разборчивостию; следовательно, денежных выгод получу от них очень немного. — Как вы думаете о деньгах? Я готов был платить вам с листа *свою цену*; но рассудите милостиво, ведь мне более работы и заботы; при том же ежели вы и Мерзляков захотите снабжать меня листа по четыре для каждого нумера, то я буду в великом накладе; вспомните также, что я сам не взял с вас по 200 рублей, а только по 150 р.уб. за книжку, когда вы в 1808 году уехали в Белев.⁷ — Письмо Соковину⁸ будет отдано. Вы слишком уже хотите быть аккуратны в рассуждении латинского языка. Я учился языкам самоучкою так: читал грамматику и разбирал авторов, приискивая слова в лексиконе. Разве вы намерены сочинять на латинском языке? Оставьте свои упреки, и позвольте сказать вам, что вы немножко хитры; но бог с вами, любезный кум! Я все-таки желаю вам добра и никак не хочу потерять вашу дружбу, хоть мне и кажется, будто бы вы хотели оттереть меня. Я начал бы издавать сам особый журнал под названием *Труба всемирная* и загремел бы против вашей несправедливости. Эй, кум! Я вам охотно сдал журнал, когда он был *доведен мною* до цветущего состояния, а вы так ли со мною поступаете? — Шлецера⁹ пришлю в срок. Каково предисловие, а особливо на конце, и вы не верите старику? Наш историограф¹⁰ дорого заплатил бы за материалы для Владимирова княжения! — Не хлопчите более о латинских книгах; вы имеете все нужное для первого начала. — Письмо к *Феоне*¹¹ у меня; а напечатанные стихи куда девались, ей не знаю. Перепишите их из Вестника, это <№> 15.

Ваш покорнейший слуга

М. Каченовский.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 35—36 об.

¹ Письма Жуковского, о которых пишет Каченовский, в печати неизвестны. Судя по предыдущим письмам Каченовского, в этих письмах шла речь об издании «Вестника Европы», который, согласно договоренности соредакторов, снова переходил к Каченовскому, писавшему Жуковскому 14 сентября 1810 г.: «100 рублей я отправил к вам 3 сентября при письме, в котором отвечал и на вопрос ваш: Буду ли издавать Вестник на 1811 год? Ежели хотите, опять повторю ответ свой: Дело сие между вами и мною давно уже окончено. Мы ударили по рукам. Вследствие сего рукобития с моей стороны сделаны все нужные приготовления: нанят дом подле типографии за 1400 рублей без дров, взят билет в кресла и так далее. Мне, признаюсь без обиняков, вопрос ваш даже не совсем понятен. Я боюсь, не намерены ли вы сдать журнал кому-нибудь другому.

Чтобы избавить вас от излишних хлопот, скажу решительно, будто ничего не подозревая: Я буду издателем Вестника на 1811 год» (ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 33).

² Суцев Андрей Дмитриевич принимал участие в субсидировании журнала.

³ Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета. В начале 1800-х годов был дружен с Жуковским и вместе с ним входил в состав Дружеского литературного общества. Мерзляков активно сотрудничал в «Вестнике Европы» во время редактирования журнала Жуковским и Каченовским.

⁴ Невзоров Максим Иванович (1763—1827) — литератор из круга московских масонов, с 1805 по 1815 г. был начальником Московской университетской типографии, где печатался «Вестник Европы». Как показывают публикуемые ниже письма, он не сочувствовал передаче журнала Каченовскому.

⁵ В 1810 г. Н. М. Карамзину был пожалован орден (Владимир 3-й степени), на получение которого и отзывается автор комментируемых стихов.

⁶ Аглая, 1810, ч. XII, с. 45.

⁷ Уездный городок Тульской губернии, где проживали Протасовы. Поездка в Белев, о которой пишет Каченовский, состоялась летом 1808 г.

⁸ Соковнин Сергей Михайлович — один из трех братьев Соковниных, с которым Жуковский был наиболее близок и у которого жил в Москве в конце 1807—1808 г.

⁹ Имеется в виду 5-й том вышедшего в 1802—1809 гг. в Геттингене «Нестора» Шлецера. Жуковский в письме от 11 июля 1810 г. просил А. И. Тургенева выслать ему это издание (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 54). О получении книги поэт, видимо, сообщил в одном из своих писем Каченовскому, который в свою очередь обратился к Жуковскому со следующей просьбой: «Еще прошу вас о 5-й части Нестора Шлецера и повторяю, что через две недели получите его обратно» (ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 31). В комментируемом письме Каченовский подтверждает свое обещание о своевременном возвращении этой книги, нужной Жуковскому в момент работы над исторической поэмой «Владимир» (см. подробнее: Библиотека Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 413—423).

¹⁰ Имеется в виду Н. М. Карамзин, которому в 1803 г. были исхода- тайствованы сжегодная пенсия и официальное звание придворного историкографа.

¹¹ «К Феоне» — стихотворение М. Н. Муравьева, которое Жуковский переслал в подлиннике Каченовскому для опубликования в «Вестнике Европы». Оно появилось в журнале в 1810 г. (ч. 51, № 13, с. 180—184).

2

В. А. ЖУКОВСКИЙ — М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ

27 сентября 1810 г.

Поздравляю вас с именем издателя *Вестника Европы*, с благополучным избавлением от тяжелой (?) *всемирной трубы*, которою вы хотели было против меня вооружиться. Вестник, доведенный *вами* до цветущего состояния, не поблекший и *при мне*, сохранивший древнее великолепие свое и *при нас*, принадлежит вам теперь безраздельно. В добрый час. Желаю вам всевозмож-

ного успеха. Мне между тем позвольте сказать несколько слов в ответ на ваше дружеское письмо.

Вначале объявляю вам, что я согласился с большим удовольствием быть только посторонним сотрудником в издании вашего журнала, не заботясь о его распоряжении, которое теперь единственно зависит от вас. Но дело пока не о том. Хочу сделать небольшое замечание на две или три строки вашего письма, которые для меня по всему <?> неожиданная резкость. Вы пишете: *позвольте сказать, что вы несколько хитры; но бог с вами, любезный кум. Я все-таки желаю вам добра и никак не хочу погнать вашу дружбу, хоть мне и кажется, будто бы вы хотели оттереть меня.*¹ Другими словами: любезный кум, вы вздумали хитрить, ибо нельзя не хитрить, когда идет дело об деньгах. Вы хотели меня оттереть, то есть обмануть, следовательно, вы плут; я прощаю вас и все еще вам желаю добра, хотя, между нами сказать, вы этого и не стоите. Но я это делаю из милости. Таков и смысл и тон вашего письма.

Позвольте ж спросить, Михайло Трофимович, у кого заимствовали вы такой язык и по какому праву говорите им со мною? Если вы не шутите (впрочем, и шутить таким образом, кажется, никогда не прилично), то уверяю вас, что такой образ мыслей пащет людей, которых вы ни почему не можете оскорблять подозрением низким, унизителен только для вас самих. Так говорить со мною могли бы вы только тогда, когда бы имели в руках доказательства ясные, но по одним подозрениям неосновательным, без всякой причины, делать оскорбление человеку, которого честность и совершенное бескорыстие на опыте вам известны, стыдно и неблагородно. И почему вы не в состоянии предполагать в самых приятелях ваших прямотушия; разве деньги кажутся вам столь всемогущими, что все люди без исключения должны жертвовать им своею совестью. Напрасно приводите вы в пример самого себя. Вестник, доведенный вами до *цветущего состояния*, был оставлен в исходе 1807 года,² и я, вступив в издание, не имел нужды делать с вами условие; теперь напротив, отказываясь от имени издателя, я желал и сам иметь некоторое участие в издании, о чем предварительно и было говорено между вами и мною. Большая разница! Вспомните и то, что при заключении в 1809 году контракта с типографиею я во всем вверился вам, не опасаясь, чтобы вы вздумали оттереть меня.³

Находясь в деревне,⁴ я никаких не имею способов, если бы и хотел, оттереть вас от издания. Впрочем, этого и хотеть мне невозможно, ибо я располагаюсь большую часть года жить в деревне, как же бы мне издавать одному — конечно, для этого благородного подвига я мог бы сделать наступательный и оборонительный союз с Суцевым, если бы только он на это согласился. Но и этот союз был бы весьма безуспешен. Я живу в деревне, а вы — профессор университета, могущий иметь влияние на дела его, со-

стоите налице, и типография от вас в двух шагах; я был бы сумасшедший, когда бы вздумал приняться за обман, не предвидя от того никакой себе выгоды и единственно для одного бесславия — не говоря уже о собственном к самому себе уважении, это мое дело... но виноват; между нами идет дело не о честности, не о доверенности взаимной, не о дружбе и благородстве, а просто о деньгах, и я, оставляя вам думать обо мне что хотите и как хотите, повторяю, что я совершенно согласен на ваше условие, вы будете от меня получать аккуратно для каждого № два листа оригиналу, а я буду от вас получать деньги; в год доставляя вам не менее и не более 48 листов.⁵ Хотя по словесному, предварительному уговору и быто назначено между нами, чтобы вам платить мне *свою цену*; но я соглашаюсь получить пятью рублями менее того, что вы получите будете по вашему условию с типографией: это составит вам выигрыша на 240 рублей — впрочем, здесь расположение зависит единственно от вас, ибо контракт уже сделан. Обязуюсь клятвенно доставлять вам не более двух листов для каждого №.

Прошу вас: 1-е — помещать каждую мою пьесу без отговорки (об этом также было говорено между нами), ибо и я, живучи своими трудами, не могу терять их понапрасну, и 2-е — позволить мне присылать их по-прежнему переписанными, а я обязуюсь писать разборчивее. Прошу вас не замедлить на сии последние пункты ответом. Верьте, Михайла Трофимович, что я из усердия к вам и совсем бы желал отказаться от всякого участия в Вестнике, но теперь по моим обстоятельствам этого мне сделать невозможно, и это для меня очень огорчительно.

Покорный ваш слуга

В. Жуковский.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 27746, л. 3—4.

¹ Жуковский цитирует строки из предыдущего письма Каченовского.

² О своем решении издавать «Вестник Европы» Жуковский сообщил А. И. Тургеневу еще в начале июля 1807 г.: «Хочу выдавать на будущий год „Вестник Европы“. Каченовский отказывается, и мои прелиминарные условия с нашим любезным благоприятелем Максимумом Ивановичем (Невзоровым, — *Р. И.*) сделаны» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 34). Причины отказа Каченовского от обязанностей издателя журнала состояли в том, что, возведенный в сентябре 1806 г. в степень доктора философии и изящных наук, он не только получал новую должность при Московском университете (адъюнкта), но и готовился стать управителем дел в канцелярии попечителя Московского университета А. К. Разумовского (см.: Барсуков в Н. П. Михаил Трофимович Каченовский. — Русская старина, 1889, кн. 1—3, с. 200—201). Уже в ноябре 1807 г. в «Московских ведомостях» было помещено объявление коллегии Университетской типографии, в котором указывалось, что прежний издатель «Вестника Европы», «по некоторым обстоятельствам отказываясь быть издателем Вестника, уступил его г. Жуковскому» (Московские ведомости, 1807, 23 ноября).

³ Контракт с Университетской типографией, о котором пишет Жуковский, был заключен в августе 1809 г. В письме к Жуковскому от 7 ав-

густа 1809 г. Каченовский писал: «Вот вам и контракт. Подпишите и присылайте поскорее обратно. О нашем условии договориться успеем после. Я пришлю вам оное для подписания; теперь еще не готово» (ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 14). Оба этих документа составлялись и оформлялись Каченовским, которому Жуковский передоверил все дела по «Вестнику» уже с лета—осени 1809 г. Именно к этому времени относится первое из сохранившихся в Онегинском архиве писем Каченовского к Жуковскому, от 10 августа (ошибочно датированное в подлиннике 1808 г.), в котором Каченовский сообщил о новом плане издания «Вестника». «Я разумею выпускать журнал под двумя именами издателей, — писал Каченовский поэту, подчеркивая при этом: — Будьте вы один полным хозяином, а я вам помощник по-прежнему» (там же, л. 1). О контракте с типографией Каченовский напомнил Жуковскому и в письме от 21 августа 1809 г. (там же, л. 15).

⁴ Жуковский имеет в виду село Муратово, расположенное в 55 верстах от уездного города Болхова Орловской губернии, где в 1809 г. поселилась Е. А. Протасова с дочерьми. В Муратове провел поэт и лето 1810 г. (подробнее о пребывании Жуковского «в деревнях», в родных местах Тульской и Орловской губернии, см.: Власов В., Назаренко И. «Минувших дней очарованье». Тула, 1979, с. 132—134).

⁵ К этому месту сделан черповой расчет рукой Жуковского: $\frac{48 \text{ по } 5 \text{ р.}}{240 \text{ р.}}$

Он представляет собою подсчет чистого дохода Каченовского от участия Жуковского в журнале и с предельной точностью определяет долю авторского участия поэта в «Вестнике» (в течение года выходило 24 книжки, в каждую из которых Жуковский давал 2 листа).

3

В. А. ЖУКОВСКИЙ — М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ

«Не ранее 30 сентября и не позднее 3 октября 1810».

Милостивый государь мой Михаил Трофимович.

Еще одно письмо, с которым позволю себе войти в некоторые объяснения — и потом всему конец. Итак вы шутили, сказав приятелю своему, который искренно дорожил вашею дружбою, который от всего сердца верил бы вам все свое имение (ибо он имел полную ко всему доверенность), что он: *хотел отгересть вас от издания Вестника*. Я написал целое письмо, наполненное грубыми укоризнами, это правда, а вы поместили в вашем одно только слово — совсем не грубое, и то одно, но ваше одно слово обиднее всех моих укоризн, ибо оно заключает в себе ваше дурное мнение на счет человека, который старался всегда быть вашим приятелем; а все мои укоризны, напротив, означают только то, что мне было чрезвычайно больно найти вас на счет мой так жестоко несправедливым. Вы виноваты передо мною делом, а я виноват перед вами словами. Но после нескольких лет короткого дружеского знакомства мог ли «я» вообразить, чтобы вы когда-нибудь сказали мне: Ты хотел *отгересть* меня от издания Вестника, хотя сам «?» уступил его мне добровольно.

Право, [я] всегда старался быть добрым вам товарищем, и ваше выражение не могло не быть для меня чрезвычайно чувствительным именно потому, что я уверен был, что вы меня знаете более многих и более многих характер мой ценить можете. Не зная, что бы вы отвечали мне, если бы в моем письме к вам не написано было: *вы хитры, вы хотели меня оттереть*, и сочли бы вы такое выражение шуточным (впрочем, и шутка обнаруживает мнение — а в вашей шутке какое же обнаруживаете вы нащеп приятеля своего мнение?).

Написанное в письме моем, в чем искренно каюсь, признаю очень резким, но говорю и теперь, что вы виноваты передо мною гораздо более, нежели я перед вами, ибо вы точно показали на щеп мой подозрительность, которой я никак от вас не заслуживал и не ожидал. Пускай ваше выражение шуточное — по что же значит ваша шутка? Неужели в ней нет никакого смысла? а если есть он — то какой же? И скажите, ради бога, не виноватее ли тот человек, который с холодным духом шутя и в выражениях негрубых говорит своему приятелю: *я сомневаюсь в твоей честности*, — нежели тот, который, получив от своего приятеля такой неожиданный комплимент, отвечает ему в первую минуту колкостями и с досадою. Признаюсь, если бы я имел несчастье оскорбить своего приятеля обидным нащеп его подозрением, то для меня такая бы ошибка была бы больше всех его грубостей, она лежала бы у меня на душе, и я, сказавши ему: твой выражения не годятся никуда, поспешил бы, однако, сложить с своей совестью преступление против дружбы, то есть или бы с ним объяснился, или сказал бы ему: виноват, подозрение мое было неосновательно, но мы поквитались, ибо за мою ошибку в логике заплатил мне порядочною ошибкою против учтивости.

Искренно буду сожалеть, если наше знакомство таким образом прекратится, по крайней мере я не очернил себя перед вами никаким противным короткому знакомству поступком. Я только написал к вам грубое письмо. [Это] преступление против учтивости, благопристойности и тому подобного; а вы, вы думали о приятеле своем дурно тогда, когда обязаны были уважать его — истинное преступление против совести, и я не знаю, простит ли она его вам.

Теперь слово <нрзб.> с вами о журнале.

Прошу вас покорно все расположить, как будет вам выгодно, дабы прекратить всякий излишний разговор; платить мне можете вы то, что вам покажется *должным*, я соглашаюсь на все без всякого затруднения. Прошу вас только *назначить* цену — отказаться мне от этого участия, право, невозможно; но я надеюсь, что пиесы мои не будут портить вашего Вестника.

По большей части буду переводить для статьи *Науки и искусства*, для которой имею хороший запас материалов. Прошу вас отвечать мне без замедления и в ответе своем определить [цену]. На принятии цены вперед соглашаюсь.

Статья для критики будет приготовлена, если не к XXI, то к XXII «книжке».¹

Будучи уверен, что вы в этом случае поступите как [«нрзб.» будет должно]...²

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 27746, л. 1—2.

Черновик письма не закончен.

Датируется на следующем основании. Как показывает переписка, письма, отправленные из Москвы в Муратово, где находился в момент переписки Жуковский, доходили до адресата через три дня. Из содержания второго письма Жуковского к Каченовскому следует, что поэт написал его «вдогонку» своему первому письму, еще не получив на него ответа Каченовского, который датирован 1 октября. Жуковский получил ответ на свое первое письмо 3—4 октября. Так определяется крайняя дата, позже которой второе письмо не могло быть написано. С другой стороны, если бы Жуковский написал второе письмо 28 или 29 сентября, Каченовский мог бы получить его до 1 октября, и это не могло бы не отразиться на тоне его ответа. Между тем ответ Каченовского носит резкий характер, а его содержание полностью отвечает содержанию первого письма Жуковского.

¹ См. примеч. 3 к письму 4 (Каченовский — Жуковскому).

² На обороте этого письма Жуковский набрасывает черновик своего письма к И. И. Дмитриеву, в котором благодарит последнего за присланное ему в подарок 3-е издание «Басен» (СПб., 1810). Эта книга сохранилась в библиотеке Жуковского, в той части, которая находится в Пушкинском Доме.

4

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

1 окт<ября> 1810 г.

Милостивый государь мой Василий Андреевич!

Ежели слова *позвольте сказать, что вы немного хитры и проч.*, также *вы хотели объяснения и проч.*, ежели слова сии, в записке мною написанные, кажутся вам непристойными и оскорбительными, то прошу в том простить меня великодушно. Уверяю, что я не имел намерения прогневить вас и совсем не предполагал, чтобы вы думали спрашивать: *от кого я заимствовал такой язык? и по какому праву говорю им с вами?* В ответе на первый вопрос нет большой нужды. Право говорить с вами откровенно и иногда шутить основывал я (еще раз прошу простить меня) на коротком знакомстве между нами. Но знакомство сие, милостивый государь мой, не обязывало меня читать жестокие ваши сарказмы и укоризны, которых ни один честный человек переносить не должен и от которых прошу впредь меня избавить.

После всего, что вы позволили себе написать ко мне, я уже не могу *объясниться*, себя не ушибая; да вы же и объяснений моих не жалуете. Скажу только, что если б я предвидел эту неприятность, то оставил бы вас полным и единственным хозяином Вестника. Я умею отступаться от издания: о вашей решительности ничего не знаю наверное.

Все ваши *пшесы* помещать обещаюсь, предполагая, что все они будут соответствовать плану Вестника и что вы станете отличать их подписью своего имени. Оригинал ваш *непереписанный* соглашаюсь принимать до тех, пока не услышу от типографии напоминаний, о которых тогда же уведомить вас незамедлю. Буду просить вас о доставлении *пшес* заблаговременно, ежели захотите непременно в каждом номере иметь участие. Назначение цены предоставляю собственному вашему благоусмотрению. Прошу только не забыть: 1-е, что я с должностно издателя принял на себя и все издержки для журнала; 2-е, что я должен читать корректуру; 3-е, что во многих книжках будет более, нежели по пяти листов; 4-е, что переводить можно в один день по листу, а выбирать мелкие статьи, приискивать материи, приводить в порядок и сочинять гораздо труднее, по крайпей мере для меня, тупого человека. Прошу также не забыть и о Мерзлякове, которому обещался я платить за стихи. Еще прошу не забыть, что в 1808 году за *сочинение* трех книжек добровольно предоставил я в вашу пользу по 50 рублей от книжки. Наконец прошу не забыть и о тех обстоятельствах, для которых вы приняли меня в товарищи на 1809 год. Еще упомянул бы, что вы приняли от меня журнал в *хорошем* состоянии; но умолчу, потому что это для вас кажется вздором. Стихи к Феоне и другие отдам переписать, и скоро пришлю к вам. Я виноват; за разными хлопотами совсем позабыл, что обещался сберечь их.¹

Я должен был вам 31 рубль. Посылаю три новые бумажки. Это составляет 30 руб. 90 коп. Недостает 10 копеек.

Статья ваша о рыцарях займет место в 20-й книжке.² Все прочее постараюсь написать я сам, чтобы по квитаться с вами.

Для 21-й книжки прошу прислать между прочим и критику.³ Вы обязаны писать ее по силе 2-й статьи нашего условия.

Ваш покорный слуга

М. Каченовский.

ИРЛИ, ф. 244, Опегинский архив, № 28075, л. 37—38.

Ответное письмо Каченовского на письмо Жуковского от 27 сентября 1810 г.

¹ См. об этом примеч. 11 к письму 1 (Каченовский — Жуковскому). Как следует из пометы на письме Жуковского к Каченовскому от 27 сентября (л. 4 об.), Жуковский снова напомнил ему о присылке подлинника (или в крайнем случае копии) стихотворений М. Н. Муравьева, посланных для помещения в «Вестнике Европы» (см. письмо 2). Кроме послания «К Феоне» Каченовский имеет в виду еще 4 произведения Му-

равьева — «Послание к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу 1774 г.», «Болеслав, король польский», «Нешастие», «Зевес и гром», которые были напечатаны в 9-й книжке «Вестника Европы» (1810, ч. 51, № 9, с. 42—49) со следующим пояснением, вне всякого сомнения написанным Жуковским: «Автор сего послания и следующих трех стихотворных шпес <...> — есть покойный Михайла Никитич Муравьев. Избранные из оставшихся после его смерти стихотворений будут изданы со временем в свет» (с. 42). К убедительным соображениям Э. М. Жилияковой о принадлежности этого пояснения именно Жуковскому (см.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 84) следует добавить, что в момент издания 9-й книжки «Вестника Европы» (в мае 1810 г.) Каченовский, как свидетельствует его переписка с Жуковским, находился в отъезде, и все дела по журналу Жуковский вел один. Согласно данным формулярного списка Каченовского (Русская старина, 1889, т. 64, кн. 10—12, с. 199—202), в мае 1810 г. в качестве визитера он обозревал училища Калужской губернии.

² Имеется в виду переведенный Жуковским из Шатобриана фрагмент «Образ жизни и нравы рыцарей» (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 20, с. 247—266).

³ В 21-й книжке в разделе «Критика» была напечатана рецензия на перевод «Потерянного рая» Мильтона, подписанная «Т.» и Жуковскому не принадлежащая (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 21, с. 45—58). Критическая статья Жуковского, обещанная Каченовскому, появилась в следующем номере журнала (см.: Радомист и Зепобия. Трагедия в пяти действиях, в стихах, соч. Крепильона. Перевод с франц. Степана Висковатова. — Там же, № 22, с. 102—120).

5

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

«Не ранее 3—7 октября 1810 г.»

«Любезный, вспыльчивый кум мой! ради Георгия¹ мирюсь с тобою от всей души!». Начинаю ответ свой точно теми словами, какие вы предполагали. В них нет ни крошечки притворства.

Пожалуйста, не сердитесь и дайте мне вам сказать, что мне хочется. Может быть, я сокру что-нибудь лишнее или непристойное, а вы все-таки не сердитесь, ибо мне до чрезвычайности хочется быть правым.

Что у вас за привязки такие? Что за взыскательность? Вы нападали на *подозрения мои*, на *высокомерие*, на *корыстолюбие* и на *неустойку в слове*. Слово *подозрения* тут совсем неуместно; надобно бы вам сказать — недоумение, которое произошло во мне оттого, что вы переменили свое намерение (NB оно мне казалось решительным), и что вы долго не отвечали на письмо М. И. Невзорова, и таинственным тоном предлагали мне вопрос, *буду ли я издателем*. *Высокомерие* вы приписываете мне совершенно по-пустому. *Корыстолюбием* вы представили расчетливость мою, самую невинную. Я предположил быть издателем один, а причины того почти все вам известны. Судя по вашему

вопросу, мне оставалось думать, что вы хотели также или быть одни издателем, или же работать вместе со мною на прежнем положении: первое зависело от согласия типографии и Университета, а от второго я имел полное право отказаться. Решившись же быть *один* издателем и принявши по себе и труды и заботы и издержки, я не почитал ни малейшим преступлением помышлять и о выгодах своих. В моих сутках также 24 часа, как и в ваших. За что же мне терять лишних два или три часа на работу по-пустому, когда я могу употребить их на другие упражнения, которые доставили бы мне средства для содержания себя и своего семейства! *Неустойка моя в слове* также безгрешна. Мог ли я предполагать, чтобы вы, занимаясь службою в Петербурге, аккуратно доставляли мне материала ровно на два листа с половиною? А если б и так было, то неужели не напомнил бы я вам о лишних сверх пяти листов страницах, о корректуре, о хлопотах, об издержках, о потере времени? Вот и выходит, что вы должны на меня сердиться за *недоумение*, а я на вас за *подозрения* и *оскорбления*, самые обидные. Но оставим свои претензии. Душевно радуюсь, что вы со мною миритесь, и благодарю вас от чистого сердца, что вы возвращаете мне вашу дружбу.

Пишите для Вестника, что вам будет угодно, и присылайте свои пиесы заблаговременно, для того чтобы я не ждал ваших пиес и мог бы наперед располагать статьи для каждой книжки. Я хочу завести порядок, чтобы не быть в тисках и не торопиться. Вы знаете, как это затрудняет. Не согласитесь ли вы получить с меня три доли цены, а четвертую оставлять в мою пользу, как я оставил вам в 1808 году за три книжки, хотя вы и предлагали мне свою цену?

А тогда, не забудьте, я сам один составлял оные книжки и читал корректуру — вы запретили мне говорить о цене; но я дозволяю себе упомянуть о ней для избежания недоразумений. Если вы на это согласны, то и я не посердился бы, когда бы вы подчас и с залишком <?> по два листа присылали. Уведомьте меня о вашем мнении. Рассчитываться можем, когда захотите; но лучше бы начать после 6 и 7 книжки, то есть в то время, когда исполнится мера субскрибентов.² Иностранных журналов я буду получать очень мало. В почтамте требуют деньги серебром или ассигнациями по курсу. За Journal de l'Empire,³ например, требуют 216 рублей, за Publiciste⁴ — 200 и так далее! Ужасно! Видно, что и условленные на книги 200 р. <руб.> придется употребить на журналы же, а книги покупать на свои деньги, ибо я *непременно* буду писать критики и замечания. Постараюсь и к вам посылать иностранные журналы, ежели что-нибудь хорошенькое в них найдется. Однако ж лучше, ежели бы вы сами на себя надеялись и почаще писали бы *свое*.⁵ Повторяю, что вы должны отвечать перед публикою за свои пиесы. Мы можем быть не одного мнения и даже браниться в журнале, как я те-

перь бранюсь с каким-то певидимкою за банное строение.⁶ Вы собираетесь переводить из Лагарпа о Цицероновых речах. Бог вам да поможет! Однако ж знайте, что в Петербурге напечатаны первые (от 1 до 5) томы Лагарпова Лицея.⁷

Собрание наше все еще не пачиналось за отсутствием членов. Однако ж Глинка официально сообщил уже президенту свое раскаяние.⁸ Прощайте! Пора спать. Грамоту сию восписал я после спектакля, которые посещаю регулярно, в твердом намерении писать о них что придет в голову. Еще раз простите, любезнейший Василий Андреевич,

вам искренно преданный М. Каченовский.

Р. S. У нас по цензуре учнилась великая революция. Назначено быть только 4 цензорам, под непосредственным ведением попечителя. Вестник теперь читается Цветаевым. Попечитель велел было задержать 19<ю> книжку, за нечестивые мысли на 237 страниц,⁹ но опоздал. — Георгий желает вам *долгомесячной* жизни и молит творца, чтобы продлил век ваш даже до конца 1811 года или до 24<й> книжки Вестника!!

ИРЛИ, ф. 244, Онегипский архив, № 28075, л. 45—45 об.

Ответное письмо на второе, примирительное письмо Жуковского, которое, видимо, в окончательной редакции имело некоторые отличия от публикуемого нами черновика (письмо 3).

¹ Георгий Каченовский — малолетний сын М. Т. Каченовского, крестным отцом которого был Жуковский. Отсюда постоянное шутовое обращение Каченовского к поэту — «любезный кум».

² Субскрибенты — подписчики, частично финансирующие журнал.

³ «Journal de l'Empire» — французская газета, выходившая с 1789 по 1864 г. под разными названиями.

⁴ «Publiciste» — французская газета, издаваемая в Париже под разными названиями с 1792 г. До ноября 1810 г. называлась «Publiciste».

⁵ Каченовский намекает на то, что во второй половине 1810 г. переводы Жуковского преобладали над его оригинальным творчеством. Так, в № 3 журнала пост поместил два стихотворения («К Деллию», «На смерть семнадцатилетней Эрминии») и критический разбор «Кантемировых сатир» с предварительным рассуждением о сатире вообще (Вестник Европы, 1810, ч. 49, № 3, с. 188—189, 190—214; публикация статьи была продолжена и в других книжках журнала: ч. 50, № 5, с. 42—61; № 6, с. 126—150). В осенние книжки журнала Жуковский давал в основном переводы (см. их перечень в кн.: Жуковский В. А. Соч. Под ред. П. А. Ефремова. Изд. 7-е. СПб., 1878, с. 685—687).

⁶ Началом полемки о «банном строении» послужила рецензия М. Т. Каченовского (Вестник Европы, 1810, ч. 49, № 1, с. 60) на книгу «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор» (СПб., 1809). Автор этой книги утверждал, что под баным строением следует понимать верхнюю часть, главу (или купол) церкви. Опираясь на летописи и другие исторические источники, Каченовский оспорил эту точку зрения. Автор (которого Каченовский именует «певидимкою») возразил ему в «Вестнике» же (1810, ч. 53, № 18, с. 145—154). В комментируемом письме Каченовский упоминает свое новое полемическое выступление по этому вопросу (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 23, с. 218). Хотя Жуковский и не сочувствовал этой полемике, считая ее незначительной

по содержанию, однако он, как показывают маргиналии на «Летописи Нестора» (издано имп. Академией наук в 1767 г. по Радзивиловскому списку), переделывался славянскими банями (см.: Библиотека Жуковского в Томске, с. 415—416).

⁷ Имеется в виду книга: Лекей, или Круг словесности, древней и новой. Соч. г. Ла Гарпа. Пер. с франц. членами Российской Академии. Г. I—V. СПб., 1810—1814. Видимо, авторская работа переводчиков (П. Карабашова, П. Соколова, А. Никольского, Д. Соколова) была в 1810 г. закончена и книга готовилась к изданию. В библиотеке Жуковского сохранилось следующее издание «Лицея» Лагарпа: Lahaigre J.-F. Lycee, ou Cours de litterature ancienne et moderne. 16 tomes en 19 vol. Paris, 1799—1805. Видимо, именно по этому изданию и собирался Жуковский перевести Лагарпа.

⁸ Речь идет об «Обществе истории и древностей российских», учрежденном при Московском университете в 1804 г. Первым председателем (президентом) общества был ректор Х. А. Чебытарев. Как показывают письма Каченовского, общество в 1810 г. переживало период своего упадка. Только после назначения нового попечителя университета, П. И. Кутузова (в мае 1810 г.), оно начало постепенно разворачивать свою работу под председательством П. А. Бекетова. 21 января 1811 г. общество получило новый устав. Бекетову и припис свое раскаяние С. Н. Глинка (остаются неясными причины конфликта).

⁹ Цензурные придирки относились к статье «Вероисповедание» из раздела «Проществий», в которой проводилась мысль, что вероисповедание «служило орудием для страстей и покрывалом для честолюбия в течение многих столетий» и что «терпимость есть прекраснейшее дело благоразумной политики».

6

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 25 октября 1810.

Я послал к вам, любезный Василий Андреевич, греческую Хрестоматию.¹ Не знаю, как быть с грамматикою. У меня нет лишней. Правда, их у меня две: 1<-я> на латинском, изд. Каменским,² и 2<-я> на немецком, изд. Бутманном. Последняя годилась бы для вас; но мне она почти ежедневно бывает падобна для справок, и я никак не могу с нею расстаться. Есть одна маленькая грамматика, изданная для учительниц, очень дешевая (по четыре 50 коп.), но ее не удалось мне сегодня найти в лавках. Погодите немного. Ох, кум, теперь газеты и журналы кусаются! Сегодня подал я в контору список очень кургузой; но означенные в нем журналы будут стоить около 1200 рублей.

Князь Вяземский и Батюшков осведомлялись об вас и просили меня, чтобы я вам о них напомнил.

Прощайте, ожидаю от вас оригинала для 22<-й> книжки,³ и надеюсь, что вы к новому году пригготовите довольное количество пьес и все пришлите ко мне заблаговременно (дабы я мог свободно распорядить, чему где быть надобно). Сказать ли вам? Я теперь и наяву и во сне мечтаю о способах просла-

виться (!!!!), и для того вознамерился поболее писать *своего собственного*. Неудобно ли поревновать мне? Решимся, любезный кум, оба добиваться прочной славы, во что бы то ни стало. Трудновато мне было расположить все по своему желанию. Теперь, кажется, дело пойдет на лад: буду знать только свой класс да Вестник; живу на выгодной квартире, подле Университета, библиотеки и типографии; жена час от часу успевает в практической науке домашнего хозяйства. — Итак, мне остается думать только о своей наковальне.

Adieu, вам преданнейший М. К.

Р. S. Один знакомый вам, а отчасти и мне, молодой француз из лавки Рисса и Сосе, принес мне книгу «Le coin du feu» — «Вечера перед камином», им (!!!) переведенную на русский язык.⁴

Он просил меня книгу переслать к вам, и напомнить, что вы обещались написать о ней в Вестнике.

Книгу вы получите с тяжелою почтою. Нельзя ли уволить Вестник от таких уведомлений? Сделайте одолжение, как-нибудь отыграйтесь.

Вы сами увидите, что это мелочь, не стоящая внимания.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 39—40 об.

¹ По-видимому, имеется в виду книга, сохранившаяся в библиотеке Жуковского и содержащая его пометы, впоследствии подаренная им своему ученику — наследнику Александру Николаевичу (книга имеет его экслибрис): Hermann Martin Gottfried. Mythologie der Griechen für die obern Classen der Schulen und Gymnasien. Nebst einer geographisch-historischen Einleitung von M.-G. Herrmann. Th. 1—2. Berlin, 1801.

² Имеется в виду «Грамматика греческая. Соч. Варл. Лащевского» (СПб., 1788), неоднократно переиздаваемая Н. Бантыш-Каменским.

³ В № 22 «Вестника Европы» за 1810 г. (с. 102—120) была опубликована рецензия Жуковского на «Радомиста и Зенобию» (см. примеч. 3 к письму 4).

⁴ Книга была издана анонимно: Вечера перед камном, или Собрание сказок и комедий для первого возраста. М., 1811. Жуковским она не рецензировалась.

7

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

19 ноября 1810.

Я уж возвестил вам, любезнейший кум, и теперь повторяю: присылайте ко мне все, что ни напишете. Только бога ради: 1-е — прочитывайте свою рукопись, чтобы здесь мне не было хлопот; как я могу поправлять ошибки без оригинала? 2-е —

присылайте пьесы заблаговременно, чтобы я знал, что куда сунуть и для каких статей готовить свои пьесы; 3-е — отвечайте сами перед публикою за свои пьесы, сиречь ставьте под ними ваше имя. Я советовал бы вам переводить кое-что из Гиббона. Просматривайте оглавления; вы найдете в них множество превосходных отрывков. Я непременно хочу перевести из него о Римском законодательстве из VIII тома.¹ Енгелева статья *о бытии бога* под конец невразумительна,² оттого что он *intraduisible*,^a если не ошибаюсь, я заглядывал в подлинник. К таким пьесам не надобно прикасаться. Деньги ваши получу из типографии завтра, и что будет нужно, исполню. Горн говорит, что греческую грамматику, лексикон и третью книгу, по требованию вашему, он отдал тому человеку, который вручил ему письмо ваше. Собрание наше еще не открывалось;³ мало членов, однако ж поговаривают. Георгий дней шесть уже болен, от этого у меня страшная суматоха. Теперь ему лучше.

Adieu. M. K.

Р. S. Ежели вы пришлете около двух листов на последнюю книжку, то мы и сквитаемся.

Еще Р. S. В сию минуту я получил ваш оригинал.⁴ Для XXIV книжки пришлите что-нибудь для *Науки и искусства* или для *Критики* на лист с небольшим или на полтора, так и все бесы в воду.⁵ Сказку Дорсан и Люцию я разобью на две книжки.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 41—41 об.

¹ Имеется в виду многотомный труд Гиббона (Gibbon E.) «History of the decline and fall of the Roman Empire» (1776—1786).

² Каченовский критикует переведенную Жуковским из Энгеля статью «Улей (разговор о бытии бога)» (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 22, с. 85—100).

³ См. примеч. 8 к письму 5.

⁴ Речь идет о переведенной Жуковским сказке «Дорсан и Люция» Жанлис, начало которой Каченовский дал в 23-й книге (ч. 54) «Вестника Европы» (с. 173—206), а закончил публикацию в 24-й книге (с. 253—275).

⁵ Жуковский не выполнил просьбу Каченовского: в 24-й книге появилась переводная повесть Жуковского «Взыскательность молодой женщины» (с. 275—289).

8

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

15 декабря 1810. Москва.

Материал ваш получен. И впредь доставляйте заранее. Гейнево замечание я читал, если не ошибаюсь в 1<-й> книжке Шлецера Нестора.¹ Оно очень справедливо. Кстати о Шлецере.

^a Непереводима (франц.).

Третьего дня в обществе Истории и древностей российских я завел речь о сем почтенном любителе и знатоке наших древностей — и, признаюсь, не без намерения. Вот что я услышал от Карамзина. *Шлецер шарлатан, он иностранец; история Русская была для него дело совсем стороннее; он ничего по этой части не знает и только что несет пустое, он пускает пыль в глаза для незнающих!!!* Я этому не могу верить, и думаю, что труды Шлецера не бесполезны, даже для самого историографа. К речи пришлось мне сказать, что Шлецеру известно в иностранной литературе почти все касающееся до древней русской истории.

Никол^ай Мих^айлович отвечал мне, что все нужное можно было отыскать и без Шлецера... вам должно быть известно, что пишет Шлецер о Несторовой летописи и как, по его мнению, надобно издать ее. Карамзин и это почитает сущим вздором.

На Ломоносова не жалуйтесь. Он в первом томе показал правило для хореев, дактилей, анапестов и проч.² Греческою же мерою писать на нашем языке никак невозможно, потому что мы не имеем ни той меры, которую древние называли *Aythmus*, ни музыкального напева в произношении. В немецких и в наших гексаметрах едва ли тень есть древних греческих. Греки долгой слог тянули вдвое долее короткого, или в долгом слоге у них заключалось два коротких. У них сряду могли стоять три и четыре слога долгих. У римлян тоже.

Приезжайте, любезный кум, поскорее спасать свои деньги. Я успел уже перетаскать из них сотни три, и боюсь, чтобы вместо наличной вашей тысячи не положить своего банкового билета. Но воспитательный дом не за горами, я же и без того надеюсь разбогатеть около нового года. Предмет нашего кумовства, Георгий, выздоровел почти совсем. Плохо ему было бедняжке!

Общество наше не в самом цветущем состоянии. Мало членов. Мы с Мерзляковым поговариваем о закрытии впредь до благоприятных обстоятельств.³ Вы не хотите подписывать имени своего под пьесами? ведь я обещался помещать *все ваши* труды, с тем чтобы публика знала, что они ваши. Угадываете ли, для чего я этого добиваюсь? Чтоб вы были осторожны и берегли бы как себя, так и *Вестник*. Но мы об этом потолкуем с вами в Москве. А теперь прощайте,

любезнейший Василий Андреевич,

ваш Каченовский.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 43—44.

¹ Сводку данных об отношении Жуковского к известному труду немецкого историка Шлецера см.: Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях Жуковского. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске, с. 421—427. Поэт был внимательным читателем «Нестора» Шлецера (в 5 томах, вышедших в Геттингене в 1802—1809 гг.; см. также русский перевод 1 части, выполненный Д. Языковым и вышед-

пий в Петербурге в 1809 г.), постоянно интересовался и другими трудами историка. «Вместе с тем, — справедливо пишет Ф. З. Канунова, — Жуковский критически воспринимал некоторые мысли и утверждения Шлецера»; в частности, он не принимал его первоначального скептического взгляда на подлинность «Слова о полку Игореве» (там же, с. 423). Представитель «скептической школы» в русской историографии (см.: Иконники В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871), Каченовский был сторонником исторического метода Шлецера. Карамзин, резкий отзыв которого о Шлещере приводит Каченовский, еще в 1806 г. писал М. Н. Муравьеву о том, что «не боится федулы Шлецевой» (Русский биографический словарь (Ибак—Ключарев). СПб., 1897, с. 509). По мере углубления в рукописные и старопечатные источники Карамзин все более критически воспринимал исторические труды Шлецера.

² Реплика Каченовского о Ломоносове, по-видимому, вызвана критическим суждением Жуковского о его стиховедческом трактате «Письмо о правилах российского стихотворства». При этом журналист ссылается на 1-й том «Полного собрания сочинений Ломоносова» (СПб., 1784, с. 11—22), который сохранился в составе библиотеки Жуковского (в той ее части, которая хранится в Пушкинском Доме). Подробнее об отношении Жуковского к Ломоносову см. статью А. С. Янушкевича в книге «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (с. 52—70).

³ См. примеч. 8 к письму 5.

2. ПИСЬМА Д. А. КАВЕЛИНА к В. А. ЖУКОВСКОМУ

1

22 июня 1815. Село Иваново.

По прескверной дороге и в сквернейшей еще коляске насилу-насилу доехали мы до Москвы, усталые; там растерзали нас родные и приятели на несколько частей, остальное повезли мы в деревню, которую нашли изрядно и преизрядно пограбленную управителем. Теперь шестой день. Хлопочу, как угорелая кошка, о приведении хозяйства своего хоть в какой-нибудь порядок, и вот причина, почему до сих пор ни строчки милому Жуковскому.

Комиссии твои в Москве все исполнил: с Антонским говорил обо всем, до тебя касающемся, так же как и обо всем, что для него полезно.¹ Он почти уже и не хочет места в Петербурге. По крайней мере не иначе, как получив: 1) пенсию за профессорство, 2) звание *emeritus*, 3) по особенному приглашению. Он так же добр и любезен с своими, как и прежде бывал. У меня обедал. И мы много говорили всякой всячины. Твои нужды не забыты, беспенный Жуковский. Я намекнул ему о деньгах для твоего издания,² и полагаю, что уже он предложил их тебе; Мерзлякова и Каченовского видел. Антон Антонович ваялся споспешествовать нашему изданию, или, лучше, распродать наших книг — с Кавериним³ не виделся еще, но увижусь непременно на петровской ярмонке в Мещевске.

От Воейкова получил письмо, где он продолжает терзаться за убытки.⁴ Фалалей наш не знает, что мы не хуже его смыслим в книжной торговле, а в сердце человеческого еще больше, гораздо больше сведущи: дай бог, чтобы попадалось побольше таких сердец, как твое.

Белев окружен, кажется, добрыми людьми. Я кое с кем познакомился. На этих днях еду на ярмонку, откуда возвратясь отдохну, да поеду в Москву; и прежде и после писать к тебе буду, а любить тебя не перестаю ни на мигу. Белевских друзей⁵ твоих не удалось видеть. Черкасова,⁶ говорят, очень больна.

Жена моя и дети⁷ обнимают доброго Жуковского, также и преданнейший ему

Д. Кавелин.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 71.

¹ Прокопович-Антонский Антоп Антонович (ок. 1780—1848) — профессор, ректор Московского университета и директор Московского университетского Благородного пансиона, постоянный пастырь Жуковского. Дело, о котором хлопотал Жуковский в Петербурге, было связано с намерением Антонского добиться назначения на пост директора Царскосельского Лицея, освободившийся после смерти В. Ф. Малиновского. В письме от 20 мая 1815 г. Жуковский сообщал Антопскому следующее: «При отъезде из Москвы вы говорили мне о ваших прожектах на Лицей. Место, желаемое вами, не занято. Прикажете ли здесь о нем хлопотать? <...> Тургенев обещает употребить все свои старания» (Русский архив, 1883, № 1, с. 325). Уже 18 июля 1815 г. Жуковский известил о результатах этих хлопот: «Я говорил с Мартыновым и говорил с Уваровым. Первый требовал, чтобы я последнего заставил сделать об вас предложение министру. Уваров говорил министру, и Разумовский отвечал, что сам согласен, что нет в России человека, которому бы можно было лучше вас поручить Лицей, но что это именно его и останавливает. Вы пужпы пансиону <...> И едва ли когда-нибудь Лицей будет для России то, что пансион Университета» (там же, с. 326). Новым директором Лицея стал в 1816 г. Е. А. Энгельгардт.

² Речь идет об издании первой части «Стихотворений Василия Жуковского», вышедшей осенью 1815 г. в Петербурге.

³ По-видимому, имеется в виду Павел Никитич Каверин (ум. 1827), занимавший с 1810 г. должность управляющего Московским отделением государственного ассигнационного банка, а с 1812 г. — калужского губернатора. Необходимость поведаться с Каверным была скорее всего связана с намерением Жуковского добиться субсидии для издания своих «Стихотворений», первая часть которых вышла в Петербурге в 1815 г., вторая — в 1816 г.

⁴ А. Ф. Воейков (1777—1839) — поэт и критик, родственник Жуковского и близкий приятель Кавелина. Письмо от Воейкова, о котором идет речь в комментируемом письме, в печати не известно. Видимо, в нем Воейков («ваш Фалалей») высказывал опасение, что Жуковский и Кавелин не смогут организовать будущее издание «Стихотворений Жуковского» таким образом, чтобы оно обеспечило материальные выгоды автору. Книга принесла Жуковскому известность и славу, однако экземпляры ее раскупались плохо. В Москве в продаже ее участвовали Вяземский и Каченовский, неоднократно помогавший поэту и в других его издательских делах, в Петербурге — А. Тургенев, Блудов, Жихарев и другие друзья-арзамасы. К помощи Кавелина при издании своих сочинений Жуковский прибегал и впоследствии (подробнее см. примеч. 3 к письму 2).

В неопубликованном письме к Жуковскому от 10 февраля 1816 г. (в подлиннике ошибочно указан 1815 г.) Каченовский сообщал: «По получении вашего письма я скоро не мог увидиться с князем Вяземским по разным причинам, а отыскавши его квартиру, узнал, что его уже нет в Москве. Тогда я сказал людям, чтобы доложили княгине (бывшей по ту пору в церкви), что ежели нужно похлопотать в рассуждении книг Жуковского, то я готов и буду ожидать от нее известий. На другой день, приехавши домой из типографии, нахожу у себя 58 экземпляров ваших стихотворений. Что мне с ними делать?» (ф. 244, № 28075, л. 69).

⁵ Село Иваново (имение Кавелина) находилось в Белевском уезде, в родных местах Жуковского. Белевские друзья — А. П. Киреевская, А. П. Юшкова, а также семейство барона И. П. Черкасова, имение которого Володьково также находилось в Белевском уезде.

⁶ Черкасова Елена Ивановна — жена барона Черкасова.

⁷ Кавелин был женат на Шарлотте Ивановне Белли, дочери придворного архитектора, и имел от нее семь детей. Пятым ребенком в его семье был известный впоследствии публицист и общественный деятель либерального толка Константин Дмитриевич Кавелин.

2

15 ноября 1816. С.-Петербург.

Милое дитятко, письмо твое, от 6 ноября, сердобольная твоя мамушка¹ получила и 200 рублей денег тоже. Другая мамушка твоя, Золова арфа,² говорила мне о Певце;³ однако же не прислала его. В мещане Арзамаса меня записали под фирмою *Пустынника*⁴ и заставили старую коргу провить над могилою усопшего; Старушка⁵ присоединила свое завывание к завыванию Пустынника... Понеже на оную Старушенку паде жребий, да президует в оном собрании при прочтении осуждения и очищения *старосты Ватрушки*.⁶ Мы все животики подорвали под остротами и галиматьею *Кассандры*,⁷ потом погрызли новое произведение филина Гнедича.⁸ Заключили чтением Певца твоего. Карамзин был также в Арзамасе. Историю его начали печатать и у нас в типографии,⁹ и он доволен этим чрезвычайно. Обнимаю тебя, милое дитятко; все мои делают то же — и то же сделай за меня Воейкову; мне утешно слышать, что он опять становится нашим, т. е. простодушным, ему же лучше.

Твой Кавелин.

От Дашкова получил премилую грамотку, он скоро прикатит к нам.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28062, л. 5.

Письмо выдержано в арзамасском стиле; упоминаемые в нем лица — участники Арзамаса — называются своими арзамасскими прозвищами.

¹ Д. А. Кавелин намекает на самого себя, постоянно опекавшего поэта.

² Арзамасское прозвище А. И. Тургенева.

³ Речь идет о стихотворении В. А. Жуковского «Певец в Кремле», которое было напечатано отдельной брошюрой в Петербурге в 1816 г.

со следующей заметкой от издателей: «Сии стихи написаны в конце 1814 г.». Об издании этого стихотворения хлопотали петербургские друзья поэта, участники Арзамаса (А. Тургенев, Д. Блудов, С. Жихарев и в особенности Кавелин). 21 октября 1816 г. в ответ на настойчивые просьбы А. Тургенева (стремившегося привлечь к Жуковскому влпчание Александра I) закончить «Певца в Кремле» Жуковский писал: «Если хочешь, чтоб я кончил Певца, то пришли его мне; у меня нет списка; пришли скорее. Я писал тебе и Вяземскому в Москву о причинах, которые мешали мне кончить эту пьесу, по моему мнению, слабую. Но ... когда государь должен узнать об пей, вижу, что кончить ее надобно. Не надеюсь, однако, на большой успех. Вспомни, что она писана была в одно время с Посланцем («Императору Александру», — *Р. И.*), в уединении» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 163). В следующем письме поэт благодарил Жихарева за переписку и присылку стихотворения и обещал быстро закончить пьесу (там же, с. 166). В самом начале ноября стихотворение было закончено. 6 ноября Жуковский писал Тургеневу: «Посылаю тебе „Певца“, милый друг, и благодарю за то, что ты принудил меня его копчить». Сопоставляя новое произведение с «Певцом во стане русских воинов», Жуковский отмечал далее, что новый «Певец», воспевающий окончательную победу России над наполеоновскими полчищами, «достойный брат своего тезки». Печатание и заботы о распродаже «Певца» Жуковский поручил Кавелицу, считая, что Тургенев не сумеет сделать этого «с надлежащей точностью», а если и сделает, «то не иначе, как по образу и подобию прежнего „Певца“, что весьма пахнет пустою кармана» (там же, с. 168). Одновременно поэт обращался с деловыми поручениями непосредственно к Кавелину. В публикуемом нами письме содержится упрек «Эоловой арфе» (т. е. А. Тургеневу) в том, что он все еще не передал Кавелину присланного Жуковским рукописного текста «Певца в Кремле».

⁴ Кавелин вступил в Арзамас на заседании общества, происходившем 11 ноября 1816 г. (Жуковский в это время находился в Дерпте, куда и адресовано комментируемое письмо). При вступлении в Арзамас Кавелин прочитал «Похвальное слово несравненному писателю нашему, члену» Беседы любителей российского» слова»... С. С. Филатову» (Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 177—178).

⁵ Прозвище С. С. Уварова, который произнес ответную речь от имени Арзамаса (Арзамас и арзамасские протоколы, с. 179—180).

⁶ Имеется в виду староста Арзамаса — В. Л. Пушкин, о ссоре и последующем примирении которого с арзамассцами шла речь на заседании Арзамаса 11 ноября 1816 г. (Арзамас и арзамасские протоколы, с. 175).

⁷ «Кассандра» — Д. В. Дашков.

⁸ Возможно, речь идет о переведенном Гнедичем «Танкреде» Вольтера, изданном в Петербурге отдельной книгой в 1816 г.

⁹ Т. е. в типографии Медицинского департамента.

3

«После 25 февраля и не позднее начала марта 1817. С.-Петербург».

На несколько писем твоих с поручениями и бранью ко мне лично и к другой Арзамасской братии поручено мне от Арзамаса отвечать вам следующее:¹ Г-ну штабс-капитану, секретарю Арзамаса и владельцу перстня.²

1. Арзамас готов делать пособия Мещевскому, но печатать его у нас в Медицинской типографии никак невозможно потому, что Карамзина Историю для него останавливать было бы, смеем донести, похабно. Положено обмануть Мещевского и, назначенный оклад содрав, послать к нему через тебя, объявив, что поэму его купил и будет печатать книгопродавец.³

2. Крестного твоего брата⁴ Тургенев почти упрятал уже в Кадетский корпус; но он же и весь Арзамас будет всемерно стараться оттуда выручить, и поместить приговорено не в Дерпте, как ты желал, а в здешней гимназии; это вот почему. Ты не постоянно живешь в Дерпте. При выезде твоём оттуда он останется один; содержатель пансиона вольного может быть принужден по обстоятельствам возвысить со временем плату и тогда или надобно его оттуда брать или прибавлять; да из гимназии открывается ему прямая дорога в гражданскую или ученую службу. В Петербурге всегда будут жить по крайней мере два или три из братьев твоих,⁵ и твой крестный брат всегда будет иметь несколько братьев. О содержании в гимназии напишу подробнее, когда это будет виднее.

3. Перстень не продавай, ибо он, верно, дороже стоит. Пришли его в Арзамас или ко мне, мы с ним в руках оценим (и если бы тебе была крайняя нужда), продадим здесь выгоднее.

4. Печатать, видимо, не можем, не имея конца, да и виньетка вторая еще начата Монфераном <?>.⁶

5. Воейкова дела идут, кажется, пехудо, и книга его в руках Эоловой Арфы.⁷

6. Верующее письмо о получении твоего пенсиона обыкновенное, не имеющее нужды в особой форме. Напиши, что тебе тогда-то по таким-то высочайшим указам пожалован пенсия, который ты доверяешь мне или кому от меня доверено будет вместо тебя принимать и к тебе доставлять. Письмо написано на 2<-х>рублевом листе гербовой бумаги и засвидетельствовано должно быть в уездном Дерптском суде, если там есть такой суд.

Милый друг, кроме забот по службе, от которых по чести <?> не урываю и двух часов на покой, я все бегаю, как собака. И сверх того имею на руках дела важные, касающиеся до благосостояния друзей, и теперь из Спбирца приехал родной брат, которого упекли в Свеаборг.⁸

Он с женою, и я стараюсь выручить его оттуда. Вот причины, почему не отвечал, да и отвечать было нечего до последнего письма твоего. Николеву дал совет и при возможности постараюсь пособить, просил его павещать меня.

Твой Кавелин.

¹ Кавелин имеет в виду письма Жуковского к А. И. Тургеневу и другим арзамасцам, относящиеся к январю-февралю 1817 г., когда поэт дружил в Дерпте и вел оживленную переписку с петербургскими друзьями (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 169—174). Кавелин отвечает Жуковскому не только на письма, обращенные лично к нему, но и на те вопросы, которые поэт неоднократно задавал А. И. Тургеневу (об А. Мещевском, А. Ф. Воейкове, о своем малолетнем родственнике Николаеве и др.). Письмо Кавелина не датировано, однако на основании упоминания о «Георгиках» Виргилия в переводе Воейкова (см. примеч. 7) оно может быть приурочено ко времени не ранее 25 февраля—начала марта 1817 г.

² Штабс-капитан — воинский чин, с которым Жуковский вышел в отставку в 1813 г., после участия в войне 1812 г. Поэт являлся бессменным секретарем Арзамаса, его рукой писаны большинство протоколов общества. Перстень был подарен Жуковскому императором Александром I при пожаловании ему ежегодного пенсиона (в 4000 руб.) за поднесенный ему князем А. Н. Голлицыным экземпляр «Стихотворений Василия Жуковского» (ч. I—II. СПб., 1815—1816).

³ Мещевский А. П. (ок. 1791—ок. 1820) — поэт, воспитанник Университетского Благородного пансиона; находился в этот момент в Оренбургской губернии, куда был послан за самовольное оставление армии во время военных действий 1812 г. Будучи знаком с Жуковским еще до этих событий (три стихотворения Мещевского он напечатал в 1810 г. в № 1 «Вестника Европы»), ссыльный поэт обращался к последнему с горестными письмами и просьбами о вызволении из ссылки (ЦГАЛИ, ф. 198 (фонд Жуковского), № 110), а также и к Вяземскому (ЦГАЛИ, ф. 195 (фонд Вяземских), № 2308) (см.: Роскпина Н. А. Новое о поэте Мещевском. — Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 537—540). Мещевский выслал Жуковскому рукописи своих произведений (переложенные им в стихи повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марына роца» Жуковского). Первую из поэм Жуковский переслал Кавелину в Петербург с просьбой напечатать в типографии Медицинского департамента (см. также: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 171). В нежелании печатать поэму ссыльного поэта сказались шаткость и неустойчивость общественной позиции Кавелина, вскоре приведшие его в лагерь открытой реакции.

⁴ Речь идет о малолетнем родственнике Жуковского Николаеве, о котором поэт писал в феврале 1817 г. А. И. Тургеневу: «Николев, мой родня, к тебе адресовался с своею просьбою поместить брата его сестры в кадетский корпус. Мне этого не хочется, а что мне хочется, об том узнаешь от Кавелина» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 172).

⁵ Имеются в виду братья Жуковского по Арзамасу (именно так именovali себя арзамасцы, отсюда происходит термин «арзамасское братство»).

⁶ Имеется в виду выходящая под наблюдением и при деятельном участии Кавелина в подведомственной ему Медицинской типографии (отдельным изданием) книга: Двенадцать спящих дев, сочинение Василия Жуковского. СПб., 1817. Издание открывалось гравюрой И. Ческого по рисунку С. Бессонова. Впльелка, заказанная Монферрану, не была им выполнена.

⁷ Жуковский обратился к Тургеневу и Кавелину с просьбой представить Александру I рукописный список «Георгик» Виргилия в переводе Воейкова, подчеркивая при этом: «Воейков как русский поэт достоин всякого одобрения. Он имеет истинное дарование, и с этим дарованием соединяет трудолюбие постоянное <...> Перевод Виргилиевых Георгик, при всех недостатках, которые можно в нем заметить и которые он с всеусердием старается из него выгнать, есть также важное произведение русской поэзии» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 173). Однако хлопоты Жуковского за Воейкова успехом не увенчались.

⁸ Брат Д. А. Кавелина — Владимир Александрович Кавелин (ум. 1833).

21 мая 1820.

*Про тебя одного*¹

Ты знаешь ли, милый Жуковский, многие вещи? — а какие? спросишь ты — вот какие:

1) я уже не владимирский губернатор; а просто директор Университета.²

2) Воейков приехал сюда; нужно тебе немедленно под претекстом^а хоть моих экзаменов, о которых ты получишь вместе с сим программу и приглашение посетить их, или пожаловать, или присутствовать на оных.³ Нужно, говорю, приехать тебе не позднее 27<-го>, ибо 28 в ночь на 29 <-е> я еду в белевскую свою деревню в отпуск на три месяца,⁴ а нам нужно прежде устроить дела детей Воейкова.⁵ Он у меня совершенно в распоряжении безусловном.

Приезжай

твой верный друг Кавелин.

Р. С. Я переехал на наемную квартиру, на Литейной в <нрзб.> части против дома бывшего богача Энгельгардта, ныне Свечина. В том же доме, где я живу, живет и Аптека.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28062, л. 1.

¹ «Про тебя одного» — т. е. адресованное лично поэту, сугубо доверительное письмо.

² С 1816 г. Д. А. Кавелин являлся директором Главного педагогического института в Петербурге, в 1819 г. преобразованного в университет. Как показывает данное письмо, официальное назначение Кавелина на пост директора университета состоялось в 1820 г. и ему предшествовало назначение губернатором Владимирской губернии, вскоре отмененное.

³ Речь идет о публичных экзаменах, проводившихся в Петербургском университете в мае 1820 г. и вызвавших высочайшее одобрение.

⁴ Из Белева Кавелин вернулся только в сентябре 1820 г. (см.: С.-Петербургские ведомости, 1820, № 75, с. 923).

⁵ Эту фразу можно понимать либо в переносном смысле — как помощь в публикации произведений А. Ф. Воейкова, либо в прямом — как материальное обеспечение его малолетних детей: Екатерины (1815—1844) и Александры (1817—1893). Именно в это время материальное положение Воейкова сильно пошатнулось в связи с тем, что ему по существу было предложено покинуть Дерптский университет, в котором он зарекомендовал себя с самой худшей стороны. Уехать из Дерпта, не заплатив многочисленных долгов, Воейков также не мог. Переезд семьи Воейковых в результате хлопот и помощи петербургских друзей состоялся лишь осенью 1820 г. (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 191).

^а Под предлогом, от *франц.* *Prétexte*.

А. С. СУВОРИН

ПИСЬМА к М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Публикация М. Л. Семановой

Письма Алексея Сергеевича Суворина (1834—1912), хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, знакомят с началом пути известного журналиста, критика, беллетриста, издателя, когда он был еще, по словам В. И. Ленина, «бедняком, либералом и даже демократом».¹ Они дают возможность понять противоречивость общественно-политической позиции Суворина, характеризуют его литературные взгляды и восприятие им русской общественной и культурной жизни 1860-х годов.

В письмах Суворина говорится о студенческих волнениях 1861 г., распространении нелегального «Колокола» и прокламаций «Веллкорусс», «К молодому поколению», о периодических изданиях различной политической ориентации, об аресте, судебном разбирательстве и гражданской казни М. Л. Михайлова, похоронах Н. А. Добролюбова, о выстреле Каракозова и последовавших за ним преследованиях и т. д. Весь этот разнообразный материал расширяет наши представления о данной эпохе.

Для создания полной, динамичной картины идейной борьбы определенных исторических периодов необходимо принимать во внимание и сложность жизненных путей тех, кто, активно участвуя в развитии отечественной культуры и литературы данного времени, прошел путь от либерализма к реакции. В. И. Ленин писал, что Суворин «историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества».² В связи с этим особый интерес приобретают собственные «показания» будущего редактора газеты «Новое время», за которой закрепилось прозвище «Чего изволите».³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43.

² Там же.

³ В последнее десятилетие литературоведы и театроведы не раз обращались к освещению деятельности Суворина. См.: Роскина Н. А. Суворин Алексей Сергеевич. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия,

Публикуемые письма А. С. Суворина 1861—1867 г. адресованы его земляку-воронежцу М. Ф. Де-Пуле (1822—1885), другу и душеприказчику поэта И. С. Никитина, участнику «воронежского кружка» интеллигентов, учителю истории и русского языка в кадетском корпусе и гимназии г. Воронежа (1848—1865), а затем инспектору гимназий в Вильно и Полтаве, публицисту и критику, редактору неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей» (в начале 1860-х годов) и «Виленского вестника» (в конце десятилетия), печатавшему свои статьи в московских и петербургских периодических изданиях: в «Современнике», «Русском слове» — в 1850-е годы; в «Русской речи», «Времени», «С.-Петербургских ведомостях» — в начале 1860-х годов; в «Русском вестнике» — в последнее десятилетие жизни. Даже перечень этих изданий в хронологической последовательности отражает политическую эволюцию Де-Пуле от либерализма к благонамеренности (в духе политической ориентации катковского журнала). Начало этой эволюции заметно уже в переписке Де-Пуле с Сувориным, хотя в это время еще не угас пафос его просветительски-краеведческой деятельности.

Одним из значительных начинаний М. Ф. Де-Пуле вместе с П. П. Готовым был выпуск в 1861 г. разнообразного по содержанию сборника «Воронежская беседа», одобрительно встреченного читающей публикой и критикой. Сборник был составлен главным образом из работ участников воронежского кружка, возглавлявшегося историком Н. И. Второвым (1818—1865). Мысль о сборнике была подсказана М. Ф. Де-Пуле П. И. Бартеневым.⁴ Издание «Воронежской беседы» лишь одна из акций просветительской деятельности Де-Пуле. Он активно содействовал не только изучению родного края, его истории, литературы, фольклора, но и созданию в Воронеже воскресной школы, библиотеки, женской гимназии, был одним из организаторов воронежских литературных вечеров.

В 1861 г. Суворин переехал из Воронежа в Москву. Позади остались окончание Воронежского кадетского корпуса, отказ от военной карьеры, экзамен на звание учителя и педагогическая деятельность сначала в Боброве, а затем в Воронеже, первые литературные опыты. По рекомендации М. Ф. Де-Пуле к начинающему литератору обратилась с просьбой присылать корреспонденции из Воронежа редактор «Русской речи» Евгения Тур — псевдоним сестры известного драматурга А. В. Сухова-Кобылина, графини Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир (1815—1892). Увидев

т. 7. М., 1972, с. 243—244; Герасимов Ю. К. А. С. Суворин. — В кн.: Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX века. Л., 1976, с. 252—268; Твердохлебов И. Ю. Чехов и «Новое время» Суворина. (Эпизод 1866 года. Рассказ «О женщинах»). — В кн.: Чехов и его время. М., 1977, с. 284—300; Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин: портрет на фоне газеты. — Вопросы литературы, 1977, № 2, с. 162—199; Шалюгин Г. А. А. П. Чехов и «большая» газетно-журнальная пресса 80—90-х годов. М., 1979.

⁴ См. письмо М. Ф. Де-Пуле к П. И. Бартеневу от 6 июля 1860 г.: ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 556, л. 65. В статье И. Соловьевой и В. Шитовой «А. С. Суворин: портрет на фоне газеты» (с. 165) работа над этим сборником ошибочно приписана Суворину и Никитину.

в Суворине — авторе «Писем из Воронежа» (Русская речь, 1861, № 5, 15 января; № 18, 2 марта; под псевдонимом: В. Марков) — способного, энергичного, либерального «газетчика», она хвалит в своих письмах к нему статью «Врачи и народ» (там же, № 36, 4 мая; подпись: А. С.) и настойчиво советует переехать в Москву, стать постоянным сотрудником газеты и секретарем редакции: «Мне необходимо падо умного, дельного сотрудника под рукою. Я нашла его в Вас».⁵

Суворин опасался оставлять постоянную службу в Воронеже, которая хотя и недостаточно, но все же как-то обеспечивала семью; не хотелось и покидать воронежских друзей, группировавшихся вокруг Н. П. Второва, поэта И. С. Никитина, М. Ф. Де-Пуле. Возникали у него, несмотря на обещания Е. В. Салиас-де-Турнемир, и сомнения — найдет ли он в Москве постоянную (вслитературную) работу. Но после некоторых колебаний и горячих уговоров редактора «Русской речи» он решился на переезд и вскоре занял видное место в газете как автор и как помощник Евгении Тур в организационных делах.

«Русская речь» просуществовала всего лишь год: с 1 января 1861 по 4 января 1862 г. С № 39 (14 мая 1861 г.) газета, объединенная с другим изданием, получила новое название — «Русская речь и Московский вестник» и стала выходить под редакцией Е. М. Феоктистова; Тур оставила за собою заведование литературно-критическим отделом (в дальнейшем изложении сохраняем первоначальное наименование — «Русская речь»).

Газета своей критической направленностью, своим либерализмом и декларативным заявлением о верности «дорогой и священной памяти» Белинского, Грановского («Москва и москвичи» В. Сухарева⁶), своими суждениями о необходимости «важных и коренных преобразований в главных сторонах нашей общественной и хозяйственной жизни», а также скорейшего решения «судьбы огромного большинства нашего народонаселения» («Нынешний Рим» А. Корсака⁷), своей защитой прав учащихся средних учебных заведений («Литературное и учебное обозрение» Г. Головачева⁸) и новых веяний в университетах («Письмо из Петербурга»⁹) привлекла на первых порах внимание читателей.

Но вскоре (после манифеста об освобождении крестьян) обнаружилось, что оппозиционные настроения кружка Е. В. Салиас-де-Турнемир преувеличены, а в публикуемых в газете материалах ярко проявляется ее эклектизм: славянофильские тенденции уживаются с англоманством, демократизм с аристократизмом, выпады против «Современника» с заверениями в сохранении заветов Белинского. Художественные реалистические произведения, как очерки В. Слепцова («На выставке», «Владимирка и Клязьма»), А. Левитова («Целовальничиха», «В канун Христова дня»), стихи А. Плещеева, соседствуют с мелодраматической, рассчитанной на

⁵ Письмо Е. В. Салиас-де-Турнемир к А. С. Суворину от мая 1861 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3763, л. 19.

⁶ Русская речь, 1861, № 1, 1 января, с. 9.

⁷ Там же, № 2, 5 января, с. 24.

⁸ Там же, № 3, 8 января, с. 33—39.

⁹ Там же, № 16, 23 февраля, с. 259.

вкус неприятзательного читателя беллетристической («Губернантка» О. Касюрской и др.). Серьезные исследования о фольклоре и русских писателях (например, «Русские духовные стихи» Ф. Буслаева, «Пушкин в южной России. Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. Бартевеа) помещаются рядом со статьями, дающими приблизительные или предвзятые оценки явлениям современной литературы. Так, например, в рецензии Евгении Тур утверждалось, что роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» не выдерживает «ни малейшей художественной критики» (Русская речь, 1861, № 89, 5 ноября); «Обломова <...> показал Гопчаров как уродливого типа, осла, чтобы сделать лучезарнее Штольца», — писал М. Ф. Де-Пуле (там же, № 29, 9 апреля).

В пору интенсивной работы в «Русской речи» Суворин приобретает опыт фельетониста, критика, публициста. Его перу, кроме «Писем из Воронежа», в которых он писал о женском образовании, народной грамотности, просветительской деятельности провинциальной интеллигенции и в то же время прописывал над «гибкостью», неустойчивостью и неприципиальностью убеждений провинциалов, принадлежат также «Библиографические заметки», «Литературные и ученые обозрения», статьи о современных писателях и поэтах (И. С. Никитине, Н. А. Некрасове, А. С. Хомяков, Н. В. Успенском), в которых он ратовал за реалистическую, демократическую литературу, за жизненные, «земные» сюжеты и поиски героя-гражданина, за наиболее эффективное воспитательное воздействие на читателя.¹⁰

Анализируя отдельные произведения и творчество писателей в целом, провинциальные сборники, издания для народа, для школ,¹¹ Суворин обычно затрагивает и общие проблемы: эволюцию русского литературного героя — от Онегина, Печорина, Рудина, Агарина к герою из народа; эволюцию изображения народа, народного быта от Новикова, Радищева до Некрасова, Никитина, Н. Успенского. Критик размышляет о принципах создания биографического очерка, о серьезной краеведческой литературе, о книгах для народного читателя, лишенных оттенков лжепародности и снохдительного отношения к «низшим».

Демократические склонности и симпатии Суворина, тяготение к реалистической литературе обусловили выбор авторов и произведений в его критических работах, и они не редко перекликались с критическими статьями «Современника», хотя и не обретали того единства общественно-политической и эстетической позиции, которое отличало литературно-критические выступления деятелей этого передового журнала.

Живя в Москве, Суворин поддерживал дружеские и творческие связи с воронежцами. Особенно оживленной, содержательной и разнообразной была его переписка с М. Ф. Де-Пуле. В ней как бы продолжались откровенные воронежские беседы на общественно-политические, литературные и личные темы. Жизненные впечатления, педагогические наблюдения,

¹⁰ См.: там же, 1861, № 92, 16 ноября; № 96, 30 ноября; № 100, 14 декабря; № 103—104, 31 декабря.

¹¹ См.: там же, 1861, № 67, 20 августа; № 68, 24 августа; № 72, 6 сентября; № 75, 17 сентября; № 80, 5 октября; № 87, 29 октября.

общение с людьми, настроение — все становилось объектом письменных «бесед». Суворин, который не обрел еще уверенности в себе, жаловался на недостаток собственного образования, выражал недовольство своими литературными работами, делился меняющимися представлениями о новом окружении.

Отозвавшись было восторженно о Е. В. Саллиас-де-Турнемир и ее кружке, Суворин вскоре начинает критически оценивать политическую позицию «конституционалистов» («шаткость убеждений», «непомерное самолюбие», вялость, мертвенность). Постепенно разочаровывается он и в Евгении Тур как редакторе и высказывает это резко, горячо, со свойственным ему темпераментом. Охладевает он и к газете «Русская речь», к концу 1861 г. катастрофически теряющей подписчиков.

Между тем секретарство и сотрудничество в газете, даже выпущенное порой «многописание», приносило Суворину, начинающему писателю, несомненную пользу. Работа в «Русской речи» ввела его в литературный круг, сблизила с демократической молодежью, участвовавшей в газете, — В. А. Слепцовым, А. И. Левитовым. «Бывало, — вспоминал позднее Суворин, — по почам со Слепцовым и Левитовым мы провожали друг друга, распевая:

Долго нас помещики душили,
Становые били.¹²

У А. Н. Плещеева Суворин познакомился с Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, М. Е. Салтыковым-Щедриним, Н. А. Некрасовым, артистом Малого театра П. М. Садовским.

В конце 1861 г. Суворин послал в «Современник» рассказ «Солдат и солдатка», который был напечатан в февральской книжке журнала за 1862 г. («Чернышевский рассказ похвалил»¹³).

В начале 1862 г. «Русская речь» прекратила свое существование, и Суворин лишился постоянной работы в Москве. Приходилось жить на эпизодический литературный заработок. Суворин вновь обращается к беллетристике. Он пишет «исторические рассказы» для Общества распространения полезных книг, заканчивает ранее начатую повесть «Аленка». Ф. М. Достоевский готов был опубликовать ее во «Времени», но журнал был запрещен, и «Аленка» вместе с рассказом «Отверженный» появилась в «Отечественных записках» лишь в 1863 г.

В декабре 1862 г. Суворин переехал в Петербург, приняв предложение В. Ф. Корша стать секретарем редакции «С.-Петербургских ведомостей». Первые два года ему почти не удавалось писать:¹⁴ в газете были свои опытные критики, писатели, ученые, а главное, много времени поглощали корректура мелких газетных отделов, поездки в типографию и к цензорам.

¹² Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. XI.

¹³ Дневник А. С. Суворина. М.—Пг., 1923, с. 85.

¹⁴ Свои журнальные обозрения Суворин печатает в это время в другой газете — «Русский инвалид» (за подписью: А. И.—н.).

В сложной общественно-политической обстановке начала 1860-х годов Суворин пытался сохранить внепартийную позицию. «...не принадлежу по своим убеждениям, — писал он М. Ф. Де-Пуле 21 сентября 1861 г., — ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии „Времени“». Однако его собственные политические взгляды не отличались цельностью и последовательностью. В его изложении событий времени, в характеристиках идейной борьбы, в определении своей позиции заметны колебания. Так, Суворин критически относится к «власть имущим» (разврат, праздность «верхов»), оп возмущается верноподданными исполнителями («цензура свирепствует», «взбеленилась», «беснуется») и теми, кто переходит на сторону ретроградов, — угодничаящими чиновникам, профессорами, журналистами. Его недовольство вызывают «конституционалисты» (Е. В. Салиас, Г. Вышинский), потому что конституция дает привилегии аристократии, тогда как Суворин, по его словам, выступает за «полное равенство перед законом, при котором ни образование, ни заслуги, ни происхождение не давали бы никому особых прав». В письмах Суворина выражаются сочувствие польским повстанцам и симпатия к деятелям «Современника» («плебеям»); он пытается защитить Чернышевского и Добролюбова от нападков реакционеров. Он проявляет интерес к оппозиционным студентам, к авторам прокламаций «Великорусс» и «К молодому поколению». И в то же время в письмах Суворина звучат дифирамбы царю («отличная личность», «добрее и лучше царя нам, конечно, не дожидаться» и др.), резкое осуждение Каракозова и выражается недвусмысленное желание отмежеваться от «нигилистов».

Именно «каракозовская история», воспринятая Сувориним как величайшее преступление, явилась толчком к его «поправению». Начало эволюции Суворина следует относить к 1866—1867 гг., и это уже тогда заметили некоторые наиболее наблюдательные из его современников.¹⁵

С «делом» Каракозова причудливым образом связалась судьба одного произведения Суворина. Речь идет о его книге «Всякие. Очерки современной жизни», 16 глав которой публиковались в 1865 г. в «С.-Петербургских ведомостях» с разрешения цензуры (под псевдонимом: А. Бобровский), а затем в несколько измененном виде и с дополнением 15 глав были подготовлены автором для отдельного издания. Книга, отпечатанная в типографии Гиблена в конце марта 1866 г., оказалась в Цензурном комитете 4 апреля, т. е. в день покушения Каракозова на Александра II.

Опасность для себя этого совпадения Суворин тотчас же понял и сделал попытку предупредить события, отказываясь от выхода книги.

¹⁵ Один из них, В. А. Слепцов, знавший Суворина, как было сказано выше, еще в пору сотрудничества в «Русской речи», в цикле фельетонов «Новости петербургской жизни» (1867) писал о превращении Суворина в Ивана Флюгаркина, лакея, пуделя: «Я вспомнил одну собаку. Это была во время своей молодости хорошая, честная и полезная собака. Но она отъелась, важирела и обратилась в косматого жирного пуделя, пользовавшегося лаской барина» (Литературное наследство. т. 71. М., 1963, с. 246; см. также с. 239, 256).

12 апреля 1866 г. он послал письмо министру внутренних дел П. А. Валуеву, в котором заверял, что имел цели «совершенно благонамеренные»: хотел соблюсти объективность, изображая социалиста Ильменьева «человеком честным, искренно преданным своим убеждениям», но тщетно пытающимся приложить их к жизни. В противоположность же Ильменьеву он показал «людей, глубоко преданных государю <...> искренно служащих ему и народу». Однако после покушения «злодея», которое «ввергло в негодование и ужас всю Россию», изменилось отношение его, как автора, к своей книге. В это трагическое время выпускать ее он считает совершенно неуместным (значило бы «подливать масло в огонь») и потому просит приостановить издание книги или уничтожить вторую ее половину.

Ответа на это письмо не последовало, хотя на нем имеется помета: «Должено г. министру, приказал приобщить к делу. 15 апреля». Было уже поздно, официальная машина заработала. На книгу еще 6 апреля был наложен арест. По сохранившимся архивным документам,¹⁶ по газетным сообщениям и авторскому «Приложению» ко второму изданию книги (СПб., 1909) можно восстановить ход этого «дела», тянувшегося целый год. В нем отразились и смятенное состояние «верхов» после выстрела Каракозова, и двойственность политической позиции самого Суворина. С.-Петербургский цензурный комитет и Главное управление по делам печати, рассматривавшие книгу в дни интенсивной работы следственной комиссии по «делу» Каракозова (под председательством М. Н. Муравьева), когда шли массовые обыски и аресты, прежде всего стали выяснять, одно ли лицо «А. Бобровский» и «А. Суворин», не были ли они оба или один из них под судом и следствием по политическим преступлениям (какой-то Бобровский участвовал в Варшавском революционном комитете). 10 апреля 1866 г. в III отделение, шефу жандармов Н. В. Мезенцеву, был направлен за подписью М. П. Щербинина, начальника Главного управления по делам печати, соответствующий запрос. У Суворина же был сделан обыск, во время которого ничего предосудительного не обнаружилось.

В конфиденциальном письме Щербинина, к которому прилагалась копия книги «Всякие», говорилось, что в ней с симпатией изображены «нигилисты, люди осужденные <...> как государственные преступники»; что в книге имеется «точный рассказ об исполнении судебного приговора над Чернышевским, который выведен под именем Самарского, и что в целом книга «заключает в себе умышленно враждебное сопоставление классов общества, пропаганду коммунистических, социалистических и материалистических теорий и отрицает необходимость брака».¹⁷

¹⁶ Дело Главного управления по делам печати о конфискации книги А. С. Суворина «Всякие...». — ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, № 686, л. 3—5 (копия). Некоторые документы этого «дела» были опубликованы в кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., 1940, с. 406—412. Литературу о преследовании книги «Всякие» см.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания. М., 1962, с. 54—56.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, № 686, л. 1—2.

Конфиденциальный ответ Мезенцева на запрос Щербинина был послан 9 мая 1866 г. В нем снималось подозрение о существовании «двух лиц», утверждалось авторство Суворина и указывалось, что он «не состоял под судом и следствием по политическим делам»; однако здесь же добавлялось, что III отделению «частным образом» известно, что «Суворин в политическом отношении крайних убеждений, и это вполне подтверждается <...> сочинением его, включающим в себя анархическую пропаганду, тем более вредную, что автор, прикрывая чрезвычайно прозрачным вымыслом очерки свои, легкостью рассказа возбуждает в читателе не только симпатии к государственным преступникам и известным под именем нигилистов личностям, но и сочувствие к проводимым ими идеям, в особенности в молодом поколении, которое, к сожалению, и без того уже заражено в большинстве разными праздными теориями».¹⁸

Еще до получения этого ответа начальник Главного управления по делам печати имел на руках «представление» С.-Петербургского цензурного комитета от 23 апреля 1866 г. (за подписью председателя А. Петрова), весьма подробно, со ссылками на страницы книги, с цитатами из нее, излагавшего мнение цензора. Основные выводы Комитета были следующими: книга «крайне вредна» по направлению мысли и выражениям; автор рисует «в привлекательном виде период времени, озаглавленный у нас политическими брожениями <...>, прокламациями, студенческими историями»; в ней с сочувствием изображены Самарский (Чернышевский), сцена гражданской казни этого «политического преступника», представленного в ореоле мученика. Показывая «в лучезарном свете» нигилистов, как героев правды и чести, автор, по утверждению Цензурного комитета, напротив, изображает всех, «кто принадлежит к сфере правительственной и служебной, или плутами и развратниками, или идиотами». «В самом неблагоприятном свете» выставлены «действия секретного полицейского надзора», обрисованы «черными красками» высшие сословия, лица, занимающие «высшие судебные должности». Книга вызывает «недоверие к власти», которая преследует и карает «революционные попытки государственных преступников», и потому выпускать ее «при нынешнем напряженном состоянии умов» было бы «крайне вредно и опасно». Цензурный комитет предлагал наложить арест на книгу Суворина, а самого автора подвергнуть судебному преследованию.¹⁹

Главное управление по делам печати сообщило Цензурному комитету 6 июня 1866 г. свое согласие с его выводами.²⁰ Дело было передано в окружной суд, который 18 августа 1866 г. приговорил книгу к уничтожению, а автора — к двухмесячному тюремному заключению. Петербургская судебная палата (по кассации Суворина и его защитника К. К. Арсеньева) 20 декабря 1866 г. смягчила наказание, заменив приговор

¹⁸ Там же, л. 15—16.

¹⁹ Там же, л. 6—13.

²⁰ Там же, л. 16—18.

суда в отношении автора трехнедельным заключением на военной гауптвахте.²¹

Судебное разбирательство, происходившее при большом стечении публики, подробно освещалось в «С.-Петербургских ведомостях», в анонимной статье, озаглавленной «Первый процесс печати в С.-Петербургском окружном суде».²² Прокурор Стадольский обвинял автора книги за изображение — вопреки закону о печати — в самом неприглядном виде агента тайной полиции и многих лиц, занимающих высшие должности в государстве, за «горячее одобрение» людей, мечтающих о заведении артелей, нарушающих принципы законного брака, а также бунтующих студентов, распространителей прокламаций и т. д. Однако прокурор отмечал, что вина обвиняемого может быть смягчена, так как первая половина книги была ранее пропущена цензурой и автор понесет большой убыток (более 400 рублей), потому что книгу необходимо уничтожить. В своей речи, длившейся почти полтора часа, защитник Арсеньев протестовал против отождествления высказываний персонажей книги с авторскими взглядами; он предлагал уничтожить книгу, но не наказывать автора.

Суворин, как подсудимый, не мог не признать некоторых обвинений прокурора, но пытался смягчить их, утверждая, что писал повесть, а не документальное произведение,²³ и что в людях «крайних убеждений» он не видел тех, кто может вести Россию вперед. Эти слова не соответство-

²¹ На заседании палаты присутствовал Н. А. Некрасов, судя по его письму к В. П. Гаевскому от 20 декабря 1866 г. Эпизод с книгой Суворина «Всякие» послужил толчком к его стихотворению «Пропала книга».

Бог с ней, когда Idee зла
Она потворствовать желала
.....
Но может быть, она была
Честна
.....
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия.

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1948, с. 242—243; т. 11. М., 1952, с. 79—80).

²² С.-Петербургские ведомости, 1866, № 226, 19 августа; № 227, 20 августа.

²³ Между тем в последней главе «Всяких», обращенной к читателю, было прямо заявлено: «Это вовсе не повесть, а просто заметки, отрывки из дневника». И в них названы многие подлинные фамилии (М. Н. Катков, И. С. Аксаков, Н. А. Некрасов, П. А. Шувалов и др.) или весьма прозрачно завуалированные: Всеволод Теломаров — это Всеволод Костомаров, Николай Гаврилович Самарский — Николай Гаврилович Чернышевский. В последнем случае особенно точно воспроизведены черты личности «прототипа», факты его биографии; создан положительный образ политического деятеля, авторское восприятие которого совпадает с впечатлениями, вынесенными Суворинным от знакомства с Чернышевским в июне 1862 г., за несколько дней до его ареста: «Я до этого времени не встречал такого литератора, который так всецело был погружен в политические вопросы и так горячо к ним относился» (Суворин А. С. Всякие. Изд. 2-е, с. 314, VI).

валл действительности. В пору создания книги Суворин писал М. Ф. Де-Пуле, что «задался целью снять те черные краски, которые были положены на так называемых нигилистов такими мерзавцами, как Лесков». Теперь же, потрясенный выстрелом Каракозова и стремясь оправдать себя как автора «Всяких», он признавал, что «сгустил краски», и просил считать это не преступлением, а недоразумением, объяснял все недостатком таланта и тем, что готовил книгу к публикации до 4 апреля, когда никто не ожидал возможности такого «неслыханного злодеяния».

Позднее (в 1909 г.) Суворин писал: «Я привык любить императора, когда он был еще наследником цесаревичем <...> Покушение на жизнь императора произвело на меня сильное впечатление».²⁴ С этого времени все заметнее берут верх над юношескими симпатиями к демократическому движению монархические взгляды Суворина и его вера в возможность примирения этих взглядов с народолюбием, с неприятием сословных привилегий. Здесь можно видеть уже начало пути к «Новому времени» 1880—1900-х годов, когда Суворин, осудив некоторые «ошибочные» порывы своей молодости, например сочувствие оппозиционным студентам, будет отворачивать молодежь кануна XX в. от бессмысленного бунта, внушать ей мысль о великодушии царя и любви к нему народа, о том, что молодежь, обязанная народу и государству своим просвещением, «должна учиться и повиноваться существующей дисциплине». «В течение своей жизни, именно с 1861 г., я раз двадцать видел волнения молодежи, и всякий раз последствиями были только жертвы и жертвы», — так будет писать Суворин в 1899 г., двоедушно заверяя при этом, что выступает во имя «спасения» молодого поколения.²⁵

Ритм переписки Суворина с М. Ф. Де-Пуле был неровным. Наиболее оживленной была она в 1861—начале 1862 г. В последующие же годы интенсивность ее заметно падает. К 1867 г. переписка становится все более отчужденно-деловой, менее доверительной и эмоциональной, а затем и совсем прекращается.²⁶ Разным стал круг их интересов и увлечений; изменился и масштаб деятельности каждого из них. От участия в чужих органах — «Русской речи», «Воронежской беседе» и «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1875) — Суворин шел к изданию собственной газеты «Новое время» (с 1876 г.) и журнала «Исторический вестник» (с 1881 г.), к широкой книгоиздательской деятельности. Из бедняка, которому для поездки в Петербург за гонораром А. Н. Плещеев одолжил пальто, он превращался в миллионера, преуспевающего дельца, стремящегося к альянсу с «предержавными властями», хотя и сохраняющего юношескую

²⁴ Суворин А. С. Всякие. Изд. 2-е, с. XVII.

²⁵ Суворин А. С. Маленькие письма. — Новое время, 1899, № 8257, 21 февраля; № 8259, 23 февраля. Последствием этих выступлений Суворина был бойкот «Нового времени» студенческой молодежью. Газета «Одесские новости», например, с сочувствием сообщала, что студенты возвращают подписку на «Новое время» и требуют не высылать этой газеты в институты и университеты (1899, № 4562, 8 марта).

²⁶ Письма Суворина к М. Ф. Де-Пуле после 1867 г. неизвестны. Письма Де-Пуле к Суворину 1861—1884 гг. хранятся в ЦГАЛИ (ф. 459, оп. 1, № 3514).

просветительскую «закваску» (издание с 1879 г. «Дешевой библиотеки» русской и зарубежной классики, книжек для пародного чтения, справочных пособий). Возникают и новые, театральные увлечения: Суворин выступает как создатель Малого театра в Петербурге.

Материальное положение, масштабы литературной и издательской деятельности М. Ф. Де-Пуле оставались до конца жизни более скромными. Что же касается его убеждений, то после юношеских (в 1840—1850-е годы) вспышек либерализма и тяготения к Белинскому Де-Пуле старался в следующие десятилетия отстаивать свою независимость как от кружка Салнас и ее газеты, так и от «нигилистических» изданий, гордясь своим нежеланием «корчить из себя пророка».²⁷ После 1861 г. он все более эволюционировал в сторону «благонамеренности», сам себя называл «эластичным консерватором», не причастным к активной политической деятельности («я человек кабинета и письменного стола»), но на деле по многим взглядам принадлежащим к М. М. Достоевскому и М. Н. Каткову, а не к «апостолам революции», не к «красным» (т. е. не к Чернышевскому и Добролюбову). И при этом он был уверен в том, что не приемлет невежественных «горлопанов» из «Современника» с их «натуралистическими» сочинениями именно как «воспитанник Белинского».²⁸

Когда в период наибольшего личного контакта Суворина с Де-Пуле в обычно дружеский, доверительный тон писем врываются нотки недовольства друг другом или обиды, они сравнительно быстро исчезали. Хотя, впрочем, и тогда обнаруживались принципиальные расхождения. Суворин упрекал своего корреспондента в консерватизме, в аристократизме, в предубежденном и несправедливом отношении к «молодым», а Де-Пуле обвинял Суворина в двойственности, пропозировал над его пристрастием к «красным» и пад деспотическим стремлением обратить всех в свою «новую веру»: «Какому богу Вы молитесь?»; «Вы-то кто? Я, ей-богу, не пойму...» По последнему письму «Вам» нужно прямо отправляться в лагерь „Современника“.²⁹ Но даже эти расхождения, приводившие на некоторое время к охлаждению, все же не разъединяли друзей. Так, после одной полемической вспышки М. Ф. Де-Пуле предлагает в письме Суворину забыть те колкости, которыми они обменялись, и вернуться «к прежнему сердечному согласию».³⁰ Казалось бы, «поправление» Суворина тем более не должно было привести к утрате дружеских привязанностей. Однако в действительности изменение идейной позиции не сблизило, а отдалило Суворина от Де-Пуле, который начинает испытывать все большее недоверие к нему как человеку.

²⁷ См. письмо М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 14 августа 1861 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10—11.

²⁸ См. письма М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 11 марта 1863 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 23) и к Л. Н. Павленкову от 4 января 1873 г. (ЦГАЛИ, ф. 1129, оп. 1, № 9, л. 13).

²⁹ См. письма М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 14 и 26 сентября 1861 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10, 12—13.

³⁰ См. письмо М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 10 февраля 1863 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 21.

В конце 1860-х—начале 1870-х годов Де-Пуле еще отдает должное одаренности Суворина, ждет его еженедельных фельетонов («Очерки и картички»), печатавшихся в «С.-Петербургских ведомостях» под псевдонимом «Незнакомец», или годовых выпусков его «Русского календаря». Но политическая и нравственная позиция Суворина начинает вызывать у него сомнения. Он подозревает, что Суворин, отойдя от своих прошлых симпатий к «нигилистам», все же не до конца преодолел их. «Человек он недюжинный, даровитый, притом же не могу забыть наших воронежских отношений. Человек он гнилой и, между нами, кроме гнили и ржавчины, другого следа по себе не оставит. Мог ли Никитиц, так его любивший, предполагать это», — писал Де-Пуле Л. Н. Павленкову 17 декабря 1874 г.³¹

Двойственность, проявлявшаяся во взглядах молодого Суворина, все более углублялась со второй половины 1860-х годов. Постепенно двуличие, двоедушие становится его подлинным лицом. По воспоминаниям близко знавших Суворина, он обладал способностью быть искренним, свободным в данный момент (что привлекало к нему многих честных и чистых людей). Но это не исключало разительного изменения его суждений, симпатий и антипатий в другой, следующий же за этим момент.

Суворин — знаменательное порождение динамической эпохи ломки, становления буржуазной действительности, взлета демократического движения 1860-х годов и его кризиса в конце десятилетия, поисков пути «семидесятниками» и наступившей в 1880-е годы реакции.

В личности, в деятельности, во взглядах, в окружении, в судьбе Суворина несомненно много парадоксального. Внук крепостного крестьянина, сын офицера, получившего этот чин и личное дворянство за собственные заслуги, бедняк, променявший военную карьеру на положение уездного учителя, газетчика, «выбывшийся» в миллионеры и «сильные мира сего». В одном человеке совместились, казалось бы, несовместимое. Умный, одаренный, эрудированный критик, публицист, стремящийся к независимости, духовной свободе, — и приспособляющийся к изменчивой атмосфере времени, угодничающий перед властями издатель «Нового времени». Знаток литературы и театра, страстно в них влюбленный, человек, искренно сочувствующий народному просвещению, — и коммерсант, наживающий капиталы на книге и газете. Противник «шатких» убеждений — и «гибкий» политик; человек, наедине с собою и в частных беседах критикующий «основы», — и публичный их охранитель.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 1129, оп. 1, № 9, л. 141. См. также письма Де-Пуле к Л. Н. Павленкову от 4 января, 17 апреля, 22 ноября 1873 г., 2 и 20 февраля 1874 г., 6 февраля 1875 г.: там же, № 9, л. 13, 16, 33, 70, 82, 84, 150. Тлетворное влияние «нигилизма» видит Де-Пуле и в трагической гибели жены Суворина — А. И. Барановой, в чем сказалось пагубное влияние на нее эмансипации, которой содействовал Суворин. Усилившееся недовольство Сувориным, далеко не всегда справедливое, не помешало, однако, Де-Пуле в 1880-е годы обращаться к нему с просьбами (поместить статьи в «Новом времени», «Историческом вестнике») или высказывать похвалы суворинской драматургии.

Современник Суворина — А. В. Амфитеатров, не отрицавший двойственности, «скользкости» его характера, вспоминает, что даже в то время, когда деятельность Суворина «устремилась в правительственный фарватер» и была подчинена националистическому девизу («Россия для русских»), в «старике» сказывалась «шестидесятная закваска», нередко «среди разговора вспыхивал вдруг ярким огнем радикал-шестидесятник».³²

Способность (при «эластичности» взглядов) быть искренним в каждый отдельный момент, убежденность в своей независимости, энергия мысли и чувства, талант собеседника, критика, публициста — все это привлекало, а порою гипнотизировало современников, даже обладавших достаточной трезвостью в оценке его. С Сувориным поддерживали отношения Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, хотя и не обольщались его свободолобием. Достоевский даже поставил однажды суворинские «либеральные фельетоны» рядом с болгарскими («та же самая крепкая опора сзади»), но, видя в них недостатки («декламация»), не соглашаясь со многим, все же отдавал должное уменью автора захватить читателя в плен: «ругая почти за каждый его фельетон», он «ужасно», по его словам, любил читать его фельетоны.³³

Бывший петрашвец А. П. Плещеев, не разделяя позиции «Нового времени», писал, что в этой газете «одип только человек — Суворин, с которым можно быть близким».³⁴ В Суворине признавали чуткого ценителя искусства. И. Н. Крамской, например, считал, что так, как Суворин, «никто у нас не говорил о живописи».³⁵ В. М. Гаршин, по его словам, был «счастлив» тем уже, что его первые литературные опыты были одобрены «таким хорошим ценителем, как А. С. Суворин».³⁶

А. П. Чехов, сохранявший в течение ряда лет личную дружбу с Сувориным, считавший его «замечательным человеком нашего времени», умным, опытным и талантливым, обладавшим редкой чуткостью, даром обнаруживать «всякого рода галанты», был заинтересован в мнении Суворина, когда работал над «Дуэлью», «Рассказом неизвестного человека», «Черным монахом», «Ивановым», «Лешим».³⁷

Чехов верил в искренность либеральных разговоров Суворина (кстати говоря, у него Чехов читал «Колокол» и другие запрещенные газеты и книги),³⁸ в его недовольство «Новым временем» (В. Г. Короленко записал в своем дневнике: «Чехов рассказывал мне, что Суворин иногда рвал на себе волосы, читая собственную газету»³⁹). Он убеждал Суворина, что

³² Амфитеатров А. Антон Чехов и А. С. Суворин. — Русское слово, 1914, № 151, 2 июля.

³³ Незданный Достоевский. Записная тетрадь (1875—1876). — Литературное наследство, т. 83. М., 1971, с. 382, 418.

³⁴ Письмо А. Н. Плещеева к А. П. Чехову от 31 декабря 1888 г., см.: Литературное наследство, т. 68. М., 1960, с. 340.

³⁵ Новое время, 1909, № 11840, 27 февраля.

³⁶ Письмо В. М. Гаршина к Р. В. Александровой от 26 марта 1876 г., см.: Литературное наследство, т. 87. М., 1977, с. 226.

³⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 1. М., 1974, с. 202; т. 2, с. 17, 32, 203, 207, 215; т. 3, с. 94, 119; т. 4, с. 190.

³⁸ Там же, т. 2, с. 217; т. 3, с. 205.

³⁹ Короленко В. Г. Дневник, т. IV. Полтава, 1928, с. 172.

либерализм ему больше «к лицу»: «Либеральное Вам всегда чрезвычайно удается, а когда пытаетесь проводить какие-нибудь консервативные мысли или даже употреблять консервативные выражения (вроде: «к подножию трона»), то напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещина, производящая фальшивый звук».⁴⁰ Замечаемая Чеховым двойственность Суворина долгое время воспринималась им как «бесхарактерность», в которой, однако, он видел нечто весьма опасное. И. Л. Щеглов-Леонтьев записал в своем дневнике слова Чехова: «Я очень люблю Суворина, очеь, но знаете ли <...> бесхарактерные люди подчас в серьезные минуты жизни бывают вреднее злодеев».⁴¹ Во второй половине 1890-х годов (особенно в связи с делом Дрейфуса) Чехов увидел в истинном свете двоедушье Суворина и окончательно разошелся с ним.

Объективности ради следует, однако, сказать, что наименьшему изменению у Суворина подверглись его эстетические принципы; обычно он не подчинял их своим «гибким» политическим убеждениям и не подходил к художественному произведению с меркой политического утилитаризма. С первых до последних своих литературно-критических выступлений (о чем свидетельствуют письма к М. Ф. Де-Пуле, А. А. Скальковскому,⁴² Е. М. Феокистову⁴³ и др.) Суворин был сторонником реализма, завоевавшего, по его словам, «поле, с которого его не собьешь», и приветствовал произведения, отвечающие нравственным потребностям человека. Крайности же натурализма, как и крайности пуризма, исключаяющие из искусства «грязные» сферы жизни, не находили у него поддержки.

В этом плане весьма характерны эпизоды, связанные с публикацией в «Новом времени» романа Золя «Нана» и рассказа Мопассана в обработке Л. Толстого «Франсуаза». Роман был напечатан одновременно в газетах «Новое время» и «Новости». Однако внимание было обращено на публикацию «безнравственного» произведения Сувориным. Он подвергался нападкам в печати и в письмах читателей. Одно из них по распоряжению Лорис-Меликова было переслано Суворину А. А. Скальковским. Суворин решительно отверг выдвигнутые обвинения в печатании «Нана» и романа Н. Н. Лебедева (псевдоним — Н. Морской) «Содом» ради коммерческой выгоды. Он приводит в своем письме к Скальковскому от 18 мая 1880 г. цифровые данные розничной продажи и делает вывод: «Только политические события увеличивают тираж нумеров, да еще хорошая летняя погода». Приведем некоторые из указанных им цифр: номер с «Нана», от 4 февраля, вышел тиражом в 4979 экземпляров, а номер от 6 февраля, с кратким известием о взрыве Зимнего дворца, — в 5093 экз., номер от 7 февраля, с более подробным известием о взрыве в Зимнем дворце, —

⁴⁰ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 5, с. 258.

⁴¹ Литературное наследство, т. 68. М., 1960, с. 488.

⁴² Скальковский Александр Аполлонович (1808—1897) — историк, камергер, служивший в пору «диктатуры сердца» в канцелярии М. Т. Лорис-Меликова.

⁴³ Феокистов Евгений Михайлович (1829—1898) — редактор «Русской речи и Московского вестника» во второй половине 1861 г.; в 1883—1896 гг. начальник Главного управления по делам печати. См. его «Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1846—1896» (Л., 1929).

в 7064 экз. Самый же «большой тираж для отдельной продажи в нынешнем году был на другой день покушения на жизнь графа Лорис-Меликова, именно 10 781».⁴⁴

Защищая воспроизведение в художественных произведениях правды жизни, Суворин утверждает, что современная литература неизбежно должна показывать «все падение нравственности», и приводит в доказательство этого тезиса много фактов из быта высшего общества: «В литературе и жизни повторяются явления конца XVIII века: проповедь новых идей и рядом с ними половой разврат в жизни и в литературе, но тогда литература не умела анализировать, не овладела физиологией и прибегала к гравюре; теперь бесстрастно рисует то, что происходит в жизни». И Суворин напоминает: «На Гоголя кричали, что он рисует грязь, самые низменные инстинкты, но в общественной жизни Гоголь сделал то же, что *Sola* делает в домашней и штимной».⁴⁵

Суворину пришлось объясняться и с начальником Главного управления печати Е. М. Феоктистовым, на этот раз уже в связи с «Франсуазой», напечатанной в «Новом времени» в 1891 г. (№ 5363, 2 февраля). Суворин отказался признать это произведение возбуждающим дурные мысли и инстинкты. «Помещая рассказ Мопассана, — писал он Феоктистову 6 февраля, — я думал, что дело не в описании публичного дома — оно бывало в русской литературе даже у Гоголя («Невский проспект»), а в том впечатлении, которое производит рассказ. Впечатление это трагическое, страшное, а потому, смею думать, нравственное». «Я знаю, — продолжал Суворин, — рассказ Чехова в „Сборнике в память Гаршина“⁴⁶ где притон разврата изображен гораздо подробнее и лучше и где опять впечатление нравственное, хотя и не такое сильное, как в „Франсуазе“ (в подлиннике рассказ называется «Le port»)».⁴⁷

Письма А. С. Суворина к М. Ф. Де-Пуле публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 569, № 587, л. 1—55).

1

6 июля 1861 г. Сокольники.

Дорогой Михаил Федорович, как Вы поживаете себе там, как Таиса Николавна,¹ Ваш брат,² вся *братия* наша.³ Как здоровье Ивана Савича?⁴

Я живу у графини в Сокольниках.⁵ Женщина эта — просто восторг. Она уже стара, сильно стара и нехороша собой; но лицо довольно оригинально и удивительно подвижно. Говорит много и говорит хорошо, вдохновится же если, то просто вся изменится,

⁴⁴ ИРЛИ, № 8676—8677, л. 2—3.

⁴⁵ Там же, л. 1—6 об.

⁴⁶ Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Припадок», опубликованном в кн.: Памяти Гаршина. СПб., 1889.

⁴⁷ ИРЛИ, № 9074, л. 21—22 об.

и говорит необыкновенно страстно. Я присутствовал часто при спорах ее с Лесковым,⁶ который приехал было на неделю в Сокольники, заболел сильно и остается при редакции «Русской Речи» за 1200 рублей серебром в год — он будет вести внутреннее обозрение.

Своим письмом к графине, в котором Вы упоминали обо мне, Вы поставили меня в затруднительное несколько положение и вместе с тем помогли мне.⁷ Как только я явился к ней, она сказала мне, что плату прибавит, а через день потом объявила, что будет платить мне, когда я перевезу свое семейство, 75 руб. в месяц, значит 900 руб. в год. Кроме того, она предлагает мне место своего секретаря с жалованьем 300 руб. На 1200 руб. можно прожить как-нибудь, но если взять секретарское место, то нечего думать о службе. Я знаю так мало, что мне необходимо много учиться, и если служить, то служить после. Но все это еще вилами писано — я не знаю, останусь ли я в Москве, положительно не знаю. «Русская Речь» имеет в нынешнем году 12 тысяч убытку, она может не пойти и в следующем. Я делать почти ничего не могу, по крайней мере до тех пор, пока чему-нибудь не выучусь, — а до того времени значит я должен буду брать деньги почти даром. Ведь это неблагоприятно, чтоб не сказать больше. Графиня говорит, что я могу писать в политическом отделе, но могу ли, во-первых, а во-вторых, у ней для этого отдела уже есть сотрудники, именно 2, а больше и не нужно — я это положительно знаю, ибо «Московские Ведомости» имеют для политического отдела только двух сотрудников. Что же я могу писать? — скажите, пожалуйста. За что я получу эти 900 рублей — ведь совестно, ей-богу, совестно. Так что на этот раз я не могу сказать Вам положительно — останусь ли я здесь или нет. По правде сказать, мне бы хотелось остаться, — люди все отличные, да что прикажете делать. Цензура нелепа по-прежнему. Журналисты совещались — сюда приезжал Чернышевский,⁸ — и заседание было у Каткова,⁹ чтобы закрыть все журналы разом. Правительство поневоле согласилось бы сделать уступки по цензуре, по петербуржцы смалодушевствовали.

Что наш сборник,¹⁰ пришлите его графине. Ваша статья о прислуге не пропущена московским цензором и возвращена с надписью: *государственному секретарю*, куда она и отправлена на днях.¹¹ У нас, помните, сочувственно говорили о Милютине. Это оказывается ужасная тварь <?> и дрянь — он предлагал самые ретроградные меры и нападал особенно на цензуру. В начале прошлого года он предложил, между прочим, запретить «Русский Вестник». Нужно радоваться, следовательно, что его удалили от министерства.¹²

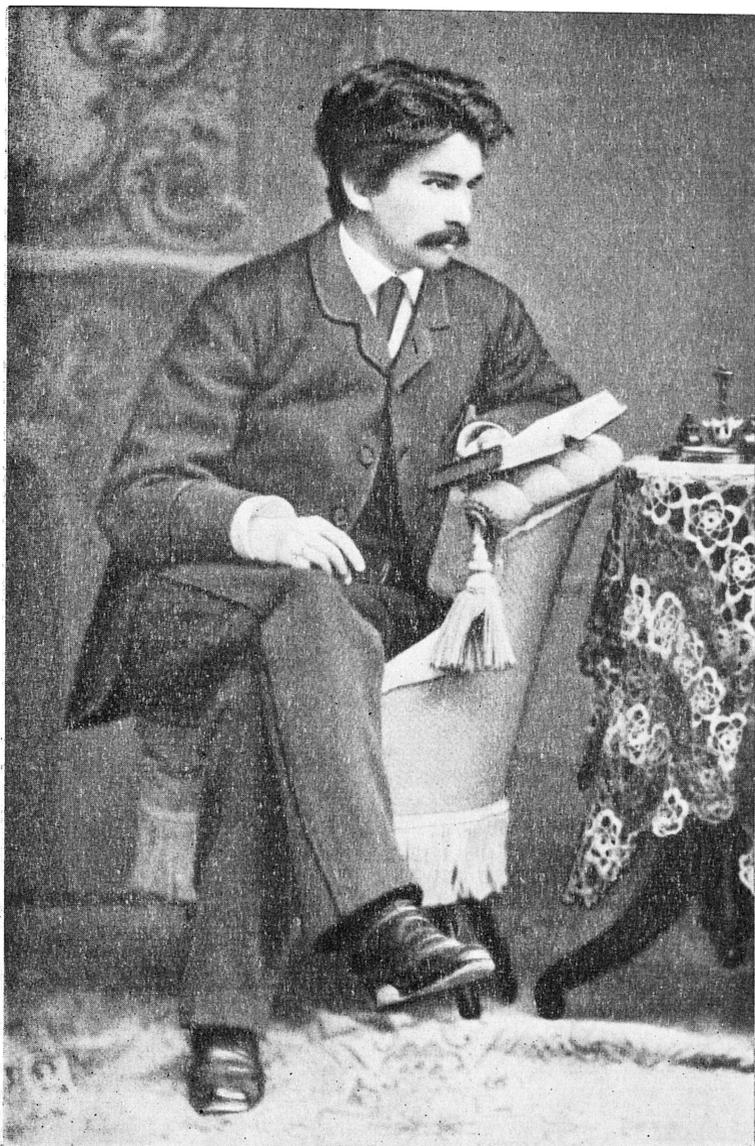
«Нечто о лавочках при журнале „Современник“» — моя статья, я подписал ее псевдонимом. Как она Вам покажется? Вслед за ней будет статья Лескова в этом же роде, только дель-

В. А. Жуковский. Гравюра Т. Райта. 1835 г.

Е. А. Сисоева. Фото. Начало 1870-х годов.

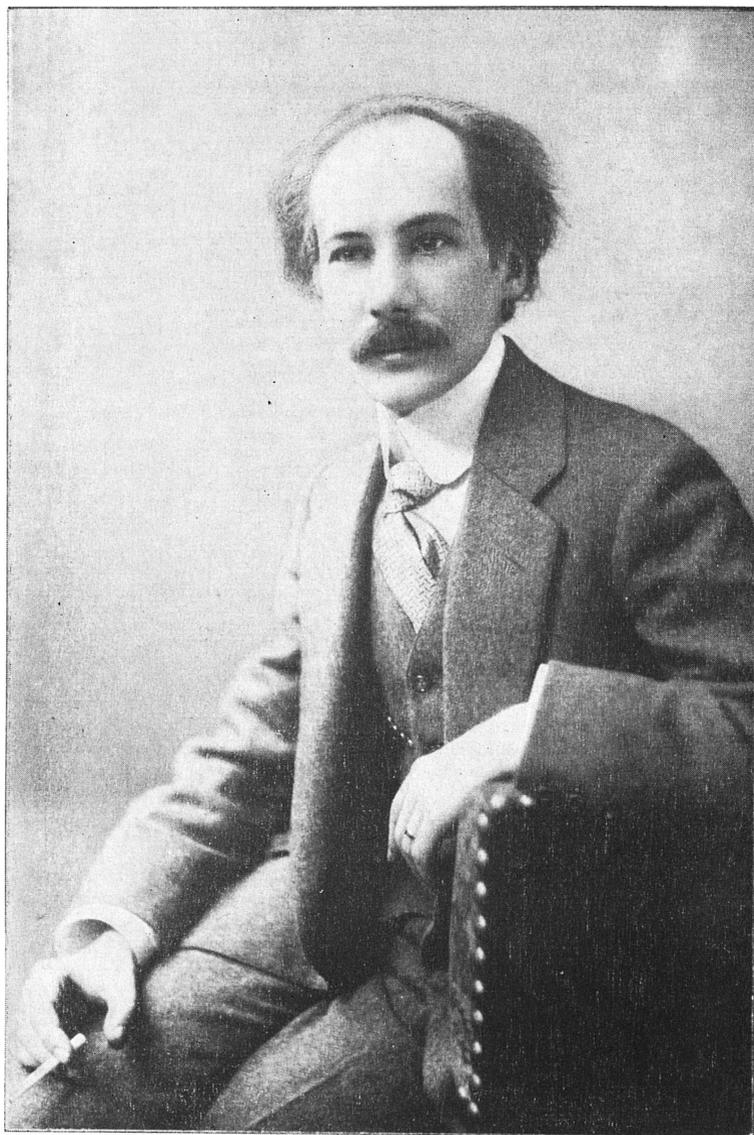
А. Н. Альмединген. Фото. 1879 г.

Евгения Тур. Фото. Начало 1850-х годов.

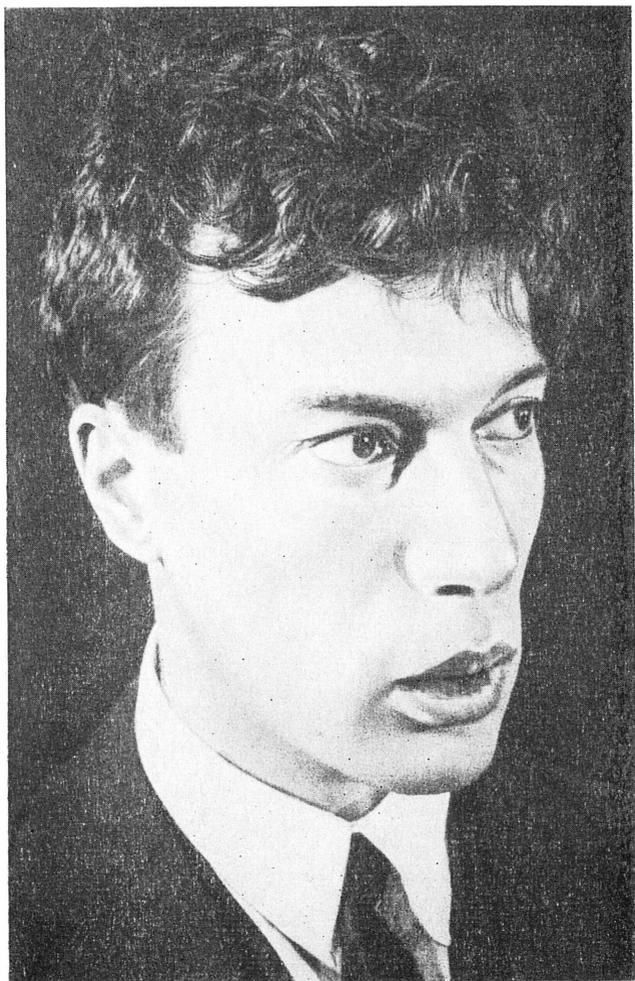
А. М. Скабичевский. Фото. 1880-е годы.

Андрей Белый. Фото. Брюссель. Апрель 1912 г.

Андрей Белый. Фото. 1920-е годы.

Б. Л. Пастернак. Фото. 1930 г., апрель.

нее и лучше.¹³ Нельзя ли будет узнать чрез Никитина хоть, как примутся такие статьи провинцией, будут ли читать их.¹⁴ Я तो роплюсь — лучше в другой раз, и вернее всего, что с следующей почтой. Кланяйтесь своим, да пишите пожалуйста. Тоска страшная. Я и от своих что-то не получаю писем. Адрес: в Москву, в Сокольники, в Старую Слободку, на даче Гурьянова, в квартиру графини Сальяс.

Весь Ваш А. Суворин.

¹ Павленкова Таисия Николаевна — сводная сестра М. Ф. Де-Пуле.

² Имеется в виду Павленков Леонид Николаевич (1840—1912) — сводный брат М. Ф. Де-Пуле. В 1865 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1880-е годы сотрудничал в «Новом времени» Суворина.

³ Подразумевается воронежский кружок, организованный Николаем Ивановичем Второвым (1818—1865), историком, этнографом, фольклористом. В кружок, который нередко называли «второвским», входили в 1850-е годы люди разных сословий: дворяне, купцы, чиновники, разночинцы. Н. И. Второва и Н. С. Милашевича подозревали в связи с герценовским «Колоколом», печатании в нем корреспонденций; И. А. Придорогина и других — в распространении «Колокола» в Воронеже (Колесников А. П. «Второвский кружок» и «Колокол». — В кн.: И. С. Никитин. Статьи и материалы. Воронеж, 1962). Члены «второвского» кружка изучали историю родного края, собирали и исследовали местный фольклор, содействовали просвещению своих земляков, создавая воскресные школы, библиотеки, организовывая литературные вечера, выпуская сборники исторических и литературных работ («Воронежская беседа» и «Воронежский литературный сборник», оба в 1861 г.). Уехав из Воронежа в Петербург в 1857 г., Второв не терял духовной связи с членами кружка. Поддерживал дружеские отношения с «братией» и Суворин, находившийся в Москве.

⁴ Никитин Иван Саввич (1824—1861) — близкий к «второвскому» кружку известный поэт, открывший в 1859 г. книжный магазин-библиотеку, который стал центром литературно-общественной жизни Воронежа. Летом 1861 г. был тяжело болен. В октябре этого года Суворин получил от друга и душеприказчика поэта — М. Ф. де-Пуле известие о его смерти.

⁵ «Графиня» — графиня Е. В. Салиас-де-Турнемир. К тому времени, когда Суворин познакомился с ней (и временно поселился во флигеле дачи, которую Салиас снимала под Москвой, в Сокольниках), она была уже достаточно известна в литературных кругах под именем Евгении Тур. Ее первые литературные опыты отметили А. Н. Островский (Москвитянин, 1850, № 7) и И. С. Тургенев (Современник, 1852, № 1). Через несколько лет, в связи с появлением нового романа Е. Тур, Н. Г. Чернышевский подхватил сказанное его предшественниками, но более решительно осудил недостатки сочинений писательницы: повторение старых сюжетов, отсутствие «правдоподобия в характерах и вероятности в ходе событий», экзальтированность автора, находящуюся в противоречии с чувствами читателя, которого она оставляет холодным (Современник, 1854, № 5). В редактируемой Е. Тур газете «Русская речь» она выступала как критик и публицист. Идеализированное жизнеописание английской флантропки Елизаветы Фрей (Русская речь, 1861, № 17, 26 февраля; № 19—20, 5 марта) вызвало проницательное отношение Н. А. Добролюбова (Современник, 1861, № 8). Е. В. Салиас и как редактор «Русской речи», и как хозяйка салонов в Москве и Париже не отличалась последовательностью. В ее взглядах отразились колебания от умеренного либерализма до демократизму, до реакционности. Экзальтированной симпатией ее в разное время пользовались Н. И. Надеждин, Н. П. Огарев, Г. В. Вязинский. В русском

салоне Салиас бывали И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, Е. Ф. Корш, В. П. Боткин, А. И. Левитов, В. А. Слепцов, Н. С. Лесков. Она была в дружбе с приятелями сына-студента (например, с Иваном Кельсиевым, одним из стойких революционеров), горячо сочувствовала студенческим волнениям 1861 г. (написала о них в «Колоколе»), за что находилась до конца жизни под надзором полиции, была в немилости у Александра II и должна была высхать за границу. В парижском салоне Е. В. Салиас-де-Турнемир можно было встретить и либерального министра народного просвещения А. В. Головина, и деятелей русского освободительного движения — Н. П. Огарева, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, А. А. Слепцова, Е. Н. Утина. Своей критикой правительственных акций в отношении русского и польского освободительного движения Салиас привлекла Огарева и Герцена, по они очень скоро увидели ее непоследовательность: боязнь народной революции, неверие в социализм (см.: Письма Огарева и Герцена к Е. В. Салиас-де-Турнемир. — Литературное наследство, т. 61. М., 1953). К концу жизни Салиас все более утрачивала прежние либеральные симпатии.

⁶ Лесков Николай Семенович (1831—1895), в то время начинающий писатель, являлся автором ряда анонимных статей в «Русской речи» (в том числе «Внутреннего обозрения»), а также статей, подписанных то криптонимами (Н. Л... в; не зарегистрировано в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова), то псевдонимами (В. Пересветов), а то опубликованных и за полной подписью. О характере споров Салиас и Лескова (в присутствии Суворина) можно судить по следующему факту: в статье «Русские женщины и эмансипация» (1861, № 44, 1 июня; № 46, 8 июня) Лесков высказал мысль, что рабство женщин порой сменяется деспотизмом и свободой от нравственности. Салиас сочла необходимым сделать к этой статье редакционное примечание, в котором безоговорочно взяла под защиту идею женской эмансипации.

Отношения Суворина к Лесковым были неровными. На первых порах они складывались как дружеские; Лесков в это время в своих статьях отстаивал экономические и культурные интересы народа, защищал свободу личности и т. д. (см.: Столярова И. В. В поисках идеала. Л., 1978, с. 14). Но когда к концу 1861 г. стало очевидно, что Лесков «правеет» и, ориентируясь на правительственные преобразования, все более активно наступает на «Современник», Суворин разошелся с ним. Позднее они более терпимо относились друг к другу, и Лесков бывал на редакционных вечерах у Суворина.

⁷ В ответном письме к Суворину от 14 июля 1861 г. М. Ф. Дс-Пуле выражает удовлетворенность тем, что помог ему в переговорах с Е. Тур по вопросу о гонораре. «Не знаю, на что Вы решитесь. 900 руб. — это недурно <...> Советовать Вам я отказываюсь теперь — Вы смотрите сами и, если найдете возможность прожить в Москве так же, как в Воронеже, решайтесь» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 2). Суворин принял решение остаться в Москве.

⁸ Н. Г. Чернышевский приезжал (с Г. З. Елпсеевым) в Москву на совещание московских и петербургских редакторов по вопросу о цензуре. Он пробыл в Москве с 26 по 30 марта 1861 г. и, судя по его письму к Н. А. Добролюбову от 27 апреля, в котором он в комическом свете представляет свою поездку, у него не было никаких иллюзий по поводу действительной пользы совещания у Каткова (Чернышевский Н. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1949, с. 425).

⁹ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, критик, издатель газеты «Московские ведомости» (с 1851 г.), журнала «Русский вестник» (1856—1887). В 1830-е годы XIX в. Катков был близок к кружку Станкевича, к Белинскому, Герцену; в 1850-е же годы эволюционировал к умеренному либерализму, а затем к открытому консерватизму. В своих изданиях Катков порой позволял критические высказывания о лицах, близких к правительству (например, о великом князе Константине Николаевиче, о министре внутренних дел П. А. Валуеве), за что в 1861 г.

был на некоторое время отстранен от «Московских ведомостей». В начале 1860-х годов печатные органы Каткова вели доносительную полемику с «нигилистами», выступали в защиту усмирителей польских повстанцев и студенческих волнений.

¹⁰ Речь идет о сборнике «Воронежская беседа».

¹¹ Статья М. Ф. Де-Пуле, не пропущенная московскими цензорами Я. Прибилом и А. Г. Петровым и отправленная к статс-секретарю В. П. Буткову, в будущем одному из главных деятелей судебной реформы, лично близкому Александру II, по-видимому, была задержана и им, так как в «Русской речи» она не появилась.

¹² Милютин Николай Алексеевич (1818—1872) — товарищ министра внутренних дел, видный деятель в период подготовки реформ, участник составления Положения 19 февраля 1861 г. Он был защитником освобожденных крестьян с землей (за выкуп), противником дворянских привилегий, в частности стоял за устранение дворянства от руководства самоуправлением крестьян, вышедших из крепостной зависимости. В 1861 г. был уволен в долгосрочный (заграничный) отпуск. Во время польского национально-освободительного движения Милютин направляет в Польшу (1863) с особыми полномочиями — упрочить русское влияние и подготовить проект крестьянской реформы в царстве Польском. К этому времени Милютин, слышавший в обществе либералом, эволюционировал вправо. См. иронический отзыв о нем А. А. Серно-Соловьевича: Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 713.

¹³ В статье Суворина «Нечто о лавочках журнала „Современник“» (псевдоним: А. Сухарев; не зарегистрирован в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масапова) утверждалось, что 90% читателей не понимают направления «Современника». Нравится же этот журнал тем, что он разрушает авторитеты, «поносит все, гаерствует», печатает «увеселительные стишки» «Свистка», часто пользуется ироническими, парадоксальными выражениями (Русская речь, 1861, № 54, 6 июля). Статья эта может служить примером непоследовательного отношения Суворина к «Современнику». Статья Н. С. Лескова «О замечательном, но не благотворном направлении некоторых современных писателей» была опубликована в «Русской речи» через три недели (№ 60, 27 июля), так как ее задержала цензура. Хотя здесь «Современник» не назван, но именно его имеет в виду автор, когда высказывает сожаление о том, что раньше журналы действовали единодушно в борьбе с крепостным правом, а теперь для завоевания читатели прибегают к шутовству, паясничеству, гаерству. Обе эти статьи написаны в одной тональности; но вскоре одним из поводов расхождения Суворина и Лескова станет именно различное отношение к «Современнику».

¹⁴ М. Ф. Де-Пуле откликнулся на желание Суворина узнать мнение о «таких статьях». Он был обрадован ими и считал их знаком обращения молодых критиков в его «веру». «Статья Ваша о „Современнике“ очень нам всем понравилась. А, а! Вы, юноши, запели на наш лад, Хорошо!» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 2). Но радость, как покажут следующие письма Суворина, была преждевременна: выяснится расхождение Суворина и с Де-Пуле в оценке деятелей «Современника».

13 июля <1861>.

Добрейший Михаил Федорович, писать и есть что, да изволите ли видеть, какое обстоятельство останавливает: тут, говорят, в Москве, есть почтовые цензоры, которые распечатывают и читают некоторые письма. Несмотря на это, я не могу все-таки удержаться, чтоб не передать Вам вот какого обстоятельства.

На прошлой неделе в Петербурге разбросаны были по улицам, прибиты на столбах и разосланы во все книжные магазины печатные прокламации. Они стали появляться уже и в Москве, и одну из них я видел. Напечатаны они на небольшом листочке, в пол-листа этого письма. В заголовке стоит: «Великорусс». Под ним цифра 1. Далее говорится, что крестьяне недовольны тою свободою, которую получили, правительство усмирило их войскамп. Несмотря на такие меры, крестьяне все-таки не перестают волноваться, и очевидно, что правительство, *невежественное и глупое* (это подлинные выражения), ведет Россию к новой пугачевщине. А потому следует вырвать власть из рук этого правительства. Патриоты прибегают за помощью к образованной нации; если же в ней они не найдут должного сочувствия, то обратятся к массе и с помощью ее сделают переворот, так необходимый для России. «Мы не поляки и не мужики, в нас стрелять нельзя». В заключении ставятся два вопроса: 1) какие формы правления более удобны и применимы в России и 2) в состоянии ли царствующий дом отказаться от неограниченной власти мужественно и твердо.¹

Кто это сделал — неизвестно, полиция разыскивала и ничего не могла найти. В высшем кругу говорят, что это сделали какие-нибудь мальчишки и что опасаться тут нечего. Люди благоразумные говорят, что тут дело гораздо серьезнее, чем кажется оно с первого разу.

Цензура беснуется — 57 № «Русской» Речи» задержан цензором, и, верно, вовремя Вы его не получите. Дело в том, что для этого № была набрана статья Лескова «О современном недобросовестном направлении русских» журналистов и литераторов». Лесков говорил против поясничества.² Цензура не пропустила статью на том основании, что она написана не спокойным тоном, как бы следовало, и что автор позволил себе площадные ругательства в ней. А заметьте себе, что там и тени ругательства не было. Феокт<истов>³ сейчас же написал дерзкое письмо к цензору, в котором прямо сказал, что «г. Петров *лжет*».⁴ На это цензора не обижаются, а редакция хочет еще, по настоянию Лескова, подавать на цензора жалобу; из «Внутреннего обозрения», которое писал также Лесков, половина уничтожена, и Петров, цензор «Русской» Речи», увидав вчера Фе-

октистова, воскликнул: «Что у Вас за сотрудники — это ужас, — критикуют распоряжения правительства». Но что милее всего, так это то, что этот же самый Петров сказал вчера Феоктистову: «Я вам ужасную статью пропустил. — Какую? — А статью Сухарева.⁵ — Да что же в ней ужасного? — Как же, она восстает против „Современника“. А до нас доходят слухи, что „Современник“ в стачке с правительством».

Каково это Вам покажется? Правительство наше в стачке с красными. Каковы цензора!

В 59 № «Русской» Речи» будет моя статья. Вы ужаснетесь, когда узнаете, о чем эта статья. Но я спешу сказать, что я сам-то в ней мало виноват, в том смысле, что не навязывался, а мне навязали ее. Я даже отговаривался, но мне сказали: «ничего, попробуйте!». Я попробовал и написал разбор стихотворений Хомякова.⁶ Боюсь, что цензор не пропустит ее или пропустит изуродовав. Напишите мне, как Вам покажется эта статейка, да напишите откровенно.⁷ Кстати, графиня просила меня передать Вам, что она сама пишет критику на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». Она уже начала писать. Не знаю, или, лучше сказать, не помню, поручала она Вам писать об этом романе или нет. Мое дело, впрочем, сторона — передаю, что мне сказано было, а Вы, знаю, и не читали еще романа — ожидали конца, следовательно, не в большой потере.⁸ Критика на «Старое старится, молодое растет» также поручена кому-то.⁹

Сотрудников у ней пропасть, и делается все как-то по-домашнему, своим кружком.

Поклонитесь Никитину, скажите ему, чтоб он не сердился на меня до тех пор, пока ни привезут вещей — он увидит, что выбор у меня — прелесть, и главное дешево. Сегодня я сдал Салаеву¹⁰ для отправки портсигары с мешочками, но остальных денег Беляеву¹¹ еще не отдавал — сам придет и возьмет, тогда я пришлю расписку Никитину.

Кланяйтесь Таисе Николаевне, Вашему брату, Николаю Николаевичу,¹² Петру Петровичу.¹³

А «Воронежская беседа»-то к сентябрю поспеет или нет?¹⁴

Весь Ваш А. Суворин.

Спросите Никитина, получил ли он счета, которые я ему отправил? Адрес: в редакцию «Русской» Речи» с передачей мне.

Извлечение из этого письма сделано в публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников» (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 379—380).

¹ Суворин передал здесь близко к тексту содержание первого листа «Великорусса», подпольного периодического издания, вышедшего в июне 1861 г., после подавления крестьянских волнений в Бездне и Кандеевске. Второй листок вышел в начале сентября, третий — в конце октября 1861 г., четвертый — в 1863 г. Авторы, назвавшие себя патриотами, гово-

рили от имени комитета «Великорусса». Листки печатались в Петербурге (предположительно — в типографии «Чернышевца» Н. Л. Тиблена) и распространялись в Цегербурге, Москве и отчасти в провинции. Полиция безуспешно разыскивала авторов, издателей и распространителей «Великорусса». По новым данным, руководящую роль в создании этих прокламаций играл Н. Г. Чернышевский (см.: Новикова Н. И. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его Комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968; Революционная ситуация в России в середине XIX века. Отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1978; Новикова Н. И., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский — автор прокламации-газеты «Великорусс». — В кн.: Н. Г. Чернышевский и его эпоха. М., 1979).

² Статья Н. С. Лескова, название которой Суворин воспроизводит не совсем точно (см. примеч. 17 к письму 1) и из-за которой был задержан цензурой № 57 «Русской речи», появилась в этой газете 27 июля (№ 60) под псевдонимом «В. Пересветов».

³ Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — историк, ученик Т. Н. Грановского. Начал литературную работу в «Современнике» (1852, № 3); в конце 1850-х—начале 1860-х годов был гувернером детей Е. В. Салиас-де-Турнемир; со второй половины 1861 г. редактор «Русской речи». По своим политическим убеждениям в 1860-е годы являлся конституционалистом, рассчитывающим на контакт сановных и широких либеральных кругов. Н. С. Лесков в романе «Некуда» (1864—1865) вывел его в образе Сахарова — завсегдагая салона маркизы де-Бараль (т. е. Е. В. Салиас-де-Турнемир). После выстрела Каракозова (апрель 1866 г.) Феоктистов решительно «привет», сотрудничает в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». В 1871—1883 гг. он редактор «Журнала Министерства народного просвещения»; в 1883—1896 гг. — начальник Главного управления по делам печати.

⁴ Петров Александр Григорьевич (1802—1887) — в 1861 г. московский цензор «Русской речи»; в 1865—1884 гг. председатель С.-Петербургского цензурного комитета.

⁵ «А. Сухарев» — псевдоним А. С. Суворина.

⁶ Суворин ошибся: его первая литературно-критическая статья — «Стихотворения А. С. Хомякова» — появилась не в 59-м, а в 58-м номере «Русской речи» (20 июля). Она была написана в связи с выходом (посмертно) в 1861 г. первого тома сочинений Хомякова. В этом первом опыте Суворина просвечивает его либеральная позиция и намечаются некоторые эстетические принципы: стремление соотнести взгляды автора с его личной и общественной биографией, с литературным процессом и определить эстетическую ценность его произведений. Отзыв Суворина о Хомякове близок к оценке творчества этого поэта Аполлоном Григорьевым (см.: Время, 1861, № 5).

⁷ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину 3 августа 1861 г.: «Что касается статьи о Хомякове, скажу только, что я проклинал автора (не зная, что это Вы), потому что сам уже приготовился писать о том же; но мои положения те же, что и Ваши» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 4).

⁸ Судя по письму М. Ф. Де-Пуле от 3 августа, Е. Тур не слишком деликатно поступила с ним: через секретаря (Суворина) предложила написать рецензию на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», а затем решила писать сама (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3). Де-Пуле все же не хотел расстаться с мыслью написать о романе Достоевского и попытался заручиться согласием М. М. Достоевского — редактора журнала «Время» на выступление в журнале, но тот, посоветовавшись с братом, отклонил это предложение.

⁹ Критическая статья на роман фольклориста, публициста и общественного деятеля Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» была заказана московскому журналисту Ивану Семеновичу Некрасову (псевдоним — Н. Некрасов). В «Русской речи» она не появилась.

¹⁰ Суворин покупал и отправлял в Воронеж через фирму Ф. И. Са- лаева, московского книгоиздателя и книготорговца, книги, канцелярские и другие товары для книжного магазина-библиотеки И. С. Никитина.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Гарденин Николай Николаевич — издатель «Воронежского литера- турного сборника» (1861).

¹³ Глотов Петр Петрович — инспектор Воронежского кадетского кор- пуса, издатель «Воронежской беседы» (1861).

¹⁴ В письме от 3 августа Де-Пуле сообщил Суворину, что в Воронеж привезли из Петербурга, где печатался сборник, «только 2 экземпляра „Воронежской беседы“ в неброшированных еще листах». «Книга по внеш- нему виду (за исключением опечаток) роскошная и громадная (44 печат- ных листа). Пустится в продажу не ранее конца этого или начала буду- щего месяца» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3).

3

Вы поймите, дорогой Михаил Федорович, что при такой не- выносимой жаре, да еще при отсутствии воды, в которой бы мо- жно было выкупаться и освежиться, писать нет никакой воз- можности. Перо валится из рук, и я взялся за него для того только, чтоб написать, по поручению графини, несколько строк.

Я уже писал Вам, что о романе Достоевского она пишет сама, о романе Потанина рецензия также заказана, кажется <И. С.> Некрасову, точно так же, как и о романе Потехина «Бед- ные дворяне».¹ Следовательно, для «Русской Речи» нет Вам надобности писать об этих вещах.

О Полонском графиня просит Вас написать непременно, но при этом она говорит, что *невысокого* она мнения о таланте этого поэта, что Вы, конечно, должны принять к сведению. Впрочем, его роман в стихах, который петербуржцы, как слышно, ставят на одну доску с «Онегиным» Пушкина, может быть, поколеблет ее убеждение и Вас утвердит в диаметраль- ности дарования Полонского.² Книги будут Вам высланы, как только выйдет Баратынский.³ Это уж сделаю, должно быть, я. Что касается статьи Вашей о пролетариате чиновничьем, то, ко- нечно, она не пройдет, если Вы хотите в ней провести мысль об уничтожении чинов.⁴ Если уж статья Ваша о слугах пошла к государственному секретарю, то статья, подобная той, которую Вы намереваетесь писать, и подавно не пройдет. О статье Ва- шей «О слугах» нет еще слуха. Цензура ужасная — просто по- ворот к старому.

Вы упрекаете меня в молчании, а я написал Вам два письма — получили ли Вы их?⁵

Новый министр просвещения Путьтин, а не Путьта, квакер не по убеждениям только, а формально квакер. Он уже успел

сказать такую фразу: «Провидение назначило меня изгнать из литературы безбожие, и я исполню это назначение». До какой степени он религиозен, доказывается, между прочим, тем, что он недоволен даже Аскоченским.⁶ Щапов служил панихиду по Антоне Петрове — тот Щапов, который написал книгу о расколе и теперь в крепости.⁷ Не позволено даже говорить о том, что тунисский бей дал конституцию. А ждут, что таковую даст и турецкий султан своим подданным. Это было бы премило тоже вместе запретить говорить и об этом.

Передайте расписку Никитину и поклонитесь ему от меня и пожелайте поскорей выздороветь.⁸ Я буду ему писать при первой возможности.

Извините за это маранье — ей-богу, рука не движется. Кланяйтесь Вашим и нашим.⁹

Весь Ваш А. Суворин.

17 июля <1861>.

Небольшой отрывок из этого письма опубликован Л. Р. Ланским в «Литературном наследстве» (т. 86. М., 1973, с. 381—382).

¹ Статья Е. Тур о романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» напечатана в № 89 «Русской речи» за 1861 г. (6 ноября). Рецензий на романы Потанина и Потехина в этой газете не было.

² На предложение Е. Тур написать статью об Я. П. Полонском М. Ф. Де-Пуле ответил согласием, но высказал при этом свое отношение к поэту, не совпадавшее с редакторским: «Скажите ей, — писал Де-Пуле Суворину 3 августа 1861 г., — что о Полонском напишу <...>, прибавьте, что я, напротив, очень уважаю его, потому что он, Фет и Мей более истинные поэты, чем кто-либо; остальные поэты — головы, а не чувства» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3). Статьи Де-Пуле об Я. П. Полонском в «Русской речи» не было.

³ Подготовляемое женой поэта в 1861 г. издание стихотворений Е. А. Баратынского не было осуществлено. «Сочинения Баратынского» были изданы в Москве в 1869 г.

⁴ Статья о «чиновничьем пролетариате», видимо, не была написана.

⁵ В письме от 3 августа 1861 г. Де-Пуле с неудовольствием отмечал, что получил от Суворина лишь одно письмо, от 6 июля. Он ошибался. Из содержания его ответов ясно, что им было получено и второе письмо Суворина (от 13 июля 1861 г.).

⁶ Аскоченский Виктор Игнатьевич (1820—1879) — реакционный публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа» (1858—1877), активный противник «нигилистов». В демократической печати Аскоченский был мишенью насмешек. Не обошел его молчанием и Суворин в своих «Библиографических заметках» (Русская речь, 1861, № 68, 24 августа).

⁷ Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876) — историк, публицист, профессор Казанского университета, видный деятель революционно-демократического движения 1860-х годов, эволюционировавший в своих политических убеждениях от крестьянско-монархических иллюзий (ограничение власти царя конституционным строем, Земским собором, введение народного контроля над губернскими управлениями) к последовательному демократизму. 16 апреля 1861 г. А. П. Щапов произнес речь на панихиде по жертвам Безднинского крестьянского восстания и его руководителю — Антону Петрову, за что был арестован и заключен в крепость. В 1864 г.

за революционно-демократическую деятельность сослан в Сибирь. Книга А. П. Шапова «Русский раскол старообрядчества» вышла в Казани в 1858 г.

⁸ Имеется в виду расписка в получении денег, которые Суворин трагил на покупку и пересылку книг и вещей в Воронеж для книжного магазина-библиотеки Никитина. М. Ф. Де-Пуле сообщал Суворину о ходе болезни Никитина. «Бедный Иван Саввич все еще болен и сидит дома. Доктора находят, что у него чахотка. Тоскует <...> „Чувствую, что я не встану“, — сказал мне вчера Иван Саввич», — писал он 14 июля 1861 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 1). И в письме от 3 августа 1861 г.: «Бедный Иван Саввич все лежит; идет осень, какое уж тут выздоровление. Со смертью его порвутся для меня все нравственные узы с Воронежем» (там же, л. 4).

⁹ «Вашим» — т. е. Т. Н. и Л. Н. Павленковым; «нашим» — членам «второвского» кружка.

4

9 августа 1861. Сокольники.

Я сейчас получил Ваше письмо, дорогой Михаил Федорович, и спешу Вам отвечать. Одно письмо я послал Вам на имя своей жены¹ и передаю Вам, пошлите к ней за ним — там найдете ответ на запрос Ваш об актах. Они переданы Буслаеву, который к осени приготовит для них статью.² Ну, как Вы там себе странствовали, каких набрались впечатлений.³ Я остаюсь здесь, а потому *finita la comedia*.^a К лучшему ли, к худшему ли это — бог весть.

Жизнь дорога здесь страшно — с воронежской и сравнить нельзя. Такую квартиру, например, как Ваша, нельзя нанять и за 300 рублей. Я нанял себе за 200 четыре комнатки, из которых одна темная. Цензура свирепа — Ваша статья еще не получена от Буткова. Что с ней там делается — бог весть. Ни одного № не проходит без цензурных спен. Редакторы оскорбляют цензоров, пишут к ним самые дерзкие записки, а с них все как с гуся вода. Если б не лень, я порассказал бы Вам много кое-чего. Всего я Вам написал четыре письма, — уведомьте, получили ли Вы их?

Между прочим, я писал Вам о своей статье о Хомякове. Ведь это дерзость с моей стороны. Она вышла ученической, особенно потому, что мне сотрудничал цензор. Он вычеркивал целые фразы и написал на место их свои. Стихотворение «Новуходносор» все вычеркнул, почти все, что говорил я *по поводу* этого стихотворения, вычеркнул. «Кому же, говорит, это не понятно, что Новуходносор — это Николай Павлович». Каково это Вам покажется. *Оду* сократил, и потому вышла галиматья. Все-

^a Все кончено, конец; букв. «комедия окончена» (итал.).

таки я желал бы знать Ваше мнение об этой статье. На днях Вы встретите еще мою статью — Еще из записок сумасшедшего.⁴ Я вообще теперь почти ничего не делаю. Пишите мне на тот же адрес в Москву. Я познакомился с Бергом. Он сам, узнав обо мне от кого-то, что я в Сок^ольниках, пришел ко мне. Я был у него два раза. Что за прелестный господин. Он мне понравился особенно потому, что свеж необыкновенно. Этой жолчи, которая нас более или менее украшает, у него и признака нет. Так любовно он относится к людям. Он думает переходить в Петербург — все туда идет. Он читал мне прелестные вещи. Критика на 1 том^е Энциклопедического словаря во «Времени» — его.⁵

Видел и Блюммера несколько раз и совершенно согласен на его счет с Бергом, что такой пустоты, такой пустейшей пустоты трудно встретить. На днях он говорил мне, что будет издавать журнал «Север», ежемесячный, что какая-то барыня 30 тысяч ему даст. Я уверен, что это вздор. А впрочем, сумасшедшие барыни везде водятся.⁶

Много студентов похватали и открыли их типографию и литографию. Они были очень неосторожны, продавая запрещенные вещи почти открыто.⁷ Никитин мне хоть бы слово. Кланяйтесь ему и спросите, доволен ли он закупками.⁸ Графиня просит Вас, что если Вы захотите писать корреспонденцию, то пишите только об самых, как она выражается, сальянтных⁹ вещах. Читайте ли внутреннее обозрение — его пишет Лесков, напишите, пожалуйста. Узнайте, больше ли прежнего читается «Русская Речь» или нет?¹⁰ Это весьма важный вопрос. Мы уговариваем графиню рассрочить подписку по четвертям года, по 3 руб. за три месяца. Она сдается. Вообще трусили, что она не пойдет на следующий год, а она и в нынешнем в большом убытке — тысяч 12 серебром. Я со страхом жду подписки. Ведь неловко же будет, если убытки будут одни. Считите число листов и страниц в моих статьях. Я, кажется, получил за 3¹/₂ листа. Если больше этого выйдет, то попросите Петра Петровича Глотова, которому кланяйтесь, передать деньги жене моей. А я уж порадею о Вас у Свешникова и Щепкина,¹¹ на этой же неделе, и напишу Вам. При счете страниц примите то во внимание, что во всех редакциях толстых журналов страница считается за целую, если вещь прерывается на более чем полстраницы, а та страница, с которой начинается статья, всегда за целую, хоть обыкновенно начинают и с полстраницы. Я думаю, что для Петра Петровича тут мало расчета, а для меня и лишний рубль расчет, тем более что за повесть нигде не платят менее 60 руб., кроме мелких журнальцев. За «Черничку», следовательно, я всегда бы мог получить по 60 руб., и ее принял бы всякий журнал.¹²

Служить я пока не хочу. Вместе с секретарством я получал 1300 руб. Этот год хочу поучиться, употребить его для себя.

Удивительно, как многого я не знаю. На будущий год, может быть, возьму и должность, если удастся. Вообще служба мне не по нутру, хоть, с другой стороны, я должен сказать, что жить исключительно литературным трудом нет почти никакой возможности. Столько случайностей, что не перечтешь всех, а у меня ведь семья. К тому же плодущ я уж больно сильно.

Об университетской плате узнаю и тотчас уведомлю. Постараюсь увидеть Лаврова, субинспектора, который заправляет хозяйственной частью «Русской» Речи», и спрошу у него. Он это знает.¹³

Поклонитесь от меня, если увидите, Котлерову.¹⁴ Я буду писать к нему, хоть, по правде сказать, *трудно* вести переписку — почта проклятая мерзости делает. Государь, говорят, ходит как убитый: у него *idée-fixe* — страх умереть подобно Людовикику XVI. Наследник — отличная личность, и любознательная. Он с Мельниковым (Печерским) отправился на Нижегородскую ярмарку, гово^рят, будет тот все ему показывать и читать лекции о народном быте.¹⁵ При дворе зовут его *le futur roi bourgeois*.⁶ Потом он будет слушать лекции в Московском университете.

Кланяйтесь Таисе Николавне.

Весь Ваш А. Сув^орин.

10 авг^оуста <1861>.

Сегодня видел Лаврова и узнал, что студентам, которые поступили до положения, платить не нужно; стало быть, не нужно платить и Вашему брату. Довольны? Это первое поручение исполняю. Второе исполню непременно — только исполните и Вы то, о чем я просил Вас, пожалуйста.

А ничего отрадного я не вижу впереди. Подписчиков у «Русской» Речи» мало, меньше, чем графиня писала Вам (это между нами), распространяйте ее в Воронеже. Редакция подает просьбу о том, чтобы разрешили ей 2 раза в неделю политическое обозрение. Если бы разрешили это, — дела бы, наверно, пошли лучше. Графиня сильно беспокоится, что она не пойдет на следующий год. Это будет нож вострый и для меня. Простите. Блаженны вы, остающиеся в провинции и думающие, что лучше быть в деревне первым, чем в городе последним. Мы выбрали себе последнее — и вряд ли лучше сделали. Прощайте.

Дай Вам боже всего лучшего.

У Таисы Николавны целую ручку.

⁶ будущий буржуазный король (франц.).

¹ Имеется в виду первая жена Суворина — Анна Ивановна (урожд. Баранова).

² Ответ на беспокойство М. Ф. Де-Пуле, высказанное в письме к Суворину от 3 августа 1861 г., появится ли статья о его «Орловских актах» (Орлово, Орлик — название села, входившего в состав Воронежского уезда). «Орловские акты» были напечатаны в кн.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Издание М. Де-Пуле. Воронеж, 1861. Для «Русской речи» обещал написать рецензию на эту книгу известный филолог, профессор Московского университета Ф. И. Буслаев. Но Де-Пуле опасался, что Буслаев «щелкнет» его за статью, опубликованную два года назад (Об историческом изучении русского языка. Опыт исторической грамматики русского языка. Сост. Ф. Буслаевым. М., 1858. — Современник, 1859, № 8). И так как он ревниво следил за распространением своей книги и известиями о ней в печати, то просил Суворина «потом взять книгу у Буслаева и передать в редакцию „Русского вестника“ с условием напечатать рецензию (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 2—4, 14—15). В «Русской речи» рецензия на книгу Де-Пуле не была опубликована.

³ М. Ф. Де-Пуле уезжал на две недели (13—31 июля) из Воронежа в Козлов и Козловский уезд. 16 августа 1861 г. он писал Суворину: «Право, мы не знаем свою Русь <...> Реформа просто отуманила и крестьян и помещиков, опалели и те и другие. Вы, кажется, упрекали меня в славянофильстве, но знаете ли? Прошлогодняя моя поездка в столицы и теперешняя по увиденным городам и деревням с особенною силою воскресили во мне западничество. Что это такое наша жизнь? Что мы выработали? Царство тупоумия у нас, ей-богу, ужасно и всеобще. Какой куропаткой не подъезжайте к народу <...> заключения не хочется выводить, и так боюсь заслужить от Вас укор в мраковзгляде» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 5).

⁴ Так Суворин называет свои «Библиографические заметки». В ближайших из них (№ 67 и 68 от 20 и 24 августа) речь шла об изданиях для народа и школ, в частности о книге В. И. Аскоченского.

⁵ Берг Федор Николаевич (1840—1909) — поэт и переводчик. Окончил в 1860 г. Воронежский кадетский корпус, был членом «второвского» кружка; в начале 1860-х годов сотрудник «Современника», «Времени», «Эпохи», «Русской речи», «Светоча». Упомянутая Сувориным критическая статья Берга о первом томе «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (Под ред. А. А. Краевского. СПб., 1861) была опубликована во «Времени» (1861, № 6). Она ошибочно приписана М. И. Владиславлению в книге В. С. Нечаевой «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских „Эпоха“» (М., 1975, с. 238). В статье Берга была отмечена ценность направления, которое придала словарю ассоциация ученых и литераторов. Возможно, что и анонимная положительная рецензия на это издание в «Светоче» (1861, № 11) также принадлежала Бергу. Со второго тома «Энциклопедический словарь» редактировался П. Л. Лавровым. Всего вышло 6 томов (А—Е), так как после ареста М. Л. Михайлова, редактировавшего отдел словесных наук, «Энциклопедический словарь» был запрещен. Подвергся аресту и заключению в крепость и Берг. Его подозревали в сочувствии студенческим волнениям и распространении прокламации «К молодому поколению». Свой роман «Закоулок» (Современник, 1863, № 1—3) он посвятил одной из активных участниц Знаменской (Слепцовой) коммуны — М. Н. Коптяевой. В последующие десятилетия Берг, как и некоторые его современники, эволюционировал к благонамеренности.

⁶ Блюммер Леонид Петрович (1840—1888) — публицист, издатель за границей нескольких журналов, оппозиционных по отношению к царскому правительству. Недоверие к нему возникло не только у Ф. Н. Берга и Суворина. П. В. Долгоруков (1816—1868), сотрудник «Колокола», издатель за границей в 1862—1863 гг. на французском языке журнала «Veridigne» («Правдивый», или «Правдолюбивый»), обвинял Блюммера в шпионстве.

⁷ Речь идет об арестах студентов Сулека, Сороко, Сваричевского, Гладкого и др. «Дело» студентов Московского университета Петра Григорьевича Зайчневского (1842—1896) и Перккла Эммануиловича Аргиропуло (1833—1862) началось в конце лета 1861 г. 29 августа они были арестованы; им было предъявлено обвинение в литографировании и распространении нелегальных русских изданий.

⁸ Из ответных августовских и сентябрьских писем Суворин узнал, что И. С. Никитин часто о нем вспоминает и говорит о своей любви к нему, что тяжело больной пост предчувствует близость смерти и просит Де-Пуле быть его душеприказчиком, беспокоится о судьбе своего книжного магазина-библиотеки (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 8, 9, 12).

⁹ Слово «сальянтных», по-видимому, образовано графиней от ее фамилии — Салиас (Сальяс); смысл его — написанный в духе, согласующемся с ее взглядами как редактора.

¹⁰ М. Ф. Де-Пуле писал еще 3 августа 1861 г.: «Ваша „Русская речь“ теперь больше читается, но все же очень немного; по-моему, для вас единственное спасение обратиться в книжку», т. е. в журнал (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 4).

¹¹ Суворин отвечает на просьбу М. Ф. Де-Пуле порадеть о его «интересе» и узнать у московских книгопродавцев Ф. О. Свешникова и Н. М. Щепкина, возьмут ли они на комиссию и на каких условиях книгу, в которой опубликованы его «Орловские акты», и сборник «Воронежская беседа» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3). В «Московских ведомостях» (1861, № 212, 30 сентября; № 251, 15 ноября; № 261, 28 ноября) эти книгопродавцы печатали объявления о поступлении в продажу «Воронежской беседы» и «Воронежского литературного сборника».

¹² Речь идет о напечатанных в «Воронежской беседе» суворинских рассказах «Черничка» и «Гарибальди». М. Ф. Де-Пуле 17 августа представил Суворину расчет за 3½ листа и сообщил, что ему «осталось дополнить за 2 страницы» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 7).

¹³ М. Ф. Де-Пуле просил Суворина узнать, «освобождаются ли от платы те из студентов и вольнослушателей, которые в прошлом году не платили денег, представив свидетельство о бедности» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 4). Эти сведения были нужны ему как опекуну младшего сводного брата — Л. Н. Павленкова, студента Петербургского университета.

¹⁴ Котлеров Михаил Григорьевич — учитель математики Воронежской гимназии.

¹⁵ Цесаревич Николай Александрович (1843—1865) путешествовал со своим наставником — известным писателем П. И. Мельпиковым (псевдоним — Андрей Печерский).

5

Дорогой Михаил Федорович,

Я еще не успел ничего сделать для Вас — завтра схожу к Щепкину. Акты трудно теперь достать от Буслаева, тем более что черт знает где и живет-то он — не приезжал еще с дачи. Поди ищи его, да и как сделать, когда книга уже послана? Неловко прийти. Если бы другая была — другое дело.

Денег я без графини послать, конечно, не могу и прошу Вас обождать хоть до половины сентября — теперь у нас самих нету — в сентябре получим и сполна пришлем.¹

Тут тяжело становится жить. Аресты чуть не ежедневные. Один студент, именно Маккавеев, застрелился, когда хотела взять его полиция. Маккавеев привлекал к себе народ, живя в Останкине, и когда узнали об его смерти, то тотчас двор был полон народом, и все спрашивали о причине смерти. Полиция объявила, что застрелился он потому, что его хотели схватить за делание фальшивых ассигнаций.² Третьего дня схватили переводчика Всеволода Костомарова, на которого донес брат, родной брат, какой-то пьяница. Нашли буквы у него типографские. Говорят, что открыт целый заговор.³ Что с нами будет. Разумеется, разным Николаям Николаевичам⁴ всегда хорошо будет. В заговор не пойдут, литографировать не станут, горячиться тоже не горячатся, пока не тронут их самих, а тут все это близко, и все это больно. Один цензор полжизни укоротит. Просто думать не дают. У нас изуродовал до последней крайности великолепнейшую сцену в монастыре в 69 №, такую художественную сцену, каких и у Тургенева мало. Кроме шуток говорю вам.⁵ Думать не дают, придираются к каждому слову, к каждой мысли — везде находят что-то, приписывают что-либо, о чем ты и никогда не думал. Что же делать? Писать художественные критики, рассуждать о лирике и проч. — наверно, мы, во-первых, не можем, во-вторых, не считаем важным. Жизнь нужна, полная, свежая жизнь. Тут и лиризм есть, и вдохновение, и убеждение, и все такое, на что еще не наложили своих рук разные составители эстетик и теорий.⁶

Вы хотите бросить всякую солидарность с славянофилами⁷ — напрасно, это значит бросить жизнь, или по крайней мере предчувствие жизни, которой нет у наших умеренных западников и мало у неумеренных, вроде «Современника», мало и у таких, которые сочувствуют «Времени».⁸ У «Времени» по крайности инстинкты пробуждаются, хоть оно не в состоянии еще формулировать своих убеждений, потому что их не выработало еще. Нужно новое, что Вы не видите, где жизнь пробуждается и где она закипит. Я пропасть слышал о крестьянах, о их действиях при новом порядке вещей. Вот свежая сила — от ней пужно ждать всего, а от того, что износилось, — ждать нечего.

Конституция ведь уже уши все прожужжала. Замечаете ли, как повторяют все наши журналы — они уже высказывались, и поверьте, что все они падут, безусловно падут, если не захотят нюхать в воздухе и не будут в состоянии развить своего обоняния до того, чтобы оно сделалось чутким. Может быть, все, что я говорю, незрело, глупо, да ведь что ж делать — чем богаты, тем и рады. Слава богу, не проедены еще книжностью до костей — ей-богу, это счастье. С начала по крайности начать можно. Это все-таки легче, чем повертываться назад и сжигать все. Поверьте, что в словах Михалевича смысл есть — именно придется всем сжечь все то, чему поклонялись, и поклониться тому, что сжигали.⁹

Берг в Петербург уехал — жалко мне его. Он, кажется, будет секретарем при редакции «Светоча», впрочем, ничего определенного, кроме обещаний.¹⁰

Хорошо Вам там. А ведь жизни пропасть вокруг Вас — чего Вы ее не ловите. Ведь в кабинете до добра не доживешь. Неужели и молодое поколение тряпки будут? Сохрани боже.

Никитину поклонитесь, г. Чебот<аревскому>,¹¹ вашей тро-ице.¹² Зиновьев¹³ прислал рецензию о «Вор<онежском> сборнике»,¹⁴ я ее не видел еще, но поступит она ко мне на просмотр, и я непременно забракую ее. Ну его к черту. Экой рецензент, подумаешь, из Думы-то. Впрочем, я ведь тоже из уездного училища — далеко значит не ушел. Ну, да сегодня я в скверном расположении духа. Прощайте.

А. Сув<орин>.

28 августа <1861>.

Цитата из этого письма приводится Л. Р. Ланским в примечаниях (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 382).

¹ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину 17 августа 1861 г.: «Так как Вы теперь секретарь, то нельзя ли, не говоря графине, что я прошу, выслать мне деньги за статью о Кобяковой» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 7). Речь идет о статье Де-Пуле «Литература и общественный быт» (Русская речь, 1861, № 61, 30 июля), посвященной беллетристике журнала «Русское слово», в частности повести «Семья Подошвиных» А. П. Студзинской (урожд. Кобяковой, 1823—1892).

² Макавеев (Маккавеев), студент Казанского, затем Московского (1859) университетов, был одним из организаторов тайного студенческого общества «Библиотека казанских студентов». Имел касательство к «делу» Зайчневского и Аргиропуло (1861). Застрелился 4 августа 1861 г.

³ Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837—1865) — поэт-переводчик. По доносам его и брата, Н. Д. Костомарова, были сделаны обыски у многих литераторов, сотрудников «Современника», «Русского слова». В. Д. Костомаров сыграл роль провокатора в «делах» М. Л. Михайлова, Н. Г. Чернышевского, И. В. Шелгунова.

⁴ Имеются в виду люди типа умеренного, далекого от политики Николая Николаевича Гарденина, редактора «Воронежского литературного сборника».

⁵ Речь идет о повести О. Касторской «Гувернантка» (Русская речь, 1861, № 67—72, 20—31 августа, 3—6 сентября).

⁶ Эти слова в письме Суворина Де-Пуле принял на свой счет и объяснил ироническое отношение «к художественной критике, лиризму, эстетике» влиянием на Суворина «Современника» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10—11).

⁷ Отношение к славянофилам, как и к деятелям «Современника», «Времени», у Суворина было неоднозначным. Он не принимал ориентации славянофилов на допетровскую Русь, отказа от европейской цивилизации, безоговорочно отрицательного отношения к революционно-демократической журналистике; его не удовлетворяла нормативность их эстетики, подчиненность художественной практики теоретическим доктринам. Но ему импонировали идеи единства народа и царя, славянского единства, интенсиное исследование русской народной поэзии. Суворин стремился объективно оценить деятельность одного из видных славянофилов младшего поколения — Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886), его газету «День»

(1861—1865), творчество теоретика и поэта-славянофила старшего поколения А. С. Хомякова.

⁸ «Время» — журнал, издававшийся в 1861—1863 гг. в Петербурге М. М. Достоевским, братом Ф. М. Достоевского, принимавшего в журнале живое участие как писатель, критик и редактор. В 1861 г. формировалась так называемая «почвенническая» позиция «Времени». Критикуя образованную часть общества за оторванность от народа, журнал призывал к сближению с «почвой» (народными массами). Он вел полемику по вопросам политики и литературы с «Русским вестником», «Отечественными записками» и с «Современником», не принимал ни реакционной, ни умеренно либеральной, ни революционно-демократической позиции, критиковал защитников как «чистого искусства», так и «утилитарной» тенденциозности. Суворину были близки ориентация «Времени» на народ, как на главную национальную, нравственную силу, и критика «чистого искусства». Он, однако, занимал более «гибкую» позицию в отношении к «Современнику». Суворин не участвовал во «Времени», но некоторые члены «второвского» кружка (М. Ф. Де-Пуле, Ф. Н. Берг) и сотрудники «Русской речи» (Е. Тур, Н. С. Лесков, А. Н. Плещеев) печатали в этом журнале свои произведения и критические статьи.

⁹ Имеются в виду слова персонажа романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» — Михалевича: «И я сжег все, чему поклонился. Поклонился всему, что сжигал».

¹⁰ «Свечок» (СПб., 1860—1862) — журнал, в котором принимали участие некоторые сотрудники «Времени». В № 8, в заметке «Новые правила приема в университеты», с удовлетворением отмечалось введение платы за обучение (50 рублей), так как студенты большей частью бездельничают, франтят и кутят. «Современник» с возмущением ответил на эту заметку, утверждая, что новое правило бьет по неимущим студентам, которым некогда кутить и не на что франтить (Пиотровский И. А. Студенты перед судом «Свечок». — Современник, 1861, № 9, с. 29—36). Против статьи в «Свечке» выступила и акасовская газета «День» (1861, № 3, 28 октября), но она видела причину возбуждения «горячих голов» и «горячих сердец» в зараженности общества западными теориями, а панацеей от этих бед — в науке, которую должна заниматься молодежь, чтобы готовить себя для полезной деятельности в России.

¹¹ Чеботаревский — учитель Воронежского кадетского корпуса, знакомый И. С. Никитина. Он в числе немногих, по словам М. Ф. Де-Пуле, знал «положение дел» умирающего поэта (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 9). В письмах же Де-Пуле следующих лет (4 января 1862, 10 февраля 1863 г.) дается весьма нелестная характеристика Чеботаревскому, как человеку непорядочному, фразеру, хвастуну.

¹² «Троица» — находившиеся у постели умирающего И. С. Никитина М. Ф. Де-Пуле, И. И. Зиновьев и иеромонах Арсений, духовный отец Ивана Саввича.

¹³ Зиновьев Иван Иванович (ум. 1862) — член «второвского» кружка, секретарь воронежской думы, сотрудник «Воронежских губернских ведомостей». Суворин не принял его рецензии не только потому, что она ему не понравилась, а автора он не считал достаточно квалифицированным, но и потому, что был намерен сам писать отзыв.

¹⁴ «Воронежский литературный сборник» вышел одновременно с «Воронежской беседой» осенью 1861 г. и являлся его конкурентом. Первый, гарденинский сборник был значительно слабее (неизвестные авторы, мало краеведческих материалов и обилие неуместных здесь переводных произведений). Суворин отказался от предложения Де-Пуле дать сравнительную характеристику воронежских сборников и посвятив каждому из них специальную статью. Отзыв о «Воронежском литературном сборнике» появился в «Русской речи» 22 октября 1861 г. (№ 85), о «Воронежской беседе» — 16 ноября (№ 92).

21 сентября <1861>.

Очень Вам благодарен, дорогой Мих<аил> Ф<еодорович>, за Ваш портрет, благодарен Вам и за письмо. Мне очень больно, что Вы приняли *его* на свой счет. Я это никак не мог ожидать и крайне удивлялся, читая те шпильки, которыми Вы меня потчевали в своем письме. Вы говорите, что спорить не нужно, а то рассоримся — я думаю, напротив, спорить можно, но рассориться нельзя, если не брать только на свой счет того, что говоришь вообще. Разве я бы не мог глубоко оскорбиться тем, что Вы раза три намекали на обличительные статейки и давали понять, что я глубоко ошибаюсь, принимая за живые статьи в обличительном роде. Неужели я так глуп, пошл и мелочен? Неужели? Я, однако, на свой счет этого не принимаю, а если предположить, что приму, — то мы с Вами и поквитались. Я желаю, однако, не прерывать этой материи, нужно объясниться нам, чтоб Вы поняли меня.

Дело главным образом в том, что я моложе Вас гораздо, и потом еще в том, что я человек живой, понимая под этим эпитетом тоже молодость, только не вялую и не совсем пошлую. Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии «Времени». Вас, конечно, это может удивить, а я не знаю, сумею ли я объяснить, к какой же собственно партии я принадлежу? Вы знаете, что логики большой нет у меня в словах, и мысль никак не может сосредоточиться на одном предмете — она так бегаёт черт знает куда. А потому логику оставим мы в покое, и без нее живут люди.

Прежде всего не принимайте на свой счет того, что я буду говорить о людях, которые теперь сходят со сцены. Я слишком уважаю Ваш личный характер, слишком хорошо знаю, сколько добра делаете Вы молодому поколению и сделали ему — поверьте, что Вас я не имею в виду, тем скорее, что и критики я трогать не стану. Здесь я насмотрелся и главное наслушался о том кружке, который окружал графиню и окружает теперь. Всё это люди образованные, не невежды, всё это люди мерзостей не делающие и не делавшие. И все-таки скажу, что всё это люди совершенно бесполезные в настоящее время. Хуже этих конституционалистов, вялее, однообразнее я ничего не знаю. В ком есть хоть инстинкты жизни, тот не уживется с ними. Здесь гроб, здесь все мертво, все живет задами и только удивляется невежеству молодого поколения — уж больше ничего не видит. Некоторые из них, в особенности графиня, сохранили еще ненависть кипучую к прошлому — и тут еще больше жизни; по остальные и ненависти этой не имеют — они просто равнодушны ко всему.

Об конституции они даже толкуют не потому, что им ее страстно хочется, а потому, что язык уж так приболтался, да и говорить больше не о чем. Это — полнейшая апатия и неподвиж-

пость. Они интересуются, конечно, наукою и ждут не <до>ждутся, что напишет еще Гизо,¹ не наслаждаясь трубадуром гостиных (см. биографию Маколея Вызинского),² в котором больше слов, чем дела. Современной литературе у них один приговор — невежество, мерзость и проч.

Полно, невежество ли? Добролюбов, например, господин очень ученый, отлично знает не только новые, но и древние языки, постоянно читает, точно так же как и Чернышевский. Про личный характер последнего и говорить нечего — он не уступит нисколько лучшим характерам прошлого времени. А невеждами их называют потому, что, скованные цензурою, они резко проводят свое направление побочными путями, и потому, что они осмелились выйти из целенок западной мысли и стали говорить от себя, стали говорить *свои слова*, а не чужие. Понятно, что первая попытка во всяком деле удачна особенно быть не может. Тоже и вышло с Чернышевским — он зарпортовался, как говорится.

А до чего в этом случае раболепие доходит у конституционистов — Вы себе представить не можете. Я пишу иногда политическое обозрение, читаю «Journal des Debats», и всегда поражаюсь, находя, например, в передовых статьях «Современной» Летописи почти перевод статей «Дебатов». Это делают не невежды, а ученые, очень ученые люди, которым пора бы выработать свой взгляд на политику, пора бы иметь свои мысли и не заглядывать в «Journal des Debats», когда приходится сделать о чем-нибудь замечание или суждение.³ Что лучше?

Молодое поколение невежды — положим. Но виновато ли молодое поколение, виноват ли «Современник»? Мне кажется слишком легкомысленно приписывать этот поворот журналу. А если тут есть часть его, то самая незначительная. Вы искали жизни в книгах, в кабинетах, теперешнее поколение ищет жизни в жизни самой, какова она там ни есть. Оно старается прорвать цепи и не отчаивается, не хлопочет, правда, особенно об этом, а просто *верит*, веры у него пропасть, не думаю, чтобы вера была эта столь легкомысленна. Дойдет до дела — молодое поколение постоит за себя — в этом уверен. Вы правы, что оно ничего не сделало, но не думаю, чтоб были правы, говоря, что потомство проклянет его. Потомство, верно, умнее нас будет и не станет смотреть легко на наше поколение, оно увидит в нем смысл. Я так убежден, что бессмысленного в жизни нет — во всем есть свой смысл. Я не принадлежу к почитателям «Современника», но смотрю на него как на необходимое явление, отношусь к нему беспристрастно.⁴ Об этом можно только говорить, а не писать. Я тороплюсь, а потому оставляю этот вопрос. Ну его к черту.

Вы слышали о прокламациях. На днях все редакции журналов, профессора, а в Петербурге почти в каждом доме получены были новые прокламации, говорящие о Польше и Малороссии, о необходимости конституции. Польшу отдать, Малороссии предоставить право распоряжаться собою, как ей угодно. Призывают

к действию и грозят там восстанием народа, которое будто бы последует непременно в 63 году, когда истечет срок переходного состояния и когда крестьяне увидят, что они обмануты.⁵ Почти во все дома в Петербурге эти прокламации были розданы в один день. Просто являлся кто-то и говорил дворнику: передать пакет такому-то. Теперь дворники приведены к присяге и назначено 1500 руб. тому, кто откроет типографию, в которой печатается «Великорусс», или поймает хоть одного господина, разносящего прокламации.

Но кроме этого «Вел<п>корусса», в Петербурге были с неделю тому разбросаны в театре и по улицам прокламации другого рода — называются они «Молодому поколению»,⁶ напечатаны несравненно лучше «Великорусса» и надписи внизу: «печатаны в Петербурге», без дозволения цензуры». Эти прокламации кровавого свойства, в них призываются просто к тому, чтобы вырезать 100 тысяч дворян, и указывают даже каких особенно. Чаще других встречаются имена Муравьева⁷ и Адлерберга⁸ — вообще генералам больше всего достается. Призываются к делу и военные, и войско самое. Пусть, говорит, каждый трудится по мере сил. Если, говорит, ты хочешь нового порядка, то и вложи свои убеждения в других. Если ты в год десять человек покоришь себе, и это хорошо. Если, говорит, все мы так будем трудиться, то скоро настанет то время, когда можем восстать, и проч., все в том же роде.

Кстати, чтобы не забыть: Бабст⁹ и Чижов,¹⁰ получив «листки» «Великорусса», облачились в светлые одежды и отправились с ними к губернатору, которому и представили их как благонаправленные юноши. Не из стаи ли они орлов — только не екатерининских, как Вы думаете. Другие два великих мужа, тоже из этой стаи, сделали вещь еще хуже, но я про нее сказать не могу до поры до времени — верьте на слово — ей-богу, не лгу.¹¹

Ну-теперь, я, кажется, писал Вам, что вслед за Костомаровым был взят в Петербурге Михайлов.¹² У Костомарова нашли письмо последнего, в котором была такая фраза: «У нас все идет хорошо. Как у Вас в Москве? Если и там хорошо, то...» — только всего. Он (Михайлов, — М. С.), однако, был предупрежден, и у него ничего не нашли — бумаги свои он отдал какому-то приятелю. Литераторы взволновались и подали просьбу государю в виде протеста.¹³ Просьбу отнесли министру народного просвещения, который не хотел ее брать, говоря, что литераторы не сословие, но потом взял. Просьбу послали между прочим Кушелев и Громека, служащий начальником отделения в Министерстве внутренних дел. Это было ша днях, и это я знаю достоверно. В этот же день Громеку призвал Шувалов, не начальник III отделения, а брат его, занимающий какой-то важный пост в Министерстве внутренних дел.¹⁴

Час ночи, а потому до завтра, а если не успею, то до другого письма.

Шувалов говорил с Громекою от имени министра внутр<енних> дел.¹⁵ Тема такая, что вся литература опрокинулась на правительство, а потому правительство решилось завести свою газету, редакторство предлагали Громеке и 10 тысяч жалованья. Он отказался, говоря, что тогда он запачкает свое честное имя. А нужно заметить, что Гр<омека> просил о разрешении ему газеты еще задолго до этого, в июле месяце.

На другой день его призывал сам министр и предлагал тоже, грозился на литературу — Громека опять отказался. Ему не позволили газету свою издавать, потому что министерство, в котором он служит и которое предлагало ему редакцию своей газеты, дало знать Мин<истерству> народ<ного> просвещ<ения>, что он неблагонадежный. Третьего дня здесь получено известие — писал Громека, что министр нар<одного> просвещ<ения> призывал литераторов, подававших протесты за Михайлова, и сказал им, что он не может дать хода бумаге, потому что М<ихайлов> — государственный преступник. Дело объяснилось так. Приятель Мих<айлова>, которому он отдал свои бумаги, соблазнился и выдал бумаги в III отд<еление>.¹⁶ А эти бумаги доказали, что «К молодому поколению» писал Михайлов. Он сознался, что печатал за границей этот листок, и ему, конечно, грозит каторга. Костомаров, говорят, писал матери, что дело его идет хорошо и что он на днях приедет в Москву. Захваченные студенты по перепечатке «Колокола» также возвратятся.¹⁷ Литераторы подают адрес государю о цензуре, и решились более не ссориться, не полемизировать друг с другом — хотят действовать дружно.¹⁸

В Москву присланы два знаменитых петербургских сыщика. Вот Вам в кратких словах новости. Пойдет ли это движение прогрессивно — бог весть. Поживем — увидим.

Поклонитесь Никитину от меня и жены. Как жаль его, бедняжку. Судьба-то улыбнулась как поздно, на пороге с смертью. Все так, верно, бывает с горемыками. Вы говорите, я мог бы взять магазин. Положим, я решился бы бросить Москву, но денег я все-таки не достану. Неужели магазин стоит только 3000 руб. Напишите условия пояснее — я не понял, и я поговорю здесь. Отчего Вы сами не возьмете магазина?¹⁹

Дела редакции плохи, но Вам мы вышлем на днях деньги все сполна. Вот Вам тема. Не напишите ли Вы такой статьи — Современные поэты как выразители общественных идей и как мыслители.²⁰ Что же о Полонском и о прочем?²¹ На графиню грустно смотреть — подписка близка, и она своя не своя. Она нынешний год потеряла своих собственных больше 20 тысяч сер<ебром>. Что будем делать, если закроется газета? Беда, а делать нечего. Я решился тогда уехать в Петербург, авось там найду дела.²² Английский язык нужно знать — с ним и дело будет. Готову я напишу цидулку в ругательном роде — хо-

рошо?»²³ Чеботаревскому кланяйтесь, Зиновьеву — скажите последнему, что статья его не может быть напечатана ни в одном журнале — она очень слаба. И ведь пускается же в критику.²⁴ Как Вам кажутся мои библиографические заметки? Или Вы их не читаете?²⁵ Я сам недоволен ими, но здесь их хвалят. Неужели вовсе «Русской» Речи» не читают? Неужели даже «Гувернантка» не читалась? Неужели даже об ней не говорили?²⁶ Сейчас я еду к Бартеневу торговаться с ним о статье его — биография Пушкина, которую он нам привез.²⁷ Лесков, кажется, оставляет нас — и хорошо. Это, во-первых, мерзавец большой руки, а во-вторых, и дрянь сам по себе и по писаниям своим.²⁸

Вашей статьи не присылал еще Бутков. Статей приносят много — но все дрянь. Хлопот бездна. Для себя ничего не сделаешь. Поверите ли — читать некогда даже, не только учиться. Трудно жить, очень трудно. А все-таки на учительство я не променяю своей теперешней доли. Так-тось. Таисе Николаевне усердно кланяюсь. Не сердитесь же на меня. Грешно, ей-богу, грешно. Прощайте пока.

Адрес мой: на Патриарших прудах, дом Оболеншевой. Берга: у Пяти углов, по Загородному проспекту, дом № 20, Ивановой, квартира № 34.

На следующий год цена «Русской Речи» 10 р.уб. с пересылкою, за полгода — 5 р.уб. Неужели не пойдет? Чего ж нужно?

Цитаты из этого письма приведены во вступительной статье С. А. Макашина к «Письмам М. Е. Салтыкова к Е. В. Салиас-де-Турнемир» (Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 463), в примечаниях Л. Р. Ланского к публикации «Достоевский в неизданной переписке современников» (там же, т. 86. М., 1973, с. 380), в статье О. Г. Ласунского «Из разысканий об И. С. Никитине» (в кн.: Я Руси сын! Воронеж, 1974, с. 50).

¹ Гизо Франсуа Пьер Гильом (1787—1874) — известный французский историк и умеренно либеральный политический деятель.

² Речь идет о Генрихе Викентьевиче Вызинском (1834—1879), публицисте, профессоре Московского университета, затем Варшавского высшего учебного заведения, друге Е. В. Салиас-де-Турнемир, «заразившем» ее в начале 1860-х годов сочувствием к польскому освободительному движению. Суворин, не принимая либерально-аристократической (на английский образец), конституционалистической ориентации, называл его «Маколеем» (по фамилии Томаса Бабингтона Маколея (1800—1859), известного английского историка и политического деятеля). О «польско-русском Маколее» писал в фельетоне «Похороны „Русской речи“» (1862) Б. Н. Алмазов (Соч., т. 3. М., 1892, с. 328). В «Русской речи» были напечатаны лекции Г. В. Вызинского, прочитанные осенью 1860 г. в Московском университете, — «Очерки английской истории XVIII столетия» (1861, № 24, 23 марта; № 29, 9 апреля).

³ Вызинский был сотрудником парижской газеты «Journal des Debats» (выходила с 1789 г.). Говоря в своем письме о конституционалистах, заимствующих из этого издания свои суждения, Суворин, возможно, имел в виду и Вызинского, а не только сотрудников «Современной летописи» — еженедельного приложения к журналу М. Н. Каткова «Русский вестник».

⁴ Ответ на письмо М. Ф. Де-Пуле от 14 сентября, в котором тот,

стремясь «спасти» Суворина от влияния «Современника», огульно и резко характеризует сотрудников этого журнала: «обличители», «мужики-горлопаны», «свистуны», невежи и т. д. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10; в том же духе письмо от 26 сентября: там же, л. 12—13). В публикуемом письме Суворин выступает защитником «молодого поколения», «Современника», Чернышевского и Добролюбова не только от нападок М. Ф. Де-Пуле, но и от других несправедливых, предубежденных оценок представителей враждебных лагерей. Суворин подчеркивает не только образованность главарей демократического журнала, самостоятельность их суждений, пристальное внимание к жизненным запросам, но и историческую необходимость самого демократического движения.

⁵ Суворин пишет о втором листе прокламации «Великорусс», выпущенном в Петербурге в начале сентября, в котором говорилось о необходимости «хорошего разрешения крепостного дела», т. е. освобождения крестьян с землей без выкупа, об установлении конституции, обеспечившей бы свободу самоуправления, свободу печати, и об «освобождении Польши». В Москве прокламацию получили редакторы и издатели газет и журналов — Е. Тур, М. Н. Катков, Н. Ф. Павлов и др., профессора Московского университета — И. К. Бабст, И. И. Никольский и др., а также некоторые студенты (например, Н. С. Славутинский). Правительственные репрессии, начавшиеся после появления первого листка «Великорусса», продолжались осенью и зимой 1861 г. Многие были арестованы, возбужден ряд «дел»: «о печатных листках возмутительного воззвания „Великорусс“», «получасмых в С.-Петербурге по городской почте», «о листах, заподозренных в распространении воззвания „Великорусс“: Обручеве, Данненберге, Лобанове, Яковлеве, Сваричевском и Подосском», «об отставном поручике Владимире Владимировиче Обручеве, судимом за участие в распространении неблагонадежных воззваний, и о прочих прикосновенных к сему делу лицам».

⁶ Прокламация «К молодому поколению» написана десятичными участниками революционно-демократического движения 1860-х годов — Н. В. Шелгуновым (1824—1891), публицистом, критиком, сотрудничающим в «Современнике», «Русском слове», «Деле», и М. Л. Михайловым (1829—1865), поэтом, переводчиком, публицистом «Современника». Напечатана была прокламация в лодонской типографии А. И. Герцена и привезена в Россию Михайловым. Суворин близко к тексту передает ее содержание. То был призыв «к молодому поколению» бороться с царской властью, обманувшей народ, объяснять крестьянам и солдатам «всю незаконность и развал власти» и склонять к революции во имя общинного владения землей, народного самоуправления, политической свободы, ликвидации сословий.

⁷ Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — государственный деятель. За жестокое подавление польских восстаний 1831 и 1863 гг. получил прозвище «Вешатель». Как генерал-губернатор Северо-Западного края в 1863—1865 гг. был обременен большими полномочиями. В 1866 г. возглавил Верховную следственную комиссию по делу Каракозова. «Выстрел Каракозова, — писал П. Л. Лавров, — перенес диктатуру Муравьева из Вильно даже в Петербург» (Литературное наследство, т. 76. М., 1967, с. 228).

⁸ Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888) — доверенное лицо Александра II. В 1870—1881 гг. министр императорского двора, сменивший на этом посту своего отца — В. Ф. Адлерберга (1791—1884), адъютанта и друга Николая I.

⁹ Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881) — ученик Т. Н. Грановского, экономист и историк, профессор Московского университета (1857—1874).

¹⁰ Чпжов Федор Васильевич (1811—1877) — философ славянофильской ориентации, искусствовед, профессор Московского университета.

¹¹ Речь, видимо, идет о редакторе «Русского вестника» М. Н. Каткове, которого в демократических кругах называли «запевалой и дирижером в хоре доносчиков» (Утин Н. Пропаганда и организация. — Литературное наследство, т. 87. Л., 1977, с. 379), и Александре Ивановиче Кошелеве

(1806—1883), редакторе-издателе славянофильской «Русской беседы» (1856—1860). О Кошелеве стало известно, что он предостерегал правительство от опасности распространения подпольных изданий.

¹² Арест Михайлова по доносу Вс. Костомарова последовал за распространением прокламации «К молодому поколению». Она была написана им вместе с Н. В. Шелгуновым, но на допросе Михайлов взял на себя всю вину и был приговорен к 6 годам каторжных работ и к пожизненному поселению в Сибирь. Он умер через 4 года в ссылке. А. И. Герцен в «Колоколе» (1865, № 205) откликнулся на его кончину некрологом: «Убили!». Шелгунов за свою революционную деятельность также попал в заключение в крепость и ссылкой.

¹³ В середине сентября 1861 г. у издателя журнала «Русское слово» (1859—1862) графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко (1832—1870) собрались 28 литераторов (в их числе Добролюбов, Некрасов, Вас. Курочкин, П. Лавров, А. Майков, Ив. Панаев, Д. Минаев, Г. Благовестлов, Г. Елисеев, С. Максимов, М. Достоевский) и написали письмо-протест министру народного просвещения Е. В. Путятину по поводу ареста М. Л. Михайлова. В этом письме Михайлов был назван одним из лучших и благороднейших представителей литературы. Авторы, подписавшие письмо, просили разрешения избрать среди литераторов депутата, который защитил бы гражданские права Михайлова во время судебного расследования. Письмо было отнесено Г. А. Кушелевым-Безбородко, А. А. Краевским и С. С. Громекой. Разрешение получено не было.

¹⁴ Степан Степанович Громека (1823—1877) в конце 1850-х—начале 1860-х годов был либеральным публицистом, был корреспондентом «Колокола», сотрудником «Отечественных записок», «С.-Петербургских ведомостей», автором статьи «О полиции вне полиции» (Русский вестник, 1858, № 10). Но биография его не без основания одним казалась загадочной, а у других вызывала опасения: в прошлом — жандармский офицер, участник карательной экспедиции по «усмирению» крестьян, в настоящем (1861 г.) — начальник отделения Министерства внутренних дел, пользующийся доверием своего начальства. Шувалов Павел Андреевич (1830—1908), брат шефа жандармов Шувалова Петра Андреевича (1827—1908), предложил Громеке быть редактором правительственной газеты, а министр внутренних дел эту просьбу поддержал. Громека отказался от предложения под предлогом нежелания «запачкать свое честное имя». Однако вскоре он все же «пачкает» его, ведя борьбу с «Современником» и выступив в 1863 г., в год польского восстания, брошюру «Киевские волнения в 1855 году», в которой вспоминал о своих «подвигах» во время «усмирения», давал волю своим антипольским настроениям и уверял в преданности русского народа царю, чем вызвал язвительные комментарии М. Е. Салтыкова-Щедрина в рецензии на брошюру (Современник, 1863, № 10).

¹⁵ Министром внутренних дел в 1861—1868 гг. был Петр Александрович Валуев (1830—1908).

¹⁶ Имеется в виду провокатор Вс. Костомаров.

¹⁷ К русскому читателю лондонский «Колокол» доходил несмотря на запрещения и преследования лиц, которые привозили его в Россию, перепечатывали и распространяли. Осенью 1861 г. были арестованы студенты, подозревавшиеся в распространении «Колокола». Суворин был одним из читателей «Колокола» еще во «второвском» кружке в Воронеже.

¹⁸ В письме Суворина к М. Ф. Де-Пуле от 29 ноября 1861 г. говорится, что адрес Александру II о цензуре «заяял Громека».

¹⁹ М. Ф. Де-Пуле в письме от 26 сентября 1861 г. сообщал Суворину, что ему и в Воронеже «советуют оставить магазин Никитина за собой», но он не может, так как нет денег (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 12). После смерти Никитина Де-Пуле, являясь душеприказчиком, щепетильно соблюдал интересы родных поэта. Книжный магазин он продал одному из местных купцов за большую сумму, чем предполагал прежде, — за 7 с лишним тысяч.

²⁰ На предложение Суворина написать статью о современных поэтах Де-Пуле ответил: «Что Вам вздумалось заявить мне такую тему — о современных поэтах? Да о ком и говорить из них? О Некрасове, например, не позволят. Да и труд громадный, да и каких подбирать поэтов? Объяснитесь» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 14). Статьи Де-Пуле не написал. В «Русской речи» (1861, № 103—104, 31 декабря) была напечатана статья Суворина о втором издании «Стихотворений» Н. А. Некрасова (СПб., 1861).

²¹ Об Я. П. Полонском М. Ф. Де-Пуле обещал написать, когда выйдет его роман «Свежее предание» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 14). Роман печатался в журнале «Время» (1861, № 6, 10; 1862, № 1). Ко времени публикации здесь пятой главы романа «Русская речь» уже кончила свое существование.

²² В декабре 1862 г. Суворин переехал в Петербург и начал работать в «С.-Петербургских ведомостях» (редактор В. Ф. Корш), сначала секретарем, а затем одним из самых активных сотрудников газеты.

²³ Это ответ на жалобу Де-Пуле в письме от 13—14 сентября 1861 г., что издатель «Воронежской беседы» П. П. Глотов недоплачивает авторам (И. С. Никитину, Г. М. Веселовскому, Де-Пуле), «словом, подличает» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 11).

²⁴ Речь идет о неопубликованной статье И. И. Зиновьева о «Воронежском литературном сборнике», предложенной им газете.

²⁵ Имеются в виду «Библиографические заметки» Суворина, напечатанные в № 67, 68, 72, 75 от 20, 24 августа, 7, 17 сентября. В № 74, от 14 сентября, заметки «Вести и слухи», видимо, тоже принадлежат Суворину. О своем мнении Де-Пуле не написал, так как неотступно находился у постели умирающего И. С. Никитина и «не мог взять перо в руки» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 6).

²⁶ Речь идет о повести О. Касторской «Гуверниантка».

²⁷ Барте́нев Петр Иванович (1829—1912) — историк, филолог, библиограф, издатель-редактор журнала «Русский архив» (с 1863 г.), хранитель (с 1859 г.) уникальной «Чертковской библиотеки» в Москве, унаследованной им от деда — А. Д. Черткова (1789—1858), историка, археолога. Барте́нев был другом И. С. Никитина, помогавшим комплектованию его книжного магазина-библиотеки. Суворин имеет в виду исследование Барте́нева «Пушкин в Южной России. Материалы к биографии Пушкина», которое вскоре появилось в «Русской речи» (1861, № 35, 88, 90, 93, 94, 98, 101, 103—104).

²⁸ В демократических кругах в начале 1860-х годов проявилась настроенность по отношению к Н. С. Лескову, которую усилили его статьи о петербургских пожарах, а затем антиингилистический роман «Некуда» (1864). Суворинская характеристика Лескова претерпела в дальнейшем изменение.

7

21 октября 1861 г.

Дорогой Михаил Федорович,

пошляю Вам всего 30 руб. из 43 р<уб.> 52 коп., которые Вам должна редакция.¹ Что делать? Буду писать Вам обо всем со следующей почтой непременно.

Жаль бедняка Ивана Савича — у меня слеза прошибла, когда прочитал я об его смерти.²

За Хомякова Вы должны 75 к<оп.> да за Соло<о> — 2 р<уб.> и за историю дух<овной> лит<ературы> — 3 р<уб.>; следоват<ельно>, всего редакция останется Вам должна 7 руб. 77 коп.

Что Вам выслать? Хотите Хомякова и К. Аксакова, которые на днях выйдут?³

Таже Николавне мой усердный поклон. Чеботаревскому и Алек<сандру> Петр<овичу>⁴ также.

Ваш А. Суворин.

Письмо датируется по типографскому штампу в левом углу страницы: «Редакция газеты „Русская речь“ (вписано: октября 21 дня 1861 г.) Москва».

¹ Речь идет о гонораре за статьи М. Ф. Де-Пуле в «Русской речи».

² Во «Внутреннем обозрении» «Русской речи» (1861, № 86, 26 октября) сообщалось: «16 октября в 5 часов пополудни скончался в Воронеже известный писатель и тамошний книгопродавец И. С. Никитин. В одном из ближайших номеров „Русской речи“ мы сообщим о нем биографические сведения, полученные нами от лица, близко знавшего покойного в последнее время его жизни». Нет сомнения, что писал эту заметку Суворин, а упоминаемое им лицо — Де-Пуле, который смог написать Суворину лишь 2 ноября: «Что сказать Вам? С чего начать? Никитин умер <...> Угасла благородная жизнь, погиб один из могучих бойцов, завещая нам горькую, безотрадную повесть своей жизни <...> Он умер в совершеннейшей памяти». Де-Пуле пишет, что «дела магазина Никитина» поглощают решительно все его свободное время: «Я теперь вполне убедился, что влияние Никитина, как книгопродавца, на воронежское общество было громадное» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 15—16). 3 ноября в «Московских ведомостях» (№ 241) появился некролог «Иван Саввич Никитин», написанный Де-Пуле, в котором сообщались некоторые факты биографии поэта, характеризующие «тот тернистый путь, по которому он должен был идти, прежде чем выбился на прямую дорогу». В той же газете напечатана заметка другого члена «второвского» кружка — Ф. Н. Берга «Два слова о покойном И. С. Никитине» (1862, № 10, 14 января). В «Русской речи» со статьей о Никитине выступил Суворин.

³ Речь идет об изданиях: Хомяков А. С. Стихотворения, т. I. М., 1861; Обзор русской духовной литературы Филарета Гумилевского. Харьков, 1859; Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. I. М., 1861.

⁴ Нордштейн Александр Петрович (1809—1880) — военный инженер, один из деятельных членов «второвского» кружка.

8

Дорогой Михаил Федорович.

Вот и пишу я к Вам, а о чем писать? Ведь Вы все знаете, вероятно, по письмам Вашего брата.¹ Цензура оживляется — это верно известно; вчера Лонгинов² вызван отсюда в Петербург министром народного просвещения для пересмотра нового устава. Польше дадут полную конституцию; так чтобы потешить чем-нибудь Россию, ей дадут свободную печать и суд присяжных, который как пробу приложат прежде всего к литераторам. Устроено по образцу французскому — взнос денег за право издавать журнал — сумму я не знаю еще, и ответственность редактора за статьи неподписанные и проч. и проч. — Вы же знакомы, конечно, с французским устройством. Но это меня вовсе не радует.

«Русская» Речь» останется такою же сумбурною, такою же бесцветною газетою, каковою она обретается в настоящее время. Вы не можете себе представить, что это за редакция наша. Графиня — взбалмошная женщина, корчившая из себя во время студенческой истории какого-то римского полковника,³ волновавшаяся, оставивши газету на произвол судьбы, и говорившая такие глупости, что их повторять я не решаюсь. В литературе она ни бельмеса не смыслит, жизни русской не знает, газетного такту ни на волос, знающая французскую жизнь, и больше ничего. Феокистов — совершеннейшая баба, скверная, апатичная, дряхлая, несмотря на свою молодость, баба, никуда не годная. Он жаждет спасения от политики и заводит себе корреспондентов в Париже, Вене, Лондоне, вместо того чтобы завести их в Киеве, Воронеже, Саратове и проч. Ни та, ни другой ни к шуте, как видите, не годятся; при такой редакции газета идти не может. При новом цензурном уставе она также не пойдет, потому что Феокистов, поверьте мне, будет хуже всякого цензора. Это протухлый консерватор.

«День» пошел великолепно, и, разумеется, он отобьет у нас и тех подписчиков, которые могли бы быть.⁴ Отношения мои к редакции, впрочем, очень дружелюбны, статьями моими они дорожат, но, клянусь Вам, дорогой М^ихаил Ф^едорович, я-то не дорожу ими и считал их ни более, ни менее как за мерзешую сволочь, идущую разве на подтирку, а это довольство опять-таки доказывает, как они хорошо понимают суть дела.

Денежные дела графини очень плохи, а тут она еще дочь выдает за флигель-адъютанта⁵ — опять расходы. Конечно, деньги у ней будут, но тем жалче, потому что и эти пропадут даром, и только увеличит собою графиня число нищих, да меня с семьею прибавит к ним. Ужасно досадно и на себя самого, и на графиню.

С каким удовольствием прочел я статью Вашу о Кольцове — прекрасная статья, одна из самых лучших, написанных Вами.⁶ Но зато свои статьи прочел с неудовольствием — дрянь, ей-богу, дрянь, и будь это теперь, я ни за что не подписал под ними своего имени.⁷ Право, понимание жизни и самого себя у меня подвинулось вперед. А что стану я делать, когда газета прекратится? Ехать в Петербург по мытарствам! Что делать, поеду, куда ни шло.

Здоровья нету — всего ломит, и голова потому не свежа, и учиться некогда, и читать некогда. Я произвожу поневоле бездну, и все за ту же плату — 75 руб., да и тут Вам, милый мой, обязан я прибавкою 25 руб. к пятидесяти. В прошлый месяц вместо 24 столбцов я написал 32, нынешний будет меньше, но все-таки больше 24. Жаль прежнего, жаль прежних надежд, нехитрых, правда, да зато осуществимых, а тут... да не хочется и говорить. Воронежа, разумеется, не жаль. Кто теперь там? Вы одни — и только.

Я о Никитине напишу в «Русскую» Р^ечь», хоть, при-

зваться, не хочется писать, да и, главное, нечего. Кто расскажет внутреннюю жизнь человека, его страдания, его симпатии, а внешняя у нас и у генералов бедна, не только у такого человека, такого *маленького*, как Никитин. Бедняжка — жаль его. Только что улыбаться было стала ему жизнь — и умереть!⁸ Значит я проживу еще долго, потому что не вижу улыбки на лице жизни. Мне принесли работу. Напишите, говорят, о Грубе, да мелочи к завтрашнему утру, а не забудьте, что я уже две статейки отправил в типографию.⁹ Черти, а не люди. Да впрочем, что толковать тут? Сам виноват. Нечего на зеркало пенять и проч.

Напишите что-нибудь для «Русской речи», что Вы любите. Разве Вы не можете выбрать чего-нибудь *пропущенного нашей критикой*. Заметили, что «Время» Кохановскую относит к явлениям пропущенным.¹⁰

Завтра еще что-нибудь напишу. Покуда прощайте.

Тут студенты — в том числе и сын графини, прекраснейший юноша, — отправились в прошлое воскресенье в Петербург с адресом государю. Сколько можно судить по телеграмме, полученной от них на мое имя, — адрес подан государю чрез флигель-адъютанта, — сам не вышел к ним. Сегодня ждем их назад. Ездили Сальяс,¹¹ Покровский¹² и Шипов.¹³ От студенческой истории ждали чуть не революции, а на деле вышел пух. Что наша провинция. «Воронежская» Беседа сильно покупается в Москве,¹⁴ а Сборника никто еще не продал ни одного экземпляра.¹⁵

Как только выйдет новое положение, графиня обращает свою газету в ежедневную и за ту же цену. Она привлекает для внутреннего обозрения Громеку и хочет на весну переехать с газетою в Петербург. Подписчиков на 62<-й> год пока 1 только, а она уверена, что газета пойдет — странная женщина, хотя бы Вы написали ей, что так дело вести нельзя, что в настоящее время особенно дороги провинциальные корреспонденты, что в Черногории война, а у нас в газете ни слова о ней, а во Франции закروют общество «*St. Vincent de Paul*» — и у нас раздражаются статьей и громко называют ее уроками политической свободы во Франции.¹⁶

Кланяйтесь своим. Пришлите же мне «Воронежскую Беседу», а другой экземпляр отправьте к Николаю Федоровичу Горбургу¹⁷ и напишите на книжке, что это от меня. Пожалуйста, распорядитесь этим.

Ваш А. Сувор<ин>.

27 октября <1861>.

¹ Сводный брат М. Ф. Де-Пуле, Л. Н. Павлеков, сообщал из Петербурга политические и литературные новости в Воронеж.

² Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф, историк литературы. Был вызван в Петербург Е. В. Путятиным. В 1867 г. Лонгинов — орловский губернатор; в 1871—1875 гг. — начальник Главного управления по делам печати.

³ Е. В. Салиас-де-Турнемир очень близко к сердцу приняла студенческие волнения, участником которых был и ее сын. В газете «Русская речь» (№ 84, 19 октября; № 85, 22 октября) освещались предыстория волнений студентов Московского университета и само событие. Первоначальным поводом явились новые («путятинские») правила, опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» в июне—июле 1861 г. За студентами усиливался надзор, запрещались сходки и взималась плата за обучение — 50 руб. 23 сентября около 500 студентов устроили сходку в университетском зале, несмотря на уговоры и запрещения своего начальства. Е. В. Пугатин распорядился прекратить лекции до того времени, когда студентам, выполняющим новые правила, будут выданы матрикулы. Это вызвало взрыв возмущения студентов. 12 октября они собрались на Тверской площади против дома военного губернатора Т. А. Тучкова и потребовали выслушать их. Полиция арестовала более 300 студентов. В столкновении с нею пострадало несколько человек; особая комиссия, расследовавшая это событие, «удержала под арестом 39 человек». Студенческие волнения в Петербурге, Москве, Казани заставили правительство пойти на некоторые уступки. Пугатин был заменен умеренно либеральным Александром Васильевичем Головинным (1824—1886), исполнявшим должность министра народного просвещения с 25 декабря 1861 по 14 апреля 1866 г.

⁴ «День» — газета славянофильской ориентации, издавалась в 1861—1865 г.г. И. С. Аксаковым.

⁵ Дочь Е. В. Салиас-де-Турнемир, Мария Андреевна, вышла замуж за флигель-адъютанта Иосифа Владимировича Гурко (1828—1901), впоследствии фельдмаршала. С 1883 г. Гурко, будучи варшавским генерал-губернатором, проводил политику русификации Польши. Салиас последние годы своей жизни провела в семье дочери в Польше, в бывшем дворце польских королей — резиденции зятя, и от ее бывшего сочувствия польскому освободительному движению не осталось и следа.

⁶ Статья М. Ф. Де-Пуле «Алексей Васильевич Кольцов» появилась в «Воронежской беседе». Автор определил так свою задачу: «поставить Кольцова на историческую почву». И хотя, как отметил М. А. Антонович в рецензии на этот сборник (Современник, 1861, № 12), Де-Пуле не удалось ее выполнить, все же следует отметить его заслуги: он привел многие данные биографии Кольцова, сведения о его воронежском окружении и сказал о большом значении для развития Кольцова как человека и народного поэта близости его к В. Г. Беллинскому и Н. В. Станкевичу. В письме к Суворову от 2 ноября 1861 г. Де-Пуле благодарил за «лестный отзыв» о своей статье, выражал радость по поводу успеха «Воронежской беседы» у читателей и спрашивал: «Нельзя ли в „Русской Речи“ что-нибудь сказать о „Беседе“; конечно, не Вам, дабы не заговорили...» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 15). Суворин пренебрег возможными кривотолками и сам написал для «Русской речи» о «Воронежской беседе» (1861, № 92, 16 ноября).

⁷ Суворин выражает недовольство своими рассказами, опубликованными в «Воронежской беседе». В ответном письме Де-Пуле возражает ему: «Если Вы так думаете о „Черничке“, то извините, Вы ничего не смыслите <...> Дело Ваше в таких вещах, как „Черничка“ и „Гарибальди“, а не в фельетонах» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 15, 17).

⁸ Статья Суворина «Иван Саввич Никитин» появилась в № 89 «Русской речи» за 1861 г. (5 ноября). В пей автор писал, что познакомился с поэтом летом 1859 г., когда тот уже не терпел нужды. Суворин стремился создать правдивый, без идеализации и патетики, образ Никитина: по его словам, последний не принадлежал к экспансивным натурам, был скорее суров, неразговорчив и лишь при более тесном общении раскрывался с полным доверием, и тогда оказывалось, что он обладает чувством юмора, мастерски рассказывает. Человек «независимого характера, он никому не льстил и не любил оскорбительного покровительства». Корни поэзии Никитина Суворин видел в самой жизни. Никитин — «поэт нужды»,

которую сам испытал с избытком. «Русскую природу любил он сознательно» и прекрасно описывал ее. Суворин сообщал некоторые сведения к будущей биографии поэта: в нем большое участие принимал Н. И. Второв; он сохранил до конца дней дружеское отношение к М. Ф. Де-Пуле; его огорчил критический отзыв «Современника», хотя он и создал, что «рецензент во многом прав». Статья Суворина, по словам Де-Пуле, в Воронеже «никому не понравилась», ее сочли там чуть ли не обличительной (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18). Из других писем Суворина и Де-Пуле видно, что они разошлись во мнении, как именно нужно писать о Неклюте.

⁹ «Две статейки», которые Суворин «отправил в типографию», — «Библиографические заметки» и сообщение (отдел «Внутреннее обозрение») о кончине И. С. Никитина, — опубликованы в № 86 «Русской речи» от 26 октября. Рецензия на книгу «Географические очерки и картины. Составлено по Грубе и другим источникам» (вып. 1—2. М., 1861) вошла в суворинское «Литературное и учное обозрение» (Русская речь, 1861, № 87, 29 октября). В основу рецензируемого издания положена книга А. В. Грубе «Geographische Charakterbilder», выдержавшая в Германии семь изданий. Оценка этого учебного пособия Сувориным близка к оценке его Н. Г. Чернышевским (Современник, 1861, № 10).

¹⁰ Автором статьи «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» (Время, 1861, № 9) В. С. Нечаева предположительно называет М. Ф. Де-Пуле (Нечаева в В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». М., 1972, с. 258). Сохановская (псевдоним — Кохановская) Надежда Степановна (1825—1884) — писательница славянофильской ориентации, сотрудница газеты «День», журналов «Время» и «Эпоха».

¹¹ Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (1840—1908), сын Е. В. Салиас-де-Турнемир, за участие в студенческом движении был в 1861 г. исключен из Московского университета и находился много лет под надзором полиции (см. его мемуары «Семь арестов»: Исторический вестник, 1898, № 2, февраль). Впоследствии — исторический романист, редактор «С.-Петербургских ведомостей», член Комитета иностранной цензуры, управляющий Конторой имп. театров; эволюционировал в сторону официальной идеологии. См. о нем: Короленко В. Г. Стереотипное в жизни русского писателя. — В кн.: Короленко В. Г. Собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 340—341.

¹² Покровский Аполлинарий Палладиевич (1840—1883) — за участие в студенческом движении был арестован 5 октября 1861 г., заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан.

¹³ Шипов Павел Александрович (1841—1892) — вольнослушатель Московского университета, участник студенческого движения 1861 г. Позднее был арестован и заключен в Петропавловскую крепость по делам тайного общества «Земля и воля» (содействие побегу Ивана Кельсиева) и за распространение прокламации «Молодая Россия». Адрес от трех депутатов — Покровского, Шипова и Салиаса — принял в Царском Селе 24 октября 1861 г. дежурный флигель-адъютант. Царь нашел поступок делегатов-студентов необдуманным, но простил их.

¹⁴ М. Ф. Де-Пуле сообщал Суворину 22 декабря 1861 г., что «Воронежская беседа» совсем не раскупается в Воронеже; продано 25 экземпляров; «Глотов в страшном убытке» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18).

¹⁵ Т. е. «Воронежский литературный сборник».

¹⁶ Имеется в виду статья «Уроки политической свободы во Франции» (Русская речь, 1861, № 85, 22 октября), в которой говорилось о политике, проводимой министром иностранных дел де Персины: многие газеты, даже весьма умеренные, получили предостережения, а давнее благотворительное общество (братство), названное по имени своего основателя Société de St. Vincent de Paul, фактически было закрыто за тесную связь с католическим духовенством; были распущены провинциальные и главный парижский советы братства. Для доказательства неразумного ведения

Е. М. Феоктистовым и Е. Тур газеты «Русская речь» Суворин приводит три факта: не привлекаются провинциальные корреспонденты, которые в совокупности могли бы создать картину внутренней жизни России; не освещаются важные события международного характера (например, война Черногории с турками, окончившаяся в начале 1860-х годов ее поражением, оккупацией страны врагами и затем многие годы не прекращавшейся партизанской борьбой черногорцев с турками); возводятся на принципиальную высоту незначительные для международной политики явления, частные факты французской жизни.

¹⁷ Торбург Николай Федорович — учитель математики в воронежской школе трудолюбия.

9

29 ноября 1861 г. Москва.

Голубчик Михаил Федорович, Вы, кажется, остриете на мой счет? Полноте — лежачего не бьют. Я завтра же исполню просимое Вами.¹ Но Вы, право, ужасны с Вашими остротами. Что Вы трогаете бедную редакцию, что Вы меня-то трогаете? Ведь я-то тут не при чем. Я сегодня получил Ваше письмо, и сегодня же решаюсь отвечать, потому что отложивши ответ на день, и не сберешься в неделю. Я разбит, завален работою, о чем я, кажется, уже и писал Вам. Но теперь, несмотря на то, я намерен повториться, выслушайте еще раз lamentации Иеремиины.²

Начну с того, что почти с октября вся редакторская часть лежала на мне. Феокт<истов> отличается необыкновенным равнодушием, графиня так занялась студентской историею, что корчила из себя только римского полководца, а не женщину, и о газете совсем забыла. Как женщина страстная, она предалась всем существом движению, тем более что сын ее играл в истории одну из главных ролей, ездил к государю с адресом и теперь исключен. Потом графиня просватала дочь свою старшую за флигель-адъютанта Гурко, прекрасного человека, и этому отдалась снова. Теперь она за границей — поехала делать приданое и воротится к рождению только. На прошлой неделе и Феокт<истов> уехал в Петербург на съезд, и я больше недели направлял редакцию (состав № 94 и 95 исключительно мне принадлежит, и надеюсь Вы довольны 95 №).³ Вчера Феокт<истов> приехал, и мною овладело прежнее равнодушие. Этот человек, при всей своей доброте, имеет странное свойство отталкивать от себя всех своим доктринерством — человек он 40-х годов. Такого возмущительного поклонения Англии я не видал еще, таких аристократических тенденций нет даже и в графине.

Кстати уж о доктринерах. Писал я Вам об адресе, который затеял Громека к царю по поводу цензуры и приезжал нарочно в Москву.⁴ Сбор был у Каткова, я был. Вся гнусность и трусость московских ученых, этих не свистунов, высказались тут во

всем своим блеске и величии. Особенно хороши были Чичерин⁵ и Соловьев.⁶

Кстати о Чичерине. Нравится Вам его вступительная лекция? Мне она до тошноты противна, и до гадости подла она. Вот что рассказывал Феоктистов, возвратясь из Петербурга. Лекцию читал государь и написал на ней: «Хорошо, спасибо, совершенно справедливо». Ее приказано было прочитать во всех корпусах, в полном сборе кадет, и даже в артиллерийской академии. «Вот, мол, человек наукой дошел до каких выводов — поучайтесь!». Цензура взбеленилась и не пропускала статей о Чичерине, даже тех, которые указывали ошибки его чисто научного свойства. Статьи просматриваются министром, и им же поправляются. Только на днях стали появляться резкие приговоры. Чичерин, Михаил Федорович, не свистун, он человек ученый, проеденный ученостью. Я видел его поганую <...> рожу. Он не свистун,⁷ Михаил Федорович!..

А вот смерть свистуна Добролюбова меня глубоко огорчила. Когда получено было известие о его смерти, Феоктистов отправлялся в Петербург и сказал мне, что мы, мол, не разделяли мнений Добролюбова, а потому перепечатайте только извещение и от себя ничего не прибавляйте. Я, разумеется, побожился сделать наоборот — и сделал, как Вы, вероятно, и видели.⁸ Только на могиле, говорят, Чернышевский сочинил глупую шутку. Он говорил речь, в которой досталось правительству, в которой прямо говорилось, что одною из причин смерти Добролюбова были цензурные и всякие другие стеснения. «Чем же кончить, господа? — сказал оратор. — Добролюбов с особенным удовольствием занимался Свистком — так почтим же память его смехом — ха, ха, ха»...⁹ Потом приехал Тиблен, издатель Москвы, и стал говорить речь о равнодушии литераторов к Добролюбову. — «Отечественные Записки» здесь? — стал переключать он. Молчание. «Русское Слово» здесь? — «Я», — басит Благодетель.¹⁰ Чернышевский подошел к Тиблену и сказал, чтоб он перестал делать глупости. Верно, сознал, что довольно и той одной, которую он сделал. Полиция впопыхах по поводу похорон — и Чернышевского, пожалуй, возьмут, особенно после печатных доносов Чичерина.

Подписка на все газеты идет ужасно плохо. На «Русскую Речь» также, но издаваться она будет, вероятно, а впрочем — между нами, пожалуйста — Аллах ведает. До 25 ноября в прошлом году у «С.-Петербургских Ведомостей» было 4800 подписчиков, в нынешнем по то же число только 1000. Журналисты воют, и, вероятно, гонорарий упадет. Вам это ничего, а мне придется плохо. В самом деле, что мне будет делать, когда прекратится «Речь»? У графини связей нет почти никаких. Мысль эта сильно тревожит меня, и я не знаю, на что и решиться. Занятий такая бездна, что я не могу заняться языками. А с одним французским ничего не поделаешь. Сколько я работаю — мо-

жете заключить из того, что в нынешний месяц я написал 40 столбцов, начиная с статьи о Никитине.

Жаль Зиновьева — он, верно, на меня сердится, а я не виноват ни в чем — статью его читала графиня и прямо сказала, что она и велика и неудобна, «да тем более, — прибавила она, — что мы сами можем написать». Поклонитесь ему от меня и скажите ему, что от всей души желаю я ему вечного счастья и здоровья.

Вы что же это сарказмы пускаете в меня, доморощенного критика? Ведь о хрестоматии Галахова знаете я как писал? Галахов — приятель Феоктистова и написал ему письмо, чтоб как можно скорей написать библиографическую заметку о его книге. Феоктистов дал мне — я и написал.¹¹ Теперь пишу и внутреннее обозрение (с 96 № и в 97 № будет мое).¹²

Лесков уехал, оказался негодяем страшным, и мы его выжили. Впрочем, до нового года, вероятно, от него не отделаешься. Я рад, что сошлись Вы с Станкевичем. Графиня еще в Сокольниках много хорошего говорила о его уме.¹³ Приволокнитесь. Разомните старые кости. Неужели и Вас похоронят в Воронеже? Какого сатаны Вы ждете в этом болоте? Жена моя скучает о Воронеже, но я нисколько. Только иногда разве, как подумаешь, что придется делать, если газета закроется, то и пожалеешь учительство и все то, что потеряно. Рука не пишет, голубчик М^{ихаил} Ф^{едорович}, ей-богу, не пишет. Поверите ли, что писанье так опротивело, что как выдается день (таких дня 3 в месяц), в который ничего не нужно писать, то и не хочешь видеть ни пера, ни чернил.

Знаете, я любопытен, как женщина, и желал бы мухой быть, чтобы слышать, что Вы говорили обо мне у Станкевича?¹⁴ Как «Речь», читается ли? В Воронеже, кажется, думают, что она прекратится? Я огрел Гарденина. Он предложил обмен своего сборника и прислал экземпляр за нынешний год и билет на получение на следующий — я ему написал ответ, не справляясь с мнением Феоктистова.

А знаете, с статьей моей по поводу «Беседы» вышла история.¹⁵ Ее запретил цензурный комитет, и я битых три часа сидел у Петрова, который марал ее, выправлял и изменял. Я было провел в ней идею о непрошенных героях, каковы наши разные герои, начиная с властителей, поставленных небом, и противопоставил им Гарибальди, как героя признанного, желанного.¹⁶

Вы хотите написать о Некрасове — я решительно не знаю, как это сделать. Ведь они прикажут мне писать, а Некрасов еще не выходил.¹⁷ А Полонского роман выеденного яйца не стоит¹⁸ — ей-богу, так. Берг в крепости. Он взят по поводу студентской истории, а потом примешан к Костомаровской истории. Суд над Мих^{айловым} еще не кончен. 3-й № «Великорусса» вышел — предлагают вопрос: оставить ли варягов на престоле или изгнать за море? Он наделал шуму всем — знаете?

1000 руб. полиция назначила за уловление кого-либо из пайки «Великорусса».¹⁹ Шуты. Как Вам нравятся меремиады Ив(ана) Аксакова?²⁰ Благодать им, он имеет уже больше 1000 подписчиков, а начал с 200.

Сколько новостей-то у Вас! Котлеров — боже!²¹ Малыхин блаженствует, я думаю.²² А что, за статью о его сборнике не сердился он? Поклонитесь ему от меня — скажите, мол, соблезную о том, что не мог быть у него в Воронеже, и так мучусь, мучусь раскаянием.

Блюммер выдержал на кандидата, стал походить на шпиона, и недели с три тому собирался за границу. Уехал ли — черт знает. А что он говорит? Ей-богу, лучше Чичерпна. Павлов, уезжая в Петербург, занял 3 целковых, а приехав в Москву, ежедневную газету стал издавать.²³ Он получил — кто говорит 10, кто 25 тысяч субсидии от правительства. От такого подлеца большего ждать нечего.

А Малыхину Вы все-таки скажите. А Алекс(ей) Петрови(ч)?! ах, он учитель, ах, он девственник, ах, злодей. Кланяйтесь ему. Скажите мое глубокое и усердное почтение Таисе Николаевне. Чай пить, верно, не придется мне у Вас. А ведь хорошо жилось?! Черт дернул меня, да Вы, достопочтеннейший юноша, несмотря на Ваши 40 лет (не ошибаюсь?). Чеботаревский, верно, вышел свиньей. Напишите мне — я напишу ему послание прекурьезное, в котором поздравлю с свинством. Прощайте, голубчик, дай Вам бог всего, всего... Пишите мне, ради бога. Алек(сандру) Дм(итриевичу) поклонитесь,²⁴ все легче на душе будет — сановник ведь — с почтением ты всегда должен. Ох, уж эти сановники осинные... Еще раз просите, да не забывайте. А что «Воронежскую» беседу» в следующем году издавать не станете? А то пригласите — повестушку состряпаемте.

Посылаю Вам «Жизнь Сперанского» (3 р(уб.)), Рыбникова (2 р(уб.)) и Гамлета (1 р(уб.)), за пересылку не знаю еще что.²⁵ Некрасов не получен еще здесь, а статейку-то Вы пришлите.²⁶ Знаете, Ваша статья о прислуге до сих пор еще в цензуре. Разве Вы не можете коснуться каких-нибудь общественных вопросов, разве Вас ничто не вызывает на слово? Уж вы пожалейте газету-то, не срамите — ведь она все-таки *лучшая* между еженедельными. Не с «Вском» же ее сравнивать.²⁷ не с одностороннею же «Совр(ременною) Летописью». Читают ли «Внутрен(нее) обозрение», — напишите, пожалуйста. Как «День» у Вас читают?

¹ Ответ на просьбы М. Ф. Де-Пуле узнать у Ф. И. Буслаева, будет ли он писать отзыв об «Орловских актах» в «Русской речи».

² Подразумевается скорбный плач библейского пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима. Ламентации (*лат.*) — жалоба, сетования.

³ В № 95 и 96 «Русской речи» за 1861 г. (23 и 26 ноября) наиболее интересны очерки В. Слепцова «Владимирка и Клязьма», рассказ А. Ле-

витова «Накануне Христова дня», статья Суворина «Народные просветители» (подпись: А. С.) и его анонимное «Внутреннее обозрение».

⁴ Суворин и его корреспонденты неоднократно жаловались друг другу на все усиливающийся гнет цензуры (см. письма Е. Тур к Суворину от 30 апреля 1861 г.: ЦГАЛИ. ф. 459, оп. 1, № 5363, л. 8; письма М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 3 августа 1861 г.: там же, № 3514, л. 3). Но при этом Суворин весьма проницательно относился к либеральствующим журналистам М. Н. Каткову и С. С. Громеке, надеясь добиться изменений цензурного устава такими акциями, как адреса к царю. О том, что современная цензурная политика на самом деле была санкционирована верховной властью, можно убедиться, прочитав письмо, посланное через несколько месяцев, 17 мая 1862 г., министром народного просвещения А. В. Головниным министру внутренних дел П. А. Валуеву (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 23).

⁵ Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк, публицист, профессор государственного права в Московском университете, один из самых последовательных противников социализма, революции, публично упрекавший Чернышевского в проповеди этих идей и в заражении ими студентов университетов и учащихся военных заведений. Чичерин был любимым наставником цесаревича Николая Александровича и объектом критики «Колокола» и «Современника». Он благоговейно относился к реформам Александра II, был защитником дворянства как привилегированного сословия. Вступительная лекция Чичерина в Московском университете (28 октября 1861 г.), в которой он высказывал эти взгляды, решительно протестовал против студенческих беспорядков («В стены этого здания не должен проникать шум страстей, волнующих общество»), была опубликована в «Московских ведомостях» (1861, № 238, 30 октября). В том же духе возражал он профессору Петербургского университета Н. И. Костомарову, который придерживался в своих статьях, напечатанных в «С.-Петербургских ведомостях» (1861, № 237, 29 октября; № 268, 30 ноября), иных взглядов и говорил о необходимости преобразования университетов, сближения их с жизнью, о широком доступе всех желающих на открытые публичные лекции. Чичерин утверждал, что университеты не нуждаются в преобразовании, что появление в них посторонних слушателей, особенно женщин, было бы «уже совершенным искажением университетов», превратило бы преподавание в них «в общественную пропаганду» (Московские ведомости, 1861, № 250, 14 ноября; № 260, 26 ноября; см. также: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1929, с. 17—24, 43—58). В «Русской речи» в отделе «Смесь» была напечатана анонимная заметка «Вопрос об университете в нашей журналистике» (1861, № 92, 16 ноября), которую, судя по ее содержанию, тону и отношению к Чичерину, написал Суворин.

⁶ Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — видный историк, профессор Московского университета, автор «Истории России с древнейших времен» (1851—1879), в которой ряд исторических лиц и событий охарактеризован односторонне. Ф. М. Достоевский, например, упрекал Соловьева в том, что он не показывает ошибку Петра I: «Это не история, а панегирик» (Литературное наследство, т. 83. М., 1974, с. 317).

⁷ «Свистунами» (по названию Добролюбовского отдела в «Современнике» — «Свисток»), «красными», «мальчишками», «нигилистами» называли революционных демократов во враждебном лагере.

⁸ В «Русской речи» не было напечатано ни извещения о смерти Добролюбова (17 ноября), ни статьи о нем.

⁹ Похороны Н. А. Добролюбова состоялись 20 ноября 1861 г. О них в «Современнике» (1861, № 11) написал под псевдонимом «Новый поэт» И. И. Панаев. Созданная им картина была лишена тех неуместных «шуток», о которых с чужого голоса говорил Суворин. На похоронах было до 200 литераторов, журналистов, профессоров. Гроб перен на руках от квартиры на Литейном до Волкова кладбища. «Над гробом Добролюбова и над его могилкой произнесено было несколько горьких и задумше-

ных слов его друзьям и посторонними лицами и прочтены отрывки из его дневника» (с. 78).

¹⁰ Тиблен Николай Львович (1825—после 1869) — книгоиздатель, близкий к революционной демократии. «Отечественные записки» — журнал умеренно либерального направления (1839—1867), издававшийся А. А. Гривским; «Русское слово» — демократический журнал, фактическим редактором которого в 1860—1866 гг. был публицист, революционный деятель Г. Е. Благодетлов.

¹¹ Явно наспех написанная заметка Суворина о первом томе «Исторической хрестоматии цового периода русской словесности», составленном А. Д. Галаховым (СПб., 1861), была напечатана в № 87 «Русской речи» (в отделе «Литературное и ученое обозрение») за 1861 г. (29 октября).

¹² Суворину пришлось писать «Внутреннее обозрение» для нескольких номеров «Русской речи» в связи с уходом из газеты Н. С. Лескова. До конца существования этой газеты, т. е. до 4 января 1862 г., в ней не появлялось больше ничего, написанного Лесковым.

¹³ Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — член философско-литературного кружка, основателем которого был его старший брат Николай Владимирович Станкевич (1813—1840). В письме к Я. М. Неверову от 6 июня 1877 г. М. Ф. Де-Пуле писал: «Я, по воронежской жизни (1862—1864), был очень близко знаком с его (Н. В. Станкевича, — М. С.) братом Александром Владимировичем. А теперь мы с ним чуть не расорились (говору в шутку) из-за Кольцова, или, точнее, из-за Белинского. Он, А. В. Станкевич, считает все показания Белинского непогрешимыми, особенно семейные отношения Кольцова. Я их отвергаю (конечно, фактами)» («Литературное наследство», т. 56. М., 1950, с. 294). Речь шла о статье М. Ф. Де-Пуле «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке», напечатанной первоначально в «Древней и новой России» (1878, № 3—6).

¹⁴ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину 22 декабря 1861 г.: «Вчера я был у Станкевича. М-ше Станкевич восторженно говорит о графине «Е. В. Салпас-де-Турпемир», а Вас знает по отзывам последней» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18).

¹⁵ Статья Суворина «Наши герои. («Воронежская беседа» на 1861 г.)» появилась в № 92 «Русской речи» за 1861 г. (16 ноября). «Есть герои — вепчанские, герои-полководцы, герои-мученики», — писал Суворин в начале статьи, по эта мысль, «урезанная» цензурой, не нашла желаемого развития в конкретной части статьи, хотя все же присутствует в ней как организующее начало. Из материала «Воронежской беседы» Суворин особенно выделяет «замечательную и по мысли и по исполнению» поэму И. С. Никитина «Тарас»; героя ее, взятого из глубины народной жизни, ищущего, куда направить свои силы, он противопоставляет известным литературным героям. «маленьким мефистофелям», даровитым, но сложенным людям: Онегину, Печорину, Рудину. Геройство центрального персонажа никитинских «Записок семинариста» Суворин видит в борьбе с окружающей средой, а в стихотворении «Портной» — в борьбе за существование. В заключение Суворин все же не удержался от сравнения двух воронежских сборников в пользу «Воронежской беседы».

¹⁶ Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — вождь национально-демократического освободительного движения в Италии. В 1860 г. возглавил борьбу за освобождение юга Италии от власти Бурбонов.

¹⁷ Суворин сам написал статью о Некрасове (Грязь и идеалы. — Русская речь, 1861, № 103—104, 31 декабря).

¹⁸ Речь идет о романе Я. П. Полонского «Свежее предание». Редакция «Времени» назвала его «событием в литературе». В «Русском слове» отрицательно отзывались о нем (1861, № 7, Смесь).

¹⁹ В третьем листке «Великорусса» говорилось о тяжелом положении в стране, о несовместимости законности и нынешнего правления и о несостоятельности либеральных надежд на царя. Но все же, чтоб убедиться

в этом, «Великорусс» предлагал текст адреса (как бы от лица умеренных «партий») с требованием конституции. И если этим мирным путем не будет изменено положение в стране, то «народ неудержимо поднимется летом 1863 года».

²⁰ Имеются в виду статьи И. С. Аксакова в газете «День».

²¹ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину о неблагоприятных поступках воронежского учителя Котлерова, видя в нем отражение суеливости, фразерства и пустословия «свистунов» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 14).

²² Эти строчки относятся к редактору «Воронежского литературного сборника» Петру Васильевичу Малыхину (1818—1867) — учителю русского языка в Воронежском кадетском корпусе, члену «второвского» кружка, редактору «Воронежских губернских ведомостей».

²³ Павлов Николай Филиппович (1803—1864) — беллетрист, критик, публицист, редактор субсидируемой правительством газеты «Наше время» (1860—1863), в которой он вел войну с «инглистами».

²⁴ Речь идет об Александре Дмитриевиче Винтулове — директоре Воронежского кадетского корпуса, человеке декабристской закваски; через него шла в Воронеж нелегальная литература из-за границы.

²⁵ Суворин посылал М. Ф. Де-Пуле (по его просьбе) книги: 1) Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1866 (апологическая статья об этой книге была напечатана без подписи в «Русской речи» (№ 82, 12 октября; № 83, 15 октября; № 86, 26 октября); в «Современнике» положительная рецензия на нее принадлежит Н. Г. Чернышевскому (1861, № 10)); 2) Гамлет, трагедия В. Шекспира. Пер. А. Кроненберга. Изд. 2-е. М., 1861; 3) Песни, собранные П. Н. Рыбниковым <...>, Т. I. М., 1861 (в «Современнике» это издание было оценено как «очень добросовестно выполненное» (1861, № 6)). Де-Пуле в письме к Суворину от 2 ноября 1861 г. просил еще прислать сочинения В. Г. Белинского (изд. Солдатенкова и Щепкина. М., 1861) и книгу П. Бессонова «Калики переходные» (М., 1861) (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 16).

²⁶ Имеется в виду статья о современных поэтах, которую Суворин просил М. Ф. Де-Пуле написать.

²⁷ «Век» (1861—1862) — петербургский журнал, не обладающий четкой литературно-общественной программой. В 1862 г. группа литераторов (Г. З. Елисеев, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов) безуспешно пыталась превратить его в журнал, издаваемый на артельных началах.

10

25 декабря 1861 г. Москва.

Что же это Вы молчите, дорогой и милый Михаил Федорович, отчего же строчки не хотите написать? А мы при последнем издыхании, то есть газета наша. Завтра или послезавтра ждем приезда графини, и вопрос о продолжении газеты в будущем году решится ею; вероятно, газета издаваться не будет, потому что подписчиков очень мало, меньше даже прошлого года, особенно в Москве, где давно ходит слух о том, что газета в следующем году издаваться не будет, следовательно, напрасно и подписываться. А «День» печатается вторым изданием — кто пишет из Воронежа в «День» — не Зиновьев ли? И как его здоровье, — поклонитесь ему от меня.¹

Что Вам сказать о себе? Я, как человек, вовсе не привыкший к самодеятельности, как человек, который прежде всего

любит, чтобы его поставили на ноги, подперли подпорками со всех сторон и сказали: «ну, вот теперь стой же так!», я, как такой слабый и нерешительный человек, начинаю приходить в немалое отчаяние, потому что после закрытия газеты не знаю, куда мне деваться и что делать. Не раз в последнее время приходило мне на ум сожаление о покинутом Воронеже, о тамошней жизни и деятельности. Может быть, там я бы отлично устроился и никогда нужды бы не испытал, а здесь еще вилами писано, что будет дальше, как пойдут дела мои. Вероятнее всего, что скверно или около того. Литературный труд мне сильно надоел в последнее время. Не иначе, как с отвращением принимался за него и с радостью оканчивал то, за что принимался. Перо не двигалось, особенно при мысли, что пишешь, сам не уверенный в себе, в своих силах, в правдивости своего убеждения. Господи, сколько я шагов глупых в жизни сделал, а глупее последнего, ей-богу, я еще не делывал. Я бы с радостью вернулся в Воронеж, если б было мне там какое-нибудь место рублей в 600, но не менее, на триста я бы все-таки не вернулся, каково бы ни было здесь мое положение. Меня здесь все оболъщают приятели, что я найду себе работу в петербургских журналах, но я лучше знаю себя, чем всевозможные приятели, и отнюдь не поддаюсь никаким оболъщениям. Ужасно грустно, мой дорогой Михаил Федорович, и не знаю, как и быть мне. Пока на утеху остаются вот эти ламентации.²

Эх, Вы счастливчик, право, просто завидно становится, и в глубине души клянешь эту неразумную бабу, эту графиню, которая не спросясь ума-разума вызвала меня сюда да газету затеяла. А все поганое самолюбие. Вообразите себе, что ведь эта госпожа затеяла газету в полной надежде, что у ней чуть не миллионы от нее будут, что имя ее чрезвычайно популярно в России и всякий русский почтет непременно своею обязанностью подписаться на такую газету, под которой стоит имя Евгении Тур. Да еще подвинула ее на издание газеты уверенность в гениальности Вызинского, которого графиня любит до обожания и который, однако же, остается себе в Варшаве и не думает себе о газете. Если бы я захотел, я бы мог рассказать Вам таких поразительных вещей о графине, что Вы до боли бы в боках нахохотались, или бы просто Вам стало жалко ее, как жалко становится серьезного и доброго человека, который подвыпьет и станет выделять трепака!

Я несколько не удивляюсь теперь тому, что ее никто не любит, любить ее решительно невозможно. Это громадное самолюбие, шаткость убеждений (удивительная шаткость — в этом-то я теперь убежден), незнание самых существенных и необходимых вещей, любовь ко всему западному и презрение ко всему русскому, нетерпимость, доходящая до деспотизма, — все это делает ее решительно несносною. У нее нет друзей, но есть люди, которые боятся ее язычка и притворяются ее друзьями.

У меня впереди слабая надежда теплится пристроиться здесь в Москве к журналу, который затевает Унковский. Но он об этом говорит только, а от разговора до дела, как не безызвестно Вам, еще далеко.³ Он меня уж приглашал через Плещеева. Журнал хотят затеять на таких основаниях, которые высказаны в статье «Современника» «Литературные рабочие». Если журнал состоится, они обеспечивают мне по крайней мере 150 р.уб. в месяц. Унковский — милый господин, но товарищ его Европеус — воплощенная теория и диалектика. Он фурьерист, принимает теорию этого социалиста всю целиком, без всяких изменений, и говорит действительно блестяще.⁴ С ним я тоже познакомился у Плещеева, который вообще очень милый господин, но вовсе не стойкий в убеждениях. Я бываю у него тоже часто. Был и он у меня раза два.

Важная новость, которая всех теперь занимает, это земский собор, о собрании которого подают адреса многие помещики. Не думаю, чтобы правительство могло согласиться на собрание его, разве с ума сойдет. Потому что всякий мало-мальски знакомый с настроением умов в столице поймет, что этот собор будет для нас то же, чем были *Etats generaux* для Франции 79 года.⁵

Михайлов осужден на 6 лет каторжной работы. Государь хотел простить его, но окружающие воспротивились этому, сказав, что это будет нарушением основных законов государства. Подписывая приговор, государь, говорят, сказал: «Впрочем, тысячелетие не за горами», намекая на всемилостивейший манифест.⁶ Приговор ему прочитан был на Сытном рынке 14 декабря рано утром, так что об этом никто не знал.⁷ В Петербурге литераторы сделали подписку ему в 5000 руб. серебром. Михайлов вел себя безукоризненно, его стихи к студентам и на смерть Добролюбова ходят всюду,⁷ карточки раскупались нарасхват.

Дворяне Рогачевского уезда Смоленской губернии преданы все суду за то, что подали адрес о конституции. К счастью, это не испугало другие губернии.

Павлов продан правительству с своею газетою, говорят, за 50 тысяч ежегодного пособия, но подписки на газету решительно нет и вряд ли она пойдет, потому что Павлов начал уже кутить на эти деньги, проиграл в Клубе несколько тысяч и уехал в Петербург за новым пособием. Против Чичерина не велено писать, и он написал к министру письмо, которым просил об отмене этого распоряжения. Унковский говорил мне, что письмо это, за которое Чичерина возводят в благороднейшие люди, не что иное, как холопская выходка. Он читал это письмо. Вот пока все наши новости.

³ В этот день готовилась сильная манифестация, потому что рассчитывали на громадную толпу народа. Правительство узнало об этом и по тому так распорядилось. (Примеч. А. С. Суворина).

С Новым годом, дорогой Михаил Федорович, с Новым годом, Таисия Николаевна. Кланяйтесь всем нашим, да пиштите. Как Вам не стыдно не писать? Пиштите вот на какой адрес: на Садовой, против Ламакинских бань, дом Волоцкой, во флигеле.
Ваш от всего сердца

А. Суворин.

Брата Вашего я давно не видал — он переменял квартиру — я был у него и не знаю, где найти его. Сообщите мне его адрес.

Скажите Глотову, что, верно, продажею некоторых экземпляров «Воронежской» Беседы он будет обязан мне. Рассказ мой «Гарибальди» читает по Москве Садовский (с которым я тоже знаком),⁸ и будет читать его на литературном вечере.

¹ Ответа на этот вопрос М. Ф. Де-Пуле не дал, а об И. И. Зинькове написал 4 января 1862 г., что он тяжело болен и что в «Воронежских губернских ведомостях» появится его статья. Вскоре, в этом же году, Зиньков умер.

² В письмах от 22 декабря 1861 г. и 4 января 1862 г. Де-Пуле убеждал Суворина, что и сейчас не поздно «променять Москву на Воронеж» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 17, 19).

³ Унковский Алексей Михайлович (1829—1893) — известный либеральный деятель, глава либеральной оппозиции в Твери; вместе с А. Ф. Головачевым собирался издавать журнал «Русская правда» на «артельных началах». Принципы подобных изданий были изложены в статье Н. В. Шелгунова «Литературные рабочие» (Современник, 1861, № 10).

⁴ Европеус Алексей Иванович (1826—1885) — петрашевец, один из распространителей лондонских нелегальных изданий. Вместе с А. М. Унковским участвовал в подготовке крестьянской реформы в Твери.

⁵ Земский собор — собрание представителей сословий. Существовал в России в XVI—XVIII вв. На возрождение Земского собора, этой формы ограничения царской власти, надеялось либеральное дворянство, писавшее о том в адресах царю. Конспиративная организация «Земля и воля» противопоставляла этому стремлению уничтожению монархии и созыв народного собрания. Суворин понимал, что правительство не разрешит Земский собор, так как по примеру французской революции 1789 г. это может привести Россию к политическому перевороту. Правительство преследовало писавших адреса о конституции и Земском соборе.

⁶ «Тысячелетие России» торжественно праздновалось в начале сентября 1862 г. На участии М. Л. Михайлова, приговоренного к 6 годам каторги и поселению в Сибири, это празднование не отозвалось.

⁷ Стихи М. Л. Михайлова распространяли в списках; в 1862 г. они были напечатаны в «Колоколе» под заглавиями «К студентам» и «Памяти Добролюбова».

⁸ Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — родоначальник театральной династии Садовских, один из организаторов московского «Артистического кружка» (1865).

27 декабря 1861 г. Москва.

Голубчик мой, Михаил Федорович, вчера я отправил письмо Вам, нынче получил Ваше, и так как мне делать положительно нечего сегодня, то я и решился опять писать Вам. Видите дело

в чем — почта еще в пятницу, а завтра приедет графиня, и решится вопрос о «Русской» Речи», разрешение которого смотри в конце письма. Завтра я тоже буду писать Вам, а не завтра, так в пятницу. Нынче просто поболтаю и отвечу положительно на Ваши запросы, поговорю о своих сомнениях.

Прежде всего заступлюсь за «Современник».¹ Нужно Вам знать раз навсегда, что я не разделяю *вполне* мнений этого журнала, как они ни честны. А что они честны, в этом не может быть никакого сомнения. «Современник» желает не конституции с палатами и боярством, как «Русский» Вестник», «Отечественные» Записки» и «Русская» Речь», а желает такого правления, какое, например, в Северной Америке. «Современник» поклоняется демократии, он не хочет преимущественно *боярства*, чего от всей души не желаю и я — противней боярства и аристократии нет ничего для меня в мире; по мне взяточник-плебей лучше аристократа, каков он там ни будь, хоть распроблагородный. Это покажется Вам странным, но это так, это у меня прямо от сердца; Вы знаете, что я человек не рефлексии, что я скорей натура чисто непосредственная — я все принимаю сердцем, а не умом, и потому очень часто антипатии сердца — вовсе не антипатии ума. Но как сердце всегда у меня перевешивает, то из этого следствие самое прямое. Так симпатия моя к «Современнику» прежде всего основывается на плебействе, потом на вражде к деспотизму, к всякому насилию. Я признаю за «Современником» ту услугу, что он отлично ведет свое дело. Он очень хорошо сознал, что невозможно при цензуре проводить свои убеждения *серьезно*, а потому он стал свистать, следовательно свист — дело законное в этом смысле. Далее, «Современник», то есть Чернышевский (Некрасов и Панаев, как Вам известно, пешки, для которых лишь бы деньги), не останавливается на североамериканском демократизме и допускает его как явление переходное, точно так же, как конституционалисты переходным элементом к конституции считают гласные суды, свободу печати по французскому образцу (от которой избави нас бог, как от чумы!), — вот тут и кончается моя связь с «Современником», потому что далее у него — социализм, а я думаю, что социализм в форме Прудона² и Консидерана³ у нас немыслим.

Для нас царь — дело важное, царь для нас необходим, как необходимы самые святые права. У народа идея о царе также несокрушима. Я желаю, следовательно, монархию, в которой царь — старший только, не более, не деспот, не тиран, а монарх, ограниченный всем народом, а не сословьями — сословия я также презираю от всей души и допускаю полное равенство перед законом, такое равенство, при котором ни образование, ни заслуги, ни происхождение не давали бы никому особенных прав. Если бы народ признал необходимым телесные наказания, то *этому* наказанию и я подвергаюсь, и кровный аристократ, и последний

мужик. Мос образование, а Ваш аристократизм (говорю к примеру) не освобождали бы ни меня, ни Вас ни от рекрутчины, ни от чего другого — рекрутчины, впрочем, я вовсе не допускаю.

С этой точки зрения я конституцию не только презираю, но даже боюсь ее, потому что она может дать возможность образоваться аристократии. Выжидательному методу конституционалистов я вследствие всего этого не сочувствую и глубоко верую в *новое* слово, которое когда-нибудь да раздается и скорей раздается оно из *хаоса*, чем из *порядка* (у нас везде порядок, сказал Щедрин: где были рощи — там порядок, где было изобилие — там тоже порядок),⁴ скорей из *анархии*, чем из чего-либо другого.

Вы меня, надеюсь, понимаете очень хорошо. Я не поклонник славянофилов, которые желают сохранения целиком старых государственных начал и отвергают европейскую цивилизацию, не поклонник «Современника», не поклонник «Русского Вестника», а поклонник старых государственных начал, просветленных европейской цивилизацией и наукой, с некоторой долей социализма.

Относительно народа я вполне сочувствую «Времени». Но кстати, неужели безусловно Вам нравится этот журнал? Ведь он держится беллетристкой, а ничем другим. Ведь критический отдел его весьма слаб, ведь что-то новое только и есть в статьях Ф. Достоевского («Книжность и грамотность»)⁵.

Относительно искусства я Вам скажу только одно, что в наше время, как хотите, а искусство отложить бы в сторонку и петрогать его. Ведь от этого оно несколько ни пострадает, ни зачахнет, а теперь при отсутствии *художника* у нас довольно неловко толковать об искусстве. К чему могут привести подобные толки? — спрашиваю я Вас. Поверьте, когда художник явится, то вопрос об искусстве встанет сам собою, и привлечет к себе всех, и обновит зачерствелые сердца. Мы теперь люди неполные — у нас одна сторона поражена гангреной и другая не совсем в здоровом состоянии обретается. А искусством можно восхитить только человека совсем здорового. Дайте же возможность развернуться нам, не отнимайте у нас права бросить на время искусство, о котором никто уже не заботится, а заняться делом. «Современник» больше занимается этим, чем «Русский Вестник», — поверьте, дорогой мой, что так.

Заслуг Вашего поколения никто не отнимает, дайте нам вырасти — авось из хаоса понятий, из этой кажущейся, незаконной анархии родится что-нибудь. Ведь согласитесь, что мы — ученики Ваши. Вы были благородны, пожалуй, велики даже, неужели от таких учителей непременно должна родиться только калечь,⁶ неужели? В нас вера сильна, в нас вражда сильней Вашей. Вы могли сказать вместе с Некрасовым, что и любите глубоко и глубоко ненавидите, но чуть до дела — и не поднимается рука.⁷ Делу я придаю узкий смысл, а то Вы, пожалуй, опять

обидитесь, а я не знаю, кого бы я столько уважал, как Вас, и об этом говорить нужно, а не переписываться. Вот что, дорогой мой Михайл Федорович, я думаю, и от чего никакие доводы не отвратят меня.

Вам не понравилась статья о Никитине, мне она тоже не нравится, хоть никакого свиста я не вижу в ней. Она не серьезна — это так, но не свист же в ней. Вчера я написал его биографический очерк по поручению Общества распространения дешевых книг — он войдет во второй выпуск хрестоматии для народа — очерк этот Вам больше понравится, но и им я весьма недоволен.⁸ Я Вам пришлю оттиск. Второву пришла поистине дикая мысль в голову. Как это у Вас язык повернулся сказать, что мысль Второва Вам *не совсем* нравится — она просто дика, смешна и нелепа, особенно в отношении к такому человеку, как Никитин.⁹ Ведь это не я, юноша, тень, это был человек сформировавшийся, даже тип; это ведь не воин, о котором можно писать мне, потому что я участвовал с ним в сражении при *Бородине*, Вам, потому что Вы были с ним при *Ватерлоо* и проч.

Ведь жизнь Никитина, сколько я понимаю ее, не заключает в себе внешнего интереса, а интерес внутренний. Он тогда явится определенным вполне и понятным всем, когда будет разъяснена *одним* человеком, понимавшим его, его внутренняя борьба с самим собою и обстоятельствами, когда будет показана этим самым и поучительная сторона его жизни, и значение его как человека, погибшего в бою, в бою, который уже потому страшней бородинского сражения, что это продолжалось <не> один день или два, а тот бой, в котором участвовал Никитин, тянулся долгие годы. Публике нужна будет рельефная личность, какою и в жизни был Никитин, а <не> тень, не абрис. Ведь писать так о Никитине, как предлагает Второв, не все ли равно, что нарисовать абрис, а потом и заставить пятерых человек красильщиков или рисовальщиков класть на нем тени и краски. Один мазнет так, другой — этак, третий замажет именно то, что во всем свету должно быть. Я понимаю, что пятеро могут написать свои воспоминания, но написать их не для печати при книжке стихотворений Никитина, а для *одного* человека, которому при составлении биографии они должны служить материалом. Отговорите Второва от этой несчастной мысли, иначе это и дико будет и смешно. Биографию его *Вам* следует написать — Вы и напишите.¹⁰

Кстати, знаете ли Вы о сношениях Никитина с Матвеевой, дочерью генерала, или нет? Остались ли *ее* письма к Никитину или нет? Он писал ей много — это я знаю наверно, и эти письма нужно бы иметь в виду при составлении биографии Никитина — вряд ли только она отдаст их. Она любила Никитина, и очень любила; в последнее время и его чувство сильно перетягивало на сторону Матвеевой от Михайловой — он сознавался в этом мне.¹¹ Чтоб не забыть — вот Вам адрес мой — на Садовой, против Ламакинских бань, в доме Волоцкой, на дворе, во флигеле.

Странно, что «Воронежская» Беседа не идет — а здесь от кого не послышишь, все хвалят не нахвалятся. А что Глютов убыток потерпел — так ведь от этого он не охнет — надеюсь. Да я убежден, что он выручит все потраченное. В «Московских Ведомостях» был какой-то дикий разбор и исключительный — это Котляревский, учителствует здесь в корпусе и помешался на народной словесности, и вообще на словесности.¹²

О Некрасове — моя статья в последнем №, и статья дрянная. Я писал ее залпом, в одно утро, к спеху, и писал так: напишешь листок и отправишь в типографию, потом еще листика два напишешь, и опять в типографию.¹³ Я почти все статьи свои так пишу поневоле. Некрасов прислал Феокистову свои стихотворения, и тот стал торопить меня. Что прикажете делать? А как смешон этот Феокистов! Против «Современника» там ратует, а как прислал Некрасов стихотворения, так он так и растаял и расплылся.

Знаете, я готов переехать в Воронеж, сй-богу, готов! Только не теперь, а весной — потому что я не намерен прекращать лечения, я непременно хочу вылечиться, иначе дело мое плохо будет. Напишите мне, возьмут ли меня в корпус, если я весной перееду в Воронеж? Пожалуйста. Только переехав туда, я непременно затею там газету — без этого жить не хочу, и газету именно в фельетонном роде, а ни в каком-либо другом. Кроме шуток, голубчик Михаил Федорович, напишите мне об этом обстоятельстве. Москва ничем не привязывает меня, на Петербург я и глядеть не хочу. Я мечтал о развитии и прочем, — это чепуха чистейшая — развиваться и в провинции можно. Литераторы здешние — я их видел всех — будет, много довольны! Профессоры — и знать их не хочу, они изуродуют человека, а не воспитают его. Знаете ли, Блюммер, после того как выдержал экзамен, такую мерзость понес, что, право, я подумал, что он шпион III-го отделения, и все свои выводы основывал на разных Робертах Молях¹⁴ и прочей немецкой сволочи. Он с научной точки зрения и деспотизм оправдывал, и насилие оправдывал, и полицию, бывшую студентов, хвалил. Это не человек, а сволочь. Не знаю, уехал ли он за границу или нет, в Москве его давно уже нет. Берг с первого свидания моего с ним неприязненно отзывался о Блюммере, я еще имел глупость отстаивать его.

Сейчас получил записку от Феокистова, что моя статья о Некрасове запрещена цензором — иду к нему.

1 января <1862>.

Сажусь написать Вам несколько строк. Угорел страшно, а тут еще обозрение писать надо. Статью о Некрасове пропустил цензор с такими вымарками, что Феокистов послал корректуру цензорскую к министру с жалобой. Графиня не приезжала еще — первый №, верно, выйдет. А у нас отличные статьи.¹⁵ Видел Вашего брата, говорил о Чеботаревском — скотипе. Я что-то хотел

еще написать — да, разбор «Воронежской» беседы» в «Современнике» недобросовестный. «Воронежский литературный» Сборник» в пух и прах разбит; о «Беседе» отзывались все-таки хорошо, но слегка, о Вашей статье о Кольцове с пренебрежением каким-то в двух строчках, что, мол, старается поставить на историческую почву, да не удалось, и только. О моих рассказах ни слова — подробно рассказывается только содержание «Тараса» и «Записок семинариста». ¹⁶

С Новым годом.

Весь Ваш от всего сердца

А. Сув<орин>.

Цитата из письма приведена во вступительной статье С. А. Макашина к публикации писем М. Е. Салтыкова-Щедрина (Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 463). Небольшой отрывок опубликован Л. Р. Ланским в «Литературном наследстве» (т. 86. М., 1973, с. 382).

Конец письма Суворин ошибочно датирует 1861 г.; правильно: 1 января 1862 г. (уточнено по почтовому штемпелю на конверте).

¹ В этом письме Суворин наиболее отчетливо раскрывает свою политическую позицию, в частности свое отношение к революционно-демократическому журналу «Современник». О свободе печати по французскому образцу Суворин писал в письме 6.

² Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист, один из основоположников мелкобуржуазного социализма и анархизма.

³ Консидеран Виктор (1808—1893) — французский публицист, политический деятель, социалист-утопист.

⁴ О «порядке» М. Е. Салтыков-Щедрин писал в очерке «Гегемониев»: «...и до того дошло, что, кроме порядка, ничего и не осталось. Где было жито — там порядок; где лудоба всякая была — там порядок; где даже рощицы росли — и там завелся порядок» (Московский вестник, 1859, № 15, май). Эти щедринские слова, выразившие его отрицательное отношение к полицейско-бюрократическому управлению, разрушавшему богатство и красоту родины, запомнились Суворину с «воронежских» времен.

⁵ Статья Ф. М. Достоевского «Книжность и грамотность» опубликована в журнале «Время» (1861, № 7, 8). Суворину были близки мысли автора о потребности и необходимости соединения образованных людей с «родной почвой» — народом, о развитии народной грамотности, о пробуждении охоты к чтению. Близки ему и полемика Достоевского с «Русским вестником», «Отечественными записками», неудовлетворенность писателя «рестоматиями, книгами для народа, в которых авторы и составители ведут разговор «свысока», в поучительных интонациях и в то же время нередко подделываются под «мужицкий слог».

⁶ «калечь» (обл.) — искалеченные люди.

⁷ Здесь перефразированы слова Н. А. Некрасова из стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...».

⁸ Статья Суворина о Никитине напечатана в № 89 «Русской речи» за 1861 г. (2 ноября). В малоизмененном варианте статья вошла в кн.: Рестоматия. Сб. статей по разным предметам. Вып. 2. М., 1862.

⁹ Суворин отвечает здесь на следующее сообщение М. Ф. Де-Пуле в письме от 22 декабря 1961 г.: «Второй для будущего издания никитинских стихотворений предлагает вместо полной, составленной одним лицом, биографии написать отдельные воспоминания о покойном — ему (т. е. Второву, — М. С.). Нордштейну, мне, Вам и Зяньковеву. Что Вы ска-

жете о таком типе, который мне не совсем нравится?» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18).

¹⁰ Хотя здесь Суворин и высказал мнение, что о Никитине следует писать М. Ф. Де-Пуле, у него было опасение (см. его письмо к Де-Пуле от 21 сентября 1865 г.), что последнему едва ли удастся избежать идеализации и экзальтации, что он, пожалуй, оторвет Никитина от жизни, создаст односторонний портрет. И действительно, Де-Пуле не избежал этого ни в статье, опубликованной в «Московских ведомостях» (1861, № 241, 3 ноября), ни в биографии, предосланной «Сочинениям Никитина» в двух томах, вышедшим в Воронеже в 1869 г.

¹¹ И. С. Никитин познакомился с Натальей Антоновной Матвеевой (1836—1900), дочерью отставного генерала, в 1856 г. Их переписка является материалом статьи В. А. Прохорова «Роман в четырнадцати письмах» (в кн.: Я Руси сын! Воронеж, 1974). Михайлова Александра Антоновна — дочь Аптона Родионовича Михайлова (1802—1874), члена «второвского» кружка, в будущем издателя «Сочинений И. С. Никитина» (1869).

¹² В статье А. Котляревского «Новые труды по русской старине и народности», подписанной «А. К.» (Московские ведомости, 1861, № 263, 30 ноября), говорилось о «Воронежской беседе» и «Воронежском литературном сборнике». Преимущественное внимание в ней было обращено на этнографический и фольклорный материал.

¹³ Статья Суворина «Грязь и идеалы» написана в связи с выходом в свет второго издания «Стихотворений Н. Некрасова» (СПб., 1861). Урезанная цензурой, она была опубликована в № 103—104 «Русской речи» за 1861 г. (31 декабря). Сквозная мысль Суворина: поэзия Некрасова сочетает «земные интересы» и высокие гражданские идеалы. «Идеал Некрасова, да и вообще идеалом для нас должен быть гражданин, деятель, всецело посвящающий себя родине».

¹⁴ Суворин говорит о Роберте Моле (1799—1875) — видном немецком юристе, авторе книг «Энциклопедия государственных наук» и «Немецкое административное право»; он много писал также о полицейском праве. Трудом Моля пользовался любимый Сувориным Б. Чичерин (см.: Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли в России второй половины XIX—начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М., 1975, с. 65).

¹⁵ Речь идет о статьях, которые не были напечатаны, так как «Русская речь» прекратила существование на первом номере 1862 г.

¹⁶ В рецензии М. А. Антоновича на два воронежских сборника (Современник, 1861, № 12) предпочтение отдано «Воронежской беседе»; в ней выделены произведения И. С. Никитина, названные «украшением сборника». отмечены материалы краеведческого характера и статья М. Ф. Де-Пуле о Кольцове. В других анонимных рецензиях (С.-Петербургские ведомости, 1861, № 267, 1 декабря; Северная пчела, 1862, № 29, 30 января) авторы хвалили «Воронежскую беседу» за местные материалы, разнообразие статей, за художественные произведения Никитина, Суворина и за статью Де-Пуле о Кольцове. Отзывы появились также в журналах «Свечотч» (1861, № 11; автор — Л. П. Блюммер) и «Семейный круг» (1861, № 33, 45, 46; автор — В. Г.).

Письмо Ваше, дорогой Михаил Федорович, на меня произвело более чем грустное впечатление. Вы не знаете меня вовсе, если можете утверждать, что я *всех товарищей* (т. е. корпусных)

учителей») назову пошляками. Это Вы, я не знаю, из чего взяли. Не приходило же мне никогда в голову считать вас пошляком, а Вы консерватор. Я не думаю, чтобы счел пошляком Словатинского,¹ но не затруднюсь назвать таковым Малыхина. И что Вы мне суёте этих товарищей, скажите ради самого бога! Что Вы хотите, чтоб я был хуже Вас, то есть чтобы я сам сделался пошляком. Вас удивляет такой оборот фразы, но я сейчас объяснюсь.

Товарищи — странное и непонятное слово! У Вас, дорогой Микша (или Федорович), есть товарищи?! В чем же это товарищество заключается, позвольте Вас спросить, по отношению к Вам. Сколько мне известно, Вы даже не бываете у этих товарищей, что Вы ничего не имеете с ними общего, кроме того, что служите в одном заведении. В таком случае и Подгорецкий Ваш товарищ, и швейцар тоже, даже швейцар больше товарищ, чем Подгорецкий, потому что, сколько мне известно, швейцар умнее и гуманнее Подгорецкого.² Объясните мне, пожалуйста, в чем заключается Ваше товарищество и насколько будет преступлением, если я назову этих товарищей пошляками. Или я Вас не знаю, или Вы притворяетесь — что-нибудь одно, скорее первое, чем последнее, потому что я не позволил себе сомневаться ни на миг в Вашей честности. Я сержусь, потому что мне больно слышать это. Мне больно подумать, что Вы имеете что-нибудь общее с кагалом воронежских учителей. Скажите, не все ли им равно, чтоб ни делалось? Ударили ли они палец о палец для борьбы с мраком и злом? Не Вы ли рассказывали про их низкопоклонство, или — мягче — угодничество.

Я отец семейства — ergo^a остепениться должен. Что это значит *остепениться*? На стену я лезу что ли? Кусаю кого-нибудь? Я доктрина, а Вы не доктрина? (Чур, не обижаться, я спорить хочу, а не ругаться). Положа руку на сердце — не доктрина Вы? Если хотите, я Вам докажу. Вопрос может быть только в том, чья доктрина лучше — Ваша или моя, а не в том, доктрина ли я, Вы ли доктрина? Вы говорите — я за ломку, неправда, я за *коренные* реформы, а не за *постепенный прогресс*. Я не сочувствовал и надеюсь никогда сочувствовать не стану плакшим головорезам. — Это не в моем духе. Я совсем иных мыслей насчет этого, которые в письме излагать неудобно по многим причинам, главное всего потому, что слишком долго говорить об этом.

Я всею душою ненавижу, например, Чичерина и не затруднюсь назвать его подлецом, несмотря на его учепость. Я даже учености его не уважаю, потому что эта учепость подлая или мягче — бесполезная. Человек, печатно говорящий, что между прочими заслугами дворянства одна из самых важных — владение 20 миллионами крепостных, человек, настаивающий на том, что взамен отнятых привилегий у дворянства (то есть крепостного права) нужно дать ему право *исключительного* владения землею.

^a Следовательно (*лат.*).

право ему одному приобрести земли, — такой человек подлец, потому что такие доктрины вредны в нашем молодом обществе, потому что такие доктрины не принесут и постепенного прогресса. Чичерин — Молчалин, только в ином виде — тот молчал, а этот говорит. У нас в Москве сперва называли свободно высказанные мнения Чичерина гражданским мужеством. Скоты, которые говорили это. После этого, шпионство — тоже гражданское мужество. Ни Витаца,³ ни Глотова подлецами я не назову — это совсем иная статья. Они и должны быть консерваторами. Это в порядке вещей, но из этого не следует, что я должен остепениться. До сих ^{пор} благодаря бога я еще не могу по заказу остепениться — может быть, придет время — утихнет кровь, успокоится — тогда дело другое. А теперь я насколько изменяться не хочу и не желаю, потому что не считаю этого ни нужным, ни бесчестным. Что бы я ни думал, каких бы я ни был убеждений, но они честны, эти убеждения, за них отвечает сердце мое, и я спокоен. Больше мне ничего не нужно пока. На ножи я ни с кем не лезу, никому не врежу — я безвреднее всякого насекомого, и тем хуже для меня.

Это доказывает, что в мои убеждения входят голова и обстоятельства — и отец семейства сюда входит. Но я не могу писать об этом. Сердце рвется у меня и ноет — ну его, все это. Тяжело, слишком тяжело говорить об этом, еще тяжелее подумать о провинциалах. Все те же пакости и мерзости, те же мертвечина и сон. Черткова⁴ здесь считают г. . . ., никуда не годным, ну и благо ему. Вы хотите в Петербург, неужели Вы думаете, что я решился бы перейти в корпус, когда Вас там не будет, то есть не будет в Воронеже уже окончательно ни одного человека, с которым говорить можно, с которым душу отвести можно? Вы zelo ошибаетесь в таком случае. Да будет, буду завтра писать, сегодня решительно не могу.

21 января <1862>.

Почти через неделю собираюсь я писать к Вам снова, дорогой Михаил Федорович. Не обвиняйте и не осуждайте меня. Есть вещи, в которых мы сходимся, есть такие, в которых никогда не сойдемся. Что делать? С этим следует помириться, и это насколько не убавит с моей стороны уважения к Вам, которое сильно и искренно. Поболтаю лучше.

Здесь был Берг и рассказывал свое заточение — оно очень интересно, но рассказывать Вам я его не буду. Он пробыл здесь более недели и уехал, когда совсем прожился. Он говорил мне, что на весну собирается в Пензу и собирается будто навсегда. Он будет, по его словам, там мировым посредником. Вы спрашивали об Унковском, это тот самый, который был сослан за адрес и был тверским предводителем. Мы были у него недавно, именно в прошлую субботу.

Журнал решен — издаваться будет, если позволят. Издание хотим устроить на правах ассоциации. Начать с 1-го сентября. Подробнее в другой раз сообщу. Но я не отказываюсь все-таки от переезда в Воронеж, как это ни грустно. Я сообщу скоро свое решение, и тогда напишу Глотову.

Московские дворяне поднесли адрес государю, которым просили почти конституции.⁵ Адрес принят 306 голкосами из 356. Что воронежские дворяне, разумеется, не осмеливаются.

О Головнине было заходили самые благоприятные слухи, а теперь говорят, что цензуру опять скрутили, и цензурный комитет получил выговор за 13 № «Дня».⁶ Только такие подлизы, как Павлов да Чичерин, и благоденствуют. Но надолго ли? — вот вопрос.

Писать можно бы обо многом, да, ей-богу, я разленился — сбегусь в другой раз и напишу много. Графиню почти не вижу — она так занята свадьбой. 26<го> совершится эта свадьба, и тогда я поговорю с ней толком, и тогда же сообщу Вам о своем решении. Т<айсе> Никол<авне> низжайшее почтение.

Ваш А. Сув<орин>.

Дата письма уточнена по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Славатинский И. И. — учитель древней и средней истории в Воронежском кадетском корпусе, «кумир учащихся», по определению одного из его бывших учеников (Воронежский корпус 20 и 30 лет назад. Воспоминания старого кадета. — Дон, 1892, № 125, 10 ноября).

² Подгорецкий Василий Сергеевич — учитель Воронежского кадетского корпуса, капитан.

³ Витаци Александр Иванович — директор Воронежского кадетского корпуса в начале 1860-х годов, генерал-майор. По «воспоминаниям старого кадета», это был «мягкий гуманный человек, поппимавший значение общеобразовательных предметов, в частности литературы»; «при нем несколько потеснились военные занятия» (Воронежский корпус 20 и 30 лет назад. — Дон, 1892, № 126, 12 ноября).

⁴ По-видимому, речь идет об Иване Дмитриевиче Черткове, тайном советнике, шталмейстере, служившем в Попечительном комитете о бедных.

⁵ Надежды на конституцию, которую дарует обществу Александр II, долгое время не покидали либералов, отсюда «эпидемия» адресов к царю с лета 1861 г.

⁶ В газете «День» (1862, № 13, 6 января) в статье «К московскому дворянству» была высказана надежда на то, что дворяне откажутся от своих привилегий, уничтожат то, что разделяет сословия, нарушает единство и цельность русской земли, и тем самым «торжественно перед лицом всей России совершат великий акт уничтожения себя как сословия».

4 февраля 1863 г.

Поверьте, дорогой Михаил Федорович, что мне больнее, чем Вам, наше обоюдное, упорное молчание, и еще более прискорбно, что теперь я пишу к Вам более по обязанности, чем по собствен-

ному влечению. Если б я решил хоть кратко говорить о том периоде молчания, который лежит перед нами, то пришлось бы исписать несколько страниц. Пережито слишком много, пережито так же. Между мной, провинциалом, и мной же, петербуржцем, думаю, лежит целая бездна. К лучшему ли это — решить трудно. Хорошо то разве, что теперь я с ненавистью смотрю на то, на что прежде смотрел или с симпатией, или равнодушно. Когда близко стоишь к предмету, то он кажется до того скверен, до того гадок, что заслуживает полнейшей общественной оплеухи и всяческих поруганий.

Представители «Современника» все-таки лучшие наши люди, а представители «Русского Вестника», как Вам, вероятно, известно, очень близко стоят к Н. Ф. Павлову. Час один *изустной* беседы Вам объяснил бы все то, что я не могу объяснить пером, по многим причинам. Коротко можно только сказать то, что из прекрасного далека провинции представляются не весть какие блага и начинания, а из нашего скверного близко эти начинания — ханжество перед Европой и мазанье по губам провинции, которую провести очень легко, тем более что при своей спячке ей пересаживанье тополей кажется великой реформой, а обличение губернатора — чуть не конечным желанием, совершенным, государственным устройством.

Провинция глупа необыкновенно, и ее прогрессисты — самый жалкий народ, вроде тех господ, которые подвизаются в «Воронежском Листке»¹ и пишут об эмансипации женщины по поводу дамы, явившейся в креслах в театре. У провинции до сих пор на устах благодетельная гласность. Столицы не так глупы — провести их трудней, трудно провести и те провинции, которые близко к столице, и из этих только провинций и слышится независимый голос. Вы говорите, что у Вас недовольны отрывочностью корреспонденций, и что эта отрывочность Вас ставит в тупик, и что, по Вашему мнению, корреспонденция должна быть в форме фельетона.

Это, конечно, было бы прекрасно, но где же Вы возьмете место? Представьте, что в продолжение месяца является 30—40 фельетонов — куда их денешь? Увеличить еще газету, но каждый лист стоит 500 руб. А корреспонденты именно так и поступают, как Вы находите лучшим. Всякий из них находит свой угол — что-то вроде Лондона, и микроскопическое явление возводит в явление, имеющее интерес общеевропейский.² Согласитесь, что это чересчур. У нас много таких корреспонденций лежит, и будут, вероятно, еще долго лежать, едва не вечно. Провинциальный корреспондент смотрит на газету как на свой орган, исключительно ему принадлежащий. Он, конечно, с своей точки зрения прав, потому что в его углу только и читают, что о собственном городничем и о собственной школе. Газета же не может издаваться в таком виде — она непременно обратилась бы в «Русский Дневник», а от «Русского Дневника» избави нас

бог и помилуй.³ Я, впрочем, повторяю вещи слишком известные. Провинциальные корреспонденты, к которым некогда принадлежал, отлично характеризованы Щедриным.⁴ Итак, прежде всего краткость — это необходимое условие. Красноречия и взглядов во все не нужно.

Относительно невыгодности позвольте поспорить: если корреспондент напишет 2 письма в месяц, положим каждое в 150 строк, то уж это составит в год, пожалуй, больше 200 р.уб.). Конечно, если корреспондент хочет получить в год 1000 р.уб.), то это мечта во всяком случае. Ни одна редакция не может тратить столько. У нас теперь больше 6000 подписчиков, Корш не останется в убытке в таком только случае, когда будет их 8000.⁵ Вы поймете, что сокращение корреспондентов совершенно необходимо. Корш немного сократил и Вашу, но цензор сократил еще больше и изменил смысл некоторых фраз.⁶

Цензура свирепствует; на «С.-Петербургские Ведомости» воздвигнуто гонение за статью против «Journal de St.-Petersbourg»: «Мы никогда не читали такой анархической статьи» и проч. в № 23. Статья «Journal de St.-Petersbourg» написана вице-канцлером Горчаковым и одобрена государем.⁷ Сообщение в № 26 кажется прислано от министра внутренних дел и министра дел иностранных — отвечать на это сообщение не позволено. Вот такая статейка, всего в 61 строку, принесла гораздо больше редакции, чем сколько могут принести все корреспонденции.

Теперь я должен сказать еще относительно платы. Корш — министр в расчете. Он предполагал лист в 36 тысяч букв = листу «Современника»; в строчке «Современника» во 2 отделе помещается 60 букв, а у нас нормальная строка 35 букв. Если редакция станет платить 7 коп. за строчку, то за лист выйдет 74 р.уб.), что слишком дорого. Корш же предполагал за лист 54 руб., а это выйдет за строчку 5 коп. Во всяком случае редакция и при этой плате платит все-таки больше других.

Ну, как Вы поживаете? Благоденствуете, я не совсем, хоть и получаю 2000 руб. Занят целый день, но работой беспечной и бесплодной. Кланяйтесь всем — Таисе Николаевне. Я не теряю надежды побывать в Воронеже когда-нибудь.

Ваш А. Суворин.

Письмо на бланке редакции «С.-Петербургских ведомостей».

¹ С января 1862 г. редактором «Воронежского листка» (позднее «Воронежский телеграф») являлся П. В. Малыхин, издателем — В. А. Гольдштейн.

² Здесь намек на англоманов — Е. В. Салис-де-Турнемир и Г. В. Вызинского.

³ «Русский дневник» (СПб., 1859) — безликая, не пользующаяся успехом газета; редактировалась П. И. Мельниковым-Печерским.

⁴ Суворин имеет в виду статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Скрывает

зубовный» (Современник, 1860, № 1) и «Литераторы-обыватели» (там же, 1861, № 2), в которых автор показал двойственность провинциальных корреспондентов, соединивших мелочное либеральное обличительство со славолюбием гласности, прогресса просвещения в провинции.

⁵ Речь идет о «С.-Петербургских ведомостях», умеренно либеральной газете, редактируемой В. Ф. Коржем. Суворин сотрудничал в ней с 1863 г. Фельетоны его, печатавшиеся в этой газете под псевдонимом «Незнакомец», пользовались большим успехом. Некоторые из них он включил в свою книгу: *Незнакомец. Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок.* СПб., 1875. За эту книгу автор был привлечен к суду как «клеветник», но был оправдан. Суворин всегда тепло вспоминал свою работу фельетониста.

⁶ Суворин имеет в виду корреспонденцию Де-Пуле «Воронеж. Письмо корреспондента „С.-Петербургских ведомостей“». Воронеж, говорилось в ней, принадлежит к числу лучших провинциальных городов, но это свидетельствует лишь о бедности других городов, которые не живут, а прозябают. В течение 27 лет, в которые автор знает Воронеж, «город не расстел, а подмалевывается: нет путей сообщения, нет самостоятельной общественной жизни, купечество одворянивается» (С.-Петербургские ведомости, 1863, № 28, 2 февраля).

⁷ Имеется в виду анонимная статья «Наши хозяйственные дела» в «С.-Петербургских ведомостях» (1863, № 23, 27 января), направленная против статьи в «Journal de St.-Petersbourg» о рекрутском наборе в царстве Польском. Возмущенный тем, что «французская редакция» выходящей в Петербурге газеты (на самом деле газета была близка к Министерству иностранных дел) «приписывает нашему правительству жестокость в польских делах», анонимный автор писал: «Влюбленные в законность, мы громко протестуем против такого неслыханного злоупотребления печатного слова в нашем отечестве. Получив эту газету, хотели понести ее в полицию, как произведение нелегальной литературы». Через четыре дня в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 26, 31 января) было опубликовано письмо в редакцию газеты, в котором официальный редактор «Journal de St.-Petersbourg» Виктор Капшелеман назвал искажение смысла критикованной статьи клеветой и призвал к охранению порядка против людей, увлеченных вредными идеями и мешающих устройству единого либерально-монархического государства.

⁸ Министром иностранных дел был А. М. Горчаков (1798—1883), в 1862 г. ставший вице-канцлером Российской империи, а министром внутренних дел — П. А. Валуев (1814—1890).

21 сентября <1865>.

Милый, дорогой Михаил Федорович, не удивляйтесь этому восклицанию, оно искренно — я, Вы знаете, человек нервный, а Ваши душевные строки так полно, так живо напомнили мне прежний скромный наш кружок,¹ наши немудреные желания, немудреные, но горячие речи, что я не мог воздержаться, чтобы не обозвать Вас милым и добрым. Таких людей, как Вы, здесь нет — нет здесь милых и добрых, нет таких, воспоминание о которых трогало бы в сердце хорошие струны и вызывало бы хорошие воспоминания. Здесь есть только *приятели*, хорошие приятели — не больше. Вместо одного другой — ровно ничего не значит, про-

сто перестановка шашек, вместо красной — черная, вместо пестрой — желтая. Пустота порядочная, именно пустота. Все на одну колодку, все стерто до безобразья, до безличия. Измышляйте лица — это Ваше дело, дело Вашего воображения и ума, дело старых, провинциальных воспоминаний, а вокруг себя не ищите их — не обрящете. Если не совсем суровая действительность иссушила Ваше сердце, то это дело просто нервов, они расслабли, а не окрепли и легко поддаются воспоминаниям о прежних минутах бытия, поддаются так, что даже глупая слеза вдруг и заторчит в глазе — просто обидно заторчит — никто не просил ее, глупую, торчать. Скверно, Михаил Федорович, совсем скверно, а все-таки я не вернулся бы в провинцию — не тянет нисколько. Здесь как-то деревенеешь и только о хлебе насущном и заботишься.

А я мало переменялся, ей-богу, мало. Я только маленько грубее стал, но тот же я мужик, те же привычки, тот же язык — меня даже тешит эта оригинальность и немало горжусь ею. Если <бы> Вы увидели меня, Вы сказали бы, что я не обманываю Вас.

«Русской Речи» у меня нет ни одного номера — сгорело в Москве на пожаре — я горел там маленько. Статья о Никитине в Хрестоматии моя — я все собирался послать Вам оттиск ее и не собрался. Я не помню, говорил ли я где, что когда Никитин читал мне знаменитое стихотворение о смерти (решительно лучшее, конечно),² он заплакал и сказал, что он чувствует смерть. То же самое говорил он, когда раз я, он и Зиновьев, незадолго до болезни Никитина, гуляли в городском саду. — «Знаете что, — сказал он раз, — сегодня меня выслушивал Розов и сказал, что у меня правого легкого нет — должно быть врет».³ Я, разумеется, сказал, что врет, и сказал совершенно искренне.

Вы, конечно, напишете очень хорошую биографию его, но я за одно боюсь — Вы идеализируете этот бесподобный характер, Вы оторвете его немножко от действительности, Вы скроете то, что составляло неотъемлемую принадлежность этого цельного характера. Я правду говорю, дорогой Михаил Федорович. — Вы слишком нежны, Вы слишком юны сердцем, Вы слишком любили Никитина, чтоб образ его вышел под Вашим пером цельным, несколько грубым, даже циничным порой, — но ведь это <I нрзб.>, это отделяло Никитина из ряда плаксивых кукольных героев, которыми наводнена наша история литературы. Ради самого творца, удержитесь и говорите все про Никитина, ничего не надо скрывать. Вы когда-то сказали по поводу моей статейки в «Русской Речи», что я свистал над Никитиным — если это так точно, это не хорошо, но не хорошо будет, если биограф бросится в противоположную сторону.

Бобровский — я же.⁴ Я знал, что Вы узнаете, но я не ожидал, что Вам покажется в моей повести нечто такое, что знаменовало бы мой совершеннейший разрыв с прошлым. Повесть эта

писалась и пишется странно: написав первую главу, я напечатал ее и не знал, что будет дальше, и теперь не знаю, что дальше будет, чем кончу я ее. Об отделке, о гармонии тут не может быть и речи. Я задался мыслью снять несколько те черные краски, которые положены на так называемых нигилистов такими мерзавцами, как Лесков (Стебницкий)⁵ — этот вор и животное первого разряда, изученное мною до подробностей в Москве, у Сальяс. Повести другого значения я не придаю. Я знаю, что я пустой — у меня ничего не осталось, мне освежиться надо, и я жажду освежения, но не знаю, когда я освежусь. Когда я писал «Аленку»⁶ (как Вы об этой повести думаете? — Мне бы очень хотелось знать это), я выстрадал многие места, а странное — натянутое лицо — моя собственность и Никитина — мы с ним еще толковали об этом (и потому его памяти я посвятил ее) — я жил прошлым, я выложил весь запас наблюдений, который у меня оставался; я сознавал, что у меня ничего не оставалось и потому ничего не писал, ничего даже не пробовал писать. «Всяких» я стал писать по настоятельной просьбе *приятелей*, но они надоели мне. и я вот уже несколько недель не принимаюсь за них. Наконец, *четверо* детей и *пятый* к новому году заставляют меня писать. Голь плодovита и хитра на выдумки. Подозреваете ли Вы, что я уже больше году пишу журнальные и библиографические заметки в «Русском» Инвалиде с подписью А. И—н, и перестал уже краснеть за то, что сужу обо всем.⁷ Это грустно, но жить надо. дети есть просят, а здесь и на *три* тысячи можно жить только кое-как. Я берусь за предприятия разного рода — перевожу, компилирую, затеваю делать журнал с нового года. Как Вы об этом думаете? Не нигилистический журнал хочу я. Вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что я на нигилиста смахиваю. Совсем напротив.

Жму Вам, сестре Вашей, дорогой Тане Николавне, руку, Вашему брату жму крепко руку. *До свидания* — пусть это хорошее слово стоит в конце этого письма, а не то — «Прощайте, бог с Вами!», которое Вы поставили в конце своего и которое звучит так нерадостно. До свидания же.

Дата письма уточнена по почтовомуштемпелю на конверте.

Цитата из этого письма приведена в статье О. Г. Ласунского «Из разысканий об И. С. Никитине» (в кн.: Я Руси сын! Воронеж, 1974, с. 54).

¹ Имеется в виду «второвский» кружок в Воронеже. См. примеч. 3 к письму 1.

² Речь идет о стихотворении И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...», вошедшем в его «Дневник семинариста» (1861).

³ Розов Н. — воронежский врач, автор «прекрасной статьи» (Московская медицинская газета, 1861, № 1—9), о которой Суворин писал в своей рецензии «Врачи и народ» (Русская речь, 1861, № 36, 4 мая).

⁴ «А. Бобровский» — псевдоним Суворина. Так он подписывал главы повести «Всякле», которые печатались в «С.-Петербургских ведомостях» в 1865 г., а затем были подготовлены для отдельного издания в 1866 г.

⁵ Имеется в виду роман Н. С. Лескова «Некуда».

⁶ Повесть Суворина «Аленка» напечатана в «Отечественных записках» (1863, № 7, 8).

⁷ В газете «Русский инвалид» Суворин печатал в 1864—1865 гг. «Библиографические и журнальные заметки», в которых писал о русской и иностранной литературе, современной периодике, педагогических работах и т. д.

15

Добрейший Михаил Федорович! Извините меня, что я так долго не написал Вам об издании сочинений Никитина, что общал Вам сделать еще во время пребывания Вашего здесь. Я спрашивал хороших юристов, и они сказали, что Вы на это имеете полное право.¹ Писать я ленив, и за это простите меня. Я готов был беседовать с Вами часто, если бы не нужно было для этого писать, а можно бы просто прийти, расположиться у саговара и толковать. Верьте моей искренности, которая не утратилась еще, что я говорю совершенную правду. Жить тяжело всегда было, а теперь еще тяжелее стало.²

Этот пегодаий Каракозов испортил нам всем жизнь.³ До этого жилось лучше, покойнее, верилось в будущее. Теперь вера не оставила еще нас, всех нас, желающих более или менее блага родине, вера не оставила нас потому, что добрее и лучше царя нам, конечно, не дожидаться. Но говорят, что его поразило это покушение, поразило и как человека, и как царя, сделавшего так много для народа и для всех нас, стоящих более или менее особняком от народа. Нигилисты всегда были мне не по нутру, но теперь они стали противней всякой горькой редьки, и бессодержательность их выразилась необыкновенно ясно. Я в последнее время совсем славянофилом стал и даже к конституции восчувствовал омерзение. Как жаль, что Аксаков не издавал в это время «Дня». Время было такое благоприятное для того, чтобы обнаружить фальшь всех наших западников и других господ. Его слово потому дорого, что оно всегда искренно, всегда душевно, всегда честно.

Как Вам нравятся наши виленские письма⁴ или, лучше сказать, первое письмо? Мне и редактору оно очень понравилось. Я в Вильне не бывал, но правда, мне кажется, сквозит в письме во всякой строке. Вы, как житель Вильны, может быть, найдете его не таким, но мы здесь козырять ничем не можем, кроме той искренности и той преданности русским интересам, которые сказываются в письме весьма ярко.

Не вздумаете ли Вы писануть что-нибудь в газету? Таисе Николаевне усерднейший поклон и Вашему брату. Если бог приведет, приеду к Вам чай пить.

С сборником для «Чтения...», как Вы знаете, случилась оказия.⁵ Отчасти поделом. Право. Печать вообще плоха. Между прочим, я предан суду за «Всяких».⁶ Чем бы суд ни кончился,

а издание стоит мне до 400 р. Эти деньги камнем лягут на мне, и уже теперь, еще ничего не видя, погрузили меня в меланхолию.

Хочу предаться весь детским писаниям. Знаете ли, что я хочу сотворить: 1) Написать для детей историю Петра, так же просто, как написал я «Никона».⁷ 2) Воспользоваться записками Лукьянова («Русский» Архив») и написать нечто вроде романа для детей же. Содержание может быть необыкновенно интересно и разнообразно.⁸ Затем, прочитали ли Вы мою «Аленку»? Я ведь тоже рискую издать свои повести и рассказы отдельно.⁹ Вся такая чепуха теперь идет. Право. Напишите мне хоть для того, чтобы я знал, получили ли Вы письмо или нет.¹⁰ А то Виленское письмо, которое у нас напечатано, было получено в довольно подозрительном виде: печать какая-то странная.

По делу о покушении в последнее время и слухи, прежде многочисленные, совсем замолкли. Вот Вам сведение совершенно достоверное. Сегодня вечером, когда я пишу это письмо, говорят, происходит третейский суд по делу о Каткове. Когда пришло в Москву запрещение, собрали совет, и «он» решил, что по контракту Катков не обязан издавать Прибавление, коль скоро запрещена газета,¹¹ затем предложил редакцию Щебальскому¹² и апеллировал к министру Толстому¹³ на Валуева в том смысле, что последний не имел права запрещать газету или запретил неправильно. Толстой доложил государю, который назначил третейский суд, и суперарбитром назначен граф Строганов.¹⁴ Если это правда, то нельзя не радоваться этому, и опять становится легче на душе всем, потому что государь честнейший человек во всем русском царстве.

Напишите же.

Ваш от всей души А. Суворин.

13 мая 1866 г.

¹ В ответном письме Суворину из Вильно от 19 мая 1866 г. Де-Пуле спрашивает, какая будет цензура для издания сочинений Никитина — предварительная или «цензура карательная»; ему это важно знать, так как у Никитина «много таких мест, которые цензура может покарать». Де-Пуле сообщает также, что к биографии он пока не приступал. Речь шла о подготовке «Сочинений И. С. Никитина». Книга вышла в 1869 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 24).

² Данное письмо отражает начало перелома в мировоззрении и построениях Суворина. В. И. Ленин писал о нем: «... начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем начал Суворин в 50—60-х годах прошлого века» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43). Вторая половина 1860-х годов началась у Суворина с пересмотра политических и духовных ценностей.

³ 4 апреля 1866 г. было совершено покушение на Александра II Дмитрием Владимировичем Каракозовым (1840—1866). Намерение Каракозова не одобряли даже друзья его по Ишутинскому кружку, но они, как и многие современники-демократы, хотя и видели незрелость мысли и средств

борьбы Каракозова, тем не менее отдавали должное его подвижничеству, преданности народу и юношеской одержимости.

⁴ Письмо «Из Вильно» (без подписи), в котором описаны молебствия по поводу спасения Александра II (в связи с выстрелом Каракозова), было опубликовано в № 104 «С.-Петербургских ведомостей» за 1866 г. (19 апреля). Оно носит русофильский характер и близко по духу к корреспонденции «Вильна в настоящее время» (С.-Петербургские ведомости, 1866, № 127, 12 мая), в которой говорилось, что Вильно «идет быстрым шагом к обрусению» под благоприятным руководством Муравьева. Корреспонденция эта по своему характеру близка Де-Пуле, бывшему в это время инспектором Виленской губернской гимназии. В письмах Суворину он высказывает недовольство жизнью в Вильно, так как его окружают поляки: «Не мне бы жить за границей» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 24). Автор корреспонденции также писал, что чувствует себя здесь чужим, что ему недостает «русского простора и шири».

⁵ О каком сборнике идет речь, не ясно.

⁶ О суде над Сувориным за книгу «Всеякие» см. во вступительной статье.

⁷ Речь идет о серии портретов «замечательных людей», которую создавал Суворин для детей. «Патриарх Никон» был опубликован в журнале Л. Н. Толстого «Ясная поляна» (1862, № 8).

⁸ «Путешествие в Свягую землю священника Лукьянова», которое послужило Суворину образцом для задуманной им биографической серии, было опубликовано в «Русском архиве» (1863, № 1—6). Рукопись Лукьянова, как сообщила редакция, получена от С. А. Соболевского, которому она доставлена из Орла в 1853 г.

⁹ Издание это не состоялось.

¹⁰ Де-Пуле ответил Суворину 19 мая 1866 г. Он одобрял его намерение писать для детей и сообщал, что сам пишет учебник словесности по теории прозы — «Краткое руководство к изучению прозаических сочинений» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 24).

¹¹ В 1865—начале 1866 г. в официальных кругах высказывалось недовольство позицией М. Н. Каткова и его газеты «Московские ведомости» по вопросу о польско-русских отношениях. Катков решительно отвергал возможность автономии Польши, возбуждал националистически-патриотические чувства русских. В связи с этим в его газете появлялись критические замечания в адрес некоторых официальных лиц (вел. кн. Константина Николаевича, министра внутренних дел Валуева и др.). Продолжал Катков нападки и на «нигилистов», утверждая, что корни мятежей не в Париже, не в Варшаве или в Вильно, а в Петербурге. 31 марта 1866 г. в «Северной почте», органе Министерства внутренних дел, появилось предостережение Валуева от 26 марта, в котором объявлялось первое предостережение редакторам «Московских ведомостей» — Каткову и К. Леонтьеву за передовую статью в № 61 их газеты: в этой статье «правительственным лицам приписываются стремления, свойственные врагам России, и мысль о государственном единстве империи выставляется как бы мыслью новою, будто бы встречающую в среде самого правительства предосудительное противодействие». Редакция «Московских ведомостей» отказалась печатать предостережение в своей газете, не приняв обвинений Главного управления по делам печати и Министерства внутренних дел, и заявила о готовности прекратить свою деятельность, коль скоро ее находят предосудительной. Но обещала сделать это через три месяца (1866, 3 апреля, № 69). Заявление редакции было опубликовано накануне каракозовского выстрела, и хотя оно вызвало шум, но события ближайших дней, на которые «Московские ведомости» откликнулись верноподданническими материалами и сообщениями, приглушили реакцию на заявление. Однако столкновения «Московских ведомостей» с Валуевым и с газетой «Северная почта» продолжались. 4 мая в № 95 «Московских ведомостей» редакцией было высказано мнение, что не всякое министерское распоряжение справедливо и непогрешимо. В ответ на это 6 мая последовало второе

предостережеше газетс, а 7 мая — третьс, одновременно и решение «приостановить продолжение означенного повременного издания на два месяца, за исключением казенных объявлений (Прибавлений, — М. С.) и всего, что издатели-редакторы обязаны печатать в „Московских ведомостях“ на основании пункта 3-го контракта, заключенного с правлением императорского Московского университета» (Северная почта, 1866, № 99, 11 мая). Отголоски того, что Суворин назвал в письме «трегейским судом», находим в «Северной почте» и «Московских ведомостях». В «Распоряжении» Валуева от 14 мая дано разрешение продолжать издание «Московских ведомостей» под временной редакцией проф. Любимова, так как были приняты во внимание ходатайство правления университета и неудобства, «пронтекающие от приостановления „Московских ведомостей“, для читающей публики в Москве, где нет другой ежедневной газеты, и в разных местностях, где издавна предпочтительно выписываются „Московские ведомости“» (Северная почта, 1866, № 105, 19 мая; см. также: Московские ведомости, 1866, № 99, 18 мая). 20 июня, как свидетельствует Н. А. Любимов, состоялось личное свидание Каткова с Александром II; он был обласкан царем, и ему было дано высочайшее разрешение на продолжение издания «Московских ведомостей» под старой редакцией (см.: Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889). Об этом газета известила подписчиков 25 июня (№ 132).

¹² Щебальский Петр Карлович (1810—1886) — историк, критик, публицист. В 1861 г. сотрудничал с Сувориным в «Русской речи», в середине 1860-х годов — в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» Каткова. Временным редактором «Московских ведомостей» был назначен не Щебальский, а Любимов (см.: Любимов П. А. М. П. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889).

¹³ Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — министр народного просвещения (с 1866 г.).

¹⁴ Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882) — государственный деятель, оказывавший влияние на политику правительства в области культуры и образования.

16

«5 июня 1866».

Получили ли Вы, дорогой Михаил Федорович, письмо, посланное мною Вам с неделю, а может быть, и дней 10 тому назад.¹ Ради бога, уведоьте, хоть строчкой одной. У нас все по-прежнему: на этой неделе произведено много арестов, больше, чем в прежнее время, и сделано много обысков.² Говорят, что Каракозова будут судить или отдадут под суд 10 июня. Неизвестно, где будут судить — в судебной ли палате или назначат Верховный уголовный суд.³ Из нашей редакции арестовали Альбертини, благонамеренного из благонамеренных, заклятого врага не только «Русского Слова», но и «Современника».⁴ Я ездил в 3-е отделение, бумаг не выдают, в понедельник поеду опять.⁵ Все молят бога о том только, чтоб все скорее кончилось. Жить просто невыносимо самым спокойным и умеренным.

Ваш А. Суворин».

Датировка письма по почтовому штемпелю на конверте

¹ Суворин ревниво следил за получением адресатом писем, так как опасался активизировавшейся почтовой цензуры. Письмо, отправленное Сувориным, было получено Де-Пуле вовремя.

² В мае—начале июня было арестовано по подозрению в связях с Каракозовым много литераторов, сотрудников «Современника», «Русского слова», «Искры» (Василий и Николай Курочкины, В. А. Слепцов, Д. И. Минаев, Г. Е. Благодетель, П. А. Лавров, А. И. Европеус, его жена А. К. Европеус и др.).

³ По приказу Верховного уголовного суда Каракозов был казнен 26 сентября 1866 г.

⁴ Альбертини Николай Викентьевич (1826—1890) — публицист, сотрудник либеральных органов: «С.-Петербургских ведомостей», «Голоса», «Отечественных записок». В 1861 г. во время студенческих волнений он разрешил студентам устроить сходку на своей квартире и с тех пор находился под надзором полиции, был несколько раз арестован (по «делу 32-х», обвинявшихся в сношениях с эмигрантами, и по «делу» русской читальни в Гейдельберге), 15 лет провел в ссылке.

⁵ Вероятнее всего Суворин ездил в III отделение в надежде получить какие-то бумаги редакции «С.-Петербургских ведомостей» (он был в это время секретарем редакции газеты), которые были отобраны у Альбертини (вместе с его личными документами) при аресте. Не что аналогичное было в те же дни при аресте В. А. Слепцова: среди его бумаг оказались и некоторые материалы редакции «Современника».

17

Дорогой Михаил Федорович, я получил оба Ваших письма, но на первое забыл ответить, и спешу исправиться.¹ Печатание листа «СПб. Ведомостей» стоит 50 руб., т. е. этой суммы стоит набор один, а печать по 3 руб. с тысячи. Примите, однако же, к сведению, что «СПб. Ведомости» печатаются в казенной типографии, да притом академической, где цены гораздо выше, чем в частных. Обыкновенная цена, которую берут типографии, если плата производится тотчас же по напечатании, — 30 коп. с тысячи букв, а сами типографии платят наборщикам 15 коп. с тысячи букв, т. е. берут 100 на сто. За набор газеты каждая типография возьмет, конечно, плату, как за работу постоянную. Принимая во внимание дешевизну машин, лучше всего иметь свою типографию — порядочно будет стоить, тысяч 15. Чтобы сделать нагляднее расчет, приведу в пример «Голос». Краевский делает так: он платит метранпажу 30 руб. с листа и уж ничего не знает — метранпаж хоть сам набирай весь номер; метранпаж нанимает наборщиков и рассчитывается с ними. Хоть «Голос» по набору не меньше «СПб. Ведомостей», но он стоит Краевскому вместе с печатанием рублей 36 за лист. Плата у нас — maximum 5, minimum 3, больше платится 4 коп., так что 5 коп. сделались исключением. Переводы — 1½ коп. В «Голосе» платят 5, 4, 3 и 2 коп., переводы 1 коп.

Относительно корреспондента я не могу ничего сказать, ибо никого не знаю, да не знаю, о чем и писать к Вам. Знаете ли Вы — «Весть» принадлежит кому?² Любопытно.

Таисе Николаевне усердный поклон. У нас ждут возобновления земства на 19 февраля.³ Курьезная эта история вышла — когда-нибудь расскажу, или, бог даст, свидимся. Пришлите № 14 «Вилкенского» Вестника», где о Бессопове, у нас он затерялся, а может и совсем не получали, что случается.⁴ Корни готов перепечатать.

Ваш от всей души А. Суворкин».

10 февр<аля> <1867>.

Сувориным ошибочно указан 1866 г.; исправлено по почтовому штемпелю на конверте и содержанию письма.

¹ В связи с изданием М. Ф. Де-Пуле газеты «Виленский вестник» (с 1 ноября 1866 по 1 февраля 1868 г.) он просил Суворина поделиться опытом организации технической и финансовой стороны издания петербургских газет, а также найти для него петербургского корреспондента. Суворин с некоторым запозданием сообщает ему данные о «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша и «Голоса» А. А. Краевского.

² Газета «Весть» (СПб., 1803—1870) издавалась В. Д. Скарятиним и Н. П. Юматовым; она выступала в защиту дворянства, вела борьбу с либеральной прессой.

³ Имеются в виду следующие факты. 14 января 1867 г. по высочайшему повелению были закрыты петербургские земские учреждения и подвергнуты репрессиям их активные деятели: Н. Ф. Крузе сослан в Оренбург, граф А. П. Шувалов выслан в Париж, а сенатору М. Н. Любощинскому велено было подать в отставку. Мотивировка в указе Сената от 20 января 1867 г. была следующей: «с самого открытия» эти учреждения действовали «не согласно с законами» (имелось, в частности, в виду недовольство земских учреждений законом от 21 ноября 1866 г. об ограничении права облагать сбором торговые и промышленные заведения, законом, сокращавшим материальные ресурсы земства и подрывавшим его самостоятельность), а также критиковали деятельность администрации, возбуждая тем самым недоверие и неуважение к правительству. Закрытие петербургских земских учреждений некоторые современники рассматривали как меру, предвещающую в будущем уничтожение земства вообще или подчинение его власти министрам и губернаторам (см., например, запись от 17 января 1867 г. в «Дневнике А. В. Никитенко» (т. III. М., 1956, с. 69)). Другие же (Суворин в том числе) надеялись на то, что закрытие — лишь временная мера, и в годовщину падения крепостного права, 19 февраля 1867 г., деятельность петербургского земства будет возобновлена. Однако восстановление произошло несколько позднее — в июле. Эти и подобные факты упомянул В. И. Ленин в своей работе «Гонители земства и аннибалы либерализма» (июнь 1901 г.). «Трагикомической эпопеей» назвал он эти эпизоды из истории земства: «... земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно отбирают одно право за другим» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 36). Подробности о закрытии и возобновлении петербургских земских учреждений см. в кн.: Веселовский И. Б. История земства, т. 3. СПб., 1911, с. 119—125.

⁴ В «Виленском вестнике» (1867, № 14, 2 февраля) было опубликовано «Письмо к редактору «М. Ф. Де-Пуле», в котором высказывалась благодарность газете за «должное уважение» к Бессопову — автору книги «Калики перехожие» (М., 1861), много сделавшему для развития культурной жизни в Вильно.

А. М. СКАБИЧЕВСКИЙ

ПИСЬМО к Л. Н. МАЙКОВУ

Публикация И. Г. Ямпольского

В статье «Наша университетская наука» (1863) Д. И. Писарев вспоминает между прочим о студенческом кружке в Петербургском университете второй половины 1850-х годов. О нем рассказывает также и А. М. Скабичевский в своих воспоминаниях.¹

Во главе этого кружка стоял Л. Н. Майков, младший брат поэта, будущий академик, историк литературы, фольклорист и этнограф. В него, кроме Майкова, Писарева и Скабичевского, входили также и другие способные молодые люди: Е. Е. Замысловский (впоследствии историк), В. В. Макушев (славист, автор работ о южных славянах), П. Н. Полевой (сын Николая Полевого, журналист, историк литературы и беллетрист), Ф. Ф. Ордин (адвокат), П. А. Трескин (педагог).

Они часто собирались и для душевных разговоров, и для дружеских пирушек. Почти все они серьезно занимались избранной специальностью, но были далеки от передового общественного движения. По словам Скабичевского, он и его товарищи были «постепеновцами», «приверженцами чистой науки и чистого искусства» и враждебно относились к «Современнику» (с. 112—113). Впрочем, он считает нужным заметить: «...мы хотя и чуждались общественных вопросов, все-таки ко многому относились критически» (с. 167).

Через много лет, обратившись мыслью к далекому прошлому, Скабичевский с двойственным чувством отзывается о Л. Н. Майкове и его семье. Л. Н. Майков не отличался большими дарованиями, но был человеком добрым, услужливым и охотно помогал товарищам. Всем Майковым были свойственны «крайняя умеренность и аккуратность во всех суждениях и поступках», «эгоистическое себе на уме», эпикуреизм (с. 113).

¹ Они собраны в кн.: Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928. (Далее при ссылках на эту книгу страница указывается в тексте).

Однако, вспоминая те годы, Скабичевский отмечал: «Семья Майковых производила на меня самое светлое и отрадное впечатление чего-то поистине идеального своим радушным гостеприимством, просвещенной гуманностью и проникновением всеми высшими и умственными, и нравственными интересами» (с. 169). Наконец Скабичевский отдавал должное и самому кружку: «...было бы ошибочно предполагать, что все, что Писарев проводил в своих статьях, радикально расходилось с тем, что говорилось в кружке, чтобы многие из наших разговоров и споров целиком не вошли в эти самые статьи. Я по крайней мере этого не скажу о себе. Но чем бесспорно я и, вероятно, все прочие члены обязаны кружку, это страстью к книге, уважением к науке, привычкой добросовестно относиться ко всякой работе. А разве этого мало?» (с. 171).

Первым порвал с кружком Писарев, ставший постоянным сотрудником «Русского слова». Появление статей Писарева на его страницах и занятая им боевая демократическая позиция были восприняты товарищами как ренегатство.² С неприязнью относился к этому и Скабичевский еще в 1862 г.

Но проходит некоторое время, и сам Скабичевский почувствовал внутреннюю отчужденность от прежних товарищей, а затем и вовсе разошелся с ними. Завершающим этапом их отношений и является публикуемое письмо Скабичевского к Л. Н. Майкову.

Оно интересно, во-первых, как отражение характерного сдвига в некоторых кругах русской интеллигенции начала 1860-х годов — от либерализма к демократизму, в то время как другие шли в обратном направлении.

Интересно оно и как психологический документ, характеризующий самого Скабичевского. Как известно, его репутация как критика была весьма неприглядной, и о нем почти всегда говорят только в негативном плане. Думается, что репутация эта во многом несправедлива. Не следует забывать, что Скабичевский был одним из главных критиков «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова-Щедрина и хотя был часто прямолинеен, но нередко его суждения отличались пронизательностью и точностью. Что же касается письма, то самый его тон, его такт и душевное благородство не могут не обратить на себя внимания.

Упоминаемые в письме Коля и Егор — Н. А. Трескин (1838—1894) и Е. Е. Замысловский (1841—1896).

Публикуемое письмо хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, ф. 166 (Л. Н. Майкова), № 1114, л. 3—4.

Любезнейший Леонид Николаевич.

При встрече в Главном казначействе ты выразил мне претензию, зачем я к тебе не хожу; претензия эта была выражена довольно обидчивым тоном, причем было, кажется, употреблено слово «зlobствуешь». Зlobствовать на тебя, равно как на Колю

² См.: Писарев Д. И. Соч., т. 2. М., 1955, с. 184.

или на Егора, мне вовсе не за что. В то же самое время я вовсе не считаю почему-либо вас всех недостойными моего знакомства и себя я не считаю в свою очередь недостойным вашего знакомства: я не намерен унижать ни себя, ни вас; я вас уважаю не менее, чем и прежде уважал; скажу более, я вас люблю в той же мере, как и прежде любил. Но несмотря на все это, я к вам не хожу и не намерен ходить, и на это есть своя особенная причина.

Было время, когда мы все шли вместе; тогда нас соединяло множество нитей. Тогда у нас было мало сказать знакомство, а особенный союз с целью помогать друг другу в развитии. Теперь все эти нити оборвались, и мы пошли разными путями. Не будем спорить, чей путь лучше, истиннее; каждый думает про свою дорогу, что она прямейшая; это покажет будущее. Дело в том, что, разойдясь в путях, мы с каждым днем начинаем менее и менее понимать друг друга. Отсюда вытекли те ожесточенные споры, которые бывали в прошлом году. Пока эти споры ограничивались объективным характером, все еще было сносно; но когда они начали принимать характер субъективный, т. е. когда дело начало доходить до личностей, что проявилось в моем последнем свидании с Колею, то я увидел, что дальнейшее наше знакомство невозможно. Дальнейшее знакомство могло бы повести нас к открытой ссоре, а этого я и не хочу. К чему ссориться, когда можно разойтись полюбовно. Пусть наш прежний союз, то прекрасное прошлое, которое погибло навсегда, останется незапятненным какою-либо вздорною ссорой... Мы расстанемся так, как будто умерли друг для друга. Не знаю, как вы, а я всегда буду вспоминать о вас с теплою любовью, и такое воспоминание будет гораздо приятнее, чем если бы я ходил к вам и постоянно выносил от вас горечь и ожесточение.

Я посылаю тебе при сем те твои клипги, которые у меня были; более никаких твоих книг у меня нет.

Надеюсь, что при встречах мы будем относиться друг к другу как старые знакомые, которые ничего друг против друга не имеют.

Остаюсь желающий вам всем всякого добра и счастья

А. Скабичевский.

1866 года 30 ноября.

Б. Л. ПАСТЕРНАК

ПИСЬМА к М. А. ВОЛОШИНУ и О. Д. ФОРШ

Публикация Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака

1

Публикуемое письмо Б. Л. Пастернака к М. А. Волошину — единственное непосредственное свидетельство их знакомства. Оно не датировано, но время его написания легко устанавливается из текста письма Пастернака к М. И. Цветаевой от 20 апреля 1926 г.: «Мне понадобилось написать Волошину и Ахматовой. Два запечатанных конверта скоро легли в сторону».¹ Письмо Анне Ахматовой датировано 17 апреля 1926 г.²

Остановимся на обстоятельствах биографии корреспондентов, необходимых для понимания контекста письма.

Тяжелые годы первой мировой и гражданской войн коренным образом изменили жизненный обиход поэта-«европейца» Волошина. Не имея возможности осуществлять, как прежде, заграничные поездки и знакомства, он обратил все внимание на то, чтобы в своем коктейбельском доме в Крыму создать своеобразное средоточие культуры и искусства. Этот дом и до мировой войны служил пристанищем многим друзьям Волошина, теперь же летом сюда стал съезжаться все расширяющийся круг людей из артистического и ученого мира.

Лишения военных лет сказались на здоровье М. А. Волошина; тяжелым ударом для него была смерть матери (8 января 1923 г.). Заботы о Волошине и его доме к этому времени взяла на себя Мария Степановна Заболоцкая (1887—1976), ставшая его женой и главной опорой. Она сумела создать удивительную атмосферу этого дома и продлить его притягательность и обаяние на 45 лет после смерти Волошина.

¹ Вопросы литературы, 1978, № 4, с. 240.

² ЦГАЛИ, ф. 13 (фонд А. А. Ахматовой), оп. 1, № 149.

17 августа 1925 г. в Коктебеле отмечалось 30-летие литературной деятельности Волошина. Число участвующих в чествовании составило около 170 человек, а вообще летом 1925 г. у Волошина в доме перебивало человек 400, как отмечают записи, хранящиеся в Коктебеле. Среди них были Л. М. Леонов, М. А. Булгаков, Ю. Н. Верховский, Е. Л. Ланн, С. В. Шервинский, Ф. А. Петровский, А. Н. Толстой, С. З. Федорченко. Именно С. З. Федорченко, вернувшись в Москву, взяла на себя инициативу организации вечера в пользу Волошина. М. А. Волошин сам собирался на него приехать, но не смог. Вечер состоялся 1 марта 1926 г. в помещении Государственной Академии художественных наук (ГАХН) на Пречистенке, ныне Кропоткинской улице.

9 марта 1926 г. Пастернак писал об этом вечере: «Недавно тут был вечер в пользу Волошина, без афиш, устроенный знакомыми для знакомых, миром Пречистенки и Арбата. Собрали 470 рублей. Я в нем участвовал».³ В дневнике поэта Л. В. Горнунга, хранящемся в его личном архиве в Москве, подробно описана программа вечера: «1 марта 1926 г. Сегодня в ГАХНе был устроен литературно-художественный вечер с благотворительной целью для помощи поэту М. Волошину, стихи которого сейчас не печатаются. М. Булгаков прочел по рукописи „Похождения Чпчикова“, как бы добавление к „Мертвым душам“. Писатель Ю. Слезкин, который больше был известен до 1917 г., прочел свой рассказ „Бандит“. Б. Пастернак читал два отрывка из поэмы „1905 год“ — „В студии отца“ и „Броненосец «Потемкин»“. Поэт С. Шервинский прочел четыре „Киммерийских сонета“, один из них, о художнике К. Ф. Богаевском, мне очень понравился. Поэт П. Антокольский читал свои старые и новые стихи. Пианист С. Файнберг играл свои фортепианные произведения. Актер Московского Камерного театра Румнев исполнил „Гавот“ С. Прокофьева в своей постановке. Он надел костюм шута и прыгал очень высоко. Писатель В. Вересаев прочел отрывки из своей автобиографической повести».

Деньги, вырученные за вечер, пошли на требовавшийся уже давно ремонт дома, о чем Волошин писал Н. А. Габричевской 13 марта 1926 г.⁴ В благодарность за организацию и участие в вечере Волошин послал свои акварели Федорченко, Булгакову, Пастернаку. На присылку акварели с надписью и приглашением в Коктебель Пастернак и отозвался публикуемым письмом.

Б. Л. Пастернак в это время работал над поэмой «Лейтенант Шмидт». Весной была окончена и сдана в журнал первая часть. Вторая, по замыслу автора, содержала описание Севастопольского рейда и панораму восстания на Черноморском флоте. Намерение съездить в Севастополь, чтобы написать эту картину с натуры, совпало с приглашением Волошина. Срочность работы не давала Пастернаку возможности думать о постоянном отдыхе в Коктебеле, но можно было позволить себе несколько дней, чтобы увериться в правдивости восторженных описаний волошинского дома, о котором он много слышал от друзей, главным образом

³ Письмо к И. А. Груздеву, см.: Архив М. Горького, ФГ 8-8/8.

⁴ ИРЛИ, ф. 562.

от А. И. Цветаевой. Ее влюбленность в Коктебель занимает большое место также в ее книге «Воспоминания».⁵

По многим причинам, в частности денежным, Пастернаку так и не удалось поехать в Крым, хотя он еще долго лелеял эту надежду. В середине августа 1926 г. он писал своей жене, проводившей лето в Германии: «Я позволю это себе только после того, как сдвину с места II-ю часть Шмидта, которая очень в последнее время застряла на одной трудной главе. Следовало бы мне съездить в Севастополь посмотреть бухты и некоторые важные места. Но меньше чем в 50 руб. эта поездка обойтись не может, а такую сумму я сейчас свободно не располагаю. Зато думаю съездить с тобой, когда ты вернешься. Очень об этом мечтаю. Мне кажется, что ты дунешь, плюнешь и достанешь те сто рублей, которые эта поездка будет стоить» (Семейный архив Б. Пастернака).

Основное содержание письма к Волошину — судьба Марины Цветаевой и восхищение ее «Поэмой Конца». Знакомство с этой поэмой стало для Пастернака решающим моментом в его отношении к Цветаевой и переписке с ней. Ранее покоренный ее лирическими стихами (особенно высоко он ставил «Версты»), Пастернак теперь поддал под обаяние поэмы, почувствовал, что в мире существует нечто соизмеримое с его собственными намерениями — то стремительное, живое, одухотворенное начало в поэзии, которому он служил и которое больше всего ценил; он увидел возможность плодотворного существования, поверил в свои силы.

Значительно позже он выразил это чувство в письме к дочери Цветаевой Ариадне Эфрон: «В течение нескольких лет меня держало в постоянной счастливой приподнятости все, что писала тогда твоя мама, звонкий, восхищающий резонанс ее рвущегося вперед, безоглядного одухотворения. Я для вас писал „Девятьсот пятый год“ и для мамы — „Лейтенанта Шмидта“».⁶ Под впечатлением поэмы Цветаевой Пастернак ходил к знакомым, чтобы читать ее. Ему хотелось всех приобщить к своей радости. Он обрушил на Цветаеву целый поток восторженных писем, следующих одно за другим: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглицотслякотной, дымно-гуманной ночной Праги, с мостом то вдаль, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь, подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти. И прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, микельанджеловской раскидистости и толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца. Попала ко мне случайно, ремингтонированная, без знаков препинания <...> Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина!».⁷

Зная о том, как высоко оценил Волошин первые шаги М. Цветаевой в литературе,⁸ какой заботой он окружил ее на ранних порах поэтического становления, помня о гостеприимстве, которым пользовались сестры

⁵ Цветаева А. Воспоминания. М., 1974, с. 402—415.

⁶ Звезда, 1975, № 6, с. 170. Письмо написано в октябре 1951 г.

⁷ Там же, с. 165.

⁸ См.: Волошин М. Женская поэзия. — Утро России, 1910, № 323, 11 декабря.

Цветаевы в Коктебеле с 1911 по 1917 г.,⁹ Пастернак не мог не поделиться этой радостью с Волошиным.

Возможно, из писем Цветаевой Пастернак знал, что Волошин не ответил на ее весть из-за границы и это положило конец их многолетней переписке.¹⁰ Пастернак пишет Волошину не только по поводу восхитившей его поэмы, но говорит и о том особом месте, которое Цветаева заняла в эмиграции, о принципиальности ее творческих позиций. Волошин, видимо, не ответил на это письмо, но через год, 13 марта 1927 г., он виделся с Пастернаком во время своего очередного пребывания в Москве.¹¹

Публикуемое нами письмо Пастернака хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в фонде Волошина (ф. 562, оп. 3, № 935).

«Москва. 17—20 апреля 1926».

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

До глубины души тронут Вашим незаслуженным подношением, усиливающим, сверх обычной меры, давнишнее желание увидеть все это своими глазами.¹

Боюсь, что и я злоупотреблю Вашим редким гостеприимством и, кажется, воспользуюсь Вашим любезным приглашением. Впрочем, опасность пока еще не очень велика. Вероятнее всего мне придется летом остаться в городе, к которому я буду привязан работой. Жену с ребенком я хочу отправить на лето к родным за границу,² что и потребует, вероятно, непрерывного, непривычного и вряд ли, по его размерам, осуществимого заработка. Но, может быть, как раз в разгаре этой каторги предмет самой работы заставит меня съездить на несколько дней в Крым, и мое предположение, таким образом, не целиком измышлено.

Из всего того, что я о Вас знаю, слагается прекрасный и притягательный образ. Из рассказов о Вас я всего более люблю слова А. Цветаевой, т. е. ее воспоминанья, характеристики, рассуждения о Вас. И вот дорожа Вашей дружбой с обеими сестрами, я, думаю, порадуя Вас, если сообщу, что Марина Ивановна пишет замечательные вещи, из которых одна, попавшая ко мне случайно, в частично искаженном перепискою виде, «Поэма конца», привела меня в крайнее волнение высотой и разрядом своих достоинств.

Эта вещь написана большим поэтом, написана не по-женски счастливо, с большим чувством и, что важнее, с большим знанием его природы. Но я бы никогда не решился подступить к кому бы то ни было с утверждениями, основанными на личном впечатлении, то есть убежденности не стал бы выдавать за истину,

⁹ См.: Цветаева М. Письма к М. Волошину. Публикация В. П. Купченко. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 151—157.

¹⁰ Там же, с. 184—185.

¹¹ Дата приезда М. А. Волошина в Москву и некоторые другие сведения сообщены нам В. П. Купченко, которому выражаем благодарность.

если бы меня в моем чувстве не поддерживали известия, идущие из-за границы.

Она пользуется там большим и возрастающим успехом, главным образом среди молодежи.³ Сколько могу судить по отрывочным сведениям, ее общая позиция очень независима и, кажется, не облегчена никаким подспорьем стадности, как это ни трудно в наши времена, когда одно уже местонахождение человека кажется что-то говорящим о нем. Разумеется, она в эмиграции, но от этого до того, что зовется «ориентацией», очень далеко. Говорят, она всех чуждается и дружит только с Ремизовым.

Еще раз горячо Вас благодарю за подарок и приглашение. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Акварель Волошина с его надписью-приглашением в архиве Пастернака не сохранилась.

² Евгения Владимировна Пастернак с сыном ездили в Германию к родителям Б. Пастернака на июль—август 1926 г.

³ Имеются в виду участие Цветаевой в молодом журнале «Версты» (Париж) и статьи о ней Д. П. Святополк-Мирского. В статье «О Мблодце» (Современные записки, Париж, 1926, № 27, с. 569) Святополк-Мирский называет Цветаеву первым поэтом современности.

2

Знакомство Пастернака с О. Д. Форш, видимо, произошло через Н. С. Тихонова, который дружил с Ольгой Дмитриевной с первых своих шагов в литературе, был многим ей обязан и в свою очередь впоследствии помогал ей и поддерживал ее.

Самостоятельность писательской позиции и художественное своеобразие неизменно трогали Пастернака. Это тем более сказалось в его отношении к Форш, художнику старшего поколения, обладающему несомненным писательским авторитетом. Чувством неподдельного интереса проникнуто единственное сохранившееся в архиве Форш (ф. 732, оп. 2, № 178) письмо Пастернака с оценкой ее «Московских рассказов» и первой части романа «Горячий цех».

Мы не знаем, где и при каких обстоятельствах познакомились Пастернак и Форш. Однако в августе 1926 г. они были уже знакомы, потому что Пастернак в письме к жене от 27 августа рассказывает о визите к нему Форш: «Ко мне зашла как-то Ольга Дмитриевна Форш со своим вышедшим на днях романом. Между нами завязался разговор, чрезвычайно тягостный и для меня большой неловкости. Произошла эта неловкость оттого, что ей во что бы то ни стало хотелось что-то очень лестное и приятное мне сказать, действительных же побуждений к тому, кроме намерений, не имелось. Это чувствовалось, и никакая философия веков и народов, в которую все больше и больше углублялась О. Д., замолчать этого не могла. Между тем эта достойная женщина и прекрасная писательница ничуть не была бы хуже без своих Сизифовых комплиментов. Разговор затягивался и становился бездонно однообразен именно

по причине сразу же ощутившегося неблагополучия» (Семейный архив Б. Пастернака).

Форш принесла Пастернаку роман «Современники» (М.—Л., 1926), и Пастернак, прочтя его на следующий день, так пишет об этом в том же письме к жене: «Это очень увлекательная книга, восходящая к материалам захватывающей значительности (Ал. Иванов и Гоголь в Риме и затем к концу — в России). Все эти сутки я с ней не расставался».

Темы, затронутые в романе Форш: «Италия, трагедия творчества (аскетическое самоучительство Гоголя — робкий и таящийся от людей гений Иванова)», взволновали Пастернака в это творчески и психологически напряженное для него время. Возможно, свои впечатления Пастернак успел сразу же высказать Форш, поскольку через несколько месяцев ему была послана автором следующая книга — «Московские рассказы» (Л., 1926).¹

Из письма, написанного в ответ на присланную книгу, мы узнаем, что Пастернак сразу же начал ее читать. Первые рассказы о жизни Сухаревки и ее окрестностей увлекли его народной сочностью языка и красочностью описаний. Пастернак с профессиональной серьезностью относился к вопросам языка, всемерно расширяя словарь в своих собственных поэтических и прозаических работах. «Мы втаскиваем вседневность в прозу ради поэзии. Мы вовлекаем прозу в поэзию ради музыки»,² — писал он в «Охранной грамоте», понимая под этим и включение в литературу обыденного языка улицы. Пастернак всегда очень внимательно прислушивался к народной речи, запоминал характерные выражения. Язык многих персонажей его прозаических произведений колористичен, обнаруживает хорошее знание автором разговорной речи. Сохранились записи диалектных и простонародных выражений, подслушанных в Чистополе на Каме, где Пастернак был в эвакуации в 1942—1943 гг. Отдавая должное «густому бытовому цукату» «Московских рассказов» Форш, Пастернак признает свое отставание в его знании и даже позволяет себе слегка усомниться в полном правдоподобии приведенных частных фактов. Затем он пишет, что дальнейшему чтению и наслаждению книгой помешала необходимость срочной работы.

Дело в том, что начатая в марте 1926 г. поэма «Лейтенант Шмидт» печаталась по частям в «Новом мире», который с начала 1927 г. неизменно требовал ее продолжения из номера в номер. Работа над поэмой была остановлена внезапным известием о смерти Р.-М. Рильке, кумира Пастернака и вдохновителя его творчества. Пастернак так писал об этом в анкете журнала «Читатель и писатель» (1928, № 4—5): «Я обещал себе по окончании „Лейтенанта Шмидта“ свидание с немецким поэтом, и это подстегивало и все время поддерживало меня. Однако мечте не суждено было сбыться — он скончался в декабре того же года, когда мне оставалось написать последнюю часть поэмы, и весьма вероятно, что на строении ее последних страниц отразилась именно эта кончина».

Пастернак вернулся к чтению «Московских рассказов» после того, как ему попалось на глаза начало романа «Горячий дех», напечатанное

¹ Книги Форш в архиве Пастернака не сохранились.

² Пастернак Б. Охранная грамота. Л., 1931, с. 22.

в журнале «Звезда» (1926, № 6). Подробностями восстания на броненосце «Потемкин», включенными в текст под видом рассказа его участника Полищука, этот роман особенно заинтересовал Пастернака, недавно кончившего поэму «Девятьсот пятый год», одна из частей которой, «Морской мятеж», была написана по свидетельствам участников этого же восстания. И действительно, некоторые обороты речи Полищука дословно совпадают со стихотворными строчками поэмы. Угадывается серьезное отношение обоих авторов к историческим источникам и верность им.

Впечатления от чтения романа отодвинули для Пастернака на задний план достоинства «Московских рассказов». В своих работах о первой русской революции Пастернак особенно остро ощущал, как «навязана» история человеку, приобщенному к ней, как и к жизни всей вселенной. Описывая исторические события, он всегда стремился уйти от патетики в живые детали быта и характеров. Об этом намерении сам он говорил так: «Автор, пользуясь материалами того времени для своей поэмы, подходил к ним без романтики, реалистически, видя в задачах обеих поэм («Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт») картину времени и нравов, хотя бы и в разрезе историко-революционном». Это встречало непонимание и недооценку произведения со стороны большинства, даже людей «такой смысловой восприимчивости, как Цветаева и Маяковский. Обязательная *приподнятость* в трактовке героя и героической стихии предполагалась настолько сама собою, что намеренная и умышленная психологическая и бытовая обыденщина некоторых частей поэмы была оценена «Цветаевой» как недостаточная их проникновенность, как нехватка пафоса и неудача».³

У Форш Пастернак отметил в принципе аналогичный подход к событиям. В своей оценке он подчеркивает убедительность сказанного ею при полном отсутствии навязываемой дидактики, так что читатель сам мог додумывать за автора «безотчетно легшие ему в руку положенья».

Вернувшись после чтения романа снова к «Московским рассказам», Пастернак с особым чувством прочел рассказ «Во дворце труда», построенный на живых воспоминаниях автора о юношеских годах, проведенных в стенах Николаевского института. Он выделил его из всех прочих, отметив, что в нем новизна перемеп, описанию которых посвящены и другие рассказы, измеряется «мерой задумчивости далеко назад оглядывающегося человека» и что он ставит эту вещь на одну высоту с романом «Горячий цех».

Писать Пастернака к Форш приобретает особое значение в общем контексте его эпистолярного наследия. В письмах он постоянно говорит о нежелании анализировать и оценивать присылаемые ему работы в стихах и прозе. В начале двадцатых годов он высказывал даже сомнение в правомерности эстетического суждения как такового в силу неизбежного произвола, лжи и необоснованности оценок. «Мне кажется — эстетики не существует в наказание за то, что она лжет, прощает, притворствуется и свисходит»,⁴ — писал Пастернак в статье «Несколько положений».

³ Записано А. Крученых в его машинописных тетрадах «Встречи с Цветаевой» 1944 г. (хранятся в семейном архиве Б. Пастернака).

⁴ Современник, 1922, № 1.

Публикуемое письмо Пастернака, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, относится к тем редким случаям, когда Пастернак считал себя обязанным откликнуться на прочитанное и выделить наиболее поразившие его моменты.

1 II <19>27.

Глубокоуважаемая и дорогая Ольга Дмитриевна!

Моему свинству должен быть наконец положен предел. Наперед это мне послужит наукой. Надо давать выражение естественной радости тотчас по вскрытии бандероли, не дожидаясь того, как сложится чтение присланного и что именно ему помешает. Примете ли Вы теперь мое столь запоздалое и слишком, вероятно, для Вас остывшее спасибо?

Тем временем я успел прочесть и чудесный Ваш «Горячий цех». Наверное, я ничего не понимаю, но при однородной, сизифовой, навязанной (как, вообще говоря, навязана человеку история) задаче, позволяющей ставить «Московский рассказ» в параллель с Вашими последними работами, высоты «Цеха» больше других достигает рассказ «Во дворце труда». Как раз по этой вещи и ложится моя благодарность Вам, быть может оставив недооцененными другие. Рядом с вещами, измеряющими новизну набежавших перемен мерой задумчивости далеко назад оглядывающегося человека, простые описания этих перемен, как бы они ни были художественны, необходимо проигрывают. Но не все драмы писать, скажете Вы, и будете правы,

На «Салтычихине гроте» застали меня неожиданные затруднения, о которых не стоит говорить, и, не успев Вас вовремя поблагодарить за доставленное наслаждение, за память и надпись, я должен был на время позабыть обо всем на свете ради одной не в меру затянувшейся работы. Тогда, до «Цеха» и «Дворца труда», я с восхищением глазел на Ваш густой бытовой цукат, так далеко отставая от Вас в его знании, что не всегда он мне казался правдоподобным. В том же, что в последнем заключении я, вероятно, не отдал ему должного, виноваты только Вы и Ваша последняя вещь. Рассуждать о ее достоинствах в подкрепление своего чувства вряд ли было бы удобно: Вы вправе этим не интересоваться. Все, что Вам нужно для Вашего общественно-исторического расчета от фактов, взято Вами так, что точно лишь случившийся вовремя читатель додумывает за Вас эти, безотчетно легшие ему в руку положенья. Таков в особенности конец вещи.

Как Ваше здоровье, Ольга Дмитриевна?

Вполне ли Вы оправились после московского ухаба? Еще раз горячо Вас благодарю за все. От души желаю Вам работать и дальше с тем же увлечением, как и над напечатанной частью.

Преданный Вам

Б. Пастернак.

Б. Л. ПАСТЕРНАК

ПИСЬМА к Г. Э. СОРОКИНУ

Публикация А. В. Лаврова, Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака

Письма к Г. Э. Сорокину характеризуют отношения Бориса Пастернака с «Издательством писателей в Ленинграде» в первой половине 1930-х годов и затрагивают в основном вопросы, связанные с печатанием «Стихотворений в одном томе» — наиболее полного для того времени собрания его стихов.

В эти годы «Издательством писателей в Ленинграде» были выпущены в свет четыре книги Пастернака — «Охранная грамота» (1931), «Девятьсот пятый год» (1932), «Стихотворения в одном томе» (1933) и «Повесть» (1934). Планировалось также, но не было осуществлено собрание его сочинений. Одним из редакторов и членов правления издательства был Н. С. Тихонов, близкий друг Пастернака тех лет. Первоначально Пастернак вел дела по печатанию своих книг с заведующим издательством — С. М. Алянским.¹ В архиве Сорокина — преемника Алянского в этой должности — сохранилось 5 писем Пастернака за 1931—1932 гг. к прежнему заведующему.

Первое из них было отправлено Алянскому из Куджор (Грузия) 12 августа 1931 г. вместе с гранками «Охранной грамоты» и содержало просьбу об оформлении будущей книги: «Обложку дайте, пожалуйста, простую, строгую, одноцветную, без иллюстративных украшений, смещений или изломов». Тогда же Пастернак подписал и отправил обратно Алянскому с этим же письмом присланный им договор на первый том собрания сочинений, выражая готовность «договора на следующие томы подписать через месяц-полтора, по возвращении в Москву».² Судя по этому и по следующему письму Пастернака из Куджор, от 7 сентября 1931 г., он договорился с Алянским, что «Издательство писателей в Ленинграде» обязуется еще до выхода первого тома собрания сочинений

¹ О его деятельности на этом посту см.: Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 53—67.

² ИРЛИ, ф. 519, № 412.

производить ему ежемесячные гонорарные выплаты. По возвращении из Грузии в Москву Пастернак писал Алянскому (письмо отправлено 22 октября 1931 г.):

«Глубокоуважаемый Самуил Мионович!

Вчера я вернулся в Москву. Спешу принести Вам искреннейшую благодарность за быстроту и аккуратность летних сношений издательства со мной, особенно оцененную мною в дороге. Большое спасибо. Вы меня очень бы обязали, если бы сообщили мне, в каком положении все наши дела: 1) состояние наших расчетов по сей день, 2) скоро ли выйдет „Охр^{ан}ная Грамота“, 3) как задумано собрание (вплоть до внешних мелочей, как-то: план, формат, характер обложки и пр. и пр.). Вообще, напишите все, что знаете из касающегося меня и того, что Вам может показаться уже мне известным, так как при продолжающейся глухости моего режима менее всего о себе знаю я сам. Кроме того, я только что с вокзала. Если будет нетрудно, переведите также и взнос за октябрь. С нетерпением жду письма от Вас. Крепко жму Вашу руку. Еще раз большое спасибо Вам и товарищам!

Ваш Б. П.»³

В письме, посланном Алянскому через неделю (29 октября) Пастернак, продолжая разговор о готовящемся собрании, спрашивал и о том, совместимо ли это предприятие с переизданием его отдельных произведений: «Так, например», „Спекторский“, как говорят, разошелся в 6-ти тысячах в течение 1½ месяцев, и мне советуют его переиздать. Я не знаю, совместимо ли это с полным собранием? В „Гихле“ бумаги нет, и, верно, можно было бы их склонить отступить от их дополнительных прав. Второе издание можно было бы предложить Вашему Издательству, или „Федерации“, или Моск^{овскому} товариществу. Можно ли все это сделать без вреда для собрания и как это поставить. Как-то надо бы этими и рядом аналогичных возможностей воспользоваться, на одни периодические выплаты Вашего издательства в их настоящем размере мне не просуществовать».⁴ Ответ Алянского нам неизвестен, но, видимо, результатом просьбы Пастернака было переиздание двух его поэм («Девятый пятый год» и «Лейтенант Шмидт»)⁵.

Последнее письмо Пастернака к Алянскому (от 16 февраля 1932 г.) содержало просьбу о некотором изменении композиции стихотворного тома собрания сочинений — об изъятии из раздела «Поверх барьеров» четырех стихотворений (две баллады, «Смерть поэта» и «Лето»⁶): «Все это я хочу перенести в новую книгу, куда это просится (и естественно войдет) по времени написания, содержанию и пр. и пр.»⁷ Относительно

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Пастернак Борис. Девятьсот пятый год. Изд. 3-е. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932 (ответственный редактор Ник. Тихонов).

⁶ Эти стихотворения открывают раздел «Смешанные стихотворения» в книге Пастернака «Поверх барьеров. Стихи разных лет» (Изд. 2-е, дополн. М.—Л., ГИХЛ, 1934, с. 89—96).

переноса стихов — решение твердое и очень пужное».⁷ Названные стихотворения вошли вторым разделом в книгу «Второе рождение» (1932), а в «Стихотворениях в одном томе» заняли соответствующее композиционное место в разделе «Волны».

В 1932 г. Алянский перешел на работу в издательство «Молодая гвардия». На должность заведующего «Издательством писателей в Ленинграде» был назначен писатель и редакционно-издательский работник Г. Э. Сорокин. В его компетенцию входили управление издательством «во всем объеме его деятельности — как технической, так коммерческой и хозяйственной»,⁸ подписание договоров с авторами, совершение сделок и т. д. Соответственно к нему перешли и все дела, связанные с изданием сочинений Пастернака. Личное знакомство Сорокина и Пастернака состоялось, по всей вероятности, в середине октября 1932 г., когда Пастернак с женой приезжал на 4 дня в Ленинград и останавливался у поэта С. Д. Спасского.⁹ Во время разговора с Сорокиным, судя по последующей переписке, были подтверждены договорные отношения Пастернака с «Издательством писателей в Ленинграде» в форме ежемесячных выплат. Сорокин был в приятельских отношениях со Спасским, и это, безусловно, способствовало тому, что деловое общение его с Пастернаком не ограничилось официальными рамками, а сопровождалось взаимным дружеским расположением. Многие, знавшие Сорокина, вспоминают о нем, как об очень симпатичном, предупредительном, глубоко порядочном человеке, внимательном и тактичном редакторе, ревностном и честном исполнителе своего дела. Не удивительно поэтому, что Пастернак с такой доверительностью и открытостью писал ему о себе, о своих заботах и нуждах.

Григорий Эммануилович Сорокин родился 11 января 1898 г. в Бобруйске.¹⁰ В 1918 г. он добровольно вступил в Красную Армию; в первые послереволюционные годы учился в 3-м Петроградском педагогическом институте, уже в это время проявляя широкий интерес к литературной и культурной жизни (в частности, Сорокин был членом-соревнователем «Вольной философской ассоциации», существовавшей в Петрограде в начале 1920-х годов¹¹). С 1922 г. Сорокин включился в литературно-издательскую деятельность: начав наборщиком в рабочем издательстве «Прибой», он стал корректором, а затем техническим редактором. В это же время началась и его литературная деятельность. В ленинградских аль-

⁷ ИРЛИ, ф. 519, № 412.

⁸ Там же, № 275, л. 1. О рабочем аппарате издательства см.: Лавров Н. П., Таллерчик Т. М. Издательство писателей в Ленинграде (1928—1934 гг.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сборник ХХХVI. М., 1978, с. 94—95.

⁹ Свою книгу «Второе рождение» Пастернак надписал в Ленинграде О. М. Фрейденберг 14 октября. См. также письмо Пастернака к С. Д. Спасскому, отправленное 22 октября 1932 г. по возвращении в Москву (Вопросы литературы, 1969, № 9, с. 173).

¹⁰ Сведения о Сорокине почерпнуты в основном из документальных материалов его архива (ИРЛИ, ф. 519, № 271, 272, 275, 277, 280, 310, 311 и др.).

¹¹ ИРЛИ, ф. 474, № 567, л. 2.

манахах было опубликовано несколько его стихотворений.¹² Тогда же Сорокин примкнул к литературной группе «Содружество», в которую входили Н. Л. Браун, Б. Д. Четвериков, Б. А. Лавренев, М. Э. Козаков и другие писатели. В 1925 г. вышел в свет небольшой сборник стихотворений Сорокина «Галилея». Содержание его было достаточно отвлеченным и далеким от основных направлений советской поэзии 1920-х годов. Библейские, исторические мотивы сочетались в стихах Сорокина с темами Петербурга и русской культуры, иногда в противопоставлении одного мира другому:

Что делать мне на Невских берегах,
В метелях, бурях и туманах,
Когда слеза в открывшихся глазах,
Запомнивших цветенье Ханаана, —

иногда в их взаимопроникновении и взаимообогащении:

Пролей слова в нетронутых снегах
Горячим инбирем и терпкою смолою,
И семисвечником в раскольных домах
Ты просиянный свет зажги рукою.

.
Иди в поля стоголов и плодовит
И лавр ко льдам неси благоуханный,
И Галилейская Россия прилетит
Снежинкой теплою к родному Иордану.¹³

«Галилея» — единственная книга стихов Сорокина¹⁴ — осталась незамеченной в критике. Определенный резонанс вызвала его первая прозаическая книга — сборник рассказов «Примечания к судьбе», выпущенный «Издатelьством писателей в Ленинграде» в 1931 г. Книга эта, любопытная как образец воздействия разнообразных стилевых исканий, характерных для прозы 1920-х годов, написана в экспрессивном, напряженно-метафорическом стиле, отличается фрагментарностью изложения и избыточными эллиптическими конструкциями. «Примечания к судьбе», примыкавшие к многочисленному ряду произведений на тему о поисках интеллигенцией своего пути в революции, вызвали решительный отпор критиков «рапповского» толка как «недоброкачественные „примечания“ не желающего перестраиваться упорствующего интеллигента к выдуманной им фальшивой судьбе»; позиция автора была аттестована и разобла-

¹² См.: Литературно-художественный альманах для всех, кн. 1. Л., «Прибой», 1924, с. 187—188 (баллада «Повесть о комбате»); Костер. Л., 1927, с. 84—87 («Кино-повесть»); Собрание стихотворений. Л., 1926 (два стихотворения).

¹³ Сорокин Григорий. Галилея. Л., «Эрато», 1925, с. 10, 17—18 (тираж 500 экз.).

¹⁴ В 1930-е годы «Издатelьство писателей в Ленинграде» предполагало выпустить в свет «Вторую книгу стихов» Сорокина, но это намерение не было осуществлено. Стихотворения Сорокина 1930—1950-х годов сохранились в его архиве (ИРЛИ, ф. 519, № 2, 3); из них наибольший интерес представляют его «Северные стихи» (1951—1953) (там же, № 3, л. 45—72).

чева как «упадочная» и «правопопутническая».¹⁵ Рассказ «Угол падепия», занимающий в книге Сорокина центральное место, заставляет вспомнить о романе К. А. Федина «Города и годы» и его герое Андрее Старцове: сорокинский Владимир Болотов претерпевает во многом сходные метания и колебания перед лицом крупных исторических событий — мировой войны и революции — и не находит себе места в послереволюционной действительности.

В дальнейшем непосредственная творческая работа Сорокина была отгеснена на второй план его редакционно-издательской деятельностью.¹⁶ После слияния в 1934 г. «Издательства писателей» в Ленинграде с «Советским писателем» Сорокин был назначен главным редактором ленинградского отделения объединенного издательства. Редакторской работе он посвятил в целом 27 лет своей жизни (с 1922 по 1949 г.). Очерки, статьи, рецензии, фельетоны Сорокина печатались в журналах «Литературный современник», «Ленинград», «Резец», «Звезда» и др. Будучи хорошим знатоком литературной жизни, Сорокин опубликовал на связанные с нею темы целый ряд фельетонов и юморесок, которые были объединены затем в книге «Чудаки и романтики».¹⁷ Выступал Сорокин и как литературовед: им подготовлен том стихотворений Плещесва в малой серии «Библиотеки поэта».¹⁸

В годы Великой Отечественной войны Сорокин находился на действительной службе в Военно-Морском Флоте в качестве редактора и военного корреспондента. Еще до войны он написал антифашистскую документальную повесть «Кантабрийское море» — по воспоминаниям подводника, бойца интернациональной бригады, сражавшегося за республиканскую Испанию.¹⁹ Подобную же обработку сообщений о действительных

¹⁵ См. рецензию на «Примечания к судьбе» Ф. Сельцер: Ленинград, 1932, № 1, с. 86—87. В другой рецензии сходной направленности Сорокин был наречен выразителем «художественного сознания худшей части упадочно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции» (Котляр А. В тупике. — Литературная газета, 1931, № 55, 12 октября). Ср.: Книга — строителям социализма, 1931, № 28, с. 143—144.

¹⁶ Упомянем также написанную Сорокиным совместно с Д. Лаврухиным книгу «Я учился бороться. Переработка романа Б. Иллеш „Тисса горит“» (Л.—М., ГИХЛ, 1932 (серия «Библиотека начинающего читателя»)). Книга была признана небрежной и неумелой адаптацией произведения венгерского писателя (Художественная литература, 1932, № 5, с. 17—19).

¹⁷ Сорокин Григ., Флит Ал. Чудаки и романтики. Л., 1941.

¹⁸ Плещеев А. Н. Стихотворения. Вступит. статья и примеч. Гр. Сорокина. Л., 1937. В статье В. Жданова «О малой серии „Библиотеки поэта“» в адрес этой книги были высказаны серьезные критические замечания (Литературное обозрение, 1938, № 3, с. 41—43, 47—48). В 1939 г. Сорокин заключил с издательством «Советский писатель» договор на вступительную статью и примечания к книге «Поэзия 1905 года» (большая серия «Библиотеки поэта») (ИРЛИ, ф. 519, № 280), однако издание не было осуществлено. Работа над этой темой отражена в статье «Армия и флот в сатире первой революции», написанной Сорокиным совместно с В. Ф. Бояновским (Краснофлотец, 1940, № 20, с. 30—32).

¹⁹ Опубликована в журнале «Литературный современник» (1941, № 6, с. 3—36). Отдельное издание: Сорокин Григ. Кантабрийское море. М.—Л., 1941.

происшествиях представляют собой его «Рассказы капитана Суслина».²⁰ Сорокиным написаны также документальные повести о летчиках Военно-Морского Флота.²¹

После войны Сорокин вернулся на работу в издательство «Советский писатель», где до лета 1949 г. продолжал быть главным редактором ленинградского отделения и одно время исполнял обязанности директора. Умер он 27 февраля 1954 г.

Переписка Пастернака с Сорокиным охватывает сравнительно короткий период — с ноября 1932 по февраль 1934 г., когда Сорокин был заведующим «Издательством писателей в Ленинграде». Письма ограничены в основном рамками издательско-деловых отношений, но характеризуют косвенным путем многие важные обстоятельства жизни Пастернака этой поры, помогающие отчетливее представить его литературную позицию. Хотя Пастернак в эти годы и пользовался широкой известностью (книги его много и охотно печатали, имя поэта в литературной среде было чрезвычайно популярно), но его творчество постоянно подвергалось ожесточенной критике в духе вульгарно-социологических, начетнических, предвзятых тенденций, типичных для «рапповских» идеологов и еще преобладавших в начале 1930-х годов.²² Творчество Пастернака оказалось в это время дискуссионным, каждая его новая книга обсуждалась в связи с перспективами развития советской литературы в целом и разбиралась с повышенной пристрастностью и остротой. На различные лады варьировались суждения о субъективном идеализме Пастернака, о его принципиальной отрешенности от действительности, о созерцательном начале в его поэзии как явлении порочном и заслуживающем осуждения. Резкое неприятие «Охранной грамоты» (см. письмо 6) — произведения, исключительно важного для Пастернака и дорогого ему, холодное и настороженное отношение к роману в стихах «Спекторский»²³ и к книге прозы

²⁰ Сорокин Григ. Рассказы капитана Суслина. М.—Л., 1942 («Библиотека краснофлотца»).

²¹ См.: Сорокин Григ. 1) Генерал Остряков. М.—Л., 1944; 2) Вечный берег. М.—Л., 1946; 3) На Черном море. Записки военного корреспондента. Л., 1947 (включены «Вечный берег» и «Мыс „Доброй Веры“»); 4) Два героя. М., 1956 (включены «Вечный берег» и «Небо Севастополя» (в 1-м издании — «Генерал Остряков»)).

²² См., например: К. О Пастернаке. — Литературная газета, 1932, № 24, 29 мая.

²³ В статье о «Спекторском» «Поэзия опасна?» А. Селивановский утверждал, что в этом произведении отразился «весь сегодняшний Пастернак с клубком неразрешимых для него противоречий, с конфликтом между бессильной тягой к революционной действительности и погруженностью в косность поэтического искусства» (Литературная газета, 1931, № 44, 15 августа). После обсуждения «Спекторского» на собрании отдела поэзии ГИХЛла был сделан вывод, что от «изоэренной вязи» стихов этого произведения «веет упадком, ущербом, осенними мотивами (...) этот стиль не в силах передать „воздуха“ нашей эпохи» (Кальм Д. «Спекторский» Б. Пастернака. — Литературная газета, 1931, № 15, 19 марта). В статье А. Прозорова под характерным заглавием «Трагедия субъективного идеалиста» «Спекторский» был развенчан как произведение. «активно заостренное против современности» (На литературном посту, 1932, № 7, с. 35).

«Воздушные пути»²⁴ сопровождалась настойчивыми призывами к Пастернаку направить свои творческие усилия в ином направлении и совершить «внутреннюю перестройку». Потребность в творчестве, которое было бы созвучно переживаемой эпохе, ощущал и сам Пастернак.

Книга «Второе рождение» (1932) ознаменовала определенные сдвиги в его художественной системе к большей простоте и конкретности образов и непосредственное обращение к темам современной действительности, но она была принята большей частью критиков не в ее подлинном поэтическом значении, а лишь как потенция для необходимой Пастернаку «перековки».²⁵ Лишь в середине 1930-х годов, в особенности после выхода книги переводов Пастернака «Грузинские лирики» (1935), воспринятой с единодушным восхищением, тон критики изменится принципиальным образом и о Пастернаке станут говорить исходя в основном из объективной значимости его творчества. Характерна в этом отношении полемическая статья А. Тарасенкова «Пастернак в кривом зеркале», написанная по поводу статьи о Пастернаке Ярополка Семенова в «Литературной газете» (1935, 20 и 24 августа), в которой развивалась прежняя концепция о формализме и субъективном идеализме поэта. «Пастернак, действительно, очень субъективный поэт, — писал Тарасенков, — весь видимый предметный мир он переплавляет в тигеле своих интимнейших переживаний, — и в этом, заметим мимоходом, одно из положительных его качеств как лирика. Ведь быть субъективным — отнюдь не значит быть идеалистичным. Писать от имени интимно чувствующего человека — вовсе не значит зачеркивать объективный мир. И, конечно, этот мир находит яркое (хотя и не всегда прямое) отражение в творчестве Пастернака <...> зачем же так грубо и вульгарно отождествлять философию с творческими приемами художника?»²⁶

²⁴ В статье «Мастерская старых образцов» И. Нусинов писал о «парниково-литературном, а не черноземно-жизненном источнике прозы Бориса Пастернака» и характеризовал книгу как «литературный музей» (Художественная литература, 1933, № 9, с. 7—9).

²⁵ См.: Прозоров А. «Тезисы души». — Художественная литература, 1932, № 24, с. 5—7; Смольяков Г. Заметки о лирике. — Резец, 1932, № 28, с. 25. А. Тарасенков в статье «„Второе рождение“ Б. Пастернака» писал о новых мотивах его творчества: «... живая жизнь, врывающаяся в его стихи, начинает переделывать художественную образную систему поэта, делая ее проще, выразительней, универсальней, сильнее» (Литературная газета, 1932, № 56, 11 декабря). В то же время и в связи со «Вторым рождением» продолжали звучать прежние формулировки. Касаясь «грузинских» стихов этой книги, П. Незнамов писал о Пастернаке: «Его Кавказ открывается если не из прекрасного далека, так из прекрасного высоко» (Незнамов П. Два Кавказа (Асеев и Пастернак). — Вечерняя Москва, 1934, № 5, 5 января). В статье «Поэт и революция» А. Селивановский не обнаружил во «Втором рождении» «сколько-нибудь значительного изменения основного, многолетнего тона его творчества» (Литературная газета, 1932, № 55, 5 декабря).

²⁶ Знамя, 1935, № 10, с. 232, 234. См. также статьи «Борис Пастернак» Д. Обломиевского (Литературный современник, 1934, № 4, с. 127—142) и «Проза поэта» М. Гутнера (там же, 1936, № 1, с. 118—131), в которых предпринята серьезная попытка анализа творчества Пастернака в сравнении с поэтикой символистов, акмеистов и футуристов и в соотношениях с традициями русской литературы XIX в.

В пору переписки Пастернака с Сорокиным такие суждения, однако, еще не звучали в печатных отзывах. Критическая кампания вокруг имени Пастернака не могла не отразиться на административно-издательских акциях — на отказе от выпуска в свет собрания сочинений, на изъятии «Охранной грамоты» из сборника его прозаических произведений. Пастернак всегда стремился сохранить свое лицо и писать «в своем ключе», но неблагоприятные внешние обстоятельства все же сказывались на его творческой деятельности, заставляя корректировать задуманные планы. Так, начав писать роман «Записки Патрика», героиней которого была Евгения Викентьевна Люверс-Истомина, в надежде на издание собрания сочинений, даже подписав договор на него, Пастернак вскоре прерывает эту работу, узнав о том, что собрание не состоится, и переключается на переводы с грузинского, которые вскоре оттесняют на второй план другие творческие замыслы. Долги, растраченные и не отработанные авансы, необходимость содержать две семьи, недавно оставленную и вновь заведенную, внутренняя потребность помогать пугающимся — все эти заботы очень ярко выражены в письмах к Сорокину. И все же основной их интерес — в темах, непосредственно характеризующих творческую деятельность Пастернака: это сообщения о работе над крупным прозаическим произведением, о поездке в Грузию, о неудачных попытках театральной работы (оперы Р. Вагнера) и т. д.; и прежде всего здесь следует сказать о детально восстанавливаемой истории издания «Стихотворений в одном томе» — книги, ставшей итоговой для первой половины творческого пути Пастернака-поэта,²⁷ выпущенной в свет при помощи и заинтересованном содействии Сорокина.

Ответные письма Сорокина в архиве Пастернака не сохранились.

Письма Б. Л. Пастернака к Сорокину печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в архиве Г. Э. Сорокина (ф. 519, № 149).

1

10 XI <19>32.

Москва 19, Волхонка 14, кв. 9.

Глубокоуважаемый Григорий Эммануилович!

Мне не удалось повидаться по-настоящему с Тихоновым. Он просил передать мне, что предисловье с книги снято, тираж увеличен до 5000 и что издательство согласно выпускать собрание.¹

Жду обещанных в телеграмме подтверждений. В то же время меня беспокоит ряд вещей. Прежде всего задержка денег. Неаккуратность их выплаты очень ощутительна. Отчего это происходит и поправимо ли в дальнейшем?

Кроме того, не вышло ли неприятности с Селивановским? Я был не против *его* статьи,² а против чьей бы то ни было: про-

²⁷ Об итоговом характере книги писала в рецензии на нее Р. Миллер-Будницкая (Литературный современник, 1933, № 11, с. 159—161).

тив порядка, вызвавшего прошлой зимой тогдашнюю конъюнктуру. Недавно К. Зелинскому была навязана роль председательствующего на моем вечере.³ Он пришел с переводом сказанного обо мне в Английской энциклопедии.⁴ Нельзя придумать ничего лучшего, и мы с Зелинским друзья, но я просил его не делать вступительного слова, потому что неловко при всем этом присутствовать, и это положение фальшивое. Можете мне верить, что из многих критиков мне всего приятнее Селивановский, он умница, и я питаю настоящую симпатию к нему,⁵ но так же только, как с Зелинским, не как-нибудь еще иначе, тяготился бы полувынужденной торжественностью, которую бы сообщало одностороннику чье бы то ни было, а не одного Селивановского, предисловье.⁶ Я не знаю, в таком ли духе поднимался вопрос, и был бы очень огорчен, если бы не в этом.

Напишите мне, пожалуйста, и приложите все старанья, чтобы мне перевели деньги и впредь переводили бы их в срок. Жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Николай Семенович Тихонов был ответственным редактором собрания стихотворений Пастернака («Стихотворения в одном томе»), подготовленного «Издательством писателей в Ленинграде» (1933; сдано в набор 21 октября 1932 г.). В середине октября 1932 г. Пастернак четыре дня пробыл в Ленинграде. Вечер, на котором он выступал с чтением своих произведений, был устроен в Филармонии. Вероятно, Тихонов пришел на вечер, но не смог поговорить с Пастернаком о делах. Другой возможности встретиться им не представилось.

² Первоначально издательство договаривалось о том, что предисловие к собранию сочинений Пастернака будет написано Алексеем Павловичем Селивановским (1900—1938) — ведущим литературным критиком начала 1930-х годов, ответственным редактором «Литературной газеты» (до мая 1932 г.), бывшим ранее одним из руководителей РАППа. Возможно, что именно эту статью («Борис Пастернак») с соответствующими изменениями он опубликовал (с пометой: «В порядке обсуждения») в журнале «Красная новь» (1933, № 1); статья вошла в его книгу «Поэзия и поэты. Критические статьи» (М., 1933, с. 155—178). В статье Селивановский обвиняет Пастернака в отъединенности от мира, ограниченности его сугубо интеллектуальных тем и не видит в его творчестве тенденций к обновлению взгляда и стиля, о чем многие говорили в связи с выходом в 1932 г. книги «Второе рождение». «Искусство безволия, пассивного „философствования“ и пассивных ощущений — в прошлом, — заключает свою статью Селивановский. — Поэтому все более будет становиться прошлым, документом и поэзия Пастернака, если он не совершит решительного разрыва с буржуазным реставраторством» (Селивановский А. Поэзия и поэты, с. 178).

³ Зелинский Корнелий Люцианович (1896—1970) — критик, литературовед, один из организаторов группы «Литературный центр конструктивистов». В его архиве (ЦГАЛИ, ф. 1604) сохранилось 5 писем Пастернака за 1926—1958 гг. Вечер Пастернака под председательством Зелинского состоялся в Политехническом музее. По просьбе П. И. Лавуга, организатора вечера, автор нескольких статей о Пастернаке, литературный критик А. К. Тарасенков был приглашен сделать вступительное слово, однако Пастернак решительно отказался от такой программы. Вечер открыл председательствующий К. Л. Зелинский (сведения из воспоминаний поэта

Л. В. Горнунга, хранящихся в его архиве в Москве). Еще ранее Зелинский выступал на «Творческом вечере оргкомитета ФОСПа», состоявшемся 6 апреля 1932 г. (11 апреля — продолжение), на котором Пастернак читал стихи из «Второго рождения» (см.: Б. Н. Поэт и его окружение. На вечере Б. Пастернака. — Литературная газета, 1932, № 17, 11 апреля; сохранилась частичная стенограмма вечера: ИМЛИ, ф. 120, оп. 1, № 17). В очерке о Пастернаке, вошедшем в обзорную статью «Лирическая тетрадь», Зелинский анализировал книгу «Второе рождение», подчеркивая ее этапное значение, «внутреннюю цельность» и большую простоту в сравнении с прежними книгами (Год шестнадцатый. Альманах 1. М., 1933, с. 394—407; альманах редактировался М. Горьким).

⁴ Имеется в виду статья «Русский язык и литература» в «Британской энциклопедии» (1929), написанная Д. П. Святополк-Мирским. Пастернак охарактеризован в ней как «крупнейший из ныне живущих русских поэтов» (Encyclopaedia Britannica, vol. 19, p. 757). Подробнее см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979, с. 198.

⁵ Это заявление может быть поставлено в связь с обычным для Пастернака отношением к критическим оценкам в его адрес. Так, в письме к М. Горькому от 4 марта 1933 г. он пишет следующее: «Мне не на что жаловаться, Алексей Максимович, — в ничемности и несостоятельности всего мною сделанного я убежден горячее и глубже, чем это звучит в холодных и довольно еще снисходительных намеках критики...» (Архив А. М. Горького (далее: АГ), КГ-л 56-12-16). Кроме цитированной выше статьи, Селивановский уничтожающе раскритиковал роман в стихах «Спекторский» в статье «Поэзия опасна?», утверждая, что «линия сегодняшней поэзии Пастернака и линия искусства социализма расходятся» (Литературная газета, 1931, № 44, 15 августа). С тех же осуждающих позиций написаны его статья «Поэт и революция» (там же, 1932, № 55, 7 декабря) и статья в «Литературной энциклопедии» (т. 8. М., 1934, стб. 465—471). Возможно, что признание в «симпатии» к Селивановскому было сделано для того, чтобы косвенным путем избежать обиды критика, которому издательство могло объяснить снятие статьи недовольством его Пастернака. В этом плане совершенно нереально сообщение Н. И. Харджиева, сопровождающее публикацию статьи В. В. Тренина и Н. И. Харджиева «О Борисе Пастернаке» (в кн.: Boris Pasternak. Essays. Edited by Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1976, p. 9—25), которая была написана в 1932 г. для «Литературной газеты», но там не появилась якобы потому, что Пастернак отдал предпочтительнее статье Селивановского. Редакция газеты предпочла напечатать статью Селивановского «Поэт и революция», поскольку она вскрывала «социологические корни становления поэта», чего не касались Тренин и Харджиев в своем анализе поэтики Пастернака и его литературной генеалогии. Приводимые Харджиевым слова Пастернака: «сейчас нужна самая примитивная панегирическая статья» (Харджиев в Н. И. История одной статьи («О Борисе Пастернаке»). — Ibid., p. 7—8) — скорее всего заключают попытку объяснить позицию самой «Литературной газеты». Странно звучит и предположение Харджиева о том, что Пастернак был «задет» их работой: статья Тренина и Харджиева, ограничивавшаяся анализом поэтики Пастернака, могла обидеть его в гораздо меньшей мере, чем критические выступления Селивановского, действительно не щадившего самолюбия автора. Описываемые Харджиевым отяжка с опубликованием статьи, протесты в связи с этим Э. Багрицкого и В. Шкловского, через которых она была заказана, служат подтверждением недовольства ею в редакции. Мнение же Пастернака не могло иметь значения при выборе того, что печатала или не печатала «Литературная газета».

⁶ Аналогично Пастернак отказывался от предисловия при издании своего первого стихотворного сборника «Близнец в тучах» (М., «Лирика», 1913). Издатель С. П. Бобров требовал статьи, полемически заостренной против символистов, Пастернак не захотел написать ее сам и всячески

старался избавиться от статьи, написанной Н. Асеевым; чтобы рассеять подозрения обидившегося Асеева, Пастернак вынужденно дал согласие на его предисловие (см. письмо Пастернака к А. Л. Штиху от 1 июля 1914 г.: Вопросы литературы, 1972, № 9, с. 146).

2

8 XII <19>32.

Глубокоуважаемый Григорий Эммануилович!

Простите, что надоедаю Вам, но, если возможно, переведите мне следующее по договору № 534 в нынешнем месяце в срок, и первую половину, или во всяком случае не меньше половины, — на самых ближайших днях: у меня сейчас нет денег, и Вас это не должно удивлять. Крупная часть посланной в 20-х числах ноября суммы пошла в погашение домашней задолженности, допущенной прежде; кроме того, переоценивая всегда будущие перспективы договоров, т. е. возможность их аккуратного соблюдения при общегосударственной финансовой конъюнктуре, я не отказываю иногда в поддержке кое-кому из знакомых, из тех, кому живется туже, чем мне; наконец, — и я хочу, чтобы Вы это знали, — у меня 6 иждивенцев, на мне две семьи, два полных отдельных хозяйства.¹ Вы не поймете меня, если присвоите сказанному какую-нибудь интонацию, кот¹орой в моих словах не содержится. Не только ни в чем не виноваты Вы и Вас ничего из сообщенного не касается, но, наоборот, я должен у Вас просить извинения, что посвящаю Вас в такие подробности, ибо такая нескромность бестактна. Но делаю я это в пояснение моей предосторожности. Я боюсь, что выполнить в точности оговоренные условия в этом месяце будет еще труднее, чем в предшествующем, и прошу Вас вовремя меня предупредить, потому что у меня на этот раз нет резерва и выхода, и мне надо вовремя найтись и что-нибудь придумать. Дня три-четыре как стал усиленно работать над прозой.²

Ваш Б. Пастернак.

¹ На попечении Пастернака была семья его первой жены Евгении Владимировны Пастернак, оставшейся с сыном, и новая семья — жена З. Н. Нейгауз и двое ее сыновей от первого брака. Варпацки числа иждивенцев от 6 до 7 человек (в следующем письме) зависят от палиция домашней работницы.

² Здесь мы встречаемся с первым упоминанием о работе над незавершенным романом (1932—1938). По всей вероятности, при встрече с Сорокиным в октябре 1932 г. Пастернак обещал ему представить это произведение для опубликования. В указателе «Издательство писателей в Ленинграде. Редакционный тематический план издательства на 1934 год Проект» ([Л.], 1934, с. 40) среди намеченных книг значится: «Б. Л. Пастернак. Новая повесть. Издание первое. Авт. лист. 6». 4 марта 1934 г. Пастернак писал Горькому: «Я долго не мог работать, Алексей Максимович, потому что работою считаю прозу, и все она у меня не вы-

ходила. Как только округлялось начало какой-нибудь задуманной вещи, я в силу материальных обстоятельств (не обязательно плачевных, но всегда все же — реальных) его печатал. Вот отчего все обрывки какие-то у меня, и не на что оглянуться. Я давно, все последние годы мечтал о такой прозе, которая, как крышка бы на ящик, легла на все неоконченное и досказала бы все фабулы мои и судьбы. И вот совсем недавно, месяц или два, как засел я за эту работу, и мне верится в нее, и очень хочется работать» (АГ, КГ-п 56-12-16). Отдельные фрагменты этого неоконченного произведения впоследствии были опубликованы: «Из нового романа о 1905 г.» (Литературная газета, 1937, № 71, 31 декабря), «Два отрывка из главы романа „Уезд в тылу“» (там же, 1939, № 69, 15 декабря), «Надменный нищий» (Огонек, 1939, № 1, с. 14—15), «Гетя Оля» (Тридцать дней, 1939, № 8—9, с. 31—35). Пыне все сохранившиеся фрагменты романа опубликованы по рукописи под заглавием «Начало прозы 36 года» (Новый мир, 1980, № 6, с. 175—205).

3

16 I <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Горячо благодарю Вас за все сделанное, и, хорошо зная нынешние условия, глазам своим не верю. Как мне Вас благодарить, и как мне совестно, что я такого Лазаря распустил почти что, может быть, накануне этого денежного ливня. Нелегко же, верно, далась Вам и издательству эта благотворящая буря. Тем ценнее она и тем более обязывает меня.

Известие о запрещении собрания¹ не могло, конечно, не огорчить меня, но прямо вслед за ним идущие новые доказательства гонимости незаслуженной и неслыханной заботливости обо мне, Вашей и товарищеской, все, разумеется, перевешивают, и — что сказать мне? Мало вариантов благодарности в словаре по комнате на Невском, 13, и просто слов недостает.² Спасибо же Вам всем, спасибо.

Что касается до самого запрещенья, то в моральном отношении оно даже скорее к стати. Они правы, что в отношении меня все это было как-то уже слишком, и все подряд, одно за другим. Меня и самого такое щеголянье творческой нищетой, не раз и не два, с возобновлениями, наперед смущало. Тут ведь с 1929 года по давно оплаченному договору Гихл мою прозу набирал, и вот, кажется, наконец выпустит весною.³ Так что все это к лучшему, культипроп высвободит меня из неловкости, в которую меня поставили бы житейские мотивы, непозволительно легко преодоленные. Буду преодолевать их по-другому, и подостойнее. Пишу что-то сейчас, какой-то сомнительный вздор и, что хуже всего, — точно не для печати. Впрочем, говорить еще не о чем, только что начал.⁴

Номер журнала с «Повестью» у Фаворского.⁵ Одна из невероятностей современного быта, — а может быть в особенности моего: я с ним ни разу не виделся, что, наверное, с моей стороны,

бестактно. Журнал с «Повестью» ему передали, и у меня нет другого. Но я это дело поправлю и скоро вышлю Вам текст.⁶

В дополнение ко всему услышанному примите еще одно мое уверенье. Совершенно особое и громадное Вам спасибо за Ваши письма, живые, щедрые и всегда урочные. Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный Вам

Б. Пастернак.

¹ 2 августа 1931 г. «Издательство писателей в Ленинграде» в лице своего заведующего С. М. Алянского заключило договор с Пастернаком на первый том собрания сочинений. Рукопись объемом 3000 стихотворных строк была представлена автором. Договор № 318 сохранился в архиве Пастернака. Этот договор явился следствием предложения Горького напечатать в данном издательстве серию избранных поэтов, от Державина до Блока и Пастернака. Из этой серии были исключены Пушкин, Лермонтов, Блок и Пастернак с тем, чтобы выпустить этих поэтов полными собраниями в том же издательстве (сведения взяты из письма Пастернака к З. Н. Нейгауз от 28 апреля 1931 г. — фотокопии хранятся в семейном архиве Пастернака). 3 марта 1933 г. Пастернак пишет Горькому: «Сейчас культпроп ЦК в общем порядке (то есть не в отношении меня одного) предложил Ленинградскому издательству писателей отказаться от моего собрания» (АГ, КГ-п 56-12-16).

² «Издательству писателей в Ленинграде» (пр. 25-го октября (Невский пр.), 13) удалось отстоять уже набранный первый стихотворный том собрания сочинений и издать его как «Стихотворения в одном томе».

³ Имеется в виду сборник прозы, включавший «Охранную грамоту», «Повесть», «Апеллесову черту», «Детство Люверс» и «Воздушные пути». За вычетом «Охранной грамоты» остальные повести появились в книге Пастернака «Воздушные пути» (М., ГИХЛ, 1933).

⁴ Расторжение договора на издание собрания сочинений отразилось на работе над прозаической книгой, которую Пастернак так и не смог окончить. «И большим, уже сказавшимся для меня счастьем было то, что начал я эту далекую затею в петропуготой еще иллюзии того, что собрание будет выпускаться, оно меня на этот срок или хотя бы на полсрока обеспечивало», — писал Пастернак Горькому 4 марта 1933 г. (АГ, КГ-п 56-12-16).

⁵ «Повесть» Пастернака напечатана в «Новом мире» (1929, № 7, с. 5—43). Фаворский Владимир Андреевич (1886—1964) — график и живописец, крупнейший художник книги, в частности автор марки издательства «Узел», в котором в 1926 г. вышла книга Б. Пастернака «Избранные стихи». «Повесть» была послана Фаворскому, который сотрудничал в «Издательстве писателей в Ленинграде», с просьбой оформить ее отдельное иллюстрированное издание. Фаворский жил в это время в Загорске.

⁶ Перспектива издания «Повести» в Ленинграде требовала скорейшей отправки Сорокину ее текста (см.: Пастернак Борис. Повесть. Рисунки В. Конашевича. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934; сдано в набор 24 января 1934 г.).

4

30 I <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Я денег еще не получил, но не только в этом дело. Я знаю, что Вы и издательство ни в чем не виноваты, и привык за эти

годы скорее, как чуду, удивляться *исполнимости* простых вещей, нежели более естественной их неисполнимости.

Но мне хотелось бы, чтобы, как я о Вас, знали и Вы обо мне, что только дотерпев до последней крайности обращаюсь я к помощи телеграфа.

Я не знаю, что из того, что я скажу ниже, находится в пределах осуществимости и какая часть осуществимого будет издательством выполнена, однако как ни велика сумма в полторы тысячи ежемесячных, их едва хватает на меня и на семь мопх иждивенцев. Как бы ни сложились обстоятельства, все равно, двухмесячное существование двух семей, в денежной оценке, выразится в трех тысячах с лишним, и в долговой ли форме или какой-нибудь другой, может быть в будущем на врачей, но они будут израсходованы. Любопытно, что вся эта масса денег ухлопывается, не считая воспитанья детей, почти на один стол, при таком многолюдстве довольно умеренный.

Основную единицу этих расходов, постоянную и слишком мне известную, имел я в виду, когда, с Вашего согласия, определял цифру ежемесячного фикса по договору. Я не про то говорю, что это — контракт, или Ваше слово должно быть свято, — ах, дорогой мой, ведь с того я и начал свое письмо, что все эти химеры, в дрящемся этом сновидении бредовых наших условий, вероятно, неисполнимые, — а я на то напираю, что, назвав Вам свою цифру, я не мечту в ней выразил (о мебели или квартире, библиотеке или машине или путешествии), я не частичным ресурсом заручился (для «маневрирования», так что ли, — на такие, как сейчас вот, случаи), я назвал Вам голую, периодически восстанавливающуюся необходимость, я назвал Вам *три четверти* своей надобности. Я для того пускаюсь во все эти унижительные признанья, чтобы Вы ко мне отнеслись *серьезно*.

Когда я вскоре по возвращении в Москву усомнился в возможности бесперебойных выплат в регулярные сроки, Вы мне эти сомненья рассеяли, сначала в письме, а потом, в продолжение двух месяцев, и на деле. Большое спасибо. Но теперь опять мне трудно поверить, чтобы, выслав обещанную телеграммой тысячу (из январских), издательство спустя две недели было способно перевести мне новых две (остаток январских с февральскими)? А как ни притязательны эти расчеты, только такая сумма соответствует моим потребностям и договором допущенным ожиданиям. Не оставляйте меня в неизвестности, ложным образом переоценивая, быть может, мои ресурсы, вот главная моя просьба.

Сердечно благодарю Вас за милое письмо. Очень буду рад Вам, обязательно заходите. Звоните по телефону 1-71-64. Если меня не будет дома, попросите соседей (это их телефон) вызвать жену, Зинаиду Николаевну,¹ и ей обязательно назовитесь по имени, она с Вами сговорится. Если будет время, ответьте, по-

жалуйста, и в ответе коснитесь стороны материально-деловой, прошу Вас. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Зинаида Николаевна Нейгауз (урожденная Еремеева, 1897—1966) стала женой Пастернака в 1931 г.

5

⟨18 февраля 1933⟩.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Назовем однотомику:

Собрание стихотворений
в одном томе

так мне кажется всего проще и лучше.

Как понравилась Вам работа Кравченко? ¹ Он очень одаренный художник, и одно удовольствие было наблюдать его работу. К сожаленью, я неважно позировал ему, т. е. принял неудачную позу, напряжение которой отозвалось на лице: выражение лица часто менялось и при легком утомлении уже становилось неестественным. Короче говоря, если работа не так удачна, то виноват не автор, а модель. Мне интересно, что Вы скажете о голове: самому мне судить трудно, я за ее созданием следил шаг за шагом и привыкал постепенно, так что свежести и непосредственности в суждении о ней у меня нет.

Спасибо Вам и главными образом Елене Михайловне,² что направили Анатолия Никифоровича ко мне: знакомство это доставило мне большую радость.

Сердечный Вам и всем друзьям привет. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

Григорий Эммануилович, если это не составит трудности, распорядитесь, пожалуйста, перевести мне деньги как в прошлый месяц.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Портрет Пастернака, выполненный художником-портретистом и графиком Анатолием Никифоровичем Яр-Кравченко (род. в 1911 г.), воспроизведен на фронтиспise «Стихотворений в одном томе».

² Тагер Елена Михайловна (1895—1964) — писательница; в 1930-е годы работала в «Издательстве писателей в Ленинграде». См. о ней биографическую заметку Т. Ю. Хмельницкой в кн.: День поэзии. 1965. М.—Л., 1965, с. 295—296.

14 III <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Впридачу к неприятности с собранием у меня тут случилась повая: из Гихловского сборника предложили мне изъять «Охранную грамоту» под тем предлогом, что вещь эта встретила у писателей резкое осуждение и было бы неуважением к товарищеской среде выпускать ее сызнова — в такой форме делаются сейчас запрещения. Руководство Гихла было на моей стороне, но ничего не могло поделать, и теперь проза выйдет без «Охранной» Грамоты».¹

В предотвращение каких-нибудь новых и еще певедомых неожиданностей я написал Горькому.² Я не знаю, пойдет ли он пужным ответить мне или что-нибудь сделать, но я написал ему и про казус с собранием, во всех подробностях, т. е. как про случай из целого ряда, а не единичный. Притязательную эту попытку я сделал ради поглотившей меня в последние дни работы, от которой, может быть, будет когда-нибудь какой-нибудь прок, если ей отдаться целиком и главное надолго. Когда б не это, желание отстоять собрание было бы некрасивейшей претензией, от которой, вероятно, совесть бы меня удержала.

Но А. М., наверное, не ответит мне:³ когда он тут был, я как-то не попадал на его собрание.

Что слышно об однокласснике, скоро ли он выйдет?⁴ Всего Вам наилучшего. Если будет желание черкнуть, сообщите о Федине и об Ахматовой. Как и что они? Всем друзьям самый сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Книга «Воздушные пути» вышла в составе четырех прозаических произведений Пастернака (см. примеч. 3 к письму 3). Решение об изъятии из нее «Охранной грамоты» было принято под влиянием критической кампании, которая была развязана после выхода в свет отдельного издания этой автобиографической повести (Пастернак Борис. Охранная грамота. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931) и отличалась резким «проработочным» тоном, вполне в духе «рапповских» вульгарно-социологических тенденций. Так, в «Литературной газете» (1931, № 68, 18 декабря) под общей рубрикой «Искусство социализма и буржуазное реставраторство» книга Пастернака вместе с романами «Сумасшедший корабль» О. Форш и «Художник неизвестен» В. Каверина была осуждена как «попытка буржуазного реставраторства в искусстве, апологетика буржуазного искусства». В напечатанной там же под этой рубрикой статье А. К. Тарасенкова «Охранная грамота идеализма» творческий метод Пастернака определялся как субъективно-идеалистический, были осуждены художественные симпатии автора (Скрябин, Рильке, Андрей Белый, Блок) и его «косность непреодоленной буржуазной интеллигентности». В целом «Охранная грамота» была истолкована как «уход в идеалистическое созерцательство, аполитизм, сопряженный в своем объективном развитии с уходом от пролетариата в стан его прямых врагов». См. также

статью Р. Миллер-Будницкой «О „философии искусства“ Б. Пастернака и Р. М. Рильке», посвященную в основном «Охранной грамоте» (Звезда, 1932, № 5, с. 160—168).

² Письмо к Горькому от 4 марта 1933 г. не вошло в состав изданной переписки Горького и Пастернака (Литературное наследство, т. 70. М., 1963, с. 295—310; публикация Е. Г. Коляды). Оно содержит просьбу вновь поддержать выдвинутую Горьким в 1931 г. идею издания собрания сочинений. Прозу Пастернака Горький, как известно, ставил очень высоко и ценил больше его стихов. См. предисловие Горького к «Детству Люверс» для предполагавшегося издания на английском языке (там же, с. 308—310). Об «Охранной грамоте» Горький тоже отзывался высоко. Разговор о ней с Горьким Пастернак воспроизводит в письме к жене от 14 июня 1931 г.: «Сегодня утром видел Горького. Не присился, вышло случайно. Принял почти что с нежностью, — веселый, свежий, крепкий, — любо-дорого глядеть. Про „Охранную грамоту“: — „густо, яростно — замечательно!“» (цит. по фотокопии, находящейся в семейном архиве Пастернака). Для закрепления за советскими писателями авторского права во всем мире Горький планировал в ряде случаев первоначально издавать их произведения за рубежом. Такая попытка была сделана им и в отношении «Охранной грамоты». Излагая обстоятельства изъятия «Охранной грамоты» из сборника, Пастернак писал Горькому: «Больно мне это главным образом тем, что „Охранная грамота“ показывала бы лицо автора. Из нее всякому было бы видно, что он не обожествляет внешней формы, как таковой, потому что все время говорит о внутренней, что он не оскаруальствует, что считает он горем, а не достойным подражания „фрагментаризмом“ незаконченную отрывочность всего остального, за вычетом одной „Охранной грамоты“, матерьяла сборника. А теперь ко всем этим вредным недоразумениям будет достаточный повод» (АГ, КГ-п 56-12-16). Пастернак просит содействия ради начатой недавно работы над романом, которая требует средств и времени.

³ Видимо, Горький передал через секретаря, что займется этим делом после своего возвращения из Италии в СССР в мае 1933 г. Пастернак письмом от 8 апреля 1933 г. благодарил его за этот ответ (АГ, КГ-п 56-12-17).

⁴ Сборник «Стихотворения в одном томе» подписан к печати 15 января 1933 г.

7

21 IV <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Кравченко передал мне привет от Вас и Ваши извиненья, что не ответили мне. Если у Вас недосуг, не торопитесь писать мне, — подожду. Деньги получил, — большое спасибо. Но опять, как уже как-то раз при большой задержке, поставлен в угнетающую меня необходимость просить новых. Ну да теперь не Вас придется об этом беспокоить, и как жаль, что не Вас. С величайшим сожаленьем узнал о перемене в руководстве издательством.¹ Как ужасно это всегда у нас: чуть что-нибудь наладится и — хлоп: точно успешность дела кому глаза мозолит.

Нового заведующего я не знаю и почему-то опасаюсь, что новизны ради и в целях контраста он все плюсы в обыкновенных издательствах сменит на минусы, и в частности, касающихся меня, найдет, что я был избалован чрезмерным дружелюбием,

которое для выпуклости надо перебить недружелюбием. Впрочем, не зная его, ничего не могу сказать. Но Вы ему что-нибудь обо мне напишите.

К Вам же у меня просьба. Мне бы очень хотелось Блока иметь,² а также *получить оба томика Петрова-Водкина.*³ Не будет ли какой оказии? Стенич⁴ сюда часто ездит и нам очень нравится.

Большой редкостью была для меня книжка Спасского. Просто в глаза бросается, до чего поэтически-содержательная это поэзия: серьезная, существенная. Я у него в большом долгу. Хотелось ему написать, но я так хвалил всем книжку, что теперь ума не приложу, кому из своих гостей позволил взять ее на прочтение. А другое поздравление (с прибавленьем) хотел соединить с первым. Воображаю, что он обо мне думает! Все это Вам не для передачи, и даже с просьбой не передавать, — я ему сам напишу.⁵

В середине зимы немного работал, но работы ни к каким положительным результатам не привел. Бросил ее с месяц <...>

Дорогой Григорий Эммануилович, спасибо Вам большое за все.

Пусть предупредят меня из издательства, если предвидятся какие-нибудь изменения в моих с ним взаимоотношениях и их порядке. Зое Александровне⁶ привет. Очень бы она или Вы меня обязали, если бы сообщили, с кем мне сноситься по деловым вопросам.

Текст «Повести» на днях, теперь уже самых ближайших, пришло.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Б. Пастернак.

¹ Какую «перемену» подразумевает Пастернак, неясно.

² Имеются в виду первые тома собрания сочинений Блока, начатого печатанием в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1932 г. К весне 1933 г. вышли в свет первые четыре тома (стихотворения) и седьмой том (переводы), подготовленные Р. В. Ивановым-Разумником.

³ Речь идет об автобиографических книгах К. С. Петрова-Водкина, вышедших в «Издательстве писателей в Ленинграде»: «Хлыновск. Моя повесть» (1930) и «Пространство Эвклида. Моя повесть. Ч. 2.» (1932; вышла в свет в начале 1933 г.).

⁴ Стенич Валентин Иосифович (настоящая фамилия Сметанич, 1902—1937) — переводчик.

⁵ Речь идет о книге стихов поэта и прозаика Сергея Дмитриевича Спасского (1898—1956) «Да» («Изд-во писателей в Ленинграде», 1933). В ней два стихотворения посвящены Б. Пастернаку — «Поэту» («Подвластен улиц чертежу...») и «Дорогой мой, вот проходят...». 30 апреля 1933 г. Пастернак писал Спасскому и его жене С. Г. Спасской-Каплун: «...я так много думал о Вас обоих и так часто говорил с другими о книжке Сергея Дмитриевича, Вас же самих оставил без знака об этих разговорах». «Двойное поздравление», о котором пишет Пастернак Сорокину и с которым он обратился к Спасским, включало в себя также и поздравление с рождением дочери Вероники. Далее Пастернак характеризует книгу «Да», отмечая в ней «значимость каждого слова», т. е. тот «авторитет удачи или зрелого развития, без которого поэзия недвусмыс-

ленно-существенная не возможна» (Вопросы литературы, 1969, № 9, с. 174—175).

⁶ Зоя Александровна Никитина (1902—1973) — секретарь «Издательства писателей в Ленинграде»; в 1920-е годы жена писателя Н. Н. Никитина, редактор в журнале «Звезда», затем жена писателя М. Э. Козакова. С Пастернаком была знакома с 1920-х годов. О ней в пору работы в «Издательстве писателей в Ленинграде» см.: Левин Ф. Из глубин памяти. Воспоминания. М., 1973, с. 82—83.

8

17 V <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Горячо благодарю Вас за большое письмо и столь же горячо — за одностомник.¹

Ну, заслуживаю ли я всего этого: внешнего вида, сорта бумаги, типографской красоты и опрятности! И кто будет покупать эту, *далеко недостаточно* изнутри (глубиной содержания) оправданную драгоценность?² Замечательно воспроизведен портрет. А главное. Так как лучшим, что я за всю свою жизнь сделал, была «Сестра моя жизнь», то путем какой-то идиосинкразии у меня общее ощущение ее духа (ну наподобье почерка, что ли) связалось с типографскими особенностями ее вида (особенно во 2-м издании «Двух книг»).³ И характер этот (шрифт, продолговатый формат и пр.) соблюден так удивительно в одностомнике, что у меня такое чувство, будто я собран вокруг лучшего и счастливейшего своего. Или скажу еще прямее: существо «Сестры моей жизни» как-то просто-таки колдовски выражал *внешний вид ее оглавления*: у оглавления этого какой-то живой образ был, ближе неопределимый, бахчисарайской какой-то решетки со струнными шпалерами для вьющихся побегов — или еще более расплывчатого какого-то вздора, частого, сетчатого, таинственного и безмолвного, с большим летним светом в глубине. — И вот форма такого оглавления получилась у всего одностомника. Весь я, все множество слабейших и скучнейших вещей пропущено *сквозь оглавление «Сестры моей жизни»*. Для превращения этого сам я никаких оснований не подал, оно тоже — незаслуженная типографская случайность, но — счастливая, жизненная и чудесная.

Да, — но, повторяю, — кто будет это покупать? Особенно по выходе избранных в Федерации?⁴ Теперь лягу и я в книжные залежи, дождался, и поделом, своего часа. Книга издана замечательно, с неподобающей мне торжественностью, но это конец мой, если не навсегда, то надолго.

И действительно. Нельзя ведь в самом деле целый год вкосьмером жить одними комбинациями переизданий, при такой бедности багажа, подлежащего переизданию.⁵

А мне опять деньги нужны! 6-го получил 950 р., сердечно благодарю Вас. И опять их нет. Известите меня, прошу Вас проникновенно, — в каком состоянии наши расчеты? Сообщите мне это так же ясно и исчерпывающе, как сделали это, когда я был у Вас в Ленинграде, помните? Вы затребовали тогда несколько справок, взглянули и сказали. Очень, очень прошу Вас. И денег, если можно.

И нужна ли Вам «Повесть»?⁶ Теперь я могу ее выслать. Вышло ли что-нибудь с Фаворским или он отказался? Глупо, конечно, спрашивать, живя тут в Москве, Вас в Ленинграде, но — такова суетолака обихода.

Но Вы — удивительный и слов нет Вам в похвалу и благодарность. У меня было готово письмо к Вам, и запечатано было, когда пришло Ваше и лишило мое смысла. И мое кончалось так: — и Державина, пожалуйста, очень, очень прошу Вас!⁷ И вот Вы сами о нем вспомнили и пообещали! Еще раз от души благодарю Вас.

Ужасно хочется пожить еще и поработать. И только на днях взялся за брошенное зимой. И так на волоске все, если бы Вы знали! Спугнут, оторвут от дела, и кончено, на месяцы. Ведь все это гибель (однотомник, положенье дел и пр.), а? Крепко, крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Б. П.

¹ «Стихотворения в одном томе» Б. Пастернака, вышедшие в свет в мае 1933 г.

² Цена книги — 14 рублей.

³ Пастернак Б. Две книги. Стихи. Изд. 2-е. М.—Л., ГИЗ, 1930 (в книгу вошли «Сестра моя — жизнь» и «Темы и вариации»).

⁴ Речь идет о книге: Пастернак Б. Избранные стихи. М., «Федрация», 1933. Цена книги — 6 рублей.

⁵ В 1933 г., кроме «Стихотворений в одном томе» и «Избранных стихов», вышла в свет также книга прозы Пастернака «Воздушные пути».

⁶ Имеется в виду отдельное издание «Повести», намеченное в «Издательстве писателей в Ленинграде».

⁷ Имеется в виду книга: Державин. Стихотворения. Ред. и примеч. Гр. Гуковского. Вступит. статья И. А. Виноградова. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933 (вышла в мае). Это был первый выпуск большой серии «Библиотеки поэта», открывавшийся статьей Горького «О „Библиотеке поэта“». См.: «Библиотека поэта». Аннотированная библиография (1933—1965). Общий план. Составители В. М. Абрамкин и А. Н. Лурье. М.—Л., 1965, с. 28—30. Решение начать издание этой серии было принято на совещании 27 мая 1931 г.; тогда же определилась и ее редколлегия под председательством Горького, в которую был привлечен и Пастернак (другие члены редколлегии: И. А. Груздев, В. М. Саянов, А. П. Селивановский, Н. С. Тихонов, Ю. Н. Тынянов). Первоначально заведующим редакцией «Библиотеки поэта» был Сорокин, в 1934 г. его сменил А. Г. Островский (см.: Беловицкая А. А. До выхода первого тома «Библиотеки поэта». — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 350). Ко времени работы Сорокина в «Библиотеке поэта» относится сохранившееся в его архиве официальное письмо Пастернака другим членам редколлегии серии:

«Редакционной коллегии „Библиотека поэта“.

Дорогие товарищи.

Ко мне обратился литературовед Эйгес, Иосиф Романович, с предложением сделать для библиотеки Жуковского (редакцию, а также и статью и все прочее), как Вы на это смотрите? Он в разное время работал над Жуковским, печатал работы и читал доклады, прямые и косвенные на свою тему (Блок и Жуковский, влияния Жуковского в русской поэзии и др.). Его работы одобряли Сакулин, Вяч. Иванов и М. Гершензон, их, кажется, знает Борис Михайлович Эйхенбаум. Жуковский под его редакцией (избранный?) был выпущен Универсальной библиотекой.

Адрес И. Р. Эйгеса: ул. Грановского, д. 2, кв. 26. Москва.

С общим товарищеским приветом

Б. Пастернак.

22 VII <19>33» (ИРЛИ, ф. 519, № 507). Эйгес Иосиф Романович (1887—1953) — художественный критик, литературовед, сотрудник Государственной академии художественных наук, Всесоюзной книжной палаты; автор вступительной статьи и примечаний в кн.: Жуковский В. А. Стихи и проза. Лирические стихотворения и философские очерки. М., [1916] («Универсальная библиотека»). Предложение Пастернака не было принято. Стихотворения Жуковского были изданы «Библиотекой поэта» в 1930-е годы дважды — в малой серии (1936) и в большой серии (т. 1—2, 1939—1940), под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Ц. С. Вольпе.

9

2 VI <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Не знаю, как Вас благодарить за деньги, только что полученные. Большое, большое Вам спасибо.

Благодарю Вас также за Державина. Какое замечательное, нет, — какое *гениальное* издание! Ведь Вас и издательство премировать надо! А над Вами начальников назначают.

Сообщите, что мне сделать, чтобы Вам доставить какую-нибудь действительную приятность?

Если будет время, черкните также, что с «Повестью», и затем, спустя большое время, когда у Вас будут данные: велики ли признаки перасходимости очень дорогого однотомика, судьба которого, верно, составит из: 1) высокой стоимости книги, 2) факта появления нескольких моих книг в конце прошлого года¹ и 3) того, наконец, факта, что и книги, всякие книги, начали покупать умереннее, чем было раньше, в силу общего безденежья.

На дороговизну однотомика жалуются, но это тем менее должно звучать упреком для Вас, что скорее я готов, наоборот, к Вашему с этой стороны упреку, так как знаю, какую тяжестью должен был лечь мой гонорар на калькуляцию издания, и полон страха, не делаю ли им прорыва Вам и издательству.

Крепко жму Вашу руку и еще раз благодарю Вас от всего сердца.

Ваш Б. Пастернак.

Когда же Вы приедете и зайдете.

¹ В 1932 г. вышли в свет книги Пастернака «Второе рождение» (М., «Федерация», 1932), «Девятьсот пятый год» (Изд. 3-е. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932).

10

⟨Москва, 16 сентября 1933⟩.

Дорогой Григорий Эммануилович!

С приездом.¹

Последовательно получил от издательства в начале месяца тысячу, и сегодня еще 500 р. — большое спасибо. Передайте также благодарность З⟨ое⟩ А⟨лександровне⟩² — это не без Вас обоих.

Жить эту зиму буду еще строже, чем прошедшую. Это не письмо. Как-нибудь напишу по-человечески. Привет.

Ваш Б. П.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Видимо, имеется в виду возвращение Г. Э. Сорокина в Ленинград из Коктебеля после летнего отдыха.

² См. примеч. 6 к письму 7.

11

5 XI ⟨19⟩33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Если высланные в октябре 500 р. не последние выжимки истощившегося наконец благополучья, то не откажите поторопить бухгалтерию, чтобы деньги передали поскорее и более крупную порцией.

Это особенно пужно теперь, потому что, по всей вероятности, я на днях должен буду уехать в Тифлис,¹ ничего не оставив дома. Перевод адресуйте мне, на Волхонку, в обычном порядке, как если бы я не выезжал: я жене оставляю доверенность.

Если бы деньги задержались и у меня явилась бы надобность телеграфно потревожиться об этом из Тифлиса, то смысл этой тревоги был бы тот же: деньги нужны домой в Москву (на мое имя), а не мне лично в Тифлис.²

Я стал было переводить соврем⟨енных⟩ груз⟨инских⟩ поэтов и вдруг все дело споткнулось об их невозможную лень: никак не

добиться от них подстрочников для переводов. Только затем и еду в Тифлис, по почте этого не уладить. Не безобразье ли? Я бы на это дело плюнул, если бы не был связан договором на книгу (Московское Товарищество Писателей).³

Простите, что ограничиваюсь денежными вопросами, но перед отъездом много дел, хотя и беспредметных, но отнимающих время.

Если у Вас есть возможность увидеть Николая Семеновича и есть возможность на него повлиять, склоните его к поездке с грузинской бригадой. Я только оттого в нее включился, что мне был обещан Тихонов, и перспектива трехдневного общения с ним в вагоне была для меня главной географической приманкой путешествия.⁴ Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный Вам Б. П.

¹ С 17 по 29 ноября 1933 г. Пастернак вторично посетил Грузию (первый приезд — летом 1931 г.) вместе с бригадой оргкомитета Союза писателей СССР «по связи с литературой Грузии», в состав которой входили кроме него П. А. Павленко (руководитель бригады), Н. С. Тихонов, О. Д. Форш, В. В. Гольцев, В. А. Каверин, а также Ю. Н. Тынянов, побывавший в Грузии в октябре (см.: Маргвелашвили Г. Выход в Грузию. — Литературная Грузия, 1972, № 11, с. 29; Бebutov Г. Отражения. Воспоминания, статьи. Тбилиси, 1973, с. 63—67).

² 21 ноября 1933 г. Пастернак писал жене из Тифлиса: «Меня начинает беспокоить, есть ли еще у тебя деньги. Почему-то я не так уверен в исполнимости Сорокина, как был до сих пор...». На следующий день он посылает телеграмму в Ленинград, о чем сообщает жене 23 ноября (семейный архив Пастернака). Об этой же телеграмме и высланных в ответ денег говорится в письме 12.

³ «Московское товарищество писателей» (1925—1934) — кооперативное издательство, в 1934 г. вошло в издательство «Советский писатель». 23 октября 1933 г. Пастернак писал Тициану Табидзе (видимо, посылая письмо с уезжавшим из Москвы в Тифлис Паоло Яшвили): «... я подписал договор на книгу переводов, как, может быть, уже писал Вам. Я начинаю серьезно беспокоиться за судьбу этой книги. Я должен сдать ее к концу января, и легко бы справился с работой, если бы знал язык и не нуждался в помощи самих переводимых. Паоло был тут очень занят и мог мне дать лишь незначительную часть из того, что я у него просил... Я хотел перевести Важа Пшавелу, Паоло, Вас, Гаприндашвили, Леонидзе, Надирадзе (Мицишвили, если он пишет стихи), Чиковани и еще дать переводы из Галактиона Табидзе и Гришашвили. Паоло, кроме того, советовал присоединить к ним Шаншиашвили, Абашели, Лордкипанидзе, Каладзе и Машашвили. От них нужно получить подстрочники, но в самом спешном порядке. Все это должно быть доставлено в течение ноября месяца. Ничего из того, что будет прислано позднее, я перевести не смогу по обстоятельствам договора... прошу Вас помочь мне в раздобывании подстрочников только у тех из перечисленных, где это будет делаться легко и с охотой» (Табидзе Тициан. Статьи, очерки, пререписка. Тбилиси, 1964, с. 246—247). См. также письма Пастернака к Б. Д. Жгенти от 6 октября 1933 г. и к Тициану Табидзе от 12 октября 1933 г. (Вопросы литературы, 1966, № 1, с. 175—176). Сроки представления переводов определялись подготовкой к Всесоюзному съезду писателей, но уложиться в них Пастернак не смог (причины задержки он излагал в письме к П. М. Фолян от 14 февраля 1934 г.: Литературная Грузия, 1966, № 1, с. 80—82). Первым из его переводов вышел «Змеюд»

(Важа Пшавела. Эпосы. Пер. с груз. Б. Пастернака. Тифлис, 1934), затем его книга «Грузинские лирики» (М., 1935) и «Поэты Грузии в переводах Б. Пастернака и Н. Тихонова» (Тифлис, 1935). Переводы Пастернака были расценены критикой чрезвычайно высоко. См. статьи «Пастернак и грузинские поэты» (1935) Д. П. Мирского (Мирский Д. Литературно-критические статьи. М., 1978, с. 253—265), «О книге Б. Пастернака „Грузинские лирики“» (1935) Т. Табидзе (Табидзе Тициан. Статьи, очерки, переписка, с. 132—133), «О грузинских переводах Пастернака» А. К. Тарасенкова (Знамя, 1935, № 9, с. 201—209), «Поэты Грузии и Борис Пастернак» В. В. Гольцева (Красная новь, 1936, № 1, с. 228—237), а также рецензию Д. Выгодского на книгу «Грузинские лирики» (Литературный современник, 1936, № 1, с. 235—236).

⁴ Пастернак познакомился с Н. С. Тихоновым в начале 1924 г. в «лефовском» кружке. Тихонов привлек его внимание недавно вышедшим сборником стихов «Брага» (М.—Пг., «Круг», 1922). За написанным виделась реальная биография человека, семь лет прошедшего на войне. Позитивная энергия и мужества, отражающая не выдуманное, а кровно пережитое, вызвала в Пастернаке горячие симпатии: «Вы поэт моего мира и понимания, лучше не скажешь и нечего прибавлять», — писал он Тихонову 21 апреля 1924 г. Тихонов привлек Пастернака к участию в ленинградском альманахе «Говш» (1925). Бывая в Москве, он оставался у Пастернаков. В письме 1928 г. Пастернак называет Тихонова «почти своим младшим братом». При содействии Тихопова Пастернака стало печатать «Издательство писателей в Ленинграде». Поездка в Грузию в составе писательской бригады, совместная жизнь в гостинице «Ориент» и общая работа над переводами грузинской поэзии открыли для Пастернака новые возможности применения своих сил. В январе 1936 г. в речп на первом всеозном совещании переводчиков Пастернак, говоря о практике и результатах этой работы, сказал, что она ошастливила и его и Тихопова: «Думаю, что мы кое-что дали вам и тем, которые пойдут по вашим стопам. Пусть не все совершенно, но мы ознакомили публику с изумительной, огромной поэзией» (Литературная Грузия, 1968, № 8, с. 39). Сопоставительную характеристику кавказских стихов Тихопова и Пастернака см. в статьях Н. Л. Брауна «Слово о критике» (Литературный Ленинград, 1936, 8 февраля, с. 3) и А. К. Тарасенкова «На поэтическом фронте» (Знамя, 1938, № 1, с. 264—265). Переписка Пастернака с Тихоновым печатается в томе «Литературного наследства» «Из истории советской литературы 20—30-х годов».

12

4 I <19>34.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Давно-давно собираюсь написать Вам и, частью, о делах. Но то в отъезде был с грузинской бригадой, то в домашних хлопотах: по приезде из Тифлиса попал под обстрел детских болезней такой частоты, что это покажется Вам выдумкой: корь, скарлатина, ветряная оспа и все это у двух малышей «Зинаиды» Николоаевны, и все — подряд.¹ Но не бойтесь, пишу Вам из квартиры, продезинфицированной формалином. В физическом смысле письмо мое совершенно безвредно, но певинно оно также и в нравственном.

В прошлом году мечты о прозе так тесно связались у меня с перепискою с Вами и с издательством, что стоило ей заглох-

путь, чтобы я и думать позабыл о прозе, точно ее никогда и не задумывал. И правда, я далек теперь ото всего этого и совершенно в стороне от несуществующих и плохо осуществимых планов.² Порядочно мукой были для меня мои неоправдывавшиеся «порывания», и я счастлив, что эти предположения временно отложил. Зато я по уши ушел в переложенья с грузинского, работу подчас даже радостную и увлекательную.

Верьте мне, что вопрос мой будет совершенно академический и что он никакою безвыходностью не продиктован. Расплата по односторонним и другим договорам так долго меня кормила, что к концу мне уже неловко стало прибегать к этому источнику, и лишь на расстоянии от дома, не сумев издадека управиться как-нибудь по-другому, осмелился я в последний раз протелеграфировать издательству о деньгах из Тифлиса. Это было тотчас же улажено, — спасибо.

Но если, как я сам всего скорее думаю, эту последнюю тысячу все Эльдorado наконец исчерпано, я хотел бы об этом подтвержденья, т. е. проще говоря: попросите, пожалуйста, когнибудь в издательстве известить меня, так ли это или нет, не более того, и, в случае отрицательном, — каков остаток.

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы мне что-нибудь о себе самом и общих друзьях написали. Не шутя, — я только не сумел это выразить выше — для меня слились в одно целое Вы, издательство, Ленинград, Спасские и Чуковские и, наконец, мои последние надежды и претензии *работать самостоятельно*. Не подумайте, пожалуйста, что в последнем мне мешало что-либо вне меня лежащее, — напротив: поддержка была отовсюду, и, сильнейшая, — с Вашей стороны. Не суждено было это совсем по другому, это долгий разговор, да, по правде говоря, мне и самому не все тут ясно. Теперь все это вытеснила Грузия и переход на второразрядные задания. Но Грузия — комплекс непроходимой восхитительности,³ и случившемуся надо радоваться, а не жалеть об этом. Я что хочу сказать: весточка от Вас была бы для меня известием из очень сложного и милого прошлого, с которым я вынужден временно расстаться, чтобы потом, спустя какой-то срок, другим вернуться к нему.

Ваш Б. П.

¹ Ср. письмо Пастернака П. М. Фоляну от 14 февраля 1934 г.: «Дети переболели корью, скарлатиной и ветряной оспой, мальчиков разделили, определяли в больницу, в квартире делали дезинфекцию и пр. пр.» (Литературная Грузия, 1966, № 1, с. 81). Об этом Пастернак подробно пишет Н. С. Тихонову 4 января 1934 г. (архив Н. С. Тихопова; подготовлено к печати в «Литературном наследстве»).

² Пастернак снова принимается за работу над романом, о чем пишет отцу 25 декабря 1934 г.: «А я, хотя и поздно, взялся за ум. Ничего из того, что я напсал, не существует. Тот мир прекратился, и этому новому мне печего показать. Было бы плохо, если бы я этого не понимал. Но по счастью я жив, глаза у меня открыты, и вот я спешно переделываю себя в прозаика диккенсовского толка, а потом, если хватит сил,

в поэты — пушкинского. Ты не вообрази, что я думаю себя с ними сравнивать. Я их называю, чтобы дать тебе понятие о внутренней перемене. Я бы мог сказать то же самое по-другому. Я стал частицей своего времени и государства, и его интересы стали моими» (семейный архив Пастернака).

³ Ср. письмо Пастернака к Паоло Яшвили от 30 июля 1932 г., в котором он признается, что поразился пережитому в Грузии, «как немыслимости и легкости»: «Этот город (Тифлис, — *Ред.*) со всеми, кого я в нем видел <...> будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке, — одной из глав Охранной грамоты, дящейся для меня всю жизнь, одной из глав, как вы знаете, немногочисленных; одной из этих глав и, в выполнении, — ближайшей по счету» (Вопросы литературы, 1966, № 1, с. 173). Свой замысел дополнительной «главы о Кавказе» к «Охранной грамоте» Пастернак отчасти реализовал в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956—1957). См.: Новый мир, 1967, № 1, с. 234—236.

13

5 I <19>34.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Едва успел отправить вчерашнее заказное, как пришли по телеграфу деньги, — очень кстати, хотя я их и не ждал. Все же просьба письма остается в силе, или даже две: 1) чтобы из издательства сообщили, в каком положении наши расчеты, т. е. исчерпаны ли все суммы или нет (не удивляйтесь, пожалуйста, что сам я сосчитать всего этого не сумел бы), и 2) чтобы Вы как-нибудь написали мне. За посланное большое спасибо. Сейчас отправлюсь за женой, перевозить домой с больным мальчиком, и потом, после описанного в письме перерыва, — за работу. Крепко жму Вашу руку. Сердечнейший привет Спасским, Чуковским и З. А. <Никитиной>. — Собираюсь написать Спасскому: С. Г. (жена его)¹ была у нас в мое отсутствие, и приведенная заботами в крайнюю рассеянность Зинаида Николаевна (моя жена) сначала ее не узнала, а потом забыла толком расспросить, где она проведет остаток дня и как разыскать ее, когда бы я вернулся. Очень сожалел.

Ваш Б. П.

¹ Софья Гитмановна Спасская-Каплун (1901—1962) — скульптор.

14

11 2 <19>34.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Все время собирался Вам написать после известья о Вашем посещении и опять довел это до необходимости писать прямо о деле, и в очень срочном порядке.

Все-таки жалко, что Вы не наведались потом еще раз, как обещали Зинаиде Николаевне. И потом вот еще что. Когда

на похоронах Белого ко мне подошла, как я узнал впоследствии, жена Ваша,¹ я должен был произвести на нее впечатление непонятливого идиота. До того я был поглощен ходом похорон (не только со стороны душевной, но и технической). Со Спаским, которого я увидал среди провожающих, я поздоровался только спустя несколько часов, в крематории. Когда молодая женщина со знакомым, как мне показалось, лицом, назвала мне Сорокина, я стал ассоциировать сказанное с одним московским Сорокиным² и с тем, что и его нет на похоронах, как и множества москвичей (как член похоронной комиссии я эти знаки внимания или невнимания воспринимал почти кровно). Затем я задумался над тем, где именно видел эту даму. В крематории она стояла в головах у гроба, как раз против меня.³

Теперь я знаю, кто она. Если Вам удастся, уверьте ее, пожалуйста, что в следующую встречу я не буду так бестолков, как в первую, что Вам случалось слышать от меня вещи вполне связные, нормальные. И, вместе с приветом, попросите у нее от моего имени извиненья.

Жена, как мне кажется, сказала Вам некоторую часть того, что Вы услышали бы, если бы меня застали. Если обратиться к деловой стороне сказанного, то еще раз сердечно Вам спасибо за поддержку в течение этих двух лет. Она права (и знала мое мнение): опять переиздавать что-нибудь просто неудобно и пользоваться форсированными договорами было бы с моей стороны бессовестно.

И вот, в явном, как Вам на первый взгляд покажется, противоречьи — существо моей просьбы. Ознакомьтесь, пожалуйста, с прилагаемой бумагой, и не откажите мне в услуге: внесите пожалуйста за мой счет 1000 руб. дирекции Гос. театра оперы и балета.⁴

Содержание бумаги соответствует истине, все это так и было, и деньги надо вернуть. Если мне с Ленинградского Издательства Писателей уже получить не за что, авансируйте меня, пожалуйста, этой суммой (в счет участия в составлении грузинского томика Библиотеки поэта, что ли)⁵ и внесите ее в указанный бумагой срок.

Радлов предлагал мне через Анну Дмитриевну⁶ погасить эту задолженность какой-нибудь другой работой, даже, может быть, какой-нибудь пустяковой, — словом, ни с чьей стороны тут никакой не деликатности не допущено, свою же вину я хочу загладить именно так, как пишу Вам. Юриконсульту пока, до получения Вашего согласия, не отвечаю, срок же, поставленный им, истекает 17-го февраля. Надо торопиться. Сделайте, пожалуйста, одожденье, снесите с ним по телефону. И телеграфируйте мне. Вы не поверите, как мне стыдно, что на этот раз приходится беспокоить Вас сверх обычного еще посторонними заботами, чрезвычайной при этом срочности.

Вообще я, кажется, переоценил свои возможности. Таких непогашенных долгов у меня еще на 6000. 3 тыс. я должен Уральскому обкому (за летнее пребывание на Урале с семьей впятером в 1932 г.),⁷ 2 тыс. — «Новому Миру» и одну — «Красной Нови».⁸ Я страшно затруднил себе ближайшие месяц-два решением разделаться с двумя последними долгами (журнальными) и тем, что довел это решение до сведения редакций. Как ни напряженно перевожу я грузин, мне трудно будет поработать столько, чтобы уже и за работою очистился остаток на текущую жизнь. Если оперною тысячей мой счет в Ленинградском Издательстве Писателей еще не исчерпан, то переведите мне, пожалуйста, что-нибудь в феврале. Но в том ли случае, если на ней кончатся мои честные ресурсы, в том ли, если уже и эта тысяча попадает в разряд авансов, — нового мифического источника для денежного перевода не создавайте, а то ведь и это может стать когда-нибудь нибелунгами, а ничего я так сильно не желаю, как выбраться когда-нибудь из опернобалетных своих грехов на твердую и реальную почву.

Итак, телеграфируйте мне, пожалуйста, относительно юрисконсульта; напишите, что может получиться из дальнейшей моей просьбы; и, наконец, простите, что отнял у Вас столько времени. Крепко жму Вашу руку. Привет Вашей супруге.

Преданный Вам Б. Пастернак.

Я не знаю нового адреса издательства. Говорят, Вы снова в Госткином дворе?⁹ Сейчас узнал окольными путями, но не уверен в правильности. Итак, *телеграфируйте!*

¹ Нина Николаевна Сорокина (урожденная Бажанова, 1898—1979).

² Сорокин Тихон Иванович — историк и искусствовед.

³ Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) скончался 8 января 1934 г. В тот же день была создана комиссия по организации похорон (Б. Пильняк, Б. Пастернак, Г. Санников, Е. Вихрев, Н. Симмен, Н. Крутиков). 14 февраля 1934 г. Пастернак писал П. М. Фоляну: «Когда умер Андрей Белый, мне нельзя было отказаться от непосредственного участия в организации похорон, улаживши первых дел и пр., да это и соответствовало моим ощущениям» (Литературная Грузия, 1966, № 1, с. 81). В «Литературной газете» (1934, № 2, 11 января) была напечатана траурная телеграмма: «Группа писателей, объединенных вокруг „Издательства писателей в Ленинграде“, выражает чувство глубокого огорчения в связи со смертью крупнейшего представителя дореволюционного искусства, внесшего богатый опыт в строительство советской литературы, разностороннего и неутомимого деятеля на культурном фронте, поэта, писателя и теоретика Андрея Белого». Среди 32 подписей под текстом имеется и подпись Г. Э. Сорокина. Гражданская панихида состоялась в большом зале оргкомитета Союза советских писателей вечером 9 января: «В почетном карауле стояли В. В. Вересаев, Ф. В. Гладков, Л. М. Леонов, Б. А. Пильняк, В. Лидин, Б. Пастернак, В. В. Каменский, многие литературоведы, критики и др. <...> От имени оргкомитета Союза писателей говорил тов. В. Ермилов <...> После тов. Ермилова говорили гг. Н. П. Накоряков, Б. Пастернак, Г. Санников и Л. Гроссман» (Кут. А. [К у т у

зов А. В.]. У гроба А. Белого.— Вечерняя Москва, 1934, № 9, 10 января). 10 января состоялись похороны: «В последних сменах почтового караула — тт. Евдокимов, Пришвин, Лидин, Пибер, Пильняк, Сашников и Пастернак. В 1 ч. 30 м. дня под звуки траурного марша писатели Богданов, Пильняк, Зайцев, Гроссман, Пастернак и другие выносят гроб. Траурная процессия направляется в крематорий. В 3 ч. 30 м. состоялась кремация» (Известия, 1934, № 10, 11 января). В некрологе, подписанном Б. А. Пильняком, Б. Л. Пастернаком и Г. А. Савиновым, говорилось: «Творчество Андрея Белого — не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу, оно — создатель громадной литературной школы <...> Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы — Брюсов, Мережковский, Сологуб и др. Он перенес свою школу, оказав решающее влияние на все последующие литературные течения. Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками» (Известия, 1934, № 8, 9 января). Эта оценка творческого наследия Белого была подвергнута критике в «Литературной газете» (1934, № 3, 16 января), где ее ответственный секретарь А. А. Болотников (в статье «Андрей Белый») писал: «Реакционным утверждением было бы зачислять Белого в классики мировой литературы, так как такое утверждение не соответствует истинному положению вещей — Белый слишком индивидуалистичен и манерен в своем творчестве, чтобы создать особую школу <...>». Об отношениях Пастернака и Белого см.: Флейшман Л. Б. Пастернак и А. Белый. — Russian literature triquarterly, № 13. Ann Arbor, 1976, p. 545—551 (здесь опубликованы 4 письма Пастернака к Белому).

⁴ Сказанное относится к расторжению договора с Театром оперы и балета и возврату полученного в 1932 г. аванса. Пастернак собирался перевести текст стихотворных либретто Р. Вагнера к его оперной тетралогии «Кольцо Нибелунгов». 11 января 1932 г. Пастернак взял у композитора С. Е. Файнберга партитуры опер Вагнера для перевода (сведения из дневника поэта Л. В. Горнунга, хранящегося в его личном архиве в Москве).

⁵ В томе «Библиотеки поэта» «Грузинские романтики. А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, В. Орбелиани. В переводе русских поэтов под ред. Н. С. Тихонова и Ю. Н. Тынянова» (Л., 1940) Пастернак участия не принял. Сорокин должен был выступать в этом издании как один из ведущих переводчиков (по соглашению с «Библиотекой поэта», заключенному 28 июля 1935 г., он обязался перевести 885 строк из стихотворений В. Орбелиани и А. Чавчавадзе — ИРЛИ, ф. 519, № 279), однако в книгу вошел только один его перевод — стихотворения В. Орбелиани «Процанне». Сохранилась беловая рукопись девяти стихотворений, переведенных Сорокиным с грузинского (ИРЛИ, ф. 519, № 4).

⁶ Режиссер Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958) и его жена, поэтесса и переводчица Анна Дмитриевна Радлова (1891—1949), вероятно, были инициаторами договора Пастернака с Ленинградским театром оперы и балета.

⁷ В традициях писательских поездок для изучения жизни на местах Пастернака пригласили на Урал. Поездка предполагалась на 3—4 месяца. Пастернак поехал с женой и детьми. Первое время они жили в гостинице в Свердловске, затем им отвели одну из дач Свердловского обкома на озере Шарташ. Через полтора месяца Пастернак с семьей вернулся в Москву.

⁸ В погашение долгов Пастернак печатал в этих журналах в 1934 г. переводы из грузинской поэзии. См.: Новый мир, 1934, № 3 (6 стихотворений Н. Мицишвили, В. Гаприндашвили и К. Надирадзе); Красная новь, 1934, № 6 (6 стихотворений Паоло Яшвили, Г. Леонидзе и Т. Табидзе); № 9 (3 стихотворения В. Гаприндашвили и И. Гришашвили).

⁹ Письмо отправлено в «Издательство писателей в Ленинграде» по адресу: «Внутри Гостиного Двора, 122».

ДЖ. РОЗИНИ

ПИСЬМО к В. А. ЖУКОВСКОМУ

Публикация Р. М. Гороховой

Джованни Розини (1776—1855) — итальянский литератор, с 1804 г. преподаватель риторики в университете города Пизы. Автор многочисленных стихотворений «на случай», романов, комедий, нескольких драм на сюжеты из жизни исторических деятелей Италии (Тассо, Уголино и др.), «Истории итальянской живописи», вызвавшей оживленную полемику, и других сочинений в стихах и прозе.¹

Шумным успехом, особенно в Пизе, пользовалась постановка (1831) его «исторической» драмы «Торквато Тассо», изданной в 1832 г. одновременно с «Исследованием о любви Торквато Тассо и о причинах его заключения в тюрьму». В этой биографии судьба итальянского поэта была переосмыслена в романтическом духе; особое внимание автор уделил вопросу об отношении поэта к Элеоноре — сестре его покровителя герцога феррарского Альфонса II д'Эсте. По утверждению Розини, именно любовь поэта к Элеоноре явилась причиной всех его несчастий, гонений, а затем и заключения в госпиталь для душевнобольных. Романтическая интерпретация трагической судьбы Тассо вызвала большой интерес в Европе. Версия Розини нашла многочисленных последователей. К его биографии стали обращаться как к последнему слову в исследованиях, посвященных Тассо. Н. Полевой в рецензии на русскую «драматическую фантазию» о Тассо писал: «...теперь судьба и история Тассо, после труда Розини, сделались совершенно понятны и ясны».² Сам Розини особенно гордился своим «открытием» и всячески популяризировал упомянутые сочинения о Тассо. Разумеется, он не мог упустить случая предложить свои книги русскому поэту.

О встрече Розини с Жуковским мы узнаем только из публикуемого письма. Произошла она, вероятно, в Пизе, где был проездом Жуковский,

¹ О Розини см.: Pozziolini L. Biografia di G. Rosini. Lucca. 1856.

² Московский телеграф. 1834, ч. 53. № 4, с. 619.

сопровождаявший своего воспитанника — великого князя Александра Николаевича в его путешествии по Европе. Сам Жуковский, видимо, не придавал этой встрече большого значения, так как в его дорожном дневнике она не получила отражения. Из дневника известно только, что 15 февраля н. с. 1839 г. путешественники «быстро проехали через Пизу» и что обедали у жившего там князя Н. Г. Репнина.³ Дочь князя Варвара Николаевна была писательницей, и можно предположить, что Розини — знаменитый местный литератор присутствовал на этом обеде. Как видим из письма, Розини при встрече не понял, с кем ему довелось беседовать, и, очевидно, послал письмо и книги вслед Жуковскому. Писал он спустя неделю после посещения Жуковским Пизы, в день его отъезда уже из Турина. Дальнейший маршрут путешественников лежал в Вену, а затем через Германию в Голландию. Конверт от письма не сохранился, адреса нет, поэтому неизвестно, куда и как был отправлен пакет и где получил его Жуковский. Возможно, посылка нагнала его в пути. Сведений об этом в записях Жуковского не обнаруживается; правда, в дневнике отсутствует тетрадь за 13—31 марта н. с. 1839 г., где содержались записки о путешествии по Германии.⁴

Книги Розини, упомянутые в письме, были получены Жуковским, сохранились в его библиотеке (в собрании, находящемся в Научной библиотеке Томского университета) и отражены в описании «Библиотеки В. А. Жуковского», составленном В. В. Лобановым и в настоящее время готовящемся к изданию. Однако книги эти Жуковский не прочитал, так как они остались неразрезанными.

Сам легендарный образ Тассо — жертвы придворных интриг и романтической любви, — видимо, был близок Жуковскому. Образ этот связывался несомненно и с памятью о больном друге — К. Н. Батюшкове и с его элегией «Умирающий Тассо». Во время первого путешествия по Италии с Е. Рейтерпом в 1833 г. Жуковский посетил дом Тассо в Сорренто и монастырь св. Онуфрия в Риме, где Тассо умер и был похоронен. В путевом дневнике Жуковский описал местонахождение монастыря на холме Джанниколо, вид с холма, гробницу Тассо в церкви монастыря, комнату, где умер поэт, и его знаменитый дуб. Находясь в Риме зимой 1838/39 г., Жуковский уже три раза посетил монастырь св. Онуфрия.⁵ На страницах его путевого дневника часто встречаются названия виденных им произведений искусства, посвященных Тассо и героям его эпопеи «Освобожденный Иерусалим».⁶ Побывав же на острове Пизола Белла осенью 1838 г., поэт характеризует искусственный сад на острове как «нечто взятое из Арמידина замка», т. е. напоминающее сад на острове волшебницы Армиды из поэмы Тассо.

В европейской, в том числе и русской, романтической литературе образ Тассо получил широкое отражение. В частности, в 1833 г. были опубликованы две русские драмы, посвященные Тассо, — Н. В. Кукольника и

³ См.: Дневники В. А. Жуковского. С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903, с. 467.

⁴ Там же, с. 473.

⁵ Там же, с. 283, 289, 290, 455, 461, 463.

⁶ Там же, с. 295, 405, 422, 440, 447.

М. Д. Кирсева. В 1834 г. на ту же тему вышла стихотворная драма австрийского поэта И.-Х. Цедлица «Тюрьма и венец», вероятно известная Жуковскому (в 1836 г. он перевел одно из лучших стихотворений Цедлица «Ночной смотр», а в 1839 г. в Вене встречался с ним⁷). Возможно, и пьеса Розини о Тассо не была для Жуковского новинкой.

Публикуемое письмо хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 244, Опегинский архив, № 28687).

Preg^{mo} Signor mio.

Nella confusione della moltitudine, non avendo ben inteso il suo nome, m'accorsi bene di parlare a una persona di merito, ma non sapevo di farlo al gran poeta della Russia. Riceva le mie congratulazioni.

Io vorrei mandarle tutte le opere mie, e lo farò alla prima occasione, che mi si presenterà: ma intanto La prego a gradire i due volumi di Teatro,¹ dove troverà un «Torquato Tasso», dove ho dipinto la vera causa della caduta del grand'uomo.

Ardisco poi raccomandarle, e pregarla di far leggere al Presidente delle Belle Arti in Pietroburgo — «l'Introduzione alla Storia della Pittura Italiana»;² di cui V dispense sono in luce; e a giugno sarà pubblic[at]o il 1° volume con 10 piccoli intagli. — Siccome la mia opera conterrà in 160 tavole grandi, e in 40 piccole, tutto quanto forma le varie scuole pittoriche d'Italia; pel solo lato dei rami diviene importante a tutta Europa.

Desidererei d'avere occasione di servirla; mentre ho il piacere e l'onore di dirmi.

Dev.^{mo} Af.^{mo} Servo

Suo. Rosini.

Pisa. 22 Febbrajo 1839.

Перевод:

Высокочтимый спсьор.

В суматохе многолюдного общества я не расслышал как следует вашего имени, тем не менее хорошо понял, что разговариваю с достойнейшим человеком; однако я не знал, что беседую с великим поэтом России. Позвольте выразить вам свое восхищение.

Я хотел бы послать вам все свои сочинения и сделаю это при первой возможности, которая мне представится; а пока прошу вас благосклонно принять два тома театральных сочинений, где вы найдете драму «Торквато Тассо»;¹ в которой я описываю истинную причину несчастий этого великого человека.

Осмелываюсь, кроме того, предложить вам, а также просить рекомендовать для чтения президенту Петербургской Академии художеств «Введение в историю итальянской живописи»;² пять выпусков которой уже вышли в свет, а в июне будет опубликован 1-й том с 10-ю небольшими гравюрами. Так как мое сочинение будет содержать 160 больших

⁷ Там же. с. 472.

репродукций и 40 маленьких, а все вместе даст представление о различных направлениях итальянской живописи, то уже благодаря одним гравюрам оно становится значительным явлением для всей Европы.

Очень хотелось бы найти случай быть вам полезным; пока же имею удовольствие и честь считать себя

от всего сердца вашим преданным слугой
Розини.

Пиза, 22 февраля 1839.

¹ Saggio di commedie di Giovanni Rosini. T. 1—2. Pisa, 1835. Во втором томе содержится «commedia istorica» «Торквато Тассо» с введением, в котором изложено содержание «Исследования о любви Торквато Тассо и о причинах его заключения в тюрьму».

² Introduzione alla storia della pittura italiana. Esposta coi monumenti da Giovanni Rosini. Pisa, 1838. В библиотеке Жуковского хранится и брошюра-проспект «Истории итальянской живописи» (Storia della pittura italiana esposta coi monumenti da Giovanni Rosini. Prospetto dell'opera. Pisa, 1838), которая также не разрезана. Вероятно, она была послана вместе с упомянутыми в письме книгами. Из сочинений Розини в собрании Жуковского есть также несколько книг более раннего издания: большой сборник (612 с.) «Prose e versi di Giovanni Rosini» (Milano, 1826; книга не разрезана); роман «La religieuse de Monza. Episode du XVII-me siècle» (Faisant suite aux Fiancés de Manzoni. Trad. par Jean Cohen. T. 1—5. Paris, 1830); «Saggio sulla vita e sulle opere di Antonio Canova» (Pisa, 1825) Ни на одной из перечисленных книг нет дарственных надписей.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ — КОРРЕСПОНДЕНТЫ М. А. ВОЛОШИНА

Публикация П. Р. Заборова

В жизни и творчестве Максимилиана Александровича Волошина (1877—1932) Франции принадлежит особое место. Впервые он попал в эту страну в 1899 г., а затем на протяжении длительного времени — вплоть до 1916 г. — приезжал туда снова и снова и каждый раз надолго там оставался; в общей сложности он прожил во Франции (преимущественно в Париже) около семи лет. По собственному признанию, Волошин испытал на себе воздействие современных французских поэтов; французские впечатления рельефно отразились в его стихотворениях этого периода; различным явлениям французской действительности посвящено множество его статей и корреспонденций, опубликованных в русских газетах и журналах. Немало сделал он для ознакомления соотечественников с новейшей французской литературой как переводчик. Наконец, неустанно трудился он и как посредник: его стараниями к участию в русских периодических изданиях был привлечен не один французский литератор и художник.¹

Самый значительный аспект этой деятельности Волошина — поиски сотрудников для московского журнала «Весы», органа русских символистов (1904—1909), одним из инициаторов и руководителей которого был, как известно, В. Я. Брюсов.² Именно по его поручению Волошин обратился к ряду парижских литературных знаменитостей с предложением участвовать — так или иначе — во вновь создававшемся русском журнале. Речь шла о критических статьях, обзорах, рецензиях, библиографических перечнях и хроникальных сообщениях, поскольку журнал был задуман как критико-библиографический (в дальнейшем его программа несколько изменилась, и он пополнился беллетристическим отделом).³

¹ См.: Ланя Е. Л. Писательская судьба Максимилиана Волошина. М., 1927, с. 8—9, 22; Куприянов П. Т. Судьба поэта. (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Киев, 1978, с. 51—55, 227—228.

² Литературное наследство, т. 85. М., 1976, с. 257—324.

³ См.: Мамонтов В. А. М. А. Волошин и В. Я. Брюсов. — Учен. зап. Хабаровского пед. ин-та, 1971, т. 31. Серия литературы, с. 52—65; М а

Первой по времени и наиболее ценной «находкой» Волошина явился Рене Гиль (Ghil, псевдоним Р. Гильбера (Ghilbert), 1862—1925), видный представитель «второго поколения» французских символистов, один из создателей и теоретиков «научной поэзии», а также переводчик Пушкина, Бальмонта и русских народных сказок.⁴ На предложение Волошина он согласился охотно. «Я виделся с Рене Гилем (...) и он обещал писать для „Весов“, — сообщил Волошину Брюсову 17 января 1904 г. — Он очень близко стоял к движению, как близкий друг Малларме, а после работал над своим многотомным „Oeuvre“, совсем в стороне от периодической журналистики, и поэтому его мнения очень интересны (...). Он очень заинтересовался идеей и программой журнала. Но лучше всего будет, если Вы сами напишете ему теперь, после того как первые шаги уже сделаны».⁵ Брюсова это известие обрадовало. В ответ на письмо Гила от 18 февраля он выразил свое восхищение его поэзией («Вас, Верлена, Малларме и Метерлинка я считаю моими учителями, вы научили меня искусству в той мере, в какой один поэт может научить другого») и принес ему благодарность («от собственного имени и всего нашего кружка»)⁶.

Участие Гила в «Весел» было необычайно интенсивным (общее количество опубликованных им там статей и заметок превышает 100), связи с Брюсовым делались все дружественнее и прочнее.⁷ При этом его общение с Волошиным не прекратилось: они встречались у общих знакомых, обменивались визитами, книгами и т. п.,⁸ по какой-либо необходимости в помощи русского поэта он больше не испытывал, а однажды и сам вызвался оказать ему содействие, предложив его рецензию Брюсову, возглавлявшему тогда критический отдел «Русской мысли».⁹

Об отношениях русского и французского поэтов почти с первых дней их знакомства до окончательного отъезда Волошина на родину и дают

и уйлов В. А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин. — В кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973, с. 438—473.

⁴ См.: *Vingt-cinq ans de littérature française. (Tableau de la vie littéraire de 1895 à 1920)*, t. I. Paris, [s. a.], p. 49—50, Sl.

⁵ ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 11.

⁶ Цит. по: Donchin G. The influence of French symbolism on Russian poetry. The Hague, 1958, p. 54. Ранее письмо публиковалось: *Hommage à René Ghil. — Rythme et synthèse*, 1926, p. 145 (французский оригинал); *Литературная учеба*, 1937, № 5, с. 82 (фрагмент в переводе Д. Е. Максимова).

⁷ См.: Маргарян А. Е. Валерий Брюсов и Рене Гиль. — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 511—538. Переписку Брюсова и Гила см.: ГБЛ, ф. 386, карт. 70, № 28, 36. Брюсов перевел несколько стихотворений Гила и написал о нем три статьи (см.: Даниэлян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова. 1884—1973. Ереван, 1976).

⁸ См., например, дарственную надпись на списке речи Гила на банкете в честь К. Бальмонта, произнесенной 24 января 1912 г.: «Pour le poète à l'âme et l'art profonds, admiré, à mon ami Max Volochine» («Мому другу Макс Волошину, поэту высокой души и таланта, с восхищением») (ИР-III, ф. 562, оп. 3, № 1395).

⁹ См. ниже, с. 244—245.

представленные публикуемые восемь писем Рене Гийя к Волошину, а также одно письмо его жены — Алисы Рене Гиль.

Обеспечив французским корреспондентом отдел поэзии «Весов», Волошин предпринял поиски «корреспондента для романа и театра». К началу марта 1904 г. и эта задача была решена: на предложение Волошина отозвался Адольф Ван Беве (Van Bever, 1871—1925).¹⁰ «Он секретарь редакции „Mercure de France“, и Вы знаете его по книге о современной поэзии, которую я Вам оставил, — писал Волошин Брюсову. — Для романа он самый удобный человек, потому что через его руки проходит решительно все, что выходит нового. Это громадный знаток литературы».¹¹

Ответ Брюсова пришел лишь в начале апреля, и Волошин еще дважды напоминал ему о Ван Бевере, каждый раз подчеркивая ценность данного «приобретения» и выражая надежду, что «это поставит их («Весы», — П. З.) в приятные сношения с „Mercure de France“, в котором Ван Беве — секретарь редакции».¹² Первоначально было условлено, что французский критик будет давать в журнал две статьи в год «в виде ретроспективного обзора полугодия». Несколько позднее он согласился «еще писать рецензии о новых книгах — романы, история и литература — для каждого месяца» и, кроме того, сам предложил с такой же частотой присылать библиографию новых книг по тем же отраслям. «Это будет значительно полнее библиографии, составляемой в России»,¹³ — замечал Волошин.

Брюсов о Ван Бевере если и знал, то немного, но «Mercure de France» был ему, как и всем его единомышленникам, хорошо известен (не случайно «Весы» назвали этот авторитетный орган французского символизма одним из своих «внешних образцов»), да и потребность в подобном корреспонденте ощущалась весьма остро. «Рецензии Ван Бевера могут быть нам очень полезны», — ответил он наконец.¹⁴ Однако предложение это было принято не без оговорок: «... во-первых, мы не можем следить за французской литературой внимательней, чем за русской <...> Франция у нас должна стоять наряду с Германией (где современная литература куда интереснее!), с Англией, с Италией, со славянскими литературами. Таков идеал. А во-вторых, в библиографическом отделе высказываются идеи редакции. В отдельных статьях за мысли ответствен автор. В общих отделах — редакция. В библиографию мы не можем допустить что-либо такое, с чем не согласны <...> Итак, мы очень рады рецензиям Ван Бевера, но мы оставляем за собой редакционное право взять из них те, которые нам нужны и подходят, и не можем припять их заглазно <...> Желание у нас — не столько говорить о новых книгах, сколько по поводу новых книг высказывать свои взгляды на искусство.

¹⁰ См.: Jones P. M. Talks with French poets in 1913—14. — French Studies, 1948, vol. 2, July, N 3, p. 204—207.

¹¹ Под «книгой о современной поэзии» подразумевалась составленная Ван Бевеом совместно с П. Леото антология: Poètes d'aujourd'hui (1880—1900). Morceaux choisis avec notices biographiques et essai de bibliographie. Paris, 1900.

¹² ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 34, л. 4 об.

¹³ Там же, № 33, л. 28 об.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 20.

Нам важна не полнота библиографического отдела, а его боевой характер».¹⁵

К моменту получения Брюсовского письма Волошин уже отправил ряд рецензий Ван Бевера в Москву и теперь испытывал немалое смущение: «Я совсем не в курсе редакционных требований и планов, — пояснил он, — поэтому мне ужасно трудно быть активным в Париже. Я, например, совершенно не предполагал о том значении, которое Вы придаете библиографическому отделу, — значению полемики, а не полноты. В таком случае от рецензий Ван Бевера о романах придется отказаться. Я ему тогда предложу рецензии об исторических книгах — это его специальность — это вне полемики — и этого очень мало в „Весак“».¹⁶

Рецензии произвели на Брюсова не слишком благоприятное впечатление: «Относительно исторических рецензий В. ван Бевера страшно одно: очень он многословен и пустословен. Если б он писал покороче и только о самых важных книгах, не забывая, что пишет для России, а не для французов. Но удобно ли Вам будет сказать ему это. Вообще пока у нас Франции больше, чем надо».¹⁷ Едва ли Волошину все это было особенно приятно, но он не считал возможным возражать. Участие Ван Бевера в «Весак» свелось в основном к составлению библиографических перечней и в таком скромном объеме не прекращалось еще довольно долго. Следов его эпистолярного общения с Волошиным в архиве оказалось немного: это четыре деловых письма Ван Бевера, публикуемые нами, и визитная карточка, посланная с целью напомнить Волошину приемный день Ван Бевера (четверг).

В письме к Брюсову от 11 марта 1904 г. Волошин предлагал ему статью об «анекдотической истории» французского символизма по печатным воспоминаниям и устным рассказам участников этого движения, в числе которых назвал К. Моклера, Г. Кана, Гиля, Ван Бевера, а также Ивана Рамбоссона (Rambosson, 1872—?), поэта и художественного критика, деятельного сотрудника «*Mercur de France*».¹⁸ С ним и его женой Волошин познакомился вскоре после того, как обосновался в Париже, и по всей вероятности встречался в дальнейшем, но не слишком часто. Во всяком случае в его архиве находится лишь одно письмо к нему Рамбоссона, относящееся к началу 1904 г.

Письмо Андре Суареса (Suarès, 1868—1948) — поэта, эссеиста, литературного критика¹⁹ — связано с его стремлением ознакомить со своим поэтическим творчеством русского читателя. Насколько можно понять из письма, в личной беседе, состоявшейся летом или осенью 1908 г., Суарес обратился к Волошину с просьбой перевести что-либо из его стихов. Волошин согласился, но в связи с его отъездом в конце года в Россию

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 34, л. 31.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 17.

¹⁸ ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 34, л. 1 об. Брюсов отвечал на это: «Анекдотической истории символизма — не нужно: и так у нас слишком много (т. е. несоизмеренно много) о французской литературе. Выходит, что „Весы“ — журнал „франко-рус“, тогда как он „интернациональ“» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 19 об.).

¹⁹ О нем см.: Dietchy M. Le cas André Suarès. Neuchâtel, 1967.

дело сильно затянулось: перевод был осуществлен в самом начале 1910 г. и предложен редакции «Аполлона», в котором Волошин активно сотрудничал. Однако большого энтузиазма он при этом не проявил и, высылая секретарю редакции «Аполлона» Е. А. Зноско-Боровскому «просимые переводы из Суарэса», сам выразил пожелание заменить их другими: «Он поэт интересный, но все же лишь продолжатель и ученик Клоделя. Вещи у него неровные, наравне с поразительными словами — безвыходная риторика <...> Но зачем нам так много Суарэса, когда мы еще не дали Клоделя <...> Клодель грандиознее, проще и совершенно чужд риторике». Речь шла об оде П. Клоделя «Музы», которую Волошин перевел еще весной 1909 г.²⁰

С писателем и мыслителем Альфонсом де Шатобрианом (Châteaubriant, 1877—1951) Волошин впервые встретился у А. В. Гольштейн. «В субботу, — сообщал он матери в конце ноября или в самом начале декабря 1911 г., — должен я познакомиться с Александром Васильевым» с Альфонсом де Шатобрианом, автором романа „Mr des Lourdines“, который, наверно, должен получить в этом году Гонкуровскую премию <...> Этот роман тебе, верно, очень понравится».²¹ Вскоре после того и было, по-видимому, написано приведенное ниже письмо Шатобриана.

Круг парижских знакомых Волошина представлен также в настоящей публикации именами Ля Шене, Аркоса и Бато.

Пьер-Жорже Ля Шене (La Chesnais, 1865—?) много писал на разные темы, переводил (совместно с С. Кикиной) сочинения русских писателей («Бывшие люди» и «Супруги Орловы» М. Горького, «Четыре дня» В. Гаршина), но более всего интересовался скандинавской литературой. Он вел соответствующим отделом в «Mercure de France», переводил на французский язык Ибсена и выступал как его истолкователь и комментатор.²²

Рене Аркос (Arcos, 1881—1959) — видный писатель и критик, один из основателей литературного объединения «Аббатство»;²³ с 1923 г. до конца 1930-х годов был редактором. в 1946—1950 гг. — членом редакции журнала «L'Europe»; в 1908—1909 гг. печатался в «Весак». С Волошиным он познакомился не позднее 1908 г.: июнем этого года помечена дарственная надпись Волошину на его книге «Трагедия пространств» («La Tragédie des Espaces», 1906). Об их отношениях в последующие годы убедительно свидетельствуют другая дарственная надпись — на книге Аркоса

²⁰ ГИБ, ф. 124, № 973 (письмо от 8 февраля (ст. ст.) 1910 г.). Перевод из Клоделя был напечатан (с предисловием Волошина) в «Аполлоне» (1910, № 9). Отзыв об этом переводе, принадлежащий П. Авненскому, см. в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 235—236. 249—251.

²¹ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 61, л. 21. Премия была действительно присуждена (см.: *Vingt-cinq ans de littérature française*, t. 2. Paris, [s. a.], p. 52).

²² См.: *Revue de littérature comparée*, 1928, N 2, p. 279—303; 1931, N 2, p. 339.

²³ См.: Голенищев-Кутузов П. Н. Романские литературы. М., 1975. с. 404—416; Lalou R. *Histoire de la littérature française (1870 à nos jours)*. Paris, 1925. p. 723—725.

«То, что рождается» («Ce qui naît», 1911)²⁴ и публикуемое далее письмо с его весьма показательным обращением «Мой дорогой друг».

Жорж Бато (Batault, 1887—?) был плодовитым литератором: в 1900-х годах он публиковал на страницах «Mesure de France» статьи о современной философии (Ф. Ницше, А. Бергсон и др.), сотрудничал в этом журнале и позднее, выпустил целый ряд сочинений общественно-философского характера и два романа.²⁵

Несколько писем, полученных Волошиным в бытность его в Париже, принадлежит писателям франкоязычным. Среди них — Морис Метерлинк (Mæterlinck, 1862—1949), крупнейший бельгийский драматург нашего столетия;²⁶ Жан де Бошер (Bosschère, 1878—1953), бельгийский поэт, а также художник и гравер;²⁷ Шарль-Фердинанд Рамюз (Ramuz, 1878—1947), швейцарский романист, автор знаменитой «Истории солдата».²⁸ Наконец, письмо еще одного бельгийского писателя относится к 1925 г. и адресовано в Коктебель. Это письмо Франца Элленса (Hellens, псевдоним Фредерика ван Эрменгема (Ermenghem), 1881—1972) — поэта, прозаика, эссеиста,²⁹ — с которым он обратился к русскому «собрату» по рекомендации их общего знакомого П. Г. Эренбурга.³⁰

Все перечисленные письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 562, оп. 3, № 1381, 1383, 1384, 1388, 1395, 1413, 1419, 1420, 1425, 1432—1434).

²⁴ Приводим текст этих надписей: «Pour Monsieur Volochine, hommage d'amitié et d'admiration et souvenir de Paris. René Arcos, juin 1908» («Господину Волошину в знак дружбы и восхищения и на память о Париже. Рене Аркос, июнь 1908») и «A Max Volochine en souvenir de son séjour à Paris, avec toute mon amitié. René Arcos. 85, rue Michel-Ange, Paris, XVIe» («Максу Волошину на память о его пребывании в Париже, очень дружески. Рене Аркос, улица Микеланджело, 85, Париж, XVI округ»). Обе книги находятся в библиотеке Дома-музея М. А. Волошина в Планерском (Коктебель).

²⁵ См.: Léautaud P. Journal littéraire. t. 6. Paris, 1959, p. 232—234.

²⁶ См.: Шкунаева И. Д. Бельгийская драма от Метерлинка до наших дней. Очерки. М., 1973, с. 27—162; Compère G. Le théâtre de Maurice Mæterlinck. Bruxelles, 1955; Andrieu J.-M. Mæterlinck. Paris, 1962; Postic M. Mæterlinck et le symbolisme. Paris, 1970.

²⁷ См.: Histoire illustrée des lettres françaises de Belgique. Bruxelles, 1958, p. 526.

²⁸ См.: Dunooyer J.-M. C.-F. Ramuz peintre vaudois. Lausanne, 1959; Nicod M. Du réalisme à la réalité. Evolution artistique et itinéraire spirituel de Ramuz. Genève, 1966; Meylan P. Une amitié célèbre. C.-F. Ramuz. Igor Stravinsky. Lausanne—Paris, 1961.

²⁹ См.: Grisaу A. L'oeuvre de Franz Hellens. Liège, 1962. О встречах Элленса с М. Горьким см.: Элленс Ф. Горький, каким я его видел. — Интернациональная литература, 1939, № 11, с. 235—236. Письма их опубликованы; см.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960 (Архив А. М. Горького, т. VIII), с. 90—115.

³⁰ Об отношении Элленса и Эренбурга см.: Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь, кн. 1—2. М., 1964, с. 623—625. Здесь же (с. 178—190) воспоминания Эренбурга о Волошине, с которым он познакомился в Париже. Статья Эренбурга «М. А. Волошин» вошла в его книгу «Портреты современных писателей» (М., 1923, с. 35—38). Волошин посвятил Эренбургу статьи: «Розы и трафареты. (Стихи Э. П. Штейна и П. Эренбурга)» (Утро России, 1911, № 34, 12 февраля), «Илья Эренбург — поэт» (Речь, 1916, № 300, 31 октября), «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» (Камена, 1919, кн. 2, с. 40—28).

Существенную помощь в подготовке данной публикации оказали В. П. Купченко, А. В. Лавров и Г. Г. Полякова, за что приношу им искреннюю благодарность.

РЕНЕ и АЛИСА ГИЛЬ

1

16 bis, rue Lauriston.

Jeudi, 4 février 1904.

Cher Monsieur et ami,

Ne vous auant vu hier, c'est que, sans doute, grâce à votre intuitive pensée et aux derniers avis de M-me de H.¹ vous avez traduit sans trop de peine l'article en question. Je veux vous remercier encore de ce soin que j'apprécie à *toute sa valeur* — et vous assurer de toute ma gratitude!²

J'espère aussi que vous voudrez bien nous faire le plaisir de venir *demain soir vendredi* (9 heures) passer une amicale soirée avec nous et nos amis qui, je crois, vous seront sympathiques. Peut-être M-me de H. nous fera-t-elle l'honneur d'être des nôtres.

Encore merci. Et bien vôtre

René Ghil.

Monsieur Max Volochine, 3, rue du Bac. E. V. 7-ème.

Перевод:

Улица Лорнстон, 16 бис.

Четверг, 4 февраля 1904.

Милостивый государь и друг,

Вчера я вас так и не повидал, но ваша интуиция, а также последние советы г-жи фон Г.,¹ позволили вам без особого труда перевести интересующую нас статью. Хочу поблагодарить вас еще за эту услугу, которую я оценил *в полной мере*, и выразить вам всю мою признательность!²

Надеюсь также, что вы доставите нам удовольствие и придете к нам *завтра, в пятницу, вечером* (в 9 часов), дабы провести время в дружеском кругу — с нами и нашими друзьями, которые, думаю, будут вам симпатичны. Быть может, и г-жа фон Г. окажет нам честь нас посетить. Еще раз спасибо. Искренне ваш

Рене Гиль.

Господину Максу Волошину, улица дю Бак, 3. Здесь, 7-й округ.

¹ Гольштейн Александра Васильевна (1849—1937) — русский литератор; большую часть жизни прожила во Франции. Волошин познакомился с ней и ее мужем Владимиром Августовичем Гольштейном в 1901 г., постоянно бывал и неоднократно жил в их доме, где впервые увиделся с рядом примечательных людей. Ей посвящен его стихотворный цикл

«Алтари в пустыне». Приветствуя в Париже В. Я. Брюсова, Волошин снабдил его рекомендательным письмом к А. В. Гольштейн — «своей очень хорошей знакомой». (М-ше Holstein, — писал он, — в высшей степени интересный человек. Она 30 лет живет в Париже и притом исключительно в литературно-художественном мире Парижа. Она может быть очень интересна для Вас) (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 6). Брюсов воспользовался советом Волошина (см.: Мануйлов В. А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин. — В кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973, с. 447; Брюсов В. Я. Дневники. М., 1927, с. 132). Рене Гиль находился с А. В. Гольштейн в дружеских отношениях, в сотрудничестве с ней он осуществил все свои переводы с русского языка.

² Речь идет о первой статье Рене Гиля для «Весов», озаглавленной «Письма о французской поэзии. Вступительные страницы». «Он, — писал Волошин Брюсову 17 января 1904 г., — обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же. Это только для первой статьи. После он будет отправлять непосредственно. Он хочет написать общий обзор французской поэзии настоящего дня» (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 11). «Известие Ваше о Гиле нас очень радует. Пожалуйста, настояте, чтобы его статья была у нас до 1-го февраля ст. ст. — нам она необходима для № 2», — ответил ему Брюсов 11(24) января, а неделю спустя вернулся к этой теме: «Получим ли мы статью Гиля? и когда? и какова будет ее величина? Если она придет до 1 февраля ст. ст. и будет не больше 1/2 печ. листа, она пойдет во 2 №. Иначе в 3-ий. Самое сотрудничество Гиля нам очень, очень желательно. Просите его писать, если понемногу, то каждый месяц, если обширными статьями — то через месяц. Не забудьте, что кроме Франции перед нами вся Европа, не говоря о России и не мечтая об Азии!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 8, 10). 27 января Гиль уведомил А. В. Гольштейн, что предполагает «завтра вечером окончить статью, которую <...> склонен перевести лично Макс Волошин, человек столь симпатичного нрава и дарования» (там же, оп. 6, № 232, л. 1). 29 января Волошин сообщил: «Только что видел René Ghil'я и выслушал его статью. Она, по-моему, очень хороша, так как сразу и широко вводит в различные течения символизма, так мало известного у нас, где все движение представляется цельным, и так бурно дебатлируемые теперь во Франции. Ghil производит впечатление очень сильного характера, сдержанного и замкнутого. Его слова еще очень интересны тем, что он в первый раз дает публично свою оценку движения и определяет свою роль в нем, которая, как Вы знаете, была очень значительна. С эпохи великой кампании 86—94 года (т. е. расцвета французского символизма, — П. 3.) он не выступал ни разу в текущей журналистике, работая исключительно над своей громадной поэмой „Oeuvre“. Так что тот ряд статей, который он хочет теперь дать „Весам“, представляет большую „rareté“. И далее он заметил: «Сажусь за перевод статьи Ghil'я» (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 16 об.—17). Между тем от Брюсова пришло новое письмо, от 3 февраля 1904 г., где он уже не просил, а умолял: «Ждем с величайшим напряжением статью Ghil'я. Чем скорее, тем лучше. Важны даже часы. Она идет крупным шрифтом во второй лист №. Высылайте же!!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 11). Волошину ничего не оставалось делать, как отправить в Москву незавершенный перевод: «Благодаря разным делам, скопившимся у меня за последнее время, я не успею исполнить желание Рене Гиля: перевести его статью. Поэтому высылаю вам сейчас же (одновременно с письмом) его статью и те страницы перевода, что я успел сделать. Он очень просит обратить особенное внимание на тщательность перевода особенно этой первой статьи, которая носит более общий характер» (письмо от 31 января 1904 г. — ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 34, л. 3). Статья появилась во втором номере «Весов» за 1904 г. (с. 25—38).

17 février 1904.

René Ghil et Madame, le 3-ème vendredi, 19.¹

Cher Monsieur Volochine, nous serions très heureux vous revoir ce vendredi soir, après-demain. Je formule le même souhait à M-me de H., si ses travaux le lui permettent et si sa soirée est libre. — J'ai reçu le 1-er N de «Весы» d'un aspect si bellement artistique!..² J'enverrai *demain* directement à M-r Broussow, à la Revue, le 2-ème article. J'aurais voulu vous le dire, mais m'avez-vous dit, il vaut mieux l'envoyer le plus tôt possible.³

A après-demain soir? Bien vôtre

René Ghil.

Monsieur Max Volochine, 3, rue du Bac. E. V. 7-ème.

Перевод:

17 февраля 1904.

Рене и госпожа Гиль, 3-я пятница, 19-е.¹

Дорогой господин Волошин, мы будем рады вновь увидеть вас в эту пятницу, послезавтра, вечером. С такой же просьбой я обращаюсь к г-же фон Г., если дела ей это позволят, а вечер свободен. Я получил «Весы» № 1, который выглядит так очаровательно-художественно!..² *Застри* я отправлю прямо г-ну Брюсову, в адрес журнала, 2-ю статью. Я непременно предупредил бы об этом вас, но разве вы сами не сказали мне, что лучше отправить ее как можно скорее.³

До вечера послезавтра? Искренне ваш

Рене Гиль.

Господину Максу Волошину, улица дю Бак, 3. Здесь, 7-й округ.

¹ Третья пятница являлась приемным днем супругов Гиль.

² Обложка первого номера «Весов» была оформлена Л. Бакстом, в качестве фронтисписа была воспроизведена миниатюра XIV в., вивьетки были выполнены по рисункам К. Сомова, Н. Клодта, Волошина и других русских художников. Внешний вид журнала произвел чрезвычайно благоприятное впечатление на современников: «Спасибо за „Весы“. Внешность — событие в журналистике», — писал Брюсову П. П. Перцов, а Вячеслав Иванов поздравлял его с выходом журнала «истинно пязщного — внешне и внутренне» (см.: Литературное наследство, т. 85, с. 264).

³ Вторая статья Гиль из цикла «Письма о французской поэзии» озаглавлена «Конгресс поэтов 1901 года. (Из современных регроградных теорий)». Гиль должен был выслать ее Брюсову несколько раньше (см. письмо Волошина к Брюсову от 9 февраля 1904 г.: ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 26), но не успел. Статья увидела свет в третьем номере «Весов» за 1904 г. (с. 19—32).

«29 ноября 1904».

Cher ami, ce mot pour vous rappeler notre *vendredi* 2 décembre. Je serais très heureux vous voir pour causer de la soirée du lendemain. J'écris ce jour à M-me de Hol. Je n'ai pu la voir, et ne puis vous voir, parce que je suis souffrant, enrhumé fortement, et je me soigne sans sortir pour pouvoir être des vôtres samedi. J'ai fait le nécessaire pour les poètes. Vous, vous devez vous charger de Géraldy¹ et M-r Deniker.²

Bien vôtre

René Ghil.

Monsieur Max Volochine, 9, rue Campagne-Première. E. V. 14-ème.

Перевод:

«29 ноября 1904».

Дорогой друг, пишу лишь для того, чтобы напомнить вам о нашей *пятнице* 2 декабря. Я был бы очень рад с вами увидеться, чтобы обсудить завтрашний вечер. Я написал сегодня и г-же фон Гольштейн. Я не мог с ней увидеться и не могу увидеться с вами, так как нездоров, у меня сильный насморк, я не выхожу из дома и лечусь, чтобы в субботу быть вместе с вами. Я сделал для поэтов все необходимое. Вы же должны взять на себя Жеральди¹ и г-на Деникера.²

Искренне ваш

Рене Гиль.

Господину Макс Волошину, улица Кампань-Премьер, 9. Здесь, 14-й округ.

Датируется по почтовой дате письма.

¹ Лсфевр-Жеральди Поль (1885—?) — французский поэт, драматург, переводчик.

² Деникер Никола — французский поэт; племянник И. Ф. Анненского. На сборник его стихов («Poèmes», 1907) сочувственно откликнулся Р. Гиль в «Весах» (1908, № 3, с. 117).

15 mars «1905».

Cher ami,

J'espère vous voir ce *vendredi* 17, n'est-ce pas? J'ai reçu des nouvelles, une lettre de Brussov et le N de «Viessy».¹ M-r Brussov a bien reçu ma lettre et la copie.²

A après-demain soir. Nous espérons que vous avez eu de bonnes nouvelles de M-me votre mère.³

Votre René Ghil.

Si votre ami veut bien vous accompagner, je serai très heureux de faire sa connaissance.⁴

Monsieur Max Volochine, 9, rue Campagne-Première. E. V. (14-ème).

Перевод:

15 марта <1905>.

Дорогой друг,

Я надеюсь увидеть вас в эту пятницу, 17-го, не так ли? Я получил письмо от Брюсова и № «Весов».¹ Г-н Брюсов получил мое письмо и рукопись.²

До вечера послезавтра. Надеемся, что ваша матушка шлет вам добрые вести.³

Ваш Рене Гиль.

Если вашему другу угодно вас сопровождать, я буду очень рад с ним познакомиться.⁴

Господину Максу Волошину, улица Кампань-Премьер, 9. Здесь (14-й округ).

Письмо датируется 15 марта 1905 г. по совпадению числа и дня недели.

¹ Речь идет о втором номере «Весов» за 1905 г.

² Имеется в виду пятая статья из цикла «Письма о французской поэзии» — «Танкред де Визан» (Весы, 1905, № 3, с. 48—54).

³ Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850—1923).

⁴ Этим другом мог быть А. В. Зенгер или А. В. Амфитеатров (ср. письмо Волошина к матери от начала марта 1905 г. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 60, л. 12).

5

3 janvier <1909>.

Cher Monsieur Volochine,

Nous vous rappelons que c'est vendredi prochain 8 janvier, notre soir de réception.

Nous comptons bien vous voir, et nous vous prions de le rappeler à M-r Balmont qui doit venir avec vous.¹ Nous vous désirons bonne année, et nous formons le voeu pour vous, et pour nous, de vous voir prolonger votre séjour à Paris, encore bien longtemps.

A vendredi, et de nous deux les meilleurs souhaits.

Alice René Ghil.

Перевод:

3 января 1909.

Дорогой господин Волошин,

Напоминаем вам, что в пятницу 8 января — наш приемный день. Мы очень надеемся вас увидеть и просим напомнить об этом г-ну Бальмонту, который должен прийти вместе с вами.¹ Мы желаем вам счастливого года, а вам и себе — чтобы ваше пребывание в Париже продлилось еще очень долго.

До пятницы и всего наилучшего от нас обонх.

Алиса Рене Гиль.

Письмо датируется 3 января 1909 г. по упоминанию в нем «пятницы 8 января», а также в связи с выраженным в нем пожеланием: в это время Волошин собирался окончательно вернуться на родину (ср. в письме к матери от 2 января 1909 г.: «... для меня мое искание жизни в далеких краях теперь кончилось <...> почти кончилось» — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 60, л. 78 об.). 18 (31) января он выехал в Берлин, а в самом конце января был уже в Петербурге.

¹ Знакомство Гиль с К. Д. Бальмонтом состоялось летом 1904 г. См. в письме Волошина к Брюсову от 30 июня 1904 г.: «... Гиль с Бальмонтом познакомились и друг другу очень понравились» (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 21). Сам Волошин познакомился с Бальмонтом в Париже в сентябре 1902 г. и затем встречался с ним во Франции и России.

6

16 bis, rue Lauriston.

27 nov<embre> 1911.

Cher ami,

Voudrez-vous vous souvenir que nous recevons *le 1-er vendredi* de chaque mois, et dès *ce vendredi 1-er décembre*, où nous serons heureux vous revoir. Bien vôtre

René Ghil.

Перевод:

Улица Лористон, 16 бис.

27 ноября 1911.

Дорогой друг,

Не забыли ли вы, что наш приемный день — *первая пятница* каждого месяца, начиная с *ближайшей пятницы 1-го декабря*, когда мы были бы рады вас вновь увидеть. Искренне ваш

Рене Гиль.

16 bis, rue Lauriston.

Vendredi, 8 décembre <1911>.

Mon cher ami,

Répondant à votre bonne invitation, nous viendrons chez vous *ce lundi soir* 11 — avec M-r Royère¹ et M-r et M-me Sadia-Lévy.²

Nous espérons que ce soir-là vous conviendra, et serons très heureux, tous, de passer avec vous quelques heures.

Je vous serre bien amicalement la main.

Votre René Ghil.

Перевод:

Улица Лористон, 16 бис.

Пятница 8 декабря <1911>.

Мой дорогой друг,

В ответ на ваше любезное приглашение мы посетим вас *в ближайший понедельник*, 11-го, *вечером* — с г-ном Руайером¹ и г-ном и г-жой Садиа-Левы.²

Мы надеемся, что названный вечер вас устроит и будем все очень рады провести с вами несколько часов.

Дружески жму вам руку.

Ваш Рене Гиль.

Письмо датруется 1911 г. по совпадению числа и дня недели.

¹ Руайер Жан (1871—1956) — французский поэт, глава объединения «Фаланга». О нем см.: Jones P. M. Talks with French poets in 1913—14. — French Studies, 1948, vol. 2, July, N 3, p. 211—212.

² Садиа-Левы — французский поэт; Гиль с одобрением отзывался о его творчестве (Весы, 1904, № 2, с. 33; № 11, с. 11—18). О Садиа-Левы и его дружеских отношениях с Гилем см.: Royère J. René Ghil poète et théoricien. — Mercure de France, 1925, 1 nov., p. 682. См. также: Максимилиан Волошин — художник. Сб. материалов. М., 1976, с. 99.

16 bis, rue Lauriston.

12 déc<embre> 1911.

Cher ami,

J'ai écrit à Brussov, pour lui présenter votre demande touchant le livre de Châteaubriant, et lui dire que je serais très heureux que vous en parliez en février, puisque, mon article passant en janvier, il serait bien tard quand viendra mon second de 1912 — là seulement où je pourrais en parler moi-même.¹

Je lui dis de vous avertir *directement*, en vous disant quelle étendue doit avoir votre article.

A bientôt. Et toutes amitiés de votre

René Ghil.

Перевод:

Улица Лористон, 16 бис.

12 декабря 1911.

Дорогой друг,

Я написал Брюсову, дабы изложить ему вашу просьбу относительно книги Шатобриана и известить его, что я был бы очень рад, если бы вы написали о ней в феврале, ибо моя статья идет в январе, а ко времени второй моей статьи 1912 г., в которой я только и смогу о ней написать, будет слишком поздно.¹

Я посоветовал ему договориться с вами *непосредственно*, указав, какой объем должна иметь ваша статья.

До скорого свидания. И сердечный привет от вашего

Рене Гиля.

¹ По предложению Брюсова Гиль в 1911—1912 гг. сотрудничал в журнале «Русская мысль». Первая его статья 1912 г. — «Письмо о французской поэзии» (№ 1, с. 41—45), вторая — «Умственные книги» (№ 6, с. 25—30). По всей вероятности, Волошин намеревался предложить Брюсову рецензию на роман А. де Шатобриана «Господин де Лурдин», удостоенный Гонкуровской премии 1911 г. (см. вступительную заметку). Однако такой рецензии в «Русской мысли» не обнаружено. Обращение к Брюсову через Гиля может быть объяснено некоторым охлаждением в отношениях Волошина и Брюсова после «конфликта» 1908 г., вызванного появлением в газете «Русь» (1907, № 348, 29 декабря) статьи Волошина «Лики творчества. (В. Брюсов. Пути и перекутья)». Об этом см. подробнее: Мануйлов В. А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин, с. 453—455.

9

16 bis, rue Lauriston.

31 janvier 1916.

Bien cher ami,

Excusez-moi de ne vous avoir écrit encore, trop occupé de diverses choses.

Voulez-vous me faire l'amitié, s'il vous est possible, de venir *ce jeudi 3*, l'après-midi, à partir de *trois heures*. Je serai là toute l'après-midi, très heureux de vous voir, et causer.

Bien affectueusement vôtre

René Ghil.

Перевод:

Улица Лористон, 16 бис.

31 января 1916.

Любезный друг,

Простите, что еще не написал вам: я был слишком занят различными делами.

Не окажете ли вы мне любезность посетить меня, если это возможно, в ближайший четверг, 3-го, во второй половине дня, после трех часов. Всю вторую половину дня я дома и буду очень рад увидиться с вами и поговорить.

Сердечно ваш
Рене Гиль.

АДОЛЬФ ВАН БЕВЕР

1

68, rue de Babylone.

Mardi, 2-e lettre.
«31 mai 1904».

Cher Monsieur,

Pardonnez ma hâte et mon incompréhension; je reçois à l'instant un mot de Russie.¹ *Tout est arrangé*; seulement, je voudrais bien recevoir une ou deux bonnes feuilles de mes notices bibliographiques ou bien un ou deux numéros.

Je tâcherai d'envoyer dans une douzaine de jours ma seconde série des livres d'histoire.²

Je craignais que ma première copie n'ait point intéressé la direction de votre «Viessy».³

Excusez encore ma confusion et me croyez votre

Ad. van Bever.

Passerez-vous quelque prochain jour du côté du «Mercure»?

A. B.

Перевод:

Вавилопская улица, 68.

Вторник, 2-е письмо.
«31 мая 1904».

Сударь,

Простите мою торопливость и непонятливость; сию минуту я получил письмо из России.¹ *Все улажено*; мне только хотелось бы получить один или два хороших оттиска моих библиографических заметок или же один или два экземпляра журнала.

Дней через двенадцать я постараюсь отослать вторую серию моих заметок о книгах по истории.²

Я опасался, что моя первая статья не вызвала ни малейшего интереса у редакции ваших «Весов».³

Еще раз извините мою бестолковость, ваш

Ад. ван Беве.

Не будете ли вы в один из ближайших дней где-нибудь поблизости от «Mercure»?

А. Б.

Датируется 31 мая 1904 г. (вторник) по связи с письмом Волошина к Брюсову от 3 июня 1904 г. (пятница), в котором излагается данное письмо: «Ван Беве просит, чтобы „Весы“ выслали ему несколько оттисков его рецензий (для рассылки авторам, как принято в Париже) и экземпляр для себя» (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 20). Судя по помете, в этот день Ван Беве писал к Волошину дважды; первое из писем неизвестно.

¹ По-видимому, Брюсов сообщал о своем намерении поместить «письмо» (т. е. полугодовой обзор новых французских романов) Ван Беве не в майском, а в июньском номере «Весов» — ввиду обилия в майском номере французских материалов («Письмо В. Беве, — писал Брюсов Волошину, — пойдет в июне, так как в мае будет письмо Гюля и ваше из Парижа о выставках: довольно Франции для мая!» — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 17).

² Ср. в письме Волошина к Брюсову от 3 июня 1904 г.: «Он готовит новые рецензии об исторических книгах (исключительно)» (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 20). Последнее уточнение было связано с тем, что Волошин, учитывая пожелание Брюсова, «приостановил» рецензии Ван Беве о новейшей французской беллетристике.

³ Опасения Ван Беве не были лишены оснований. Эта «первая статья», посланная в Москву Волошиным в самом конце марта 1904 г., действительно не слишком заинтересовала редакцию «Весов». «Рецензии Ван Беве, конечно, — раз они уже присланы — возьмем все, разве за выпуском двух-трех чисто библиографических заметок в конце», — сообщил Брюсов Волошину 11 апреля 1904 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 289, л. 21). Однако никаких рецензий Ван Беве в «Весов» за эти месяцы не обнаружено.

2

10 août 1904.

Cher Monsieur,

Je tiens à votre disposition l'article sur Mæterlinck dont je vous ai parlé.¹ Pourrez-vous passer le prendre *demain* (jeudi) ou *après-demain* (vendredi). Je pars en vacances samedi matin et ne rentrerai qu'après le 5 septembre.

Cordialement vôtre

Ад. ван Беве.

Je suis débarrassé d'arides besognes et vais pouvoir tenir mes promesses touchant ma collaboration à la «Balance». Je me souviens

que j'ai des notes bibliographiques à fournir sur les derniers ouvrages de littérature rétrospective et d'histoire.²

А. В.

Перевод:

10 августа 1904.

Сударь,

Статья о Метерлинке, о которой я вам говорил, находится в вашем распоряжении.¹ Можете ли вы прийти за ней *завтра* (четверг) или *послезавтра* (пятница). В субботу утром я отправляюсь на отдых и возвращусь только после 5 сентября.

Сердечно ваш

Ад. ван Беве.

Я избавился наконец от бесплодных дел и могу выполнить свое обещание касательно моего сотрудничества в «Весах». Помнится, мне надлежит представить библиографические сведения о последних историко-литературных и исторических трудах.²

А. В.

Письмо написано на бланке журнала «Mercure de France».

¹ 17 июля 1904 г. Волошин писал Брюсову: «Ван Беве очень извиняется, что за массой работы он не успел еще прислать ретроспективную статью об романе, как обещал, как теперь заканчивает биографию Метерлинка и предлагает „Весам“, не хотят ли они поместить самые важные ее страницы (около полулиста) до ее появления по-французски? Это может быть очень интересно <...> Ответьте об этом ему (ред. „Mercure de France“») (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 33, л. 36 об.—37). Статья была напечатана в сентябрьском выпуске «Весов» (с. 1—23), в переводе Брюсова. Позднее Брюсов назвал ее «прекрасной» (Метерлинк М. Пеллеас и Мелзанда и стихи. В переводе Валерия Брюсова. М., 1907, с. IV).

² Эти библиографические перечни Ван Беве были помещены в ноябрьском выпуске «Весов» за 1904 г. (с. 76—79).

3

68, rue de Babylone.

Cher Monsieur Volochine,

Si vous avez un instant à vous, passez donc au «Mercure». J'ai un livre à vous remettre et deux mots à vous dire.

Cordialement vôtre

Ad. van Bever.

Перевод:

Вавилонская улица, 68.

Дорогой господин Волошин,

Если у вас будет свободная минута, зайдите в «Mercure». Мне нужно передать вам книгу и сказать два слова.

Сердечно ваш

Ад. ван Бевер.

По всей вероятности, письмо относится к периоду наиболее тесного общения Ван Бевера и Волошина, т. е. к 1904 г. В таком случае, упоминаемой Ван Бевером книгой могла быть его брошюра «Морис Метерлинк», изданная в серии «Les célébrités d'aujourd'hui» (Maurice Mæterlinck. Paris, 1904). В настоящее время брошюра эта с дарственной надписью автора находится в библиотеке Дома-музея М. А. Волошина.

4

24 novembre 1905.

En hâte

Cher Monsieur Volochine,

Que devenez-vous? On ne vous voit plus.

M. Jean de Gourmont — dont on vient de publier un article à la «Balance» — me demande si on n'a pas oublié de lui adresser ses «honoraires».¹

Que faire? A qui faut-il s'adresser?

Je compte sur un mot de vous à ce sujet et vous prie de croire à mes sentiments dévoués.

Ad. van Bever.

Vous savez où et quand l'on me trouve, soit au «Mercure», soit chez moi (le jeudi).

Je serai heureux de vous voir.

A. B.

Перевод:

24 ноября 1905.

В спешке

Дорогой господин Волошин,

Что с вами случилось? Вас больше нигде не видно.

Г-н Жан де Гурмон, статью которого только что напечатали в «Весах», спрашивает меня, не забыли ли ему выслать его гонорар.¹

Что делать? К кому следует обратиться?

249

Я рассчитываю, что вы подскажете, как мне поступить, и прошу вас принять уверение в моей искренней преданности.

Ад. ван Бевр.

Вам известно, где и когда меня можно найти, или в «Mercure», или дома (по четвергам).

Буду рад вас видеть.

А. Б.

Письмо написано на бланке журнала «Mercure de France».

¹ Жак де Гурмон (1877—1928), брат Реми де Гурмона, — французский романист и критик, сотрудник «Mercure de France» (о нем см.: Mercure de France, 1928, 15 mars, p. 568—594). Ж. де Гурмон печатался в «Весы» и «Аполлоне». В данном случае речь идет о его первой статье из цикла «Французские романы и романисты» (Весы, 1905, № 8, с. 31—36).

ИВАННОЕ РАМБОССОН

Paris, 36, boulevard de Clichy.

31 janvier 04.

Cher Monsieur,

À notre grand regret nous n'avons pu assister hier à la conférence de M. Bourgault-Ducoudray.¹ Je vous envoie, comme je vous l'avais promis, un des mes livres — le plus ancien, «Le verger doré», les autres étant épuisés.² — J'espère vous voir à l'un de nos premiers ou troisièmes samedis, et nous-mêmes pensons bien avoir la liberté d'aller à une de vos réunions.³

Recevez, Monsieur, mes salutations bien sympathiques.

Yvanhoé Rambosson.

Monsieur Max Volochine, 3, rue du Bac, Paris.

Перевод:

Париж, бульвар де Клиши, 36.

31 января 04.

Сударь,

К нашему великому сожалению, мы не смогли вчера присутствовать на лекции г-на Бурго-Дюкудре.¹ Посылаю вам, как обещал, одну из моих книг — самую старую, «Позолоченный сад», поскольку другие разошлись.² — Надеюсь увидеть вас в одну из наших первых или третьих суббот, да и сами мы очень склонны побывать на одном из ваших вечеров.³

Примите, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах.

Иванное Рамбоссон.

Господину Макс Волошину, улица дю Бак, 3, Париж.

¹ Бурго-Дюкудре Луи-Альбер (1840—1910) — французский композитор и историк музыки, в 1878—1908 г. профессор Парижской консерватории.

² Поэтический сборник Рамбоссона, изданный в 1895 г. Книга эта с дарственной надписью автора сохранилась в библиотеке Дома-музея М. А. Волошина.

³ Возможно, что речь идет о вечерах в мастерской Е. С. Кругликовой. Но ее воспоминаниям, вскоре после приезда в Париж Волошин сделался «центром» ее «круга знакомых», «бесконечно увеличивая его». См.: Максимилиан Волошин — художник, с. 99.

АНДРЕ СЮАРЕС

Paris, ce 30—XII—1909.

Comme je v<ou>s l'ai déjà dit, Monsieur, je v<ou>s ferai tenir bientôt dix ou douze pages de la série «Le poète tragique» que je veux v<ou>s confier.¹

Mais d'abord, il serait bon que v<ou>s puissiez donner suite à une idée qui me vient, et qui v<ou>s paraîtra peut-être bonne.

Entre autres ouvrages, j'ai publié un livre des poèmes. Je v<ou>s l'envoie. Ce livre est très rare. Il n'a été tiré qu'à 130 exemplaires, et n'a pas été mis dans le commerce. Il a donc pour tout le monde la valeur de l'inédit, si c'en est une.²

Je v<ou>s propose d'en traduire et d'en publier quelques pièces, dans l'ordre et sous le titre que v<ou>s trouverez ci-contre.

On me dit que, parmi les écrivains russes les plus aptes à traduire les poètes, Monsieur M. Volochine est celui qu'il faudrait me souhaiter. Je serais donc heureux de l'obtenir.

Faites-moi savoir, je v<ou>s prie, ce que v<ou>s aurez décidé, et croyez bien, Monsieur, aux meilleurs sentiments

de Suarès.³

André Suarès, 17, rue Méchain. Paris — XIV.

Перевод:

Париж, 30—XII—1909.

Как я вам уже говорил, милостивый государь, вскоре я отправлю вам десять или двенадцать страниц серии «Трагический поэт», которые склонен вам доверить.¹

Но прежде всего желательно, чтобы вы осуществили одну мою мысль, которая, быть может, покажется вам удачной.

В числе прочих сочинений я опубликовал книгу поэм. Посылаю вам ее. Книга эта очень редкая, она была издана лишь в 130 экземплярах и не была пущена в продажу. Для всех она, следовательно, имеет ценность произведения неизданного, если в данном случае вообще можно говорить о ценности.²

Предлагаю вам перевести и напечатать несколько отрывков из этой книги в том порядке и под тем же заголовком, которые вы найдете здесь же.

Меня уверяют, что среди русских писателей, в наибольшей степени способных к поэтическому переводу, самым подходящим для меня

явился бы господин М. Волошин. И так, я был бы счастлив получить его согласие.

Прошу вас, милостивый государь, известить меня о вашем решении и принять уверение в лучших чувствах

Сюсареса.³

Андре Сюарес, улица Мешен, 17. Париж — XIV округ.

¹ «Трагический пост» — поэма Сюареса; написана между 1903 и 1907 гг., отдельным изданием вышла в самом конце 1920 г. с датой: 1921. См.: Dietchy M. Le cas André Suarès. Neuchâtel, 1967, p. 291—292.

² Имеется в виду «Щит Зодиака» («Le Bouclier du Zodiaque») — цикл небольших поэм в прозе (первоначальное название «Щит Святого Георгия» — «Le Bouclier de Saint-Georges»); начат в 1903 г., опубликован в 1908 г. с датой: 1907; переиздан в 1920 г. См.: Dietchy M. Le cas André Suarès, p. 277—278.

³ Далее Сюарес называет выбранные им фрагменты и указывает соответствующие страницы книги. Из этих девяти фрагментов Волошин перевел шесть («Грихapatни», «Возвращение — Солнцестояние», «С глазу на глаз», «O mors ergo mors tua», «День Господа», «Дерево»). Рукопись переводов была впоследствии возвращена Волошину (см. письмо М. Л. Лозинского к В. И. Апненскому-Кривичу: ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 83) и сохранилась в фонде Волошина в ИРЛИ (ф. 562, оп. 3, № 1425) здесь же — набросок ответного письма к Сюаресу: «A Monsieur Suarès Maximilien Volochine. Vous m'accordez l'honneur d'une tâche impossible: traduire vos poèmes. J'accepte. Je vais rendre en russe les pièces indiquées [par votre lettre]. Apollon (Huperboréen) vous prie... de ma part... je vous prie de...» («Господину Сюаресу Максимилиан Волошин. Вы делаете мне честь, поручая неосуществимое дело: перевести ваши поэмы. Я согласен. Я переведу на русский язык фрагменты, указанные в вашем письме. „Аполлон“ («Гипербореец») просит вас... со своей стороны, я прошу вас...»).

АЛЬФОНС ДЕ ШАТОБРИАН

St-Sébastien. <Конец 1911 г.>

Cher Monsieur,

J'ai été obligé de quitter Paris et de m'enfuir là où je devais trouver un peu de silence et de solitude. J'ai été passer quelques jours dans un hôtel isolé au milieu des bois de Bretagne et qui regarde la pleine mer.¹ C'est là que je me trouvais pendant la dernière tempête. J'ai vécu là tout un jour et presque toute une nuit avec Dostoevski. J'avais emporté «L'Esprit souterrain» et «L'Eternel mari»² — nous en reparlerons, si vous voulez.³ Je rentrerai à Paris vers la fin de la semaine, et j'irai vous voir un des premiers matins qui suivront mon retour.

Je vous prie, cher Monsieur, d'accepter l'expression de ma très vive sympathie.

Alphonse de Châteaubriant.

Сударь,

Мне пришлось покинуть Париж и бежать туда, где я мог найти немного тишины и одиночества. Я провел несколько дней в гостинице, затерянной среди бретонских лесов, откуда видно открытое море.¹ Именно там я и был застигнут последней бурей. Я прожил там целый день и почти целую ночь наедине с Достоевским. Я взял с собой «Записки из подполья» и «Вечного мужа»² — мы еще поговорим о них, если пожелаете.³ В Париж я вернусь к концу недели и навещу вас в один из первых дней после возвращения, в утреннее время.

Прошу вас, сударь, принять выражение моей живейшей симпатии.

Альфонс де Шатобриан.

Письмо может быть датировано концом 1911 г. (см. вступительную заметку, с. 236).

¹ Сен-Себастьян — городок на Луаре, недалеко от Нанта. Ср.: Sorella [Castelot G.]. Histoire d'une amitié. Nombreux textes inédits de Romain Rolland et d'Alphonse de Châteaubriant. Paris, 1962, p. 137, 258.

² Шатобриан пользовался следующими — тогда уже сравнительно старыми — изданиями: Dostoevsky Th. 1) L'Esprit souterrain. Traduit et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris, 1886; 2) L'Eternel mari. Traduit par M-me Nina Halpérine-Kaminsky. Paris, 1896.

³ Примечательно, что именно ко времени знакомства с Шатобрианом относится статья Волошина «Достоевский во Франции» (Московская весть, 1911, № 11, 31 октября), написанная в связи с появлением двух этюдов о Достоевском — Андре Жида и Андре Сюареса.

ПЬЕР-ЖОРЖЕ ЛЯ ШЕНЕ

Paris, 4, rue Marguerin.
19 nov<embre> 1911.

Cher Monsieur,

C'est bien les 1-er et 3-e vendredis que nous recevons. Mais vendredi dernier nous avons été à un dîner d'anniversaire et nous n'avons prévenu madame Holstein que fort tard.

Nous avons vivement regretté, en rentrant, de trouver votre carte, et nous espérons bien vous revoir un autre vendredi.

Veillez agréer, cher Monsieur, l'expression de mes sentiments les meilleurs.

P. G. La Chesnais.

Monsieur Volochine, 17, rue Boissonade, Paris.

Перевод:

Париж, улица Маргерен, 4.
19 ноября 1911.

Сударь,

Мы принимаем по 1-м и 3-м пятницам. Но в последнюю пятницу мы были на юбилейном обеде и предупредили об этом г-жу Гольштейн слишком поздно.

Обнаружив по возвращении вашу визитную карточку, мы сильно огорчились, и очень надеемся увидеть вас в одну из последующих пятниц.

Примите уверение, сударь, в моих лучших чувствах.

П. Ж. Ля Шенс.

Господину Волошину, улица Буассонад, 17, Париж.

РЕНЕ АРКОС

Paris 2—I—12.

Mon cher ami,

Voulez-vous être assez aimable pour m'envoyer la conférence de Gide que je vous ai prêtée.¹ Je serai vendredi au cours de Bergson et, si vous le voulez, vous pourrez me la remettre à l'issue du cours.² Je serai aussi fort probablement, samedi, chez Madame de Holstein.

J'espère bien vous rencontrer, ici ou là, car j'ai trop rarement le plaisir de vous voir.

... avec les meilleures amitiés de votre

René Arcos.

25 bis, rue de l'Armorique. XV-e.

Перевод:

Париж, 2—I—12

Мой дорогой друг,

Не будете ли вы столь любезны вернуть мне лекцию Жида, которую я вам одолжил.¹ В пятницу я буду на очередной лекции Бергсона, и, если вам это удобно, вы можете передать мне ее после окончания лекции.² Весьма вероятно также, что в субботу я буду у госпожи фон Гольштейн.

Очень надеюсь встретить вас здесь или там, ибо я слишком редко имею удовольствие вас видеть.

... с наилучшими дружескими чувствами вашего

Рене Аркоса.

Улица Армориак, 25 бис. XV округ.

Часть письма отрезана.

¹ По всей вероятности, имеется в виду речь Андре Жида «Шарль-Луи Филипп» («Charles-Louis Philippe»), произнесенная 5 ноября 1910 г. в Осеннем салоне, опубликованная 10 декабря того же года в «La Grande Revue» и вышедшая отдельным изданием в 1911 г. Творчество А. Жида привлекало внимание Волошина. Его рецензия на роман Жида «Узкая дверь» опубликована в «Аполлоне» (1909, № 1, с. 21—22 (хроника)).

² Публичные лекции французского философа Анри Бергсона (1859—1941), которые он читал в эти годы в Коллеж де Франс, пользовались большим успехом в интеллигентных кругах Парижа. Об этих лекциях, а также о воздействии бергсонизма на французскую литературу начала века (и, в частности, на Р. Аркоса) см.: *Arbou R. Henri Bergson et les lettres françaises*. Paris, 1955, p. 190—191, 196, 258—260.

ЖОРЖ БАТО

11 bis, rue Marbeau. Paris, ce 5 janvier 1915.

Cher Monsieur,

Je vous rappelle que nous vous attendons vendredi soir; nous serons très heureux de vous voir et de causer un peu avec vous. Ma femme ¹ me charge de toutes ses salutations et je vous prie de croire, cher Monsieur, à mes sentiments les plus sympathiques.

Georges Batault.

Перевод:

Улица Марбо, 11 бис. Париж, сего 5 января 1915.

Сударь,

Напоминаю вам, что мы ждем вас в пятницу вечером; мы будем очень рады увидеть вас и немного с вами побеседовать. Жена моя ¹ передает вам привет, а я прошу вас, сударь, принять уверение в моих лучших чувствах.

Жорж Бато.

¹ Ж. Бато был женат на Евгении Георгиевне Плехановой (1883—1964).

МОРИС МЕТЕРЛИНК

29 mai 1904.

Cher Monsieur,

Je rentre à l'instant d'un petit voyage en Belgique, et je m'empresse de vous donner le rendez-vous que vous avez bien voulu me demander. Etes-vous, aussi que M-r Balmont, libres mardi après-midi? Dans ce cas, j'aurais le plaisir de vous attendre entre 6 et

7 heures. Sinon, veuillez m'en avertir par pneumatique ou dépêche, afin que je puisse vous réserver quelqu'autre heure avant mercredi, car je pars mercredi pour la campagne et d'ici là mes instants sont très pris.¹

Croyez-moi, cher Monsieur, votre très dévoué

Mæterlinck.

69, rue Raynouard.

Перевод:

29 мая 1904.

Сударь,

Я только что возвратился из непродолжительной поездки в Бельгию и спешу назначить встречу, о которой вам было угодно меня просить. Свободны ли вы, равно как и г-н Бальмонт, во вторник, во второй половине дня. В этом случае я с удовольствием принял бы вас между 6 и 7 часами. Если же дело обстоит иначе, соблаговолите предупредить меня пневматической почтой или телеграммой с тем, чтобы я мог найти какое-нибудь другое время, но не позднее среды, ибо в среду я уезжаю за город, а до тех пор буду очень занят.¹

Примите уверение, сударь, в искренней преданности вашего

Метерлинка.

Улица Ренуар, 69.

¹ Не исключено, что об этой встрече Волошин просил Метерлинка с целью получить его согласие на сотрудничество в «Весах». Попытка эта едва ли увенчалась успехом. Во всяком случае в письме к Брюсову из Парижа от 23 ноября 1904 г. М. Н. Семенов писал об этом как о деле неосуществленном, хотя, как ему казалось, и вполне возможном (см.: Литературное наследство, т. 85, с. 274). Об участии Метерлинка в «Весах» ничего не известно.

ЖАН ДЕ БОШЕР

31, rue des Paroissiens. Bruxelles.

Monsieur Alexandre Mercereau¹ me dit que vous aimerez mon livre, le voici donc, à la poste par ce même courrier.²

Veuillez m'accuser réception de mon envoi et agréer l'expression de mes sentiments distingués.

J. B.

Перевод:

Улица Паруассьен, 31. Брюссель.

Господин Александр Мерсеро¹ сообщил мне, что вам хочется иметь мою книгу, посылаю вам ее по почте одновременно с этим письмом.²

Соблаговолите подтвердить получение книги и принять уверение в моих лучших чувствах.

Ж. Б.

Письмо написано на визитной карточке Ж. де Бошера.

¹ Мерсеро Александр (псевдоним — Эшмер-Вальдор) — французский поэт и критик, один из второстепенных участников «Аббатства» (ср. выше); в течение некоторого времени жил в России, где по предложению Н. П. Рябушинского сотрудничал в журнале «Золотое Руно» в качестве редактора французских текстов (см. в письме Волошина к Брюсову с почтовой датой 22 марта 1906 г.: «Я приеду в Москву с молодым поэтом Вальдором, которого Рябушинский ангажировал для „стиля“ в „Руне“» (ГБЛ, ф. 386, карт. 80, № 34, л. 12). В архиве Волошина сохранилось одно письмо к нему Мерсеро. В библиотеке Дома-музея М. А. Волошина находятся два сборника Мерсеро («Les Thuribulums affaissés», 1905, и «Gens de là et d'ailleurs», 1907) с дарственными надписями автора, свидетельствующими о его глубокой симпатии к русскому поэту. Любопытные воспоминания о Мерсеро оставил Эренбург (Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь, кн. 1—2. М., 1961, с. 168—171).

² Речь идет о поэтическом сборнике Ж. де Бошера «Долорина и тени» («Dolorine et les ombres», 1911); книга эта с дарственной надписью автора хранится в библиотеке Дома-музея М. А. Волошина.

ШАРЛЬ-ФЕРДИНАНД РАМЮЗ

24 I 12.

24, rue Boissonade, XIV-е.

Cher Monsieur,

Je vous demande pardon de ne pas vous avoir donné réponse plus tôt, mais je ne vous ai pas trouvé hier soir.

Quant à la soirée d'aujourd'hui, j'avais tout à fait oublié l'autre jour qu'elle était pris et que je devais sortir avec des amis. Il me sera donc, à mon grand regret, impossible d'assister au banquet Balmont.¹

Je vous prie de m'excuser et de croire, cher Monsieur, à mes sentiments les meilleurs.

C. F. Ramuz.

Перевод:

24 I. 12.

Улица Буассонад, 24, XIV округ.

Сударь,

Прошу простить меня, что не ответил вам раньше, но вчера вечером мне не удалось вас найти.

Что же касается сегодняшнего вечера, то, когда о нем шла речь, я совсем забыл, что он у меня занят и что я должен отправиться с друзьями. К моему великому сожалению, мне, следовательно, будет невозможно присутствовать на банкете в честь Бальмонта.¹

Прошу вас, сударь, извинить меня и принять уверение в самых лучших моих чувствах.

Ш. Ф. Рамюз.

¹ Банкет по случаю двадцатипятилетия литературной деятельности Бальмонта состоялся в Париже 24 января 1912 г. Волошин являлся одним из главных его устроителей. Ср. письма к нему от 23 января 1912 г. В. Я. Богучарского, А. А. Смирнова и др. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 272; № 1117, л. 3).

ФРАНЦ ЭЛЛЕНС

Paris, 28 III 25.

Cher confrère,

Ce numéro prochain du «Disque vert», une importante revue qui paraît simultanément à Paris et à Bruxelles,¹ sera entièrement consacré à Lautréamont et aux «Chants de Maldoror».

Outre une série d'études et de documents dus à des poètes et critiques français, il y aura des articles d'écrivains anglais, italiens, espagnols, hollandais et allemands (Gomez de la Serna, Joh<n> Rodker, Cecchi, K. Einstein, etc.).

Mon ami Ehrenbourg² m'assure que vous consentiriez à écrire quelques pages pour ce numéro. J'en serais très heureux. Ce qui nous intéresse spécialement, c'est de savoir l'appréciation d'un écrivain russe sur l'oeuvre du c-te de Lautréamont. «Les chants de Maldoror» ont-ils été traduits en langue russe? Ont-ils eu quelque influence sur des jeunes poètes russes? etc.³

Puis-je vous prier de me dire le plus vite possible, si je puis compter sur votre collaboration? Dans l'affirmative, je vous demanderais de m'envoyer votre article pour le 1 mai au plus tard. Ma femme qui est russe (et que vous connaissez, je crois: Marie Miloslavsky) traduira votre article.⁴

Croyez, mon cher confrère, à mes sentiments les meilleurs.

Franz Hellens.

Перевод:

Париж, 28 III 25.

Дорогой собрат,

Ближайший выпуск журнала «Le Disque vert», авторитетного издания, выходящего одновременно в Париже и Брюсселе,¹ будет полностью посвящен Лотреамону и «Песням Мальдорора».

Помимо серии очерков и свидетельств, принадлежащих французским поэтам и критикам, там будут статьи писателей английских, итальянских, испанских, голландских и немецких (Гомес де ля Серна, Джон Родкер, Чекки, К. Эйнштейн и т. д.).

Мой друг Эренбург² уверяет меня, что вы согласитесь написать несколько строк или несколько страниц для этого выпуска. Я был бы

этому очень рад. Особенно интересует нас оценка творчества графа де Лотреамона каким-либо русским писателем. Существует ли перевод «Песен Мальдорора» на русский язык? Оказали ли они какое-нибудь влияние на молодых русских поэтов? и т. д.³

Могу ли я просить вас как можно скорее известить меня, следует ли мне рассчитывать на ваше сотрудничество? В случае вашего согласия я просил бы прислать мне вашу статью не позднее 1-го мая. Моя жена — русская (вы ее, кажется, знаете: Мария Милославская), она и сделает ее перевод.⁴

Примите, дорогой собрат, уверение в самых лучших моих чувствах.

Франц Элленс.

Письмо написано на бланке журнала «Le Disque vert» с добавлением от руки его адреса: «1385, ch. de Waterloo, Uccle — Bruxelles (Belgique)».

¹ Журнал «Le Disque vert» выходил в 1922—1925 гг. под редакцией Ф. Элленса и А. Мишо. См.: Goffin R. Franz Hellens et «Le Disque vert». — In: Le dernier «Disque vert» (Hommage à Franz Hellens). Paris, 1957, p. 234—240.

² Об этом см. с. 237, примеч. 30.

³ Специальный выпуск журнала, посвященный творчеству Изидора Дюкасса (псевдоним — граф де Лотреамон, 1846—1870), и прежде всего его знаменитым «Песням Мальдорора», появился в конце 1925 г. В нем приняло участие более тридцати писателей и деятелей культуры разных стран, в том числе М. Метерлинк, Дж. Унгаретти, П. Валери, П. Элюар, Ж. Кассу, Ф. Супо, Ж. Сюпервьель, а из названных в письме — испанский писатель-авангардист Рамон Гомес де ля Серна и английский критик Джон Родкер. Итальянский поэт и критик Эмилио Чекки и немецкий искусствовед Карл Эйнштейн среди участников сборника не указаны, равно как и Волошин, который едва ли мог принять предложение Элленса, ибо к тому времени известность у нас Лотреамона была незначительной. Сведения о нем русский читатель имел возможность получить в «Книге масок» Рэми де Гурмона (Пер. Е. М. Блиновой и М. А. Кузмина. СПб., 1913). О воздействии творчества Лотреамона на Маяковского см. предположение Н. Харджиева в кн.: Харджиев Н. И., Тренин В. В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970, с. 205—209.

⁴ Элленс был женат на Марии Марковне Милославской. В содружестве с ней он перевел «Исповедь хулигана» С. Есенина (1922); с ее помощью был, по-видимому, осуществлен и ряд других его переводов из русских поэтов (М. Цветаева, В. Маяковский, И. Эренбург). См.: Franz Hellens. Présentation par André Lebois. Paris, 1963, p. 63—68.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ¹

- Абаза К. К. 7, 24
Абашели А. В. 221
«Аббатство», литературное объединение (Франция) 236, 257
Абрамкип В. М. 218
Аброскина И. И. 44
Авенариус В. П. 4, 6, 9, 19, 24, 27, 28
Адлерберг А. В. 147, 150
Адлерберг В. Ф. 150
Аксаков И. С. 124, 143, 156, 161, 164, 182
Аксаков К. С. 153
Аксенова Л. В. 18
Александр I. имп. 109, 111
Александр II (Александр Николоевич), имп. 83, 103, 118, 119, 122, 128, 130, 131, 139, 147, 148, 150, 151, 155, 157—159, 162, 166, 176, 178, 183—185, 229
Александра Федоровна, имп. 82, 83
Александрова Р. В. 125
Алксеев М. П. 2
«Алконост», изд-во 61, 77
Алмазов Б. Н. 149
Алчевская (урожд. Журавлева) Х. Д. 7—9, 28
Альбертини Н. В. 185, 186
«Альманах для всех» 51
Альмединген А. Н. 3—28
Альмединген (урожд. Сысоева) Е. Н. 5, 7, 28
Альмединген (в замуж. Тумим) Н. А. 5, 14, 17, 27, 28
Альмединген Т. А. 5, 12, 20, 28
Альмедингены 3, 4, 13, 28
Альфонс II д'Эсте 228
«Альциона», изд-во 38
Алянский С. М. 59, 76, 77, 199—201, 211
Амфитеатров А. В. 125, 242
Анненский В. И. см. Кривич В. И.
Анненский И. Ф. 236, 241
Анохина-Лебедева Е. П. 28
Антокольский П. Г. 192
Антонович М. А. 156, 173
Антропософическое общество (Москва) 55
«Аполлон», журнал 236, 250, 252, 255
Арбенева А. Н. 82
Аргиропуло П. Э. 141, 143
Ардов (псевд. Апрелевой Е. И.) Е. И. 24
Арзамас, общество 81, 89, 108—111
Аркас Р. 236, 237, 254, 255
Арсений, иеромонах 144
Арсеньев К. К. 120, 121
Архиппов Е. Я. 73
Асеев Н. Н. 208
Аскочнский В. И. 136, 140
Ахматова А. А. 191, 214
Бабст И. К. 147, 150
Багрицкий Э. Г. 208
Базанов В. Г. 2
Бакрылов В. В. 60
Бакст Л. С. 240
Бакунин М. А. 130
Бальмонт К. Д. 233, 243, 256—258
Бантыш-Каменский Н. Н. 102, 103
Баранцевич К. С. 24, 27
Барагашвили Н. 227
Баратынский Е. А. 34, 35, 83, 125, 136
Барсов К. А. 24
Барсуков Н. П. 94
Бартнев П. И. 85, 114, 116, 149, 152
Барышников П. И. 24
Баскаков В. Н. 2
Бато Ж. 236, 237, 255
Батюшков К. Н. 81, 102, 229

¹ Составили Л. П. Архипова, Г. Г. Полякова.

- Батюшков П. П. 61
 Бах И. С. 34
 Бахтияров А. А. 18
 Бебутов Г. В. 221
 Бекетов П. А. 102
 Белинский В. Г. 115, 121, 123, 130,
 156, 163, 164, 183
 Белицкая М. Г. 68
 Белицкий Е. Я. 68
 Белов С. В. 33, 77, 199
 Беловицкая А. А. 218
 Белозерская Н. А. 3, 6, 9
 Белоусов И. А. 14, 20, 24, 26
 Белый Андрей (псевд. Бугаева Б. Н.)
 29—79, 214, 225—227
 Беляев 133
 Бем Е. М. 16, 24
 Бенкендорф А. Х. 83
 Бенуа А. Н. 39, 40
 Берг Ф. Н. 138, 140, 143, 144, 149,
 153, 160, 171, 175
 Бергсон А. 237, 254, 255
 Бессонов (Безсонов) П. А. 164
 Бессонов (Безсонов) С. А. 111
 Бетховен Л., ван 34
 «Библиографические записки», жур-
 нал 85
 «Библиотека казанских студентов»,
 об-во 143
 «Библиотека „Родника“» 19
 Благосветлов Г. Е. 4, 151, 159, 163,
 186
 Блинова Е. М. 259
 Блок А. А. 26, 36, 39, 40, 43, 44,
 49—51, 211, 214, 216, 219, 237
 Блюдов Д. Н. 81, 89, 107, 109
 Блюммер Л. П. 138, 140, 161, 171, 173
 Бобров С. П. 208
 Богаевский К. Ф. 192
 Богданов (псевд. — Волжский, Кар-
 пинский и др.) А. А. 227
 Богданов М. Н. 8, 9, 24
 Богомильский Д. К. 75
 Богучарский В. Я. см. Яковлев В. Я.
 Болотников А. А. 227
 Боткин В. П. 130
 Боцяновский В. Ф. 203
 Бошер Ж., де 237, 256, 257
 Боянус С. К. 58
 Браун Н. Л. 202, 222
 Брей В. В. 17
 Брешко-Брешковский Н. Н. 14
 Брусянин В. В. 24
 Брюллов К. П. 83
 Брюсов В. Я. 30, 34—36, 44—46, 61,
 227, 232—235, 239, 240, 242, 243,
 245, 247, 248, 256, 257
 Бугаев Б. Н. см. Белый Андрей
 Бугаев Н. В. 30, 34, 37
 Бугаева А. Д. 38
 Бугасва (в первом браке Василье-
 ва) К. Н., вторая жена А. Белого
 36, 49, 59, 68, 71—73, 76—78
 Будищев А. Н. 18
 Булгаков А. Я. 83—85
 Булгаков М. А. 192
 Бурго-Дюкудре Л.-А. 250
 Буслаев Ф. И. 116, 137, 140, 141,
 161
 Бутков В. П. 131, 137, 149
 Бутман 102
 Бычков И. А. 86, 229
 Ваганова Е. Е. 23
 Вагнер Н. П. 22—24
 Вагнер Р. 206, 227
 Валери П. 259
 Валуев П. А. 119, 130, 148, 151, 162,
 178, 179, 183—185
 Валуева (урожд. Мунт) А. П. 8, 24
 Ван Бевеер А. 234, 235, 246—250
 Введенский И. И. 4
 Вейнберг П. И. 18, 24
 «Век», журнал 161, 164
 Венгеров В. С. 37
 Венгеров С. А. 30—33, 37, 38, 52—56
 Венкенстерн А. А. 31
 Вергилий (Виргилий) 111
 Вересаев (псевд. Смидовича) В. В.
 192, 226
 Верлен П. 34, 233
 Верн Ж. 6
 Верховский Ю. Н. 33, 192
 Веселовский Г. М. 152
 «Вестник воспитания», журнал 3
 «Вестник Европы» (1808—1809), жур-
 нал 86, 88, 91—96, 98—105
 «Вестник литературы», журнал 33
 «Весть», газ. 186
 «Весы», журнал 33, 35, 44, 45, 235,
 236, 239—242, 248—250, 256
 Вибек Л. 46
 Вильегорский Матвей Ю. 83
 Вильегорский Михаил Ю. 83
 «Виленский вестник», газ. 114
 Вильчинский В. П. 27
 Виноградов И. А. 218
 Винтулов А. Д. 161, 164
 Впрениус А. С. 8, 23
 Впсковатов С. И. 99
 Вптацц А. И. 175, 176
 Виташевский Н. А. 15, 16
 Вихрев Е. 226
 Владиславлев М. И. 140
 Власов В. 95
 Водовозов В. И. 8
 Воейков А. Ф. 82, 88, 89, 107, 108,
 110—112
 Воейкова (урожд. Протасова) А. А.
 82, 88

- Воейкова А. А. дочь А. А. и А. Ф. Воейковых 112
 Воейкова Е. А. 112
 «Военный голос», газ. 5
 Волоцкая 167, 170
 Волков М. М. 61
 Волошин М. А. 71—76, 191, 192, 194, 232—259
 Волошина М. В. см. Сабашникова М. В.
 Волошина (урожд. Заболоцкая) М. С., вторая жена М. А. Волошина 72—74, 191
 Вольная философская ассоциация («Вольфпла») 56, 60, 61, 201
 Вольпе П. С. 219
 Вольтер М.-Ф.-А. 109
 Вольф М. О., товарищество 33
 «Вопросы жизни», журнал 33
 «Воронежская беседа», сборник 114, 122, 134, 135, 141, 144, 152, 155—157, 160, 161, 167, 171—173
 «Воронежские губернские ведомости», газ. 114, 144, 167
 «Воронежский листок» (позднее «Воронежский телеграф»), газ. 177, 178
 «Воронежский литературный сборник» 141, 143, 144, 155, 157, 172, 173
 «Воспитание и обучение», журнал 3, 5, 6, 18, 23, 27
 «Время», журнал 114, 117, 118, 135, 140, 142—145, 155, 157, 169
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 58
 «Всемирная литература», изд-во 59, 66
 Всесоюзная книжная палата 219
 «Всходы», журнал 12
 Второв Н. И. 114, 115, 127, 129, 157, 170, 172
 Выгодский Д. С. 222
 Вызинский Г. В. 118, 129, 146, 149, 165, 178
 Вяземская В. Ф. 108
 Вяземский П. А. 81, 83—85, 102, 107—109, 111
 Г. В. 173
 Габричевский Н. А. 192
 Гаевский В. П. 121
 Галанин Д. Д. 26
 Галахов А. Д. 160, 163
 Гамсун К. 34
 Ганзен А. В. 24
 Гаприндашвили В. И. 221, 227
 Гарденин Н. Н. 133, 135, 142—144, 160
 Гарibaldi Дж. 160, 163, 167
 Гаршин В. М. 9, 125, 127, 236
 Гейзе П. 5
 Гейне Г. 34
 Геккель Э. 75
 Георге С. 34
 Георгевский см. Лаврухин Д. П.
 Герасимов Ю. К. 114
 Геродот 7
 Герцен А. И. 130, 150, 151
 Гершензон М. О. 54, 219
 Гете И. В. 34, 65, 75
 Гиббон Э. 104
 Гизо Ф. 146, 149
 Гиллельсон М. И. 89
 Гплъ А. 220, 224, 229
 Гиль (псевд. Гильбера) Р. 233—235, 238—247
 Гипцбург И. Я. 18, 27
 Гиппиус В. В. 86
 Гиппиус З. Н. 38, 39, 44, 53, 227
 Главное управление по делам печати 119, 120, 134
 Гладкий 141
 Гладков Ф. В. 69, 226
 Глинка М. И. 83
 Глинка С. Н. 83, 101, 102
 Глотов П. П. 114, 133, 135, 138, 139, 148, 152, 157, 167, 171, 175, 176
 Гледич Н. И. 83, 108, 109
 Гоголь Н. В. 34, 35, 42, 76, 77, 82, 83, 127, 196
 Голенщев-Кутузов И. П. 236
 Голицын А. Н. 83, 111
 Головачев А. Ф. 167
 Голора — Ф. 115
 Головин А. В. 156, 162, 176
 «Голос», газ. 186
 Гольдштейн В. А. 178
 Гольцев В. А. 11, 18
 Гольцев В. В. 221, 222
 Гольштейн (по первому мужу Вебер) А. В. 236, 238, 240, 241, 254
 Гольштейн В. А. 238
 Гомес де ла Серна Р. 258, 259
 Гончаров И. А. 116
 Горбунов К. А. 24
 Гориневский В. В. 24
 «Горн», журнал 56, 104
 Горнунг Л. В. 192, 208, 227
 Городецкий С. М. 20
 Горохова Р. М. 228
 Горчаков А. М. 178, 179
 Горький М. 65, 68, 208, 209, 211, 214, 215, 236, 237
 Государственная академия художественных наук 219
 Государственное изд-во художественной литературы (ГИХЛ) 200, 210, 214
 Государственный театр оперы и балета им. С. М. Кирова (Ленинград) 225, 227

- Гофман В. В. 33
 Гофман М. Л. 30, 36, 82, 86
 Грановский Т. Н. 115, 130, 134, 150
 Гречанинов А. Т. 24
 Гречишкин С. С. 46, 52, 71, 76
 Гржебин З. И. 65—68
 Григоров Б. П. 54
 Григорова Н. А. 54
 Григорович Д. В. 11, 19
 Григорьев А. А. 134
 Гринвуд Дж. 5
 «Гриф», альманах 33, 36
 Гришавиля И. Г. 221, 227
 Громека С. С. 147, 148, 151, 155, 158, 162
 Гроссман Л. П. 226, 227
 Грот Я. К. 8
 Грубе А. В. 155, 157
 Груздев И. А. 192, 218
 Грузинский А. Е. 82
 Гуковский Г. А. 218
 Гумилевский Ф. 153
 Гурко И. В. 154, 156, 158
 Гурмон Ж., де 249
 Гурмон Р., де 250, 259
 Гурьянов, владелец дачи 129
 Гутнер М. 205
- Даль В. И. 83
 Даниэлян Э. С. 233
 Данненберг 150
 Дашков Д. В. 82, 88, 108, 109
 «Дворец искусств» (Москва) 56
 Девриен А. Ф. 24
 Делла Герардеска У. (Уголино) 228
 «Дело», журнал 4, 150
 Деникер Н. 241
 «День», газ. 143, 154, 156, 157, 161, 176
 Де-Пуле М. Ф. 113—118, 122, 123, 124, 126, 127, 129—131, 134—138, 140—145, 149—163, 165, 167—176, 179, 180, 182—186
 Державин Г. Р. 83, 211—213
 Десницкий В. А. 29
 «Детский отдых», журнал 8
 «Детский сад», журнал 3
 «Детское чтение», журнал 4, 6, 9, 17
 «Дешевая библиотека» 122
 Джонстон В. В. 34
 Джэкобс В. У. 13
 Дидро Д. 59
 Диккенс Ч. 4
 «Для малюток», журнал 19
 Дмитриев И. И. 83, 97
 Добровольский Л. М. 119
 Добролюбов Н. А. 113, 118, 123, 129, 130, 146, 150, 151, 159, 162, 166
 Доброхотов А. 14
- Доде А. 6
 Долгополов Л. К. 34, 48
 Долгоруков П. В. 140
 Дом-музей М. А. Волошина 249, 251, 257
 «Домашняя беседа», журнал 136
 Достоевская А. Г. 8
 Достоевский М. М. 123, 134, 140, 144, 151, 157
 Достоевский Ф. М. 19, 21, 35, 39, 50, 116, 117, 121, 125, 133—136, 140, 144, 149, 157, 162, 169, 172, 253
 Дрейфус А. 126
 Дрожжин С. Д. 14, 24
 «Друг детей», журнал 4
 Дубровин Н. Ф. 84
 Дюкасс (псевд. — граф де Лотреамон) И. 258, 259
- Евдокимов И. В. 227
 Европеус А. И. 166, 167, 186
 Европеус А. К. 186
 Елагин А. А. 12
 Елагина (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П. 81, 82, 84, 107, 108
 Елисеев Г. З. 130, 151, 164
 Елисеев С. Г. 57, 58
 Ельницкий К. В. 7, 24
 Ермилов В. В. 226
 Есенин С. А. 259
 Ефремов П. А. 85, 101
- Жанлис М.-Ф., Дюкре де Сент-Обен** 104
 Жаринцева Н. А. 6, 18, 24
 Жгенти Б. Д. 221
 Жданов В. В. 203
 Жданов Л. Г. (псевд. Гельмапа) 22, 24
 «Женское образование», журнал 3
 Жид А. 253—255
 Жилиякова Э. М. 99
 Жирмунский М. А. 57, 58
 Жихарев С. П. 107, 109
 Жуковский В. А. 80—89, 91, 92, 94, 95, 97, 99—112, 219, 228—231
 Жуковский П. В. 86
 «Журнал для детей» 4, 17
 «Журнал Министерства народного просвещения» 134
- Заборов П. Р. 232
 «Задушевное слово», журнал 3, 4, 7
 Зайцев 227
 Зайчневский П. Г. 141, 143
 Замысловский Е. Е. 188—190
 Зандер А. Л. 13
 «Записки учителя», журнал 3

- Зарудная-Кавос Е. С. 16
 Засодимский П. В. 7, 24
 Захаренко Н. Г. 33
 «Звезда», журнал 203
 Зейдлиц К. К. 82
 Зеленский А. Н. 22
 Зелинский К. Л. 207, 208
 «Земля и фабрика», изд-во 71
 «Земская школа», журнал 3
 Зенгер А. В. 242
 Зиновьев И. И. 143, 144, 149, 152, 160, 164, 167, 172
 Зноско-Боровский Е. А. 236
 Золотницкий Н. Ф. 16, 18, 24, 27
 «Золотое руно», журнал 257
 Золя Э. 126
 Зонтаг (урожд. Юшкова) А. П. 84, 108
 Зорин А. Е. 27
 Зорькин В. Д. 173
 Зякин см. Румнев А. А.
- Ибсен Г.** 34, 35, 236
Иванов А. А. 196
Иванов Вяч. И. 45, 46, 54—56, 61, 70, 219, 240
Иванов Л. Р. 29
Иванов-Разумник Р. В. 29, 31, 32, 47—51, 54, 57, 58, 60, 61, 67, 68, 70, 71, 73, 216
Иванова 149
Иванова Л. Н. 3
 «Игрушечка», журнал 3, 4, 19, 20
Иезуитова Р. В. 80, 84, 94, 109
Иеремия, пророк 161
Издательство писателей в Ленинграде 76—79, 199, 201—204, 207, 209, 211, 215—217, 219, 222, 225—227
 «Издательство З. И. Гржебина» 66
Измайлов Н. В. 2
Иконников В. С. 106
Иллеш Б. 203
Ильин В. В. 3
Инбер В. М. 227
Институт живого слова 58—61
Институт театральнх знаний (Петроград) 57, 58
Исаак Сириянин 45
Истомина Н. А. 8
 «Исторический вестник», журнал 85, 122, 124
Иструм К. Г. 68
- Кавелин В. А.** 110, 111
Кавелин Д. А. 86, 88, 89, 106, 108—112
Кавелин П. Н. 106, 107
- Кавелина (урожд. Белли) Ш. И.** 107, 108
Каверин В. А. 214, 221
Казин А. Л. 35
Казин В. В. 61
Казмин Н. В. (псевд. — С. Вьюгов, Н. К., М.) 16, 18—21, 27, 28
Кайгородов Д. Н. 15, 23, 24, 28
Каладзе К. Р. 221
Кальм Д. 204
Каменский А. 7
Каменский В. В. 226
Кампиони С. Н. 47
Кан Г. Р. 235
Кант И. 34, 35
Кацунова Ф. З. 105, 106
Капшпельман В. 179
Каптерев П. Ф. 22, 24, 27
Карабанов П. М. 102
Каразин Н. Н. 8, 9, 24
Каракозов Д. В. 113, 118, 119, 122, 134, 150, 182—184, 186
Каразмн Н. М. 83, 89—92, 105, 106, 108, 110, 111
Кассу Ж. 259
Касторская О. 116, 143, 152
Катков М. Н. 118, 121, 123, 128, 130, 131, 145, 147, 149, 150, 158, 162, 183—185
Каченовская (урожд. Бауер) А. X. 103
Каченовский Г. М. 99, 101, 104
Каченовский М. Т. 86—89, 91—99, 101—108
Кельсиев И. И. 130, 157
Кикина С. 236
Киплинг Р. 6
Киреев М. Д. 230
Киреевская А. П. см. Елагина А. П.
Киреевский И. В. 81, 83
Кириенко-Волошина Е. О. 242, 243
Киселева (урожд. Бегичева) М. В. 9
Клодель П. 236
Клодт Н. 240
Клос Б. М. 134
Книгоиздательство писателей в Москве 66
Кобякова А. П. см. Студзинская А. П.
Ковалевский Е. П. 24
Ковальский Я. И. 23
Коген Г. 35
Кожебаткин А. М. 37, 38
Козаков М. Э. 202
Козлов И. И. 83
Колесникова А. П. 129
«Колокол» 113, 125, 140, 148, 151, 162
Колоколова М. Г. 24
Колубовский Н. Н. 22
Кольцов А. В. 154, 156, 163, 172, 173
Коляда Е. Г. 215
Ковашевич В. М. 211

- Кони А. Ф. 27
 Конисси Д. П. 34
 Консидерап В. 163, 172
 Константи́н Николаевич, вел. кн. 130, 184
 Коптяева М. Н. 140
 Короленко В. Г. 8, 9, 125, 157
 Корсак А. К. 115
 Корф М. А. 164
 Корш В. Ф. 117, 178, 179, 187
 Корш Е. Ф. 130
 Костомаров Вс. Д. 121, 142, 143, 147, 148, 151, 162
 Костомаров Н. Д. 142, 143
 Котлеров М. Г. 139, 141, 161, 164
 Котляр А. 203
 Котляревский А. 171, 173
 Котляревский Н. А. 24
 Кошелев А. И. 147, 150, 151
 Краевский А. А. 140, 151, 163, 186
 Крамской И. П. 125
 «Красная новь», журнал 226
 Краспов Пл. Н. 33
 Крашенинников Н. А. 24
 Кребийон (Кребильтон) П.-Ж. 99
 Кривич (псевд. Анненского) В. И. 252
 Кронсберг А. И. 164
 «Круг», изд-во 75
 Кругликова Е. С. 251
 Круглов А. В. 8, 24
 Крутиков Н. 226
 Крученных А. Е. 197
 Крылова Н. 7
 Кублицкая-Пиоттух А. Л. 29
 Кузмин М. А. 33, 259
 Кузминская (урожд. Берс) Т. А. 24
 Кузнецов А. В. 20
 Куинджи А. И. 16
 Кукольник Н. В. 229
 Кульжинский Г. И. 19
 Куприя А. И. 14, 15
 Куприянов И. Т. 232
 Купченко В. П. 194, 238
 Курочкин Вас. С. 151, 186
 Курочкин Н. С. 186
 Кутузов А. В. 226
 Кутузов П. И. 102
 Кушелев-Безбородко Г. А. 147, 151
- Лавренев Б. А. 202
 Лавров 139
 Лавров А. В. 29, 44, 46, 71, 76, 199, 238
 Лавров Н. П. 201
 Лавров П. Л. 140, 150, 151, 186
 Лаврухин (наст. фам. Георгиевский) Д. И. 203
- Лавут П. И. 207
 Лагарп Ж.-Ф. 101, 102
 Ланн Е. Л. 182, 232
 Ланский Л. Р. 133, 136, 143, 149
 Лао-цзы 34
 Ласунский О. Г. 149, 181
 Латышев В. А. 22
 Лащевский Варлаам 103
 Лебедев (псевд. — Морской Н.) Н. Н. 126
 Лебедев С. В. 75
 Левин Ф. М. 217
 Левитан И. И. 16
 Левитов А. И. 115, 117, 130, 161, 162
 Ленин В. И. 66, 113, 183, 187
 «Ленинград», журнал 203
 Леопидзе Г. Н. 221, 227
 Леонов Л. М. 192, 226
 Леонтьев К. Н. 184
 Леото П. 234
 Лермонтов М. Ю. 35, 211
 Лесков Н. С. 128, 130, 131, 132, 134, 138, 144, 149, 152, 160, 163, 181, 182
 Лефевр-Жеральди П. 241
 Лидин В. Г. 226, 227
 «Литературная газета» 207
 Литературная студия (Москва) 56
 «Литературный современник», журнал 203
 Литературный фонд 50
 Литературный центр конструктивистов, группа 207
 Лобанов 150
 Лобанов В. В. 229
 Лозинский М. Л. 252
 Ломоносов М. В. 105, 106
 Лопгинов М. Н. 153, 155
 Лордкипанидзе К. А. 221
 Лорис-Меликов М. Т. 126, 127
 Лотреамон см. Дюкасс И.
 Лукашевич (псевд. Хмызниковой) К. В. 24, 27
 Лукьянов, священник 183, 184
 Луначарский А. В. 66
 Лурье А. Н. 218
 Лухманова Н. А. 24
 Любимов Н. А. 185
 Людовик XVI 139
 Ляцкий Е. А. 29
 Ля Шене П.-Ж. 253, 254
- Майков А. Н. 19, 151, 188
 Майков Л. Н. 188—190
 Макаев (Макаев) 142, 143
 Макашин С. А. 149
 Маколей Т. Б. 146, 149
 Максимов Д. Е. 233
 Максимов С. В. 151

- Макушев В. В. 188
 Малейн А. И. 80
 Малиновский В. Ф. 107
 Малларме С. 233
 Малый театр (Петербург) 122
 Малыхин П. В. 161, 164, 174, 178
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 9, 11, 13
 Мамонтов В. А. 233
 Мануйлов В. А. 233, 239, 245
 Мануйлова Н. Я. 16
 Маныч П. Д. 14
 Маргарян А. Е. 233
 Маргвелашвили Г. Г. 221
 Мария Федоровна, пмп. 83
 Маргос И. П. 83
 Мартынов 107
 Масанов И. Ф. 130
 Матвеев А., генерал 173
 Матвеева П. А. 170, 173
 Мачтет Г. А. 8, 18, 24
 Машавили (наст. фам. Мирцху-
 лава) А. 221
 Маяковский В. В. 197, 259
 Мезенцев Н. В. 119, 120
 Мезиер А. В. 27
 Мей Л. А. 136
 Мейерхольд В. Э. 35
 Мельников (псевд. — Печерский Анд-
 рей) П. И. 139, 141, 178
 Мережковский Д. С. 34, 38—40, 42,
 44, 50, 53, 227
 Мерзляков А. Ф. 89—92, 98, 106
 Мерсеро (псевд. — Эшмер-Вальдор)
 А. 256, 257
 Метерлинк М. 34, 233, 237, 248, 249,
 255, 256, 259
 Метнер Э. К. 40, 44, 46, 64
 Метцевский А. Н. 89, 110, 111
 Мпласевлч Н. С. 129
 Миллер-Будницкая Р. 206, 215
 Милославская М. М. 259
 Мильтон (Милтон) Д. 99
 Милютин Н. А. 128, 131
 Минаев Д. И. 151, 186
 «Мир искусства», журнал 33, 43
 Миסקарян А. М. 73
 Михайлов А. Р. 173
 Михайлов М. Л. 113, 140, 143, 147,
 148, 150, 151, 160, 166, 167
 Михайлова А. Л. 170, 173
 Мицисвили (наст. фам. Спрбллад-
 зе) Н. И. 224, 227
 Мишо А. 259
 Могпянский А. П. 3
 Модзалевский Б. Л. 80, 85
 Модзалевский Л. Б. 85
 «Мой журнал» 4
 Мойер И. Ф. 82
 Моклер К. 235
 «Молодая гвардия», изд-во 77, 201
 Моль Р. 171, 173
 Монферан Л. А. 110, 111
 Мопассан Гю, де 126, 127
 Морев Н. Н. 18, 19, 22, 24
 «Московские ведомости» 134, 171,
 184, 185
 «Московский вестник», журнал 126
 Московское товарищество писате-
 лей, кооперативное изд-во 192,
 200, 221
 Мстиславский (псевд. — Маслов-
 ский) С. Д. 53, 54
 Мунт А. П. 7
 Муравьев М. Н. 92, 98, 99, 106, 119,
 147, 150, 184
 Муратова К. Д. 2, 82, 85
 Мурпльо Б. Э. 16
 «Мусaget», изд-во 37, 38, 46, 48, 51,
 64, 65
 «Мысль», газ. 16
 Надеждин Н. И. 129
 Надирадзе К. 221, 227
 Паживин И. Ф. 28
 Назаренко И. 95
 Накоряков Н. Н. 226
 Неверов Я. М. 163
 Невзоров М. И. 90, 92, 94, 99
 Незнамов (псевд. Лсжанкина) П. В.
 205
 Нейгауз З. П. 209, 211—213, 222,
 224, 227
 Некрасов И. С. (псевд. — Некра-
 сов Н.) 134, 135
 Некрасов Н. А. 21, 116, 117, 121, 134,
 151, 152, 160, 161, 163, 168, 169,
 171—173, 189
 Неметт В. А. 22
 Немирович-Данченко Вас. И. 18
 Нестор, летописец 102
 Печаева В. С. 140, 157
 Нечкина М. В. 134
 Нива Ж. 47
 «Нива», журнал 15
 Никитин И. С. 114—116, 124, 127,
 129, 133—138, 141, 143, 144, 148,
 149, 151—157, 160, 163, 170, 172,
 173, 180—183
 Пшкитина З. А. 78, 216, 217, 220, 224
 «Никитинские субботники», коопе-
 ративное изд-во 70, 71
 Николаевский сиротский институт
 197
 Николай I, имп. 82, 83, 138, 150
 Николай Александрович, цесаревич
 139, 141, 162
 Николев 110, 111
 Никольский А. М. 23
 Никольский А. С. 102

- Никольский И. И. 150
 Никон, патриарх 183, 184
 Ниледер В. О. 49
 Ницше Ф. 34, 41, 237
 Новиков Н. И. 116
 Новиков-Прибой А. С. 69—71
 Новикова Н. И. 134
 Нович Н. Н. 20
 «Новое время», газ. 122, 124—127
 Новорусский М. В. 27
 «Новости», газ. 126
 «Новый мир», журнал 33, 69, 196, 226
 «Новый путь», журнал 33, 38, 43, 44
 Нордштейн А. П. 153, 172
 Носилов К. Д. 18, 20, 27, 28
 Нусинов И. М. 205

 Оболенский Л. Е. 24
 Оболенева 149
 Обольянинов А. С. 28
 Обручев В. А. 150
 Огарев Н. П. 129, 130
 «Одесские новости», газ. 122
 Одоевский А. И. 83
 Олин В. Н. 83
 Ольдекоп Е. И. 83
 Онегин-Отто А. Ф. 82, 86
 Орбелиани В. 227
 Орбелиани Г. 227
 Ордин Ф. Ф. 188
 Осипов А. А. 24
 Осоргин М. А. 62, 63
 Островский А. Г. 218
 Островский А. Н. 22, 117, 129
 Острогорский А. Н. 24
 Острогорский В. П. 6, 7, 19
 Острогорский Л. Я. 23
 Остроумова-Лебедева А. П. 75
 Отдел охраны памятников старины 56
 «Отечественные записки», журнал 117, 144, 151, 163, 168, 172, 182, 186, 189

 Павленко П. А. 221
 Павленков Л. Н. 123, 124, 127, 129, 134, 137, 139, 141, 153, 155, 167, 171, 181, 182
 Павленкова Т. Н. 127, 129, 133, 137, 139, 140, 149, 153, 161, 167, 176, 178, 181, 182
 Павлов Н. Ф. 150, 161, 164, 166, 176, 177
 Панаев И. И. 151, 162, 168
 Паннемакер Э. 7
 Панов И. С. 7
 Панов Ф. Н. 22
 Пастернак Б. Л. 191—227
 Пастернак Е. В. 191, 199
 Пастернак Е. В. 191, 194, 199, 209
 Пашуканис В. В. 65
 «Педагогический музей», журнал 3
 Персицы Ж.-Ж.-В., де, герцог 157
 Перцов П. П. 38, 39, 43, 44, 240
 Петербургская судебная палата 120
 Петерсон О. М. 24
 Петр I, имп. 162, 183
 Петров А. 136
 Петров А. Г. 120, 131, 132, 133, 134, 160
 Петров Г. С. 22
 Петров-Водкин К. С. 216
 Петровский А. С. 36, 49, 61, 68
 Петровский Ф. А. 192
 Петрушевский Ф. Ф. 19
 Пешкова-Голиверова А. Н. 19, 24
 Пильняк (псевд. Вогар) Б. А. 226, 227
 Пинес Д. 36, 49, 68
 Пинкевич А. П. 68
 Пиотровский И. А. 144
 Писарев Д. И. 188, 189
 Плетнев П. А. 84, 85
 Плеханова Е. Г. 255
 Плещеев А. Л. 81
 Плещеев А. Н. 20, 115, 117, 122, 125, 144, 166, 203
 Подгорецкий В. С. 174, 176
 Подосский 150
 Пожарова М. А. 18, 20, 27
 Поздняков Н. И. 24, 28
 Покровский А. П. 155, 157
 Полевой Н. А. 188, 228
 Полевой П. Н. 188
 Поливанов П. Л. 24
 Поливанов Л. И. 32, 34
 Полищук В. Л. 197
 Полонский Я. П. 9, 19, 26, 135, 136, 148, 152, 160, 163
 Поляков С. А. 36
 «Полярная звезда», книгоиздательство 65, 66
 Попов А. Н. 3
 Поспелов С. А. 27
 Потанин Г. Н. 134, 136
 Потехин Н. А. 135, 136
 Прибыль (Прибыль) Я. И. 131
 «Прибой», изд-во 201
 Придорогин И. А. 129
 Пришвин М. М. 15, 24, 27, 227
 Прозоров А. 204, 205
 Прокопович-Антонский А. А. 106, 107
 Прокофьев С. С. 192
 Пролеткульт (Москва) 56, 57
 Протасов П. И. 82
 Протасова А. А. см. Воейкова А. А.
 Протасова Е. А. 81, 82, 95
 Протасова (в замуж. Мойер) М. А. 82

- Протасова (урожд. Новосильцова) М. Н. 82
Протасовы 88
Прохоров В. А. 173
Прудон П.-Ж. 168, 172
Пулятин Е. В. 135, 151, 155, 156
Пушкин А. С. 20, 35, 54, 80, 83, 85, 89, 115, 135, 149, 152, 211, 233
Пушкин В. Л. 81, 108, 109
Пушкинский дом АН СССР 44, 46, 52, 64, 69, 85, 86, 97, 106, 113, 127, 189, 206
Пшавела В. 221, 222
- Радич В. А. 19
Радищев А. Н. 116
Радлов С. Э. 227
Радлова (урожд. Дармолатова) А. Д. 225, 227
Радченко А. Ф. 20
Разумовский А. К. 94, 107
Рамбоссон И. 235, 250, 251
Рамюз Ш.-Ф. 237, 257, 258
РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) 207
Ревиндер (урожд. Сергеева) А. М. 24, 26
«Резец», журнал 203
Рейтерн Е. Р. 229
Религиозно-философское общество (Петроград) 52
Ремизов А. М. 46, 50—52, 61, 194
Ремизова-Довгелло С. П. 51, 52
Репнин Н. Г. 229
Репнина В. Н. 229
Риккерт Г. 35
Рильке Р. М. 214, 215, 224
Родкер Д. 258, 259
«Родник», журнал 3, 5—19, 21, 23, 24, 26, 27
Рождественский В. А. 73
Розини Дж. 228—231
Розов Н. 180
Роскина Н. А. 111, 113
Рославлев А. С. 27
Руайер Ж. 244
Рубакин Н. А. 18, 23, 24
Рубенс П.-П. 16
Румнев (наст. фам. Зякин) А. А. 192
Рунич Д. П. 88
«Русская беседа», журнал 151
«Русская мысль», журнал 245
«Русская правда», журнал 167
«Русская речь и Московский вестник», газета 114—118, 122, 128, 131—136, 138—141, 144, 148, 149, 152—156, 158—160, 163, 173, 180, 185
- «Русская старина», журнал 85
«Русская школа», журнал 3
«Русский архив», журнал 85, 152, 183
«Русский библиофил», журнал 85
«Русский вестник», журнал 114, 134, 140, 144, 149, 163, 169, 172, 177, 185
«Русский дневник», газ. 177, 178
«Русский инвалид», газ. 181, 182
«Русское общество друзей книги» 191
«Русское слово», газ. 14, 125
«Русское слово», журнал 114, 143, 150, 151, 163, 185, 186, 189
«Русь», газ. 245
Рыбников П. Н. 161, 164
Рябушинский Н. П. 257
- Сабашникова М. В. 61, 75
Садна-Леви 244
Садовский П. М. 117, 167
Сакулин П. Н. 219
Саласв Ф. И. 133, 135
Салиас-де-Турнемир Е. А. 155—157
Салиас-де-Турнемир (урожд. Сухово-Кобылина, псевд. — Е. Тур) Е. В. 114—118, 123, 127—130, 133—136, 138, 139, 141—144, 148—150, 154, 156—160, 162—165, 168, 171, 176, 178, 181
Салиас-де-Турнемир (в замуж. Гурко) М. А. 154, 156, 158
Салтыков-Щедрин М. Е. 117, 149, 151, 169, 172, 178, 189
Самокиш-Судковская Е. П. 11, 16
Санд Ж. 6
«С.-Петербургские ведомости» 114, 117, 118, 121, 122, 124, 151, 152, 157, 159, 178, 179, 181, 186
С.-Петербургский цензурный комитет 119, 120, 134
Санников Г. А. 69, 226, 227
Саянов В. М. 218
Сваричевский 141, 150
Свентицкая М. Х. 28
«Светоч», журнал 140, 143, 144
Свечин 112
Свечина М. Н. 82
Свешников Ф. О. 138, 141
Свириденко С. см. Свиридова С. А.
Свиридова З. И. 9, 20
Свиридова (псевд. — Свириденко С.) С. А. 20
«Свободная совесть», сборник 33
Святополк-Мирский Д. П. 194, 206, 222
«Север», журнал 138
Северин Д. П. 83
«Северная почта», газ. 184, 185

- «Северные цветы», альманах 33
 Селивановский А. П. 206—208, 218
 Сельдер Ф. 203
 Семанова М. Л. 113, 147, 172, 185
 Семенов М. Н. 256
 Семенов Я. 205
 «Семья и школа», журнал 3
 Серебрякова В. В. 33
 Серно-Соловьевич А. А. 131
 Серно-Соловьевич Н. А. 164
 Сидоров Ю. А. 45
 Сизов М. И. 49
 Симмен Н. 226
 Симоши П. К. 82
 Сирбиладзе см. Мицишвили Н. И.
 «Сирин», изд-во 49, 50, 65
 «Сирин», сборники 48
 Скабичевский А. М. 188—190
 Скальковский А. А. 126
 «Скорпион», изд-во 36
 Скрябин А. Н. 214, 224
 Славутинский Н. С. 150
 Слезкин Ю. Л. 192
 Сленин И. В. 83
 Слепцов А. А. 130
 Слепцов В. А. 115, 117, 118, 130, 140, 161, 186
 Сливцкий А. М. 24
 Словатинский И. И. 174, 176
 «Слово», журнал 22
 Смайльс С. 5
 Сметавич см. Стеняч В. И.
 Смирнов А. А. 258
 Смирнова-Россет А. О. 83
 Смольяков Г. 205
 Соболевский С. А. 184
 Соболев А. (наст. имя Юлий Михайлович) 55
 «Советский писатель», изд-во 203, 221
 «Современная летопись», журнал 146, 161
 «Современник», журнал 114, 123, 131, 133, 134, 140, 142—144, 146, 150, 151, 162, 168, 169, 171, 172, 177, 178, 185, 186, 188
 «Содружество», литературная группа 202
 Соковнин С. М. 91, 92
 Соковницы 92
 Соколов Д. М. 102
 Соколов П. И. 102
 Соколов С. А. 36
 Солдатенков К. Т. 164
 «Солнышко», журнал 18—22, 27
 Соловьев Вл. С. 34, 35
 Соловьев Н. В. 82
 Соловьев С. М. 30, 31, 35, 36, 159, 162
 Соловьева И. 114
 Сологуб Ф. К. (псевд. Тетерникова) 29, 46, 47, 49, 52, 227
 Сомов К. А. 240
 Сорокин В. М. 6
 Сорокин Г. Э. 76—79, 199—206, 209—227
 Сорокин Т. И. 225, 226
 Сорокина (урожд. Бажанова) Н. Н. 78, 211, 212
 Сороко 141
 Сохановская (псевд. — Кохановская) Н. С. 155, 157
 Спасская-Каплун С. Г. 216, 223, 224
 Спасский С. Д. 77—79, 201, 216, 223, 224
 Спенсер Г. 8
 Сперанский М. М. 161, 164
 Стадольский 121
 Станкевич А. В. 160, 163
 Станкевич Е. К. 163
 Станкевич Н. В. 130, 156, 163
 Станюкович К. М. 11, 12
 Стасюлевич М. М. 49
 Стеллецкий Д. С. 28
 Стенич (наст. фам. Сметанич) В. И. 216
 Столярова И. В. 130
 «Страда», альманах 52
 Строганов С. Г. 183, 185
 Студзинская (урожд. Кобякова) А. П. 143
 Стурдза А. С. 84
 Сувестр Э. 5
 Суворин А. С. (псевд. — В. Марков, А. Сухарев и др.) 22, 114—186
 Суворина (урожд. Баранова) А. И. 124, 137, 140, 148, 160
 Суворов А. В. 84
 Сулек 141
 Сюпервьель Ж. 259
 Супо Ф. 259
 Сущев А. Д. 89, 92, 93
 Сысоева (урожд. Альмедивген) Е. А. 3—10, 17, 19
 Сюарес А. 235, 236, 252, 253
 Сюннерберг (псевд. — Эрберг К.) К. А. 57, 58, 60, 61
 Табидзе Г. В. 221
 Табидзе Т. И. 221, 222, 227
 Тагер Е. М. 213
 Таллерчик Т. М. 201
 Тарасенков А. К. 205, 207, 214, 222
 Тассо Т. 228—231
 Твен М. 6
 Твердохлебов И. Ю. 114
 Театральный отдел Наркомпроса 56
 Телешов Н. Д. 13
 Терян Н. 73

- Тиблен Н. Л. 134, 159, 163
 Тиняков А. И. 61
 Тит Ливий 7
 Тихомиров Д. И. 9, 11, 17, 24
 Тихонов В. А. 24
 Тихонов Н. С. 194, 199, 206, 207,
 218, 221—223, 227
 Толстая В. С. 19
 Толстая С. А. 14
 Толстой А. Н. 192
 Толстой Д. А. 183, 185
 Толстой (псевд. — Львов Л.) Л. Л.
 12, 13, 27
 Толстой Л. Н. 8, 12—14, 21, 39, 50,
 117, 125, 126, 184
 Торбург Н. Ф. 155, 158
 Торопов А. Д. 19
 Тренин В. В. 208, 259
 Трескин Н. А. 188—190
 «Труды и дни», журнал 46
 Гумим Г. Г. 17
 Тур Е. см. Салиас-де-Турнемир Е. В.
 Тургенев А. М. 83
 Тургенев Ал. И. 81, 83, 85, 88, 89,
 92, 94, 107, 108, 111
 Тургенев Андрей И. 81
 Тургенев И. П. 99
 Тургенев И. С. 129, 130, 142
 Тургенев Н. И. 83
 Тургенева А. А. 38, 47, 48, 50, 51,
 60, 61
 Тургенева, братья 81
 Тучков П. А. 156
 Тынянов Ю. Н. 218, 221, 227
 Тютчев Ф. И. 34
- Уваров С. С. 107—109
 Уголино Делла Герардеска см. Дел-
 ла Герардеска У.
 «Узел», изд-во 211
 Уланд Л. 34
 Унгаретти Д. 259
 Унковский А. М. 166, 167, 175
 Усов Д. С. 73
 Успенский Н. В. 116
 Утин Е. И. 130
 Утин Н. 150
 Уткин Н. И. 83
- Фаворский В. А. 210, 211, 218
 Файнберг С. Е. 192, 227
 «Федерация», изд-во 73, 200, 217, 218
 Федин К. А. 203, 214
 Федоров А. М. 26
 Федоров-Давыдов А. А. 19
 Федорченко С. З. 192
 Феохтистов Е. М. 115, 126, 127, 132,
 133, 134, 154, 158—160, 171
- Феохтистов И. И. 7, 24, 26
 Фет А. А. 35, 136
 Филатов П. 16
 Филатов С. С. 109
 Филиппов Л. И. 35
 Флейшман Л. 227
 Флит А. 203
 Фолян П. М. 221, 223, 226
 Форш О. Д. 191, 194—198, 214, 221
 Фрей Е. 129
 Фрейберг (псевд. П. Вольпогорский)
 П. Р. 15, 24, 27
 Фрейденберг О. М. 201
- Харджиев Н. И. 208, 259
 Харузина В. Н. 24
 Хвостов Н. Б. 24
 Хирьяков А. М. 24
 Хлебников Л. М. 66
 Хмельницкая Т. Ю. 213
 Хомяков А. С. 116, 133—134, 137, 144,
 152, 153
- Цветаев Л. А. 101
 Цветаева А. И. 193, 194
 Цветаева М. И. 191, 193, 194, 197, 259
 Цебрикова М. К. (псевд. — Никол-
 лаева М. К.) 3, 9, 18, 24, 26
 Цедлиц И.-Х. 230
 Цицерон 101
- Чавчавадзе А. Г. 227
 Чеботаревская Ан. Н. 34, 47, 49
 Чеботаревский 143, 144, 149, 153, 161,
 171
 Чебытарев Х. А. 102
 Чекки Э. 258, 259
 Черепнин Н. П. 27
 Черкасов И. П. 81, 108
 Черкасова Е. И. 107, 108
 Чернышевский Н. Г. 117—121, 123,
 128—130, 134, 143, 145, 146, 150,
 157, 159, 162, 164, 168, 183
 Чертков А. Д. 152
 Чертков И. Д. 175, 176
 Ческий И. В. 111
 Четвериков Б. Д. 202
 Чехов А. П. 8, 9, 114, 125—127
 Чижов Ф. В. 147, 150
 Чиковани С. И. 221
 Чириков Е. Н. 27
 Чичерин Б. Н. 159, 161, 162, 166,
 173—176
 Чуковские К. И. и М. Б. 223, 224
 Чуковский К. И. 223
- Шалюгин Г. А. 114
 Шаншиашвили С. И. 221
 Шатилов П. Н. 27

- Шатобриан А., де 99, 236, 245, 252, 253
 Шах-Назаров А. М. 67, 68
 Шаховской А. А. 83
 Шевелев Ф. Я. 30
 Шекспир В. 164
 Шелгунов Н. В. 143, 150, 151, 164, 167
 Шервинский С. В. 192
 Шиль С. Н. 16, 18, 24, 28
 Шишов П. А. 155, 157
 «Шиповник», изд-во 36, 50
 Шитова В. В. 114
 Шишков А. С. 83
 Шкловский В. Б. 208
 Шкушаева И. Д. 237
 Шлецер А.-Л. 91, 92, 104—106
 Шмелев П. С. 26, 27
 Шпеур В. К. 5
 Шопен Ф. 224
 Шопенгауэр А. 34
 Штейн Э. И. 237
 Штейнберг А. З. 57, 58, 61
 Штейнер Р. 51, 65
 Шувалов Павел А. 147, 148, 151
 Шувалов Петр А. 121, 147, 151
 Шумал Р. 34

 Шапов А. П. 136, 137
 Щебальский П. К. 183, 185
 Шеглов-Леонтьев И. Л. 126
 Щепкин Н. М. 138, 141, 164
 Щепкина-Куперник Т. Л. 24, 28
 Щербинин М. П. 119, 120

 Эггерт Е. Э. 72
 Эйгес И. Р. 249
 Эйпштейн К. 258, 259
 Эйхенбаум Б. М. 249
 Элеонора д'Эсте 228
 Элленс Ф. (псевд. Ф. ван Эрменго-ма) 237, 258, 259
 Элюар П. 259
 Энгель 104
 Энгельгардт 112
 Энгельгардт Е. А. 107
 «Эпоха», журнал 140, 157
 Эрберг К. см. Сюннерберг К. А.
 Эренбург И. Г. 237, 257—259
 Эфрон А. С. 193
 Эфрос А. М. 65

 Юдина И. М. 3
 Юматов Н. Н. 187
 «Юная Россия», газ. 17
 «Юная Россия», журнал 4, 17
 Юшкевич А. П. 30

 Языков Д. И. 105
 Яковлев 150

 Яковлев (псевд. — Богучарский) В. Я. 258
 Ямпольский И. Г. 188
 Ямщикова (псевд. — Алтаев) М. В. 22, 23, 25, 26, 28
 Янушкевич А. С. 106
 Яр-Кравченко А. Н. 213, 215
 Яшвили П. 221, 224, 227

 Andrieu J.-M. 237
 Arbour R. 255
 Arcos R. см. Аркос Р.
 Batault J. см. Бато Ж.
 Bosschère J., de см. Бошер Ж., де
 Bourgault-Ducoudray L.-A. см. Бур-го-Дюкудре Л.-А.
 Castetot G. 253
 Châteaubriant A., de см. Шатобриан А., де
 Compère G. 237
 Deniker N. см. Деникер П.
 Dietchy M. 235, 252
 Donchin G. 233
 Dunoyer J.-M. 237
 Géraldy P. см. Лефевр-Жеральди П.
 Goffin R. 259
 Gourmont J., de см. Гурмон Ж., де
 Halpérine E. 253
 Halpérine-Kaminsky N. 253
 Hellens F. см. Элленс Ф.
 Herrmann M.-G. 103
 Jones P. M. 234, 244
 La Chesnais P.-G. см. Ля Шене П.-Ж.
 «La Grande Revue», журнал 255
 Lalou R. 236
 Léautaud P. 237
 Lebois A. 259
 «L'Europe», журнал 236
 «Le Disque Vert», журнал 258, 259
 Manzoni A. 232
 Mercereau A. см. Мерсеро А.
 «Mercure de France», журнал 235, 236, 245, 250
 Meylan P. 237
 Morice Ch. 253
 Nicod M. 237
 Postic M. 237
 Pozziolini L. 228
 Rambosson Y. см. Рамбоссон И.
 Ramuz Ch.-F. см. Рамюз Ш.-Ф.
 Rosini G. см. Розини Дж.
 Royère J. см. Руайер Ж.
 Sadia-Lévy см. Садиа-Левви
 Suarès A. см. Сюарес А.
 Thomann E. 49
 Todd W. M. 81
 Van Bever A. см. Ван Бевеер А.
 «Veridigne», журнал 140
 Wiebeck L. см. Вибек Л.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. М. Юдина, Л. Н. Иванова.</i> Архив Альмедингенов. (Из истории детской журналистики)	3
<i>А. В. Лавров.</i> Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома	29

II. ПУБЛИКАЦИИ

Из неизданной переписки В. А. Жуковского. <i>Публикация Р. В. Иезуитовой</i>	80
<i>А. С. Суворин.</i> Письма к М. Ф. Де-Пуле. <i>Публикация М. Л. Семановой</i>	110
<i>А. М. Скабичевский.</i> Письмо к Л. Н. Майкову. <i>Публикация И. Г. Ямпольского</i>	188
<i>Б. Л. Пастернак.</i> Письма к М. А. Волошину и О. Д. Форш. <i>Публикация Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака</i>	191
<i>Б. Л. Пастернак.</i> Письма к Г. Э. Сорокину. <i>Публикация А. В. Лаврова, Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака</i>	199
<i>Дж. Розини.</i> Письмо к В. А. Жуковскому. <i>Публикация Р. М. Горозовой</i>	228
Французские писатели — корреспонденты М. А. Волошина. <i>Публикация П. Р. Заборова</i>	232
Указатель имен, периодических изданий и учреждений	260

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА на 1979 год

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*. Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректоры *Э. В. Гришина* и *Г. А. Мошкина*

ИБ № 20119

Сдано в набор 15.12.80. Подписано к печати 21.07.81. М-31411. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 17+
+4 вкл. (1/2 печ. л.)=17,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.91. Тираж 25050. Изд. № 7893.
Тип. зак. 2044. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9⁷ линия, 12